ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСТВО

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

АКВИЛОН
2024

CIVILIZATION AND BARBARITY

●

LANDSCAPE BARBARITY

EDITED BY
Vera P. BUDANOVA

CONTRIBUTORS

Marina AYZENSHTAT, Marina BOBKOVA, Vera BUDANOVA
Irina KHORKOVA, Alexander KLEYMEONOV
Vladimir KULAKOV, Margarita KUZ'MINA
Margarita LYUBART, Vladimir NIKISHIN, Valery PETROFF
Anna SAZONOVA, Larisa SELIVANOVA, Larisa SHEPKO
Igor SURIKOV, Larisa TROITSKAYA, Evgeny VDOVCHENKOV

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

●

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В.П. БУДАНОВОЙ

АВТОРЫ

М.П. АЙЗЕНШТАТ, М.С. БОБКОВА, В.П. БУДАНОВА
Е.В. ВДОВЧЕНКОВ, А.А. КЛЕЙМЕНОВ
М.В. КУЗЬМИНА, В.И. КУЛАКОВ
М.К. ЛЮБАРТ, В.О. НИКИШИН, В.В. ПЕТРОВ
А.А. САЗОНОВА, Л.Л. СЕЛИВАНОВА, И.Е. СУРИКОВ
Л.М. ТРОИЦКАЯ, И.В. ХОРЬКОВА, Л.Г. ШЕПКО

CIVILIZATION AND BARBARITY

LANDSCAPE BARBARITY
2024 • ISSUE XIII

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Prof. *Levon H. Abrahamian* (Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia), Prof. *Mikhail V. Bibikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Claire Billen* (Free University of Brussels (ULB), Brussels, Belgium), Prof. *Sabine Jansen* (National conservatory of arts and crafts, Paris, Republic of France), Dr. hab. *Michel Kazanski* (National Centre of Scientific Research (CNRS), Paris, Republic of France), Prof. *Aleksandr V. Koptev* (University of Tampere, Finland), Prof. *Aleksandr A. Maslennikov* (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Maya S. Petrova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Louis E. Primero Rivas* (National Pedagogical University (UPN), Mexico city, Mexican United States), Prof. *Lorina P. Repina* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey J. Saprykin* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation), Prof. *Olga V. Sidorovich* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor.V. Sledzevskiy* (Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Victoria I. Ukolova* (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation), Prof. *Pavel P. Shkarenkov* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Dr. *Jens Shneevajss* (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe at the University of Leipzig (GWZO), Federal Republic of Germany)

Publisher: Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

All materials published in the "Civilization and Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp., Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: https://www.aquilopress.ru

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО

2024 • ВЫПУСК XIII

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Член-корр. НАН РА *Л.А. Абрамян* (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении (НАН РА), Ереван, Армения), д.и.н., проф. *М.В. Бибиков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *К. Биллен* (Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия), проф. *С. Жансен* (Национальная школа искусств и ремесел, Париж, Франция), д.х.и. *М.М. Казанский* (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция), д.и.н., доц. *А.В. Коптев* (Университет Тампере, Финляндия), д.и.н., проф. *А.А. Масленников* (Институт археологии РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *М.С. Петрова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *Л.Э. Примеро Ривас* (Национальный педагогический университет (UPN), Мехико, Мексика), член-корр. РАН *Л.П. Репина* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), д.и.н., проф. *О.В. Сидорович* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д.и.н., проф. *И.В. Следзевский* (Институт Африки РАН), д.и.н., проф. *В.И. Уколова* (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия), д.и.н., проф. *П.П. Шкаренков* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д-р *Й. Шнеевайсс* (Лейбницкий институт истории и культуры Восточной Европы (GWZO) Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия)

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация. 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
сайт: https://www.aquilopress.ru

CIVILIZATION AND BARBARITY

LANDSCAPE BARBARITY

2024 • ISSUE XIII

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Prof. *Marina Ts. Arzakanian* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Alexander S. Balesin* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Mikhail G. Gusakov* (LLC Archaeological Research in the Construction of Moscow, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey A. Vasyutin* (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation), Dr. *Evgeny V. Vdovchenkov* (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Dr. *Olga V. Vorobjova* (executive secretary, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Ivan A. Kopylov* (Centre of Interdisciplinary Studies, Civil Association (Mexico City), Dr. *Anna A. Sazonova* (Moscow, Russian Federation), *Larisa L. Selivanova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor E. Surikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Larisa G. Shepko* (Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation)

Publisher: Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

All materials published in the "Civilization and Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp., Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: https://www.aquilopress.ru

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО

2024• ВЫПУСК XIII

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.и.н., проф. *М.Ц. Арзаканян* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *А.С. Балезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.А. Васютин* (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия), д.и.н., доц. *Е.В. Вдовченков* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия), к.и.н., доц. *О.В. Воробъева* (ответственный секретарь, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), к.и.н. *М.Г. Гусаков* (ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы. Москва, Россия), д.и.н. *И.А. Копылов* (Центр Междисциплинарных исследований, Гражданская ассоциация (Мехико), к.и.н. *А.А. Сазонова* (Москва, Россия), *Л.Л. Селиванова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *Л.Г. Шепко* (Донецкий государственный университет, Донецк, Россия)

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация. 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
сайт: https://www.aquilopress.ru

УДК 9.94
ББК 63.3
Ц 579

Рецензенты
доктор исторических наук Ю.Е. Арнаутова
доктор философских наук И.И. Блауберг
кандидат географических наук А.А. Герцен

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО (Коллективная монография) / Авторы: М.П. Айзенштат, М.С. Бобкова, В.П. Буданова, Е.В. Вдовченков, А.А. Клейменов, М.В. Кузьмина, В.И. Кулаков, М.К. Любарт, В.О. Никишин, В.В. Петров, А.А. Сазонова, Л.Л. Селиванова, И.Е. Суриков, Л.М. Троицкая, И.В. Хорькова, Л.Г. Шепко / Под общей редакцией В.П. Будановой. М.: Аквилон, 2024. — 384 с.
(ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО. [Вып. XIII]; изд. с 2012 г. / Глав. ред. В.П. Буданова)

На материале исторических источников в широком географическом и хронологическом контексте рассматривается роль природного фактора в истории варваров. В комплексном междисциплинарном подходе выделены различные проявления ландшафтного варварства. Авторы представили взаимосвязь варваров с природно-географической (включая климат) средой обитания как зависимость, адаптацию и воздействие человека на природу в процессе возникновения, оформления и преодоления варварства. — Какое влияние среды обитания «питает» варварство? Оцивилизовывание варвара происходит несмотря на природные преграды или вопреки им?

Научное издание

ISBN 978–5–6052889–3–0
ISSN 2307–7794

АКВИЛОН

© Институт всеобщей истории РАН, 2024
© Цивилизация и варварство, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© Издательство «Аквилон», 2024

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь

Фелипе Фернандес-Арместо

На обложке

Эдвард Берн-Джонс. Колесо Фортуны. XIX век

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО

ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ИСТОРИИ ВАРВАРОВ

Сегодня глобальный ценностный кризис цивилизации обозначил нарастающую тенденцию социально-исторической реанимации варварства. Опасность критического столкновения между цивилизацией и варварством все более очевидна. Их противостояние становится агрессивным, стремительно демонстрируя различные формы насилия и варварства. Физическое, вербальное, открытое, латентное, контрарное, гендерное варварство поднимается до беспрецедентных высот. Впервые в истории вызов варварства принимает смертельно опасный характер. Не так много деяний человека, которые вызывали бы такую эмоциональную реакцию, как «возрождение» варварства. Обсуждение практически всех случаев проявления злонамеренного действия сосредоточены вокруг вопроса — как варварство появляется и как его преодолеть. Поведение человека при этом определяется контекстом конкретной ситуации, в которой он оказывается, а также теми качествами, эмоциями и склонностями, которые он демонстрирует в этой ситуации.

Современные исследователи, затрагивающие проблему варварства, соглашаются с античными греками в том, что варварство — это состояние, не «обработанное» гармоничным общественным устройством. Допускается, что оно определяется внешними (окружающая обстановка, когнитивные переменные), а также внутренними факторами, отражающими характерные черты и склонности конкретного человека[1]. Однако трудноуловимому природно-географическому компоненту формирования агрессивных злонамеренных действий внимания уделяется по-прежнему недостаточно. Географический ландшафт с его рельефом, климатом, гидрологической характеристикой местности, почвой, растительностью и животным миром образует с человеком взаимосвязанное и взаимообусловленное единство, разорвать которое невозможно. Природно-географическая среда обитания (лесная, степная, речная, морская, высокогорье), связана с образом жизни человека, с его стремлением постоянно менять окружающий природный мир, покоряя и приспосабливая к своим потребностям. Но в процессе этих преобразований в чело-

---

[1] *Zillmann D.* 1979; 1988, 51–64; *Bandura A.* 1986; *Berkowitz L.* 1989, 59–73.

веке зачастую прорываются агрессивные деструктивные начала, склонность к насилию, злодейству и варварству. *Ландшафтное варварство — это оценочная характеристика бесчеловечного, дикого поведения, враждебного, злонамеренного действия, жестокого, злобного поступка, побуждаемого взаимосвязью природы и человека, человека и природы в условиях и состоянии природно-географической среды обитания.*

Действие природного фактора и окружающей среды создают природно-климатические условия выживания и там, где природно-географическая реальность не предоставляет в силу разных причин достаточного количества ресурсов, складывается общество, дополняющие скудные ресурсы войной и разбоем. Кочевой мир степных и пустынных ландшафтов, также, как и лесной, где жили оседлые народы, порождал особые отличия проявления *зло-действа*. Цивилизация, преображая природную среду обитания, форматируя ее под себя при помощи инфраструктуры, техники и технологий, создавала городские пространства с их шумом и теснотой. Горожанин вынужден был быстро ориентироваться в постоянно меняющихся условиях жизни, где сильнее действовали правила социального поведения, правовой и иерархической системы отношений. Зачастую город становился главным ретранслятором варварства. Разумеется, несмотря на разные способы освоения мира, в самых разных географических обстоятельствах, агрессия всегда оставалось одной из форм социального поведения. Злонамеренные действия всегда были направлены, прежде всего, против человека и человечности.

Воздействие природно-географического компонента не всегда выражено непосредственно и открыто. Среди исследователей нет абсолютной уверенности, что климатические условия могут вызывать или усиливать враждебное противостояние цивилизации и варварства. Также не все разделяют и считают правомерным утверждение, что природно-географическая среда обитания оказывает чрезвычайно сильное влияние на мотивацию агрессивного злонамеренного поведения человека, определяя ее. Человек может продемонстрировать варварство в любом географическом пространстве, но почему-то одна природная среда может быть для этого более благоприятной, а другая нет. Какие влияния среды обитания «питают» варварство? Что происходит с варваром, который начинал свое зло-действо в одном природном окружении, в одной среде обитания, а заканчивал совсем в другом? Какое воздействие на склонность к проявлению злобы и ярости варварского поведения могут оказывать температура воздуха, скудные водные ресурсы, степень изолированности и лишение человека возможно-

сти осуществлять какие-либо контакты? Как сказывалась на поведении человека плотность заселения той среды обитания, где он находился, удаленность от речного и морского побережья, от гор и предгорьев? Оцивилизовывание варвара происходит несмотря на природные преграды или вопреки им? На всех этапах истории человек всегда оставался частью географической природной среды обитания, но почему именно в настоящее время проблема опасности разрушительного потенциала природного компонента варварства так остро стоит в ряду актуальных? Найти однозначный ответ на все эти вопросы вряд ли возможно в обозримом будущем и тем более в одной книге, но можно попытаться его хотя бы приблизить.

В XXI в. «возрождение» варварства развивается в парадигме взаимодействия с цивилизацией. Критическое столкновение варварства с цивилизацией становится все более очевидным и агрессивным, демонстрируя различные формы насилия. При этом сокрушительная дегуманизация человека обосновывается некоторыми исследователями, в том числе и географической предопределенностью, которая якобы программирует жестокие, бессмысленные деяния, толкает человека к совершению злодейства, к варварству. В связи с работой по истории варваров обычно возникает вопрос, как складывались отношения человека с окружающей средой. Эта тема по-прежнему является центральной для сторонников «географического детерминизма», которые считают, что физико-географические условия являются решающим фактором, и пренебрегают анализом взаимодействия или обратной связи. Им противостоят «поссибилисты», которые также, исходя из взаимоотношений человека и среды, считают решающим фактором человека. Как известно, географический ландшафт, а именно, рельеф, климат, водный ресурс, почва, растительность и животный мир образуют с человеком взаимообусловленное, взаимосвязанное и взаимопереплетающееся единство, разорвать которое невозможно. Соединенность природно-географической среды обитания (лесная, степная, речная, морская, высокогорье, равнины с прилегающим нагорьем) с образом жизни человека, с его стремлением постоянно менять окружающий природный мир, покоряя и приспосабливая к своим потребностям, прослеживается на всех этапах истории человечества. На мой взгляд, в варваристике подразумевается более сбалансированная точка зрения, согласно которой центральным темой в вопросе взаимоотношения человека и окружающей среды является *экосистема человека*. В процессе преобразований зачастую нарушается экология человека, прорываются агрессивные деструктивные начала, склонность к агрессии, насилию, злодейству

и варварству. В настоящее время опасность разрушительного потенциала ландшафтного варварства остро стоит в ряду актуальных исследовательских задач. Необходимо обратить внимание на участие природно-географического компонента в истории варваров, причастности географических обстоятельств к мотивации агрессивного социального поведения человека и формирования агрессивных злонамеренных действий. Несмотря на разные способы освоения географического пространства, варварство человека всегда оставалось формой социального поведения. На уровне ландшафтов и территорий оно всегда было направлено, прежде всего, против человека и человечности. Пространство можно рассматривать по-разному, оно является многозначным, достаточно гибким понятием и такая гибкость использования требует осторожности.

Актуальность и целесообразность изучения места природного фактора в истории варваров обусловлена потребностью системного анализа деструктивного действия географического детерминизма в процессе исторического становления и преодоления варварства. В процессе системного анализа варварского дискурса исторических нарративов важно обращать внимание на прогностические возможности преодоления экологической валентности варварства. Важно также конкретизировать, как синхронно, так и диахронно, способность варварства мимикрировать в разнообразных условиях природно-социальной среды, демонстрировать возможные комбинации вариабельности, экспрессию непостоянства и неустойчивости, что открывает перспективу потенциальной возможности оцивилизовывания человека.

Варвар — это человек, всеми узами своего существования теснейшим образом связанный с окружающей природой. Эта связь существует буквально во всех сферах его жизнедеятельности — будь то труд или война. История варвара всегда разворачивается в каком-либо природном контексте, который выступает как место действия человека и во многом определяет сам характер этого действия. Но природа не является сценой, где разыгрывается трагедия варварских злодеяний, она может выступать и действующим лицом варварского процесса. *Ландшафтное варварство — это также и метафоричное понятие, характеризующее взаимодействие человека с природным системообразующим фактором, что вызывает прямое или косвенное формирование способностей человека существовать в разных условиях природной среды.* В ходе этого взаимодействия человек или приспосабливается, упорядочивая используемые им ресурсы и меняющиеся условия жизни, в конечном итоге эволюционноисторически выигрывает, приобретая экологическую валентность. Или в силу каких-

либо обстоятельств его диапазон способностей не позволяет справиться. Проявляется агрессия, *зло-действо*, что превращает человека в варвара и ведет к гибельным последствиям. Варваристика проводит актуализированное изучение существа варвара в исторической перспективе всех регионов евразийского континента. Понимая, что эта честолюбивая цель вряд ли когда-либо будет достигнута окончательно, на данном этапе ставится задача определения возможных направлений и структуры междисциплинарных подходов к анализу ландшафтного варварства. Учитывая, что варварство — это приобретенное ситуативное состояние, историки, археологи, лингвисты, психологи, антропологи стремятся обозначить формат причастности и соединенности разных компонентов его «взращивания» в эволюционной перспективе. В ходе исследований анализируется географическое сопровождение истории варваров, интерпретация вариантов ландшафтного участия в процессе варваризации и оцивилизовывания человека.

Слово «ландшафт» вошло в научный дискурс в качестве специфического термина, первоначально используемого художниками. В более широком понимании — это целостный образ территории, характеризующий специфическую взаимосвязь природных и социокультурных форм. Природа существует для человека, иногда «осуществляет насилие» над ним, вводит в тупиковое состояние. Преодолевая «сюрпризы» природы, вторгаясь в ее мир, человек может совершать насилие и агрессивные действия, но при этом его социальная природа может противостоять злобному внеприродному варварскому состоянию. Материальные объекты в тесной пространственной упорядоченности, возникшие в результате трансформации природного ландшафта в связи с появлением человека, создают культурный ландшафт. В настоящее время исследователи считают более целесообразным говорить о природных и культурных элементах ландшафта. В природном, естественном состоянии — это климатические характеристики, особенности географического пространства, формы суши и ее растительного покрова, почвы, гидрологические особенности рек, озер, морей и побережья. В результате адаптации человека к естественной, природной среде, его мобильности, местообитания, этнических особенностей, ландшафт проходит через ряд последовательных форм культурного процесса. Вместе с человеком он проживает определенную историю, в течение которой постепенно меняется, видоизменяя и самого человека. Имеющиеся отрывочные данные письменных источников не позволяют составить в историческом плане целостную картину перемен в человеке, связанных с природными катаклизмами. Адаптивные переходы, темпы

и способы, экологические сценарии, а также взаимосвязи между человеком и природой, ученым еще предстоит оценить дополнительными исследовательскими усилиями.

Возможно, истоки агрессивного поведения следует искать уже в эволюции человека антропогенного периода, когда он сам превращался в движущую силу эволюционно-исторического процесса. К настоящему времени понятие эволюция уже утратило свою жесткую связь с эволюционной теорией Ч. Дарвина. Оно подтверждено и стало фундаментальным в рамках общей теории эволюции[2]. Это разноуровневый процесс, который через чередование катастроф с медленным развитием сочетает развертывание и прерывистое изменение[3]. Эволюционные тенденции имели необратимый характер и касались не только людей, но и физической среды обитания[4]. Окружающие природные условия могли изменить и определить развитие жизни человека, характер и мотивацию его поведения. Не стоит забывать также о том, что человек — существо биологическое, природное, обладающее множеством специфических проявлений. Однако у него помимо биологического начала присутствует и начало социальное. Одновременно он является *разумным* существом (Homo sapiens), *рациональным* (Homo sapiens sapiens), *говорящим* (Homo logens), *играющим* (Homo ludens), *созидающим* (Homo faber) и *действующим* (Homo agens). Изначально он не был таким, но становился им, в том числе обретая способность адаптироваться к окружающей среде в процессе борьбы за удовлетворение жизненных потребностей. Естественная среда обитания изобилует нишами, т.е. условиями, благоприятными для обитания конкретного организма, и любой биологический вид оказывает влияние и взаимодействует со сложившимися условиями. Различное сочетание природных компонентов делает возможным или облегчает удовлетворение витальных потребностей сапиенса и достижение поставленных им каких-либо целей. В узком смысле природные ресурсы представляют первичное, не преобразованное достояние природы: воздух, воду, солнечную энергию, мир диких животных и растений, — само по себе удовлетворяющее потребности человека. В более широком смысле природные ресурсы включают и вещества, силы, условия, соотношения и другие аспекты природы, которые человек преобразует и которые лежат в основе, формируют, воздействуют или входят неотъемлемым

[2] *Дарвин Ч.* 1991; *Моисеев Н.* 1990.

[3] Подробнее об этом см.: *Щапова Ю.Л.* 2010, 61–77.

[4] *Григорьев Г.П.* 1969, 216–227; *Рогинский Я.Я.* 1974, 97–104; *Г.И.* 1981, 216; *Величко А.А.* 1985, 35–45; *Красилов В.А.* 1992.

элементом в сложный комплекс естественных и антропогенных ландшафтов, образующих среду обитания человека.

В антропогенный период, характеризующийся сложным и противоречивым взаимодействием человека и природы, великое разнообразие природно-географической реальности, к примеру, в Европе и Азии, обусловило как отличие, так и сходство условий обитания человека. В это время перемещение людей, их мобильность сдерживалась географическими факторами — лесами, океанами, ледниками. Десять миллионов лет назад территория Европы была покрыта сплошными лесами. Континентальные ледники содержали столько воды, что уровень моря в то время мог быть ниже, чем сегодня, на 100 метров и более. Двигаясь в поиске необходимых для жизни ресурсов, человек осваивал обширные пространства и территории. Исследователи полагают, что приспособление к окружающей среде, как генетическое и фенотипическое свойство, имело не только физиологический, но и культурный характер. При этом культура рассматривается как адаптивная экологическая ниша[5]. Определяющая роль в формировании культуры человека принадлежит культуре природы (по Д.С. Лихачеву). Она выступала посредником между человеком и окружающей средой, главной причиной его успеха в конкурентной борьбе с другими живыми существами и с физической окружающей средой. Происхождение культуры в том или ином регионе не всегда связывают с прибытием новой группы людей. Можно предположить местную эволюцию. Однако вполне вероятно, что, к примеру, в нижнем и среднем палеолите археологические культуры распространялись вместе с человеческими миграциями. И когда в отдельных популяциях физические сходства соединялись с культурными, вероятно предположить наличие некоторых филетических и культурных взаимосвязей. Однако в случае верхнего палеолита и неолита распространение человеческих групп стало проходить легче, расширялись также культурные контакты между популяциями. Кроме того, вероятно и независимое развитие конкретных культурных особенностей с возможным явлением конвергенции, либо в результате усовершенствования, либо вследствие адаптации к некоторым факторам окружающей среды. В этих случаях срабатывала изобретательная способность человека.

География Европы в течение двух последних миллионов лет отличалась от той географии, которая нам сейчас известна. Более того, сами ландшафты, проходя постоянную топографическую эволюцию, претерпевали большие изменения. В период похолодания формирова-

[5] *Facchini F.* 1993, 51–66.

лись лёссы, которые в толщину могли достигать несколько метров. В длительные эрозионные периоды вершины холмов подвергались значительной «полировке». Непрерывно менялась флора и фауна, а в периоды похолодания так называемая «мамонтовая степь» могла простираться на тысячи квадратных километров. При этом по берегам рек тянулись галерейные леса. В периоды умеренного, и даже жаркого, климата, напротив, появлялись более или менее густые леса. Животный мир, населявший эти европейские ландшафты, также не оставался неизменным. В период похолодания здесь можно было встретить мамонтов, зубров, овцебыков, северных оленей, лошадей, шерстистых носорогов, в периоды потепления — оленей, туров, кабанов, косуль. Периоды обледенения и отступления ледников чередовались, продолжительность первых значительно превосходила продолжительность вторых[6]. В Европе, как и в других регионах, имели место значительные климатические колебания: ледниковая шапка то спускалась, то поднималась. Не стоит забывать, что с географической точки зрения Европа всегда представляла собой тупиковый полуостров евразийского континента и некоторые образы европейского ландшафта доисторического периода кочуют из одной статьи в другую[7].

Примерно 0,5 млн лет назад на территории Европы появились первые гоминиды. Доисторического человека, первого европейца (Homo erectus), сменил (ок. 400 тыс. до н.э.) его потомок, «гейдельбергский человек» (Homo heidelbergensis)[8], а в районе 300 тыс. до н.э. — неандерталец, заселивший весь Старый Свет[9]. Среди древних особей, предшественников современного человека, варвара, в строгом значении этого слова, не могло быть, ибо стать варваром мог только человек. Но процесс его становления осуществлялся в ходе длительной эволюции и пока еще был далек от завершения. Палеоантропологи предполагают, что человеческое существо доисторического периода, так называемый «гейдельбергский человек» был биологически приспособлен к жизни в холодном климате. Это помогало ему выживать в период наступления ледников и доминирования холодных температур. По мере продвижения

---

[6] Ледниковый период длился примерно 100 тыс. лет, а межледниковый — 10–15 тыс. лет Подробнее об этом см.: *Depaepe P.* 2009, 56–59.

[7] Так, например, французский исследователь Паскаль Депап сообщает, что с побережья Франции были видны прибрежные скалы Дувра, а понижение уровня моря ледниковыми щитами давало возможность пешком добраться из Франции в Англию (*Depaepe P.* 2009, 56).

[8] *Зубов А.А., Васильев С.В.* 2006, 53–92.

[9] *Хрисанфова Е.Н.* 1997, 18–34; *Вишняцкий Л.Б.* 2010, 25–95.

ледника на юг, воздействию холодных температур подвергались также и неандертальцы, но их телосложение уже было адаптировано к холоду.

В Западной Европе и Центральной Азии передвижения неандертальцев небольшими группами (25-50 чел.) ограничивалось как ледниками, так и горами, но мигрирующие пересекали открытые равнины, двигаясь по речным долинам. Исследователи предполагают умение неандертальцев предвидеть и предопределять свои действия, опираясь на свои т.н. «умственные способности». Утверждают, что время неандертальцев — это эпоха стирания различий в Европе: один единственный тип человека — неандерталец, одна и та же технологическая платформа — Леваллуа, единый культурный фонд — Мустье[10]. На всем лежит отпечаток единообразия, что, кстати, до сих пор вводит в замешательство археологов. На протяжении всей своей истории неандертальцы не переставали «становиться людьми». Эти охотники-собиратели совершали поступки, характерные исключительно для человека (забота и сострадание, похороны покойных, способность к речевому диалогу, использование символов). Биоповеденческий подход, позволил исследователям увидеть, как среда повлияла на физическую внешность неандертальца, как в процессе эволюции взаимопереплетались географические обстоятельства, биология и поведение человека. Климат обусловливал некоторые физические особенности его организма, воздействуя на всю систему поведения. Однако, вряд ли станет возможным в обозримом будущем дать ответ на вопрос — как проявлялось сочувствие, альтруизм и злодейство тех, кто «становился человеком».

Приблизительно 35 тыс. лет назад неандертальцев потрясла настоящая катастрофа — в Европе появился наш предок, кроманьонец (Homo sapiens), который по своим анатомическим параметрам был идентичен современному человеку. Кроманьонцы — первая группа сапиенсов с современной анатомией (Anatomically Modern Humans — AMH). Первая волна распространения современного населения из Африки на Ближний Восток и далее в Европу в целом коррелируется с продвижением ориньякской индустрии с востока на запад Европы. Ориньяк, как первая археологическая культура, носителями которой был человек современного анатомического типа, торжествует на территории Западной и частично Центральной Европы. Лингвисты полагают, что Ориньяк является археологическим выражением единой языковой семьи, но вряд ли индоевропейской принадлежности[11], что распространение Ориньяка

[10] *Григорьев Г.П.* 1987; *Беляева Е.В.* 1998.
[11] *Otte M.* 1997, 74–81.

привело к возникновению мозаики различных языков[12]. С этого времени биологическое развитие стало замедляться, а социальное постепенно ускорялось: членораздельная речь совершенствовалась, отвлеченное мышление становится правилом, появилась одежда, постройки из костей, шкур и растительных материалов. Известно, что неандертальцы проиграли кроманьонцам, и причина этого до сих пор является предметом острых дискуссий. Возможно, после безуспешных попыток найти себе убежище в удаленных районах южной Испании, неандертальцы исчезли в результате какой-то эпидемии, или межплеменных войн, либо проиграв кроманьонцам в конкуренции за рыболовные ресурсы. Нельзя исключить также и то, что их адаптационные возможности были ослаблены чередой непродолжительных, но жестоких периодов резкого похолодания. Может быть, неандертальцы сами обрекли себя на гибель, отказавшись видоизменять свой образ жизни, свое видение мира, подобно гренландским викингам, которые обрекли себя на смерть, отказавшись усвоить экономику эскимосского типа. Нельзя исключать и экологический «вызов», связанный с исчерпанием некоторых природных ресурсов, а также истреблением крупных позвоночных животных.

Примерно 20 тыс. лет назад произошло значительное похолодание, в результате которого север Европы обезлюдел, Северная Африка превратилась в пустыню, ее население двинулось в Европу, принеся свою культуру — Солютре, которая распространилась на Пиренейском полуострове и на юго-западе Франции[13]. Высказывалось предположение, что во время и после максимального похолодания группа солютрейцев из Кантабрии и запада Франции могла добраться до северо-восточного побережья Америки (т.н. «солютрейский контакт»)[14]. «Солютрейское» похолодание оказалось относительно коротким (2-3 тыс. лет), в конце этого периода в юго-западной части Европы появилась одна из самых знаменитых археологических культур — Мадленская[15]. Впоследствии, благодаря отступлению ледника, она распространилась от Испании до Польши[16]. Около 12 тыс. до н.э. произошел великий пере-

[12] *Nichols J.* 2003, 287.

[13] *Depaepe P.* 2009, 56–59.

[14] *Bradley B., Stanford D.* 2004, 459–478; 2006, 704–714. Исследователи подвергают сомнению возможность «солютрейского контакта». Более подробно см.: *Табарев А. В.* 2011; *Straus Lawrence G.* 2000, 219–226.

[15] *Фетисов А.А* 2012а, 188.

[16] Известно, что «великое объединение» Центральной и Западной Европы Мадленом просуществовало недолго. Но мадленское население оставило тысячи произведений искусства (пещеры Альтамира, Ласко), предметы обихода.

ворот в природе. Резкое потепление растопило ледник на севере, на юге в ареале предгорий Ирана и Ирака оно вызвало большую засуху. В горах между Южным Прикаспием и Закавказьем травы выгорали, животные голодали. Часть их уходила вдоль Каспия на север вслед за отступающим ледником. Другие сосредоточивались вокруг водных ресурсов в оазисах, а третьи скитались вокруг стоянок человека. В ситуации уменьшающихся запасов природной пищи, человек учился заниматься земледелием и скотоводством. Он подошел к возможности не только существенно уменьшить свою зависимость от природы, (став сапиенсом, он стремится к этому постоянно), но и перейти к воспроизводству основных продуктов питания. Потребность выживания в новых условиях стимулировала развитие более совершенной техники — микролитов.

Мезолитические сапиенсы — это бродячие охотники, которые в поисках источников пропитания не задерживались долго на одном месте[17]. Людей гнал в неведомые земли не «ветер странствий», а голод, необходимость выжить и нужда. Когда исчезал корм, животные уходили, а вслед за ними шли и люди, ибо они не могли оставаться в лесах, обедневших дичью, в районах засухи, где пищи не хватало, и поэтому устремлялись на новые земли, покидая знакомые места. Зачастую появлялись и «непрошенные гости» переселенцы, согнанные с собственных территорий такими же «искателями нового». И если эти переселенцы оказывались сильней, то уходить приходилось хозяевам. Мезолитические люди обычно селились по берегам рек и озер, закладывая основы для оседлых поселений неолитического времени. Вооруженный луком и стрелами, орудиями с вкладышами, ведущий полуоседлый образ жизни и «легкий на подъем» мезолитический человек уже пытался выделить себя из окружавшего его мира. Менялась тематика наскальных рисунков, где главными становились группы людей, занятых охотой или танцами. Однако мышление мезолитических людей по-прежнему оставалось «нерасчлененным». Кормовая территория, ее животный и растительный мир, действующие стихийные силы и живущий здесь человеческий род — все это мыслилось как единое целое, где люди тождественны с природой.

Охотники и собиратели приспосабливались к умеренному климату и широкому распространению лесов. Археологи подтверждают, что в ходе резких колебаний климата единое пространство Европы распалось на множество культурных традиций. Стоит обратить внимание,

---

См. *Абрамова З.А.* 1971, 53–80; *Любимов Л.Д.* 1971; *Батай Ж.* 1994, 271–308; *Збигнев Х.* 2004, 13–31; *Дэвлет Е.Г.* 2004а; 2004б; *Розенгрен Матс.* 2019, 80–93.

[17] *Фетисов А.А* 2012б, 172–173.

что неолит родился не на европейском континенте, а в специфическом экологическом контексте Ближнего и Среднего Востока, Китая, Мексики, в Андах, новой Гвинее и Африке. Распространение сельского хозяйства за несколько тысячелетий полностью изменило для человека условия жизни, привело к увеличению числа людей, их повышенной мобильности, вызвало первые проявления агрессии по отношению к окружающей среде под воздействием перемещения из средиземноморского региона в более лесистую местность с умеренным климатом. Климатологи подчеркивают влияние ухудшения климата, которое к 6200 г. до н.э. коснулось северного полушария, привело к установлению в Центральной и Западной Европе более холодного и влажного климата[18]. Генетические подходы вновь оживили дискуссию по поводу смены племен в Европе. Опираясь на данные митохондриальной ДНК и хромосомы Y, исследователи склоняются к мысли, что первые земледельцы Европы лишь слегка повлияли на генетическое наследие современных европейцев[19].

Согласно археологическим данным имели место отчетливые передвижения племен. Освоение новых географических ареалов зачастую сопровождалось проявлением агрессии, ярости и варварства. Движение людей было, вероятнее всего, достаточно хаотичным, могло быть вызвано, как случаем, так и осознанными целями. Точные мотивы перемещений нам неизвестны. Возможно, как результат изменившегося климата, исчерпания пищевых ресурсов, конфликта с соседями. Конечно, в масштабе нескольких веков еще нужно выяснить размах этих передвижений и численность передвигавшихся людей. И любая оценка численности европейского населения этого времени будет скорее умозрительной, чем фактологической. Не стоит представлять себе массовые миграции. Речь, скорее всего, может идти об ограниченных передвижениях на протяжении жизни нескольких поколений. Коммуникативные потребности рождали языки с множеством «разговорных кодов». Лингвисты обратили внимание на то, что распространение сельского хозяйства могло радикально снизить лингвистическую пестроту, привести к *первому массовому вымиранию языков*, к появлению более единообразного лингвистического ландшафта[20]. Регулирующий фактор лингвистической дивергенции для человека уже в период неолита зависел от таких переменных величин, как климат и экологическая система. Чем больше экологический риск, тем больше у челове-

[18] *Weninger B. et al.* 2006, 401–420.
[19] *Ammerman A., Pinhasi R., Banffy E.* 2006.
[20] *Nettle D.*1998, 369; 1999, 108.

ка потребность поддерживать более широкую сферу лингвистического взаимодействия. Тогда как экологически благоприятная среда, способствующая надежному выживанию, не являлась стимулом поддержания более широких изначальных связей[21]. По мере накопления знаний человек неолита все меньше отождествлял себя с природой и все больше осознавал свою зависимость от неведомых ему сверхъестественных добрых и злых сил, которые определяли его жизнь. Эпоха неолита сформировала простой и понятный для всех принцип, актуальность которого сохранилась и в начале XXI века: в мире идет извечная борьба доброго и злого начал. Неолитический человек старался умилостивить силы зла и поклонялся добрым силам, как своим защитникам и покровителям. В центре религиозных верований находились силы природы, особенно солнце и земля.

К 4 тыс. до н.э. произошла «революция мобильности» благодаря распространению колесных повозок и домашних лошадей. Открылись широкие культурные горизонты и необозримые пространства перед теми, чья территория проживания ранее ограничивалась поселениями вдоль рек и разделенными прежде ненужными им пастбищами. Первой из таких археологических общностей была Ямная, которая простиралась от низовья Дуная и до Урала[22]. Ярким примером может служить и Андроновская археологическая культура, распространившаяся от Урала до Енисея[23]. Характер культурных общностей, занимавших степные и лесостепные пространства, по-прежнему остается предметом серьезных споров. Встает вопрос о важности экотона как определяющего фактора в формировании этнолингвистических границ, в частности, способствует ли степь, как «развернутая зона», языковому рассеянию и генетическому разнообразию[24]. Жители степных регионов, защищаясь от бедствий, нуждались в гораздо более высоком уровне взаимной коммуникации. В качестве примеров можно назвать культурно-историческую общность Шнуровой керамики в северном поясе Европы от Атлантики до Украины[25], культуру Кубков[26] и Ямную культуру[27].

---

[21] *Campbell L.* 2002, 49–63.

[22] *Плоткин К.М.* 2017, 449.

[23] *Максименков Г.А.* 1978; *Кузьмина Е.Е.* 1986; 1994; 2011; *Бобров В.В.* 2014, 268–278; *Mallory J.P.* 2009, 76–97.

[24] *Anthony D.* 2007; Nichols J. 1992; *Mallory J.P.* 2009, 76–97.

[25] *Крайнов Д.А.* 1972; *Зальцман Э.Б.* 2010; *Кривальцевич Н.Н.* 2011; *Ткач Е.С.* 2015, 52–64; *Wlodarczak P.* 2006; *Haak W. et al.* 2015, 207–211.

[26] *Mallory J.P.* 1997.

[27] *Мерперт Н.Я.* 1978; *Иванова С.В.* 2001; *Кайзер Э.* 2010, 99–120.

В европейском пространстве бронзового века высоко ценились дальние походы и знакомство с экзотическими знаниями. Рассредоточение, которое раньше характеризовали как проникновение технологии в новые места, теперь рассматривается скорее как свидетельство дальних контактов, передачи знаний и распространения социальных институтов, новых религиозных идей и мифов[28]. Бронзовый век сам по себе был периодом, когда поход на чужбину, кем бы он не совершался — отдельными людьми, ремесленниками или отборными военными отрядами, — помогал объединению Евразии, Восточного Средиземноморья и Скандинавии.

Итак, краткий экскурс в первобытную эпоху европейской предыстории показывает тесную взаимосвязь климатических условий с жизнедеятельностью человека. Превращение первобытного образа жизни человека в начальную историческую жизнедеятельность раскрывает процесс проявления «первых шагов» агрессии, жестокости и насилия. Предыстория человечества представляет ландшафтное варварство как уникальный образец (модель) противостояния природы человеку и человека природе. Вырываясь из царства природы, приспосабливаясь к окружающей среде, человек создавал для себя оптимальные условия удовлетворения витальных потребностей. Во-первых, он брал у природной среды материалы и создавал первые орудия труда, которые одновременно становились средством защиты и нападения, орудиями охоты и убийства не только животных, но и себе подобных. Во-вторых, «вызовы» природы принуждали сапиенса находиться в состоянии постоянных передвижений, в процессе которых происходили столкновения с такими же «мигрантами» как он. В конфликтах за территории закладывался потенциал враждебности и насилия, не всякий ландшафт позволял древним племенным сообществам выживать. В-третьих, конечно не стоит связывать появление пестрой лингвистической картины исключительно с «вызовом» природы. И, тем не менее, особенностью «ответа» человека стало активное общение людей, появление языка, в том числе в его агрессивном исполнении. На платформе Лаборатории «Цивилизация и варварство» были представлены разные модели и подходы к исследованию истории варварства. Проблема ландшафтного варварства заявлена впервые, ее можно, нужно и должно развивать, о чем свидетельствуют материалы настоящей книги.

В.П. Буданова

[28] *Kristiansen K., Larsson T.* 2005; *Mallory J.P.* 2009, 76–97.

РАЗДЕЛ I

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО

ПАРАДИГМА ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В.О. Никишин

Мнение, будто физиологические и психологические особенности разных этносов, их повседневный быт, традиции и темперамент, предпочтения в отношении одежды и рациона питания, даже миролюбивый или, напротив, воинственный нрав напрямую зависят от климатических и географических условий, в которых проживают данные этносы, восходит к греческой литературе классического периода. Так, в нескольких вариантах оно присутствует уже в «Истории» Геродота (*Herodot.* I. 142; II. 35; 77; III. 106; IV. 28–29; IX. 122). В историографии подобный взгляд на вещи получил название «климатической теории»[1]. Б. Айзек охарактеризовал её как

> «...географический детерминизм, который позволял греческим и римским авторам описывать чужеземные народы в терминах, обозначающих устойчивые физические и духовные свойства, в свою очередь определяемые климатом и географией»[2].

Впервые в наиболее законченном и развёрнутом виде *климатическая теория* была сформулирована в трактате Псевдо-Гиппократа «О воздухах, водах, местностях»[3], созданном, вероятно, в последней

---

[1] См.: *Trüdinger K.* 1918, 40 ff., 51 ff., 104; *Diller H.* 1934, 57 ff., 118 ff.
[2] *Isaac B.H.* 2004, 503.
[3] *Isaac B.H.* 2004, 10–13. См. также: *Gieseke J.* 2023, 41–42.

четверти V в. до н.э.[4] К примеру, антропологическую характеристику населения Азии автор трактата уверенно ставит в зависимость от климата и географии ареала проживания варваров-азиатов:

> «Всё в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиною всего этого служит умеренность времён года, так как страна расположена в середине восхода солнца к востоку и дальше отодвинута от холода. Она доставляет рост и меру всему больше всех других стран, так как в ней нет ничего, что брало бы верх через силу, но во всём господствует равномерность. И, однако, не везде в Азии всё одинаково. Но местность, расположенная посередине от тепла и холода, самая плодоносная, самая богатая деревьями, самая благорастворённая и наслаждается самыми лучшими водами, небесными и земными, ибо она не слишком сожигается жаром и не сохнет от засух и недостатка вод, а с другой стороны, не угнетается холодом и не становится сырой и мокрой от многих дождей и снега; естественно, что там рождается во благовремении многое, что происходит из семян и что даёт сама земля, плодами чего пользуются люди, делая дикие растения домашними и пересаживая их в надлежащее место. И животные, выращенные там, естественно, процветают, чаще рождают и прекрасно вскармливают, и люди, упитанные, прекраснейшие на вид и по величине величайшие, мало различаются по своему виду и величине. Страна эта, естественно, наиболее приближается к весне, сообразно со своей природою и умеренностью времён года. Но мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе ни у принадлежащих к тому же племени, ни к чуждому, но по необходимости берёт верх наслаждение» (Aer. 12. Здесь и далее пер. В.И. Руднева).

Любопытно, что спустя примерно полтысячелетия Псевдо-Гиппократа опроверг римский поэт Лукан, создавший в VIII книге «Фарсалии» впечатляющий образ суровых и грозных воителей-парфян, которые не страшатся римского оружия (290–305). Как бы то ни было, Псевдо-Гиппократ уверенно делает непреложный вывод: благоприят-

[4] О датировке трактата «О воздухах, водах, местностях» см.: *Куклина И.В.* 1970, 218. О проблеме авторства трактата см.: *Маринович Л.П.* 2006, 27, прим. 49.

ные условия среды обитания отнюдь не способствуют формированию в людях — разумеется, имеются в виду в первую очередь особи мужского пола — мужества и выносливости, не говоря уже о воинственности, но, напротив, приводят к размеренному образу жизни в довольстве и миролюбии, угасанию жизненной активности и деградации мужского темперамента[5].

Традиция, начало которой положил Псевдо-Гиппократ, получила своё продолжение в творчестве Аристотеля:

> «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии» (Pol. 1327 b 24–28. Пер. С.А. Жебелёва).

Спустя два столетия Полибий рассуждал в том же ключе:

> «Природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой-либо иной причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий» (IV. 21. 1–2. Пер. Ф.Г. Мищенко).

В дальнейшем географический детерминизм в сочинениях греческих и римских писателей то угасал, то вновь проявлялся[6], у одних авторов — например, у Посидония[7] — больше, у других — в частности, у Страбона — меньше[8]. К примеру, последний, опираясь на авторитет Платона (Leg. III. 677–679), пишет о существовании с незапамятных времён трёх форм «цивилизованной жизни» (πολιτεία):

---

[5] Любопытно, что аналогичные рассуждения можно встретить в опубликованном в 1748 г. трактате Ш.-Л. Монтескьё «О духе законов» (кн. 17, «Об отношении законов о политическом рабстве к природе климата»).

[6] *Isaac B.H.* 2004, 82–102. По мнению Б. Айзека, Страбон, Цицерон и Цезарь заметно выделяются на общем фоне адептов «климатической теории», поскольку все трое ставили влияние греко-римской культуры на варваров и их образ жизни гораздо выше влияния географии и климата (loc. cit.).

[7] *Хазина А.В.* 2009, 166–167, прим. 25.

[8] *Dihle A.* 1962, 216–217, 228.

> «Первая — на вершинах гор, примитивная и дикая…; вторая развилась по склонам гор… третья образовалась на равнинах» (XIII. 1. 25. Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского).

По мнению Страбона, последняя форма цивилизации «возникла на морском побережье и на островах». И далее:

> «Действительно, бóльшая или меньшая решимость приблизиться к морю заставляет, по-видимому, предполагать также некоторые различия ступени цивилизации и нравов, так же как и доблести и дикости, которые до некоторой степени составляют уже переход к культурной жизни на второй ступени. Но и на этой ступени существуют некоторые различия между дикими, полудикими и цивилизованными людьми. Начиная уже с последних постепенное изменение названий кончается переходом к городским и утончённым нравам соответственно изменению нравов к лучшему вследствие перемен места жительства и образа жизни» (loc. cit.).

В статье, посвящённой этногеографии Страбона, Е.В. Илюшечкина ввела в исторический дискурс концепт metus septentrionalis («страх / ужас перед севером»), включающий разнообразные топосы, стереотипы и клише, связанные с отношением греков и римлян к северным варварам и в первую очередь к кельтам[9]. На определённом этапе это отношение стало резко враждебным. Если для греков возникновение metus septentrionalis было связано с военной агрессией кельтских племён на рубеже IV–III вв. до н.э., кульминацией которой стали нашествие галатов под предводительством Бренна в 279–277 гг. до н.э. и разграбление панэллинского святилища в Дельфах[10], то для римлян датой рождения их metus hostilis по отношению к северным варварам стал разгром Рима сенонами в 390 / 387 г. до н.э.[11]

Характерно, что античные авторы, настроенные враждебно по отношению к воинственным кельтам / галлам, помещали их «прародину» где-то на краю земли (*Liv.* V. 37. 1; *Plut.* Cam. 22). Страбон дважды называет северных варваров «кельтоскифами» (I. 2. 27; XI. 6. 2), словно стремясь таким образом соединить два литературных стереотипа: образ

---

[9] *Илюшечкина Е.В.* 2017, 170.

[10] *Gieseke J.* 2023, 45–47. До этого момента отношение греческих авторов к кельтам было вполне нейтральным, даже порой позитивным (пример Эфора).

[11] *Никишин В.О.* 2018, 322.

врага в лице кельтов (галлов, или галатов) и образ «благородных дикарей» в лице скифов, созданный Эфором и его последователями (см. ниже). Как отмечает Е.В. Илюшечкина,

> «...свойственный прежде литературе республиканского Рима “страх/ужас” перед внешним врагом вытеснен у Страбона и замещён в “Географии” идеей об универсальности римской империи, где власть принцепса, действующего от лица римского народа, распространяется — конечно же, в полном согласии с принципом легитимности — на всё пространство ойкумены, в том числе и на северные территории, а также на населяющие их народы»[12].

Взятый Страбоном на вооружение географический детерминизм отчётливо проявился в его описании Италии, которая

> «...расположена, с одной стороны, среди самых значительных народностей, а с другой — между Грецией и лучшими частями Ливии; она не только приспособлена самой природой к владычеству оттого, что превосходит окружающие страны своими достоинствами и размерами территории, но также в силу своей близости к ним легко может добиваться повиновения» (VI. 4. 1).

Таким образом, то обстоятельство, что Италия самой природой помещена практически в центре «круга земель» (orbis terrarum), по мысли Страбона, предопределило власть Рима над ойкуменой[13].

При описании северных варваров (кельтов, германцев и др.) географ в полной мере использовал достижения разработанной его эллинистическими предшественниками климатической теории. Как констатирует Е.В. Илюшечкина,

> «...прежний, привнесённый извне “страх/ужас” перед северными варварами в качестве политического мотива уступает у Страбона риторическому “удивлению” (admiratio) перед суровым климатом и необычной природой европейского севера. Непрекращающиеся дожди, густые туманы и острая нехватка солнечного света и тепла — доминирующие мотивы при описании северного пространства ойкумены и образа

[12] *Илюшечкина Е.В.* 2017, 176.

[13] О том же пишет и такой выдающийся современник Страбона, как Витрувий (VI. 1. 10–11).

> жизни туземцев. Этот аномальный климат и соответствующий ему убогий ландшафт страны “живущих вблизи холодного пояса” варваров не только определяют стереотипные черты местного населения, но и выполняют роль маркера в изображении севера, а также косвенно отсылают к прошлой потенциальной угрозе для Рима, изначально связанной с краем света»[14].

Даже когда речь не идёт о северных варварах, по определению неприхотливых, суровых и воинственных, географический фактор у Страбона, хоть и несколько отступает на второй план перед таким мощным источником культурного влияния на сельскую округу, как городская жизнь, тем не менее, не исчезает вовсе. Пример — описание географом турдетанов, проживавших на юге римской Иберии:

> «Ведь страна эта по своим природным свойствам не может вместить много городов: по скудости почвы или же вследствие её отдалённости или дикости; образ жизни и занятия жителей (кроме тех, что живут по берегам Нашего моря) не позволяют предполагать чего-либо подобного; ведь жители сельских мест отличаются дикостью (а таких большинство среди иберийцев), и даже сами города не в состоянии легко привить своим жителям цивилизацию в случае, если обитатели лесов там преобладают численно во вред своим соседям [горожанам]» (III. 4. 13).

Здесь, кроме всего прочего, мы сталкиваемся ещё и с экзистенциальным противопоставлением города и деревни: «культурную» (ἥμερος) жизнь горожан Страбон противопоставляет «диким» (ἄγριοι) нравам сельских жителей.

В своё время географическому детерминизму отдал дань и Цицерон[15]. Правда, для него понятие «Азия» носило совершенно иной характер, нежели для Псевдо-Гиппократа: если последний подразумевал под Азией часть света, то Цицерон говорил и писал о римской провинции Азии, расположенной на западе полуострова Малая Азия (совр. Турция) и образованной в 129 г. до н.э. Цицерон назвал Азию «провинцией-развратительницей» (corruptrix provincia) (Qu. fr. I. 1. 19), имея в виду те блага, которые обеспечивались местным жителям — грекам и варварам — как природными условиями (мягкий климат и плодород-

[14] *Илюшечкина Е.В.* 2017, 178.
[15] *Vogt J.* 1963, 83.

ные почвы), так и достижениями цивилизации (обильные ресурсы для производства, широкие возможности для потребления и высокий уровень бытового комфорта). Отсюда, по его мнению, проистекали «испорченные нравы» (depravates mores) (loc. cit.), «распущенность» (luxuries) (Flac. fr. Schol. Bob. II. 1. Ср.: Mur. 12), «легкомыслие» (levitas) (Flac. 37) и другие пороки (flagitia) (Mur. 12) этих самых жителей. Вернее, греков, потому что малоазийские варвары как люди «второго сорта» (Flac. 65; Qu. fr. I. 1. 19) мало интересовали Цицерона в том самом 59 г. до н.э., когда он объяснял своему брату Квинту Цицерону, проконсулу Азии в 61–58 гг. до н.э., как именно тому следует взаимодействовать с многочисленными греческими общинами на территории вверенной ему провинции, или — несколько позже — защищал в суде сенатора-претория Луция Валерия Флакка от обвинений в лихоимстве, которые тому предъявили граждане всё тех же общин[16]. С одной стороны, по мнению Цицерона, Азия — это «прославленная провинция» (clarissima provincia) (Qu. fr. I. 1. 9), поскольку она состоит «из такого рода союзников, который является самым культурным из всего рода человеческого (constat enim ea provincia ex eo genere humanissimum)» (ibid. 6. *Здесь и далее пер. авт.* Ср.: ibid. 42). С другой — как уже было сказано, это «провинция-развратительница», поскольку живут в ней «плохие» греки (Flac. 100).

Да, в представлении Цицерона и, по-видимому, многих его современников Азию населяли «плохие» греки[17]. И в этом, по мнению оратора, была «повинна» география. Дело в том, что побережье, где они издавна проживали, по образному выражению Цицерона, было «как бы пришито к землям варваров (ita barbarorum agris quasi adtexta quaedam videtur ora esse Graeciae)» (Rep. II. 9). Во-первых, сама по себе близость к морю не сулила ничего хорошего. Как писал Платон,

> «...близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и к остальным людям» (Leg. 705 a. Пер. А. Н. Егунова).

[16] *Гриималь П.* 1991, 226.
[17] *Balsdon J.P.V.D.* 1979, 40.

Со времён Платона идея о том, что близость к морю, равно как и мореплавание, способствует порче нравов, укоренилась в античной философской традиции[18], и Цицерон не мог этого не знать. Во-вторых, малоазийские греки веками жили по соседству с варварами; наконец, они находились в политическом подчинении у пергамских царей: оратор назвал это «многолетним рабством» (diuturna servitus) (Qu. fr. I. 1. 16). Все эти обстоятельства и обусловили худшие качества проживавших в Азии греков, которые роднили их с варварами.

Среди этих качеств были «легкомыслие» (levitas) (Flac. 71. Ср.: ibid. 9; 19; 24; 66; Qu. fr. I. 1. 16; Fam. III. 10. 7), «распущенность» (luxuria, вариант luxuries) (Flac. 71), «непостоянство» (inconstantia) (ibid. 66) и «алчность» (cupiditas) (loc. cit.). По мнению Цицерона, малоазийские греки лживы (fallaces) (Qu. fr. I. 1. 16) и «привычны к чрезмерной угодливости (ad nimiam assentationem eruditi)» (loc. cit. Ср.: Qu. fr. I. 2. 4), так что даже в дружбе на них нельзя положиться (neque tam fideles sunt) (Qu. fr. I. 1. 16). К тому же они ещё и наглые (impudentes) (Flac. 9). В противоположность тому, что Цицерон сам утверждал о культуре и образованности греков (видимо, тогда он, отдавая дань *филэллинизму,* оценивал всех греков вообще, не деля их на «хороших» и «плохих»), малоазийских греков он считал невежественными (inliterati) (loc. cit.), неотёсанными и чуждыми какой бы то ни было утончённости и изысканности вкусов (minime politae minimeque elegantes sunt) (Orat. 25). Наконец, самое скверное: в большинстве своём они плохо относились к римлянам (Flac. 19; 61). Одним словом, оратор даёт малоазийским грекам крайне негативную характеристику и говорит о них с особым пренебрежением (Fam. XIII. 1. 4-5). Правда, он признаёт, что даже среди этих греков возможны счастливые исключения (Verr. II. 1. 63; Flac. 71; Qu. fr. I. 1. 16), и, кроме того, как опытный политик и адвокат, рекомендует брату со всеми ними «обходиться ласково (liberaliter), лучших же привлекать гостеприимством и дружеским обхождением (hospitio amicitiaque)» (Qu. fr. I. 1. 16. Ср.: Qu. fr. I. 2. 4). Безусловно, во всех этих суждениях слишком много предвзятого и конъюнктурного, чтобы принимать все сентенции Цицерона за чистую монету, однако показателен тот факт, что все негативные качества малоазийских греков он объясняет с помощью всё той же «климатической теории».

Вернёмся к Псевдо-Гиппократу, который в своём трактате последовательно ставит все антропологические характеристики в прямую зависимость от действия природных факторов:

[18] *Иванчик А.И.* 1999, 39.

> «Относительно земли дело обстоит так же, как и относительно людей. В самом деле, где времена года производят весьма большие и весьма частые перемены, там и местность является весьма дикой и весьма неравномерной, и в ней ты можешь найти весьма многие и заросшие горы, а также поля и луга. Но где времена года не слишком разнообразны, там и страна эта бывает весьма равномерна. Так же дело обстоит и по отношению к людям, если кто обратит внимание на это. Действительно, есть некоторые натуры, похожие на места гористые, лесистые и водянистые, а другие — на места голые и безводные; некоторые носят натуру лугов и озер, а некоторые подходят к природе равнины и мест обнажённых и сухих, ибо времена года, которые разнообразят природу внешних образов, различаются между собою; и если между собою они окажутся многоразличными, то произведут разнообразные и многочисленные формы людей» (Aer. 13).

Наконец, этот, по мнению М.И. Ростовцева[19], внимательный наблюдатель и вдумчивый аналитик переходит непосредственно к причинам различий в темпераменте между европейцами и азиатами:

> «Что же касается вялости духа и трусости, то наибольшей причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы, естественно, грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда всё остаётся в одном и том же состоянии. В самом деле, перемены всего сильнее возбуждают ум человека и не позволяют оставаться в покое. Вот по этим-то причинам, кажется мне, народ азиатский лишён всякого мужества, а кроме того и по причине их законов, ибо бóльшая часть Азии

[19] *Ростовцев М.И.* 1925, 22. Спустя полвека в отечественном антиковедении возобладало мнение, согласно которому, автор трактата все приведённые им этнографические сведения почерпнул у своих предшественников (*Куклина И.В.* 1970, 226). Как отмечает И.В. Куклина, «автор трактата не сообщил ничего нового о скифах, за исключением разве того факта, что повозки у скифов бывают четырёх- и шестиколёсные. Всё остальное гораздо подробнее можно найти у Геродота» (там же, 228).

управляется властью царей (как здесь не вспомнить приведённые выше слова Цицерона о «многолетнем рабстве», diuturna servitus малоазийских греков! — *В. Н.*). А там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне. […] При этом по необходимости земля у таких людей остается необработанною как по причине нашествия врагов, так и вследствие беспечности их самих; так что даже если кто по природе будет храбрым и мужественным, законы отвратят его от этого. Великим доказательством этого служит то, что все те греки и варвары Азии, которые вовсе не подчинены государям, а свободны и трудятся сами для себя, являются воинственнейшими из всех, ибо они подвергаются опасностям для самих себя и как получают награду за храбрость, так несут наказание за трусость» (ibid. 16).

Так Псевдо-Гиппократ вплотную подошёл к описанию обычаев и нравов тех самых скифов, к которым столь неравнодушны были греческие авторы, начиная с Гомера, логографов и Геродота, посвятившего скифам бóльшую часть IV книги своей «Истории», и заканчивая Эфором и Страбоном. Псевдо-Гиппократ пишет о скифах, их повседневном быте, традициях и темпераменте, используя сведения своих предшественников (включая Геродота), но через призму географического детерминизма:

«Пустыня, названная скифской, расположена на равнине и изобилует лугами, безлесна, в меру снабжена водой, ибо великие реки выносят воду из равнины. Там живут скифы, называют же их номадами, потому что они не имеют никаких домов, а живут в повозках. Самые малые повозки на четырёх колёсах, а остальные — на шести; сверху они обтянуты войлоком, но есть и сделанные наподобие домов, одни двойные, а другие тройные; они же служат защитой от дождя, снега и ветров. Повозки эти тянут две пары, а иные три пары безрогих быков (рогов они не имеют вследствие холода). В этих повозках проводят жизнь женщины с детьми, а сами мужчины едут на лошадях. За ними следуют стада овец, коровы и лошади. На одном месте останавливаются столько времени, пока для их скота достаточно будет корма, а когда последнего недостаёт, тогда переселяются в другую

страну. Сами они питаются варёным мясом, пьют кобылье молоко и едят гиппаку (это есть конский сыр). Таков образ их жизни и обычаи» (Aer. 18).

И далее:

«Густой туман обнимает целый день поля, на которых живут скифы, так что у них почти непрерывная зима, а лето лишь в самые немногие дни и в те не очень жаркое, ибо равнина у них возвышенная, голая и не опоясана горами, но наклонна со стороны севера. Здесь и звери небольшие, но рождаются такими, что могут скрываться под землёю, ибо зима и обнажённость земли препятствуют им иметь какое-либо убежище и кров. Перемены времён года не велики и не сильны, но сходны и мало отличаются друг от друга; вследствие этого и люди имеют вид, схожий между собой. Они пользуются всегда одинаковой пищей, зимою и летом одеты в одну и ту же одежду, вдыхают воздух сырой и густой, пьют воды из снегов и льда и не пользуются никакими телесными упражнениями, ибо не могут ни тело, ни дух упражняться там, где не происходят сильные перемены» (Aer. 19).

Вот почему скифы отличаются корпулентностью, они толсты и мясисты, причём их мужчины похожи на женщин (loc. cit). Физиологические особенности скифов обусловлены малоподвижным образом жизни (ibid. 21).

По мнению Псевдо-Гиппократа, образ жизни, во многом сформированный средой обитания, повлиял и на темперамент, привычки, доминирующую манеру поведения скифов:

«То же самое рассуждение относится и к нравам: грубость, дикость и отвага возникают в такой же природе, ибо частые возбуждения ума производят грубость нравов и, напротив, притупляют кротость и мягкость. Поэтому я считаю населяющих Европу более мужественными, чем азиатов, ибо равномерность вещей производит леность, а разнообразие возбуждает тело и душу к труду. И от покоя и лености возрастает трусость, а от упражнения и трудов — храбрость. По этой именно причине жители Европы воинственны, а также и благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты. Где подчиняются царям, там необходимо людям быть самыми боязливыми, о чем сказано нами преж-

де, ибо души, попадая в рабство, не желают добровольно подвергать себя опасности за чужую власть понапрасну. А которые живут по своим законам, те подвергаются опасностям для себя, а не для других, и они охотно по своей воле идут навстречу опасности, так как награду за победу получают сами. Таким образом, очевидно, что законы немало значат для величия духа» (Aer. 23).

Примечательно, что античные авторы не относили *всецело и полностью* образ жизни и темперамент представителей более или менее крупных этнокультурных общностей за счёт климата и ландшафта, в которых они жили, признавая также роль и значение законов и социально-политической организации в жизни этих общностей. В конечном итоге, насколько можно судить, в представлении греческих и римских интеллектуалов природно-экологические и социально-политические факторы каждый со своей стороны оказывают определяющее воздействие на формирование того многослойного исторического феномена, который в наши дни принято называть «национальным характером»[20].

Итак, впервые в истории человеческой мысли Псевдо-Гиппократ чётко и внятно сформулировал парадигму ландшафтного варварства:

«Те, которые населяют страну горную, неровную, высокую и снабжённую водой, где времена года весьма различаются и формы людей, естественно, становятся большими, от природы бывают рождены как для труда, так и для храбрости. Но дикими и зверскими нравами натуры этого рода одарены не в малой степени. Те же, которые населяют долины, обильные травою и удушливые, и которые обвеваются более ветрами тёплыми, чем холодными, и употребляют тёплые воды, эти не могут быть, конечно, высокими и пропорционально сложёнными; они от природы протягиваются в ширину, отличаются телом мясистым и чёрными волосами, цветом более чёрным, чем белым, и менее слизисты, чем желчны. Но храбрость и выносливость в трудах не одинаково даны их душе от природы; это довершает вмешательство закона. […] Те, которые населяют страну высокую, ровную, обвеваемую ветрами и обильную водами, те отличаются огромным внешним видом тела, похожи между собою, с духом немужественным и кротким. Но те, которые занимают тощие и су-

[20] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* 2006, 27–28.

хие места, лишённые воды и обнажённые, и не имеют умеренных перемен времён года, естественно, отличаются грубым и крепким видом тела и цветом скорее светлым, чем чёрным; по нравам и стремлениям духа они самолюбивы, горды и упорно держатся принятого мнения, ибо где перемены в погоде и весьма часты и многоразличны между собою, там ты можешь найти и формы, и нравы, и натуры, во многом различные. Итак, вот важнейшие причины природных изменений, а кроме них также сама страна, в которой кто-либо воспитывается, и воды, ибо ты найдешь, что большею частью формы людей и нравы отражают природу страны. В самом деле, где земля жирная, мягкая и содержит много влаги, воды же расположены на очень возвышенном месте, так что летом они тёплые, а зимою холодные, и времена года хороши, там люди мясисты, нерасчленены, сырые, неспособные переносить труды и в большинстве случаев слабой души. Также кажутся они вялыми и сонливыми, и в искусствах они неуклюжи, не имеют тонкости и остроты. Но где страна голая, безводная, неровная и если она угнетается холодом и печётся солнцем, там увидишь ты людей твёрдых, тощих, с хорошо расчленённым телом, сильных и волосатых и таких, которые от природы энергичны и бодры для деятельности. Нравы же они имеют гордые, упорные и более причастные к дикости, чем к мягкости; ты заметишь также, что эти люди для искусств острее и способнее и более годны для ведения военных дел» (Aer. 24).

В итоге мы получаем следующую закономерность: суровые условия среды обитания, такие как низкие температуры зимой и палящий зной летом, гористый рельеф, отсутствие полноводных рек и лишённые плодородия каменистые почвы, благоприятствуют формированию этноса, отличительными особенностями которого являются неукротимое мужество в бою, беспримерная выносливость, физическая сила и исключительная воинственность. Такими в описании античных авторов предстают скифы и т.н. *северные варвары* — кельты/галлы, германцы и британцы[21]. В противопоставлении суровых и воинственных горцев мягким и миролюбивым жителям равнин Б. Айзек усматривает зарождение элементов проторасизма[22].

[21] См.: *Никишин В.О.* 2021, 172 слл.

[22] *Isaac B.H.* 2004, 410. Для греков понятие «варвары» было гомогенным лишь

Греческим и латинским авторам конца Республики — начала Империи, таким как Цезарь, Цицерон, Витрувий, Страбон, Плиний Старший и Тацит, не надо было самим выстраивать зависимость быта и нравов разных народов и племён от географических и климатических условий их обитания; они легко могли воспользоваться — и активно пользовались — трудами своих эллинистических предшественников, за несколько веков создавших весьма представительную и авторитетную традицию этногеографических описаний[23]. Так, Витрувий, в значительной степени повторяя идеи Псевдо-Гиппократа, утверждает, что

> «...в странах холодных, из-за отдалённости их от юга, влага не испаряется жарою, но идущий с неба росистый воздух, вливая в тела влагу, создаёт более крупное телосложение, а звук голоса более низкий. От этого же и племена, живущие на севере, бывают огромного роста, белотелы, с прямыми и русыми волосами, светлоглазы и полнокровны, так как сложение их определяется обилием влаги и холодом климата» (VI. 1. 3. Здесь и далее пер. Ф. А. Петровского).

Соответственно,

> «...полуденные народы, обладая из-за зноя острым умом, легче и быстрее соображают и принимают решения; у северных же племён, окутанных густым воздухом неба, ум, охлаждённый влагою из-за сопротивления воздуха, цепенеет» (ibid. 8).

Уже не раз упомянутый нами Страбон со слов историка и географа Аристобула пишет следующее:

> «Во всяком случае он (Аристобул. — *В. Н.*) говорит, что посланный с каким-то поручением он видел страну с более чем

с формально-идеологической стороны, поскольку греческие авторы со времён Геродота прекрасно осознавали, какие огромные различия в культурном плане существовали, к примеру, между кельтами и египтянами (*Timpe D.* 2000, 214–215). Как результат, в греческой литературной традиции описания «примитивных» варваров севера и запада резко контрастировали с описаниями «культурных» варваров юга и востока (*Dobesch G.* 1995, 8).

[23] Этому вопросу посвящены классические фундаментальные труды европейских антиковедов: *Trüdinger K.* 1918; Grecs et Barbares. Six exposes et discussions par H. Schwabl, H. Diller, O. Reverdin, W. Peremans, H. C. Baldry, A. Dihle. Vandoeuvres-Geneve 4–9 Septembre 1961 / Fondation Hardt pour l'Etude de l'Antiquité Classique. Entretiens sur l'Antiquité Classique. 8. Geneve, 1962; *Müller K.E.* 1972–1980.

> тысячью городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив своё прежнее русло и повернув налево в другое русло, гораздо более глубокое, стремительно течёт, низвергаясь подобно катаракту; поэтому оставленная справа область уже более не обводняется разливом реки, так как она лежит теперь не только выше нового русла, но и выше уровня воды во время разлива» (XV. 1. 19).

Этот небольшой пассаж позволяет предположить, что одним из факторов, которые привели к гибели Индскую цивилизацию, стал природно-экологический. В другом месте Страбон пишет об Августе:

> «Себе он оставил те области, где необходима для охраны военная сила (это были такие же варварские и соседние с ещё не покорёнными племенами области или же бесплодные и неудобные для обработки земли; поэтому жители этих областей при недостатке во всём, имея, однако, множество укреплений, пытаются сбросить иго и проявляют неповиновение); народу[24] же он передал остальные земли, поскольку это были миролюбивые страны, которыми легко управлять без военной силы» (XVII. 3. 25).

Здесь автор однозначно увязывает миролюбие и, напротив, воинственность населения с условиями той среды обитания, в которой данное население проживало.

В самом деле, по мнению географа, все горцы отличаются воинственностью, тогда как жители равнин — напротив, миролюбием (II. 5. 26; IV. 6. 4; V. 2. 7; XVI. 2. 18). Любопытно, что, как считал Страбон, даже самые неблагоприятные природно-климатические условия можно преодолеть благодаря культуре. Вот, к примеру, что он пишет о таких разных ландшафтах Европы:

> «Из обитаемых частей Европы холодная и гористая области представляют природные трудности для жизни, однако даже бедные области, прежде населённые лишь разбойниками, становятся культурными, как только получают хороших правителей. Например, хотя греки и населяли гористые и скалистые области, однако жили счастливо, заботились о государственных учреждениях, об искусствах и вообще о жизненной мудрости. Римляне, подчинив своему владычеству много

[24] Читай: сенату.

> племён от природы диких в силу условий местностей, потому что это были скалистые местности, лишённые гаваней, холодные или по какой-либо другой причине неудобные для обитания большой массы населения, таким образом не только заставили народы, до сих пор разобщённые, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни. Вся равнинная часть Европы, расположенная в умеренном климате, находит в природе в этом смысле помощницу; но так как в стране, наделённой природными благами, население миролюбиво, а в бедной стране, напротив, всё служит тому, чтобы сделать людей воинственными и храбрыми, то оба эти рода стран получают взаимные выгоды, ибо последние помогают оружием, а первые земледельческими продуктами, искусствами и воспитанием характера» (II. 5. 26).

Страбону вторит его старший современник Цицерон (Leg. agr. II. 95–96; Prov. cons. 29; Div. I. 93–94; II. 96–97; Rep. II. 7–9; Nat. deor. II. 17; 42–43; Fat. 7–9). Принцип *«географического детерминизма»* наиболее отчётливо сформулирован им следующим образом:

> «Нравы людей определяются не столько их происхождением и их кровью, сколько всем тем, что сама природа предоставляет нам для нашей повседневной жизни, — тем, чем мы питаемся и благодаря чему мы существуем» (Leg. agr. II. 95. Пер. В.О. Горенштейна).

Однако «дикую» жизнь можно «облагородить» культурой:

> «Между нашей жизнью, утончённой и облагороженной, и прежней, дикой, главным различием является власть законов или господство силы: прибегать к силе мы не хотим, законами же руководствоваться следует» (Sest. 92. Пер. В.О. Горенштейна).

Чем дальше от влияния греко-римской цивилизации находится тот или иной народ, тем более «варварским», т.е. лишённым культуры в греко-римском понимании этого слова он является. Пример — Индия в представлении Цицерона[25], для которого это была страна, располо-

[25] Та Индия, о которой писали античные авторы со времён Геродота, в большинстве случаев ограничивалась территорией на северо-западе субконтинента; ныне это Пакистан и часть Афганистана (*Karttunen K.* 1989, 231). О представлениях греческих и римских писателей об Индии см.: *Dihle A.* 1964, 15 слл.

женная на краю света (extrema India) (Verr. II. 5. 166), соответственно, далёкая от культуры (vasta) и «дикая» (agrestis) (Tusc. V. 77). Хотя среди индийцев, по мнению оратора, можно найти «разумных» людей (prudentes) (Rep. II. 67), тем не менее, все они варвары (Verr. II. 5. 166; Div. I. 47; Tusc. V. 77). Поэтому даже прославленный в греческой литературной традиции мудрец Калан для Цицерона был всего лишь «неучёным варваром» (indoctus ac barbarus) (Tusc. II. 52).

Помимо эллинов и варваров, античные писатели знали ещё и «полуварваров» — представителей «смешанных» этнокультурных и этнолингвистических общностей, таких как галаты (они же галлогреки), александрийцы или боспораны. Так, Геродот повествует о каллипидах, или эллино-скифах (они же миксэллины), проживавших в окрестностях Ольвии (IV. 17). Все эти «смешанные» общности представляли собой своего рода промежуточную стадию между античной цивилизацией и варварским миром. Здесь жизненная практика пришла в противоречие с «кабинетной» теорией, поскольку такая категория, как «полуварвары» (semibarbaroi), в силу своего довольно неопределённого характера совершенно не вмещалась в прокрустово ложе традиционной парадигмы «эллины — варвары». В этом отношении показателен пример Страбона. Так, с одной стороны, он утверждает, что существуют только эллины и варвары, а «смешанных» племён и народов нет и быть не может (XIV. 5. 25). С другой — в целом ряде случаев он сам себя опровергает (III. 4. 8; XIV. 1. 38; XVI. 2. 38; XVII. 1. 12), будучи не в состоянии согласовать практику с теорией. Любопытную характеристику «полуварваров» даёт Ливий (XXXVIII. 17. 9–20). В целом же на основании суждений, высказанных по этому поводу Цицероном, Ливием и Страбоном, можно с уверенностью утверждать, что, по мнению этих авторов, всякое «смешение» вело к деградации народа, терявшего свою самобытность, будь то греки, македоняне или галлы. Очевидно, именно этим соображением было обусловлено крайне негативное отношение, в частности, Цицерона, Ливия и Страбона к «полуварварам», которые, с их точки зрения, утеряв достоинства и греков, и варваров, сохранили лишь их недостатки. Что же касается македонян, которых греки некогда относили то к варварам, то к «полуварварам», следует отметить, что после покорения ими Греции они de facto поднялись на абсолютно самодостаточную высоту, «формально» не относясь ни к эллинам, ни к варварам. Впоследствии аналогичного «статуса» добились победители греков и македонян — римляне.

В литературной традиции, так или иначе связанной с парадигмой ландшафтного варварства, имеется и несколько экзотический «пират-

ский» сюжет. Как известно, пиратство в римском Средиземноморье достигло своего расцвета на рубеже II–I вв. до н.э. Пираты контролировали множество портов, располагали более чем тысячей кораблей и имели сотни баз по всему Средиземному морю (*Plut.* Pomp. 24). В итоге, как пишет Плутарх,

> «...могущество пиратов распространилось почти что на всё Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли» (ibid. 25. Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского. Ср.: *Cic.* Leg. Manil. 32–33).

Римские власти на протяжении длительного времени либо вообще не боролись с этим злом, либо делали это крайне неэффективно и без особых успехов. Наиболее громкой славой в регионе пользовались киликийские пираты, чьи логова прятались среди скал Суровой Киликии (*App.* Mithr. 92). Хотя пиратские базы находились не только на территории Киликии, но и в Ликии, Памфилии и на Крите, словосочетание «киликийские пираты» стало настолько расхожим, что превратилось в своего рода литературный штамп (*Strabo.* XIV. V. 2; *App.* Mithr. 92; *Plut.* Pomp. 24).

Наиболее мощный и эффективный удар по пиратским эскадрам и их базам нанёс в 67 г. до н.э. Гней Помпей Магн, получивший на основании закона Габиния экстраординарный империй с чрезвычайными полномочиями. Под его командование перешло всё Средиземное море и прибрежные районы примерно на 75 км вглубь материка. Кроме того, он получил неограниченные средства, право осуществлять набор войск и флот из 500 кораблей. За несколько недель Помпею удалось победить пиратов и восстановить безопасность в бассейне Средиземного моря (*Cic.* Leg. Manil. 34–35; Flac. 29; *App.* Mithr. 95; *Vell.* II. 32. 4–5; *Flor.* I. 41. 15; *Strabo.* XIV. 3. 3). Стоит отметить, что не все пиратские сообщества подвергались беспощадному уничтожению; сдавшихся на милость победителя пиратов Помпей расселял по городам и весям, щедро раздавая им земельные наделы (*Cic.* Leg. Manil. 35; *Liv.* Per. 99; *App.* Mithr. 96; 115; *Flor.* I. 41. 15; *Strabo.* VIII. 7. 5; XIV. 3. 3; 5. 8; *Serv.* Ad Georg. IV. 127). В источниках и историографии эта политика Помпея расценивается как мудрая и гуманная[26]. Впрочем, для полноты картины заметим, что кое-кто из современников и потомков осуждал Помпея за подобный «либерализм» (*Plut.* Pomp. 29; *Vell.* II. 32. 6; *Lucan.* I. 346).

[26] *Reardon G.D.* 1997, 205, n. 350.

Абсолютно неожиданным и на первый взгляд совершенно невероятным является то, что Помпей, человек довольно жёсткий и вроде бы далёкий от каких бы то ни было сентиментов, решил бороться с пиратством не только посредством суровых расправ, но и иными, более гуманными, методами: так, по словам Веллея Патеркула, он

> «...свёл остатки пиратов в отдалённые от моря города, назначив им определённые места обитания… Ведь дав возможность пиратам жить без грабежа, он удержал их от разбоев» (II. 32. 5–6. Пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой).

Веллею вторит Дион Кассий:

> «Помимо других проявлений заботы о них, он давал им любые земли, которые находил свободными, и города, нуждавшиеся в дополнительных жителях, чтобы никогда более нищета не толкнула их на преступления» (XXXVI. 37. 5. Пер. С.Э. Таривердиевой и О.В. Любимовой).

Наиболее обстоятельно об этом «гуманитарном эксперименте» Помпея рассказал Плутарх в биографии прославленного полководца:

> «Что касается самих пиратов (а их было взято в плен больше двадцати тысяч), то казнить всех Помпей не решился; с другой стороны, он считал неблагоразумным отпустить разбойников на свободу и позволить им рассеяться или вновь собраться в значительном числе, так как это большей частью были люди, обнищавшие и вместе с тем закалённые войной. Помпей исходил из убеждения, что по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству, мирные же обычаи и перемена образа жизни и местожительства облагораживают его. Даже лютые звери, когда с ними обращаются более мягко, утрачивают свою лютость и свирепость. Поэтому Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испробовать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию Помпея приняли маленькие и безлюдные города Киликии, население которых получило добавочный земельный надел и смешалось с новыми поселенцами. Солы, незадолго до того опустошённые армянским царём Тиграном, Помпей приказал восстановить и поселил там много разбойников. Большинству же их он

> назначил местом жительства Диму в Ахайе, так как этот город, будучи совершенно безлюдным, обладал большим количеством плодородной земли» (Pomp. 28).

По крайней мере, в освещении Плутарха акция Помпея, поселившего бывших разбойников на плодородных землях с намерением «цивилизовать» их и тем самым навсегда отвратить от пиратского промысла[27], является, на наш взгляд, ярким примером того, насколько эффективно разумная политическая власть могла преодолевать парадигму ландшафтного варварства.

Греческой литературе издавна была присуща традиция идеализации первобытных народов, населявших периферию ойкумены. По словам В.И. Исаевой,

> «...греки презирали варваров как существ неполноценных, не достигших высот истинной культуры, и одновременно идеализировали патриархальные устои, сознательно приписывая отдельным этносам гораздо более низкий уровень развития, чем это было в действительности»[28].

Одной из причин возникновения у греков *«культурного примитивизма»* было

> «...обаяние далёкого и необычного, стремление представить и даже испытать некий образ жизни, который, по меньшей мере, отличался от всего столь привычного облика бытия, каким он до сих пор представлялся тому, чьё воображение или чья деятельность были сильно стеснены на родине»[29].

---

[27] Действия Помпея можно рассматривать как образец «примирительной социальной политики» Рима (*Grünewald Th.* 2004, 77–78). Однако впоследствии римские власти стали сгонять бывших пиратов с земли (*Cic.* Att. XVI. 1. 3), и постепенно пиратский промысел в Средиземноморье вновь расцвёл пышным цветом (*Cic.* Leg. agr. II. 80; *Dio Cass.* XXXIX. 56. 1; 56. 5; 59. 2). Таким образом, даже грандиозная по своему размаху и задействованным в ней силам и средствам акция Помпея Магна не пресекла на корню застарелое зло, хотя Помпей, в отличие от своих предшественников, порой действовал гибко, дипломатично, с прицелом на будущее, о чём свидетельствует упомянутый «гуманитарный эксперимент». По иронии судьбы, 25 лет спустя благодаря действиям сына великого полководца, Секста Помпея Магна, создавшего пиратское государство на Сицилии, Сардинии и Корсике, «открытое пиратство вновь распространилось по морю» (*App.* Bell. Civil. V. 77. Пер. А.И. Тюменева. Ср.: *Vell.* II. 73. 3; *Flor.* II. 18. 2; *Manil.* Astron. I. 919–921).

[28] *Исаева В.И.* 1990, 79.

[29] *Lovejoy A., Boas G.* 1935, 8.

Кроме того, под знаменем «культурного примитивизма», по меткому выражению Д.П. Каллистова, «осуществлялся поход против античной цивилизации»[30], — цивилизации со всеми её пороками, упадком нравов и социальной несправедливостью.

Традиция идеализации «благородных дикарей» восходит к поэмам Гомера и Гесиода[31]. Уставшие от бремени цивилизации писатели-примитивисты, ничуть не смущаясь, ставили в пример циничным и развращённым современникам незнакомых с благами цивилизации, а значит, и свободных от порождённых ею пороков представителей отдалённых народов, тех, что жили простой, но честной и счастливой жизнью где-то на окраинах ойкумены. Со временем в рамках этой традиции оформились два направления, которые можно условно охарактеризовать как «мягкий» и «жёсткий» примитивизм (soft and hard primitivism). «Мягкий» примитивизм представлял собой идиллические картины из цикла легенд о «золотом веке» и являлся идеализацией со знаком «плюс» (*Strabo.* VII. 3. 2–10). Чаще всего античные авторы-примитивисты приписывали «благородным дикарям» следующие характерные черты: 1) с одной стороны, мясомолочную диету, с другой — вегетарианство; 2) справедливость; 3) имущественное равенство; 4) общность жён и детей; 5) благочестие. Нередко объектами подобной идеализации становились кочевники[32]. В качестве примеров «мягкого» примитивизма можно привести описание фракийцев, мисийцев, гиппемолгов, эфиопов и лотофагов в поэмах Гомера (Il. I. 423–424; XIII. 4–6; Od. I. 22–26; IX. 92–97). «Жёсткий» примитивизм означал органичное вплетение в ткань рассказа о быте и нравах «благородных дикарей» целого ряда достоверных деталей, сообщая тем самым идеализированной характеристике варваров немало реалистических черт. Это была идеализация со знаком «минус»[33]. Примерами «жёсткого» примитивизма являются описания обычаев и нравов таких народов, как скифы, геты и германцы[34]. Важнейшей составляющей «культурного примитивизма» был тезис о моральном совершенстве «благородных дикарей».

---

[30] *Каллистов Д.П.* 1945, 191.

[31] См.: *Фролов Э.Д.* 1991, 353–361; *Широкова Н.С.* 1979, 124 слл.; *Куклина И.В.* 1969, 120 слл.; *Куклина И.В.* 1985, 48 слл.; *Тахтаджян С.А.* Идеализация скифов: Эфор и предшествующая ему традиция… 1986, 53 слл.; *Чернышов Ю.Г.* 1989, 9–10; *Чернышов Ю.Г.* 1994, 98 слл.; *Riese A.* 1875; *Lovejoy A., Boas G.* 1935, 287 ff.; *Trüdinger K.* 1918, 133–146; *Ferguson J.* 1975, 16–23.

[32] *Shaw B.D.* 1982–1983, 8–9.

[33] *Каллистов Д.П.* 1945, 182 слл.; *Широкова Н.С.* 1979, 138.

[34] *Lovejoy A., Boas G.* 1935, 10–11.

К примеру, со времён Эфора, положившего начало идеализации скифов[35], в античной литературной традиции бытовало расхожее представление об их «справедливости» и «непобедимости». Такие авторы, как Эфор, Феопомп и Эвгемер, идеализировали варваров прежде всего в целях морального воздействия на своих современников, нравы которых, по мнению греческих моралистов IV в. до н.э., под влиянием многочисленных пороков, свойственных цивилизованному образу жизни, пришли в полный упадок[36].

> «Важно отметить, что индивидуальный и групповой мидизм и литературно-философская идеализация варваров сами по себе не способны ни нанести цивилизации какой-либо серьёзный ущерб, ни вызвать раскол общества. Это симптомы того, что духовное и социальное единство цивилизации нарушено, и поиски выхода из кризиса в “старом добром прошлом” являются лишь одной из попыток этот кризис преодолеть. Единственный осязаемый результат, к которому данные явления могут привести, — это обесценивание в глазах мыслящей публики современных ей общества и государства. Внимание смещается с решения реальных проблем реальными же методами к попыткам отвергнуть опирающийся на традицию социально-политический опыт в пользу реформаторских проектов, в которых из-за нехватки реализма очень скоро начинает доминировать утопизм»[37].

---

[35] *Ростовцев М.И.* 1925, 6 слл. Как констатирует А.И. Иванчик, «большая часть исследователей в любом случае сходится в том, что уже Гомер идеализировал известных ему… северных номадов, и именно так понимали данный пассаж его читатели. Таким образом, предполагается существование непрерывной традиции идеализации номадов от Гомера до эллинистических писателей» (*Иванчик А.И.* 1999, 8). Как бы то ни было, не вызывает сомнений тот факт, что идеализации скифов как таковой положил начало Эфор (там же, 21 слл.). Давняя традиция о скифской непобедимости (см.: *Тахтаджян С.А.* 1992, 43 слл.) существовала задолго до Эфора и никак не была связана с идеализацией скифов, хотя и могла, как считает А.И. Иванчик, стать одним из источников этой идеализации у того же Эфора (*Иванчик А.И.* 1999, 21). Наконец, важно отметить, что Эфор идеализировал не всех скифов, а лишь часть этого народа, т.н. галактофагов (там же, 25 слл.).

[36] *Dörrie H.* 1972, 150–151. По мнению А.И. Иванчика, «Эфор, создавая, очевидно, под влиянием платоновских идей свою коммунистическую утопию, приписал её некому вымышленному им идеальному народу, якобы существующему среди дикарей скифов» (*Иванчик А.И.* 1999, 43).

[37] *Сулимов С.И., Черниговских И.В., Черных В.Д.* 2022, 78.

Таким образом,

> «...хорошая осведомлённость греков о быте и общественном устройстве некоторых племён и твёрдая вера в приоритет эллинов не помешали появлению представления об идеальных примитивных обществах с господством патриархальных устоев, поддерживающих равновесие как внутри себя, так и с окружающей средой. Конкретные, реально существующие племена превращались в собирательные образы»[38].

Идеализация «благородных дикарей» проводилась в русле критики издержек цивилизованного образа жизни и, в частности, порчи нравов. Однако вместе с тем в античной литературной традиции всегда сохранялся баланс между мифом о кризисе цивилизации и мифом о её поступательном развитии[39]. Как справедливо заметил Дж. Фергюсон, «миф об упадке был уравновешен мифом о прогрессе. Не все дикари считались благородными»[40]. Иными словами, «примитивизм» и «прогрессизм» в античной литературной традиции шли рука об руку[41].

---

[38] *Исаева В.И.* 1990, 71–72.
[39] *Козулин В.Н.* 1998, 10 слл.
[40] *Ferguson J.* 1975, 22. См. также: *Dihle A.* 1962, 221.
[41] *Чернышов Ю.Г.* 1994, 101 слл.

«ВАРВАРСКИЙ» ЛАНДШАФТ И АНТИЧНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

И.Е. Суриков

Введение. Хотелось бы в самом начале главы со всей возможной точностью обозначить, о чем идет речь, и, так сказать, разъяснить ключевые формулировки, фигурирующие в заглавии. Прежде всего, как мы понимаем «ландшафт»? В максимально широком смысле, опираясь на определения, даваемые этому понятию в словарях. Кстати, приведем некоторые из таких определений; это может оказаться небесполезным, и к подобному приему мы уже прибегали в одной из наших предыдущих статей, когда речь шла о писцах и секретарях в античных Афинах[1].

Что касается словарей, мы взяли буквально первые попавшиеся под руку; они изданы еще в позднесоветское время, но не думаем, чтобы с тех пор понимание ландшафта претерпело какие-то принципиальные изменения. Оговорим также, что мы цитируем только определения, релевантные по отношению к тематике данной работы, и не берем те, которые к ней не имеют отношения (например, «ландшафт» как устаревший синоним слова «пейзаж» и т.п.).

Классический толковый словарь Ожегова: «Ландшафт… Вид земной поверхности, общий вид местности»[2]. Словарь иностранных слов:

> «Ландшафт географический — природный географический комплекс, в котором все основные компоненты: рельеф, климат, воды, почвы, растительность и животный мир — находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности, образуя единую неразрывную систему»[3].

Энциклопедический словарь:

> «Ландшафт географический (в широком смысле — синоним природного территориального комплекса любого ранга), относительно однородный участок географической оболочки, отличающийся закономерным сочетанием ее компонентов

---

[1] *Суриков И.Е.* 2013а.
[2] *Ожегов С.И.* 1983, 280.
[3] *Петров Ф.Н.* (ред.) 1988, 271.

(рельефа, климата, растительности и др.) и морфологических частей…»[4].

Легко заметить, что из трех выписанных определений только два последних отличаются терминологической точностью (от «популярного» словаря Ожегова этого и трудно было бы ожидать), но зато уж эти два в значительной степени совпадают по своей сути (не считая нескольких второстепенных деталей). В частности, в числе главных компонентов ландшафта они указывают и климат. Специально обращаем на это внимание, поскольку иногда можно встретить точку зрения, согласно которой климат в ландшафт не входит. Как видим, она ошибочна.

Далее, и «формы общежития» мы берем в самом широком смысле. Иными словами, мы будем их рассматривать как на ойкосном уровне (то есть более низком), так и на уровне полисном (более высоком). В дальнейшем в главе (состоящей из трех тематических очерков) будут, например, затронуты как проблемы влияния климатических условий на специфику жилищного строительства на первом этапе существования северопонтийских эллинских колоний в «варварской» среде, так и определенные закономерности географического размещения этих поселений в связи с общей ландшафтной ситуацией.

Почему нами избран здесь именно данный конкретный регион? Причина, не скроем, в том, что из всех частей греческого мира он лучше всего знаком нам de visu. Часто и в разные сезоны посещая его, автор этих строк в общей совокупности пробыл там много месяцев, а, пожалуй, что и больше года своей жизни. Думается, что личный опыт должен иметь какое-то значение, когда речь идет о характеристике природных, ландшафтных факторов.

Потому-то, кстати, мы в дальнейшем изложении сконцентрируемся на реалиях и феноменах, характерных для Крымского и Таманского полуостровов. Данные из Северо-Западного Причерноморья (ареал расположения Ольвии и пр.) привлекаться практически не будут: в тех местах автору просто не доводилось бывать.

Сказанное о «личном опыте» может породить вопросы касательно наших представлений о степени постоянства и изменчивости в северопонтийском ландшафте с античности до наших времен. Тут приходится касаться весьма сложной и многогранной проблематики, поскольку применительно к различным ландшафтным компонентам ответ отнюдь не будет одинаковым. В одних аспектах континуитета больше, в других — меньше, в-третьих, — о нем вообще трудно говорить.

---

[4] *Прохоров А.М.* (ред.) 1990, 695.

Так, ясно, что в силу антропогенного воздействия весьма существенные перемены произошли в характере почв, растительности[5], животного мира. Изменения в водном балансе и, соответственно, в очертаниях береговой линии также, безусловно, имели место, но уже по большей части не в связи с вмешательством человека, а по иным причинам. Традиционно в данной связи называют в качестве одного из важнейших процессов периодические трансгрессии и регрессии Черного и Азовского морей. Впрочем, традиционный взгляд на эти повышения и понижения их уровня[6] недавно был оспорен[7] — вплоть до сомнений в самой реальности подобных колебаний. Похоже, большее значение следует придавать иному фактору, а какому именно — об этом будет сказано в третьем из нижеследующих очерков.

С другой стороны, более константным элементом ландшафта, несомненно, являлся рельеф. Сказанное, разумеется, не означает, что мы отрицаем наличие на протяжении столетий и тысячелетий самых разнообразных явлений в данной сфере — тектонических, сейсмических, вулканических, эрозионных, абразионных… Тем не менее, в ту пору, когда эллины-колонисты прибывали к берегам Северного Понта, тамошний рельеф в целом все-таки существовал примерно в таких же по общему характеру формах, что и в наши дни: горные районы и тогда были горными, равнинные — равнинными, слабовсхолмленные — слабовсхолмленными.

О климатическом фоне можно сказать аналогичные слова. Опять же, мы ни в коей мере не утверждаем, что нынешний климат в рассматриваемом регионе остался точно таким же, каким был в I тыс. до н.э. Точно таким же он не остался и в самой Греции[8]. Под преемственностью имеем в виду иное: в ту пору, как и теперь, северопричерноморские климатические условия были более суровыми, чем южнобалканско-эгейские.

Если Греция как таковая — это типичные сухие субтропики средиземноморского типа, то северопонтийский регион представлял (и представляет) собой юг умеренной климатической зоны. Единственное исключение — узкая полоска Южного берега Крыма (ЮБК), явля-

---

[5] Ср. то, что будет сказано в первом из нижеследующих очерков о древних почвах и древней растительности в Фанагории.

[6] Для ознакомления с ним см. хотя бы: *Беленький Д.Б.* 1998, 28 (с указанием конкретных цифр).

[7] *Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A. Vött A.* 2010; *Суриков И.Е.* 2013б, 169, прим. 8.

[8] *Карпюк С.Г.* 2010, 9 слл.

ющаяся, если не ошибаемся, самым северным в Евразии «кусочком субтропиков».

В чем же принципиальное различие? Говорим сейчас не о последствиях, скажем, для экономики (если вспомнить об основных компонентах «средиземноморской триады», то прекрасно известно, что зерновые в Северном Причерноморье росли много лучше, чем в Эгеиде, а виноградарство, напротив, давало более скудные — и количественно, и качественно — результаты, что же касается культивирования оливы, то оно на Северном Понте вообще не смогло привиться[9]), а специально о тех условиях, которые влияли на формы общежития.

Если лето в Северном Причерноморье принципиально не отличается от собственно греческого (оно точно так же жаркое и сухое), то зима имеет совершенно иной характер. Выстуженные массы воздуха с севера беспрепятственно вторгаются в регион через степи, не будучи сдерживаемы никакими естественными преградами[10]. Как следствие, зимы продолжительны и, главное, даже не просто холодны, а морозны, то есть с регулярной возможностью температур ниже нуля по Цельсию (вещь абсолютно немыслимая для Эгеиды[11]), к тому же с устойчиво ложащимся снежным покровом.

Все знают, что Причерноморье (особенно Северное) воспринималось людьми античности как страна с чудовищно суровым климатом. В связи с этим от времен Геродота до времен Овидия и позже постоянно циркулировали разного рода гиперболизированные рассказы. Не место здесь разбираться, сколько в этих «страшилках» истины, а сколько преувеличений, и в какой мере они отражают реальные тогдашние условия. Ясно, во всяком случае, что они запечатлели общераспространенные представления, а только это сейчас для нас и важно.

Пугали греков, подчеркнем, прежде всего понтийские *зимы*, а не что-либо иное. Это четко прочитывается уже у «отца истории» (*Herod*. IV. 28–31). В частности, один из характерных топосов, встречающихся в данной связи в нарративной традиции, — лопнувший от холода бронзовый сосуд, наполненный водой (например: *Strab*. II. 74). Как остро-

---

[9] Нам доводилось видеть в Никитском ботаническом саду (близ Ялты) несколько плодоносящих к концу лета оливковых деревьев, но эти единичные экземпляры не могли, что называется, «сделать погоду»; да и растущие на них маслины выглядели — по сравнению со средиземноморскими — мелкими и невзрачными.

[10] Единственной преградой такого рода являются Крымские горы, что и порождает специфический феномен ЮБК.

[11] См. таблицу температурных показателей по Греции в книге: *Карпюк С.Г.* 2010, 198–199.

умно замечает С.Г. Карпюк[12], подобный случай означает всего-навсего то, что какое-то время температура держалась на уровне ниже –4ºС. Нам подобная цифра никак не покажется экстремальной, но вот тут-то и нужно чувствовать разницу в ощущениях между нами, акклиматизированными обитателями средней полосы, и уроженцами Средиземноморья.

1. *Холода и землянки.* Мы не в силу простой случайности наиболее подробно заговорили именно о климате. Первый из сюжетов, которые будут тут рассмотрены, имеет к нему самое прямое отношение; почему — станет ясно из дальнейшего.

Одним из вопросов, дискутирующихся в историографии Северного Причерноморья, является такое обстоятельство, как определенное распространение земляночного и полуземляночного домостроительства на раннем этапе существования греческих колоний в регионе. Лишь через несколько десятилетий (часто приходится прочесть такую формулировку, как «через 70–80 лет», иными словами, через два человеческих поколения) после их основания происходит широкий переход к возведению наземных жилых построек привычного для эллинов типа.

У теории «земляночного периода» выявились как решительные сторонники, так и не менее решительные противники[13]. К числу первых относится, естественно, С.Д. Крыжицкий[14] (собственно, с ним в первую очередь и ассоциируется «земляночная теория»), а также, например, В.С. Долгоруков[15], Ю.А. Виноградов[16], А.М. Бутягин[17],

---

[12] *Карпюк С.Г.* 2010, 50.

[13] В нашу задачу здесь не входит давать исчерпывающую историографию и библиографию вопроса. Более того, ограниченный лимит объема, отпущенного на статью, прямо препятствует этому. Поневоле приходится ограничиться некоторыми выборочными указаниями (имеем в виду как авторов, так и ссылки на их работы). Остается надеяться на то, что главнейшее все-таки будет нами отмечено.

[14] С.Д. Крыжицкий писал об этом очень много. (см., например: *Крыжицкий С.Д.* 1982, 41, 51, 66 и др.; *Крыжицкий С.Д.* 1984, 204–205; *Kryzhitskiy S.D.* 2007, 18–19).

[15] *Крыжицкий С.Д., Долгоруков В.С.* 1984, 198. Ср. также цитату из неопубликованной работы В.С. Долгорукова, приведенную в: *Завойкин А.А.* 2009, 188. В.Д. Кузнецов оговаривает, что В.С. Долгоруков, раскапывавший именно Фанагорию, «ошибочно считал землянками две ямы, каждая общей площадью менее 3 м²» (*Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* 2010, 426). С этим суждением, бесспорно, следует согласиться. О специфике фанагорийской ситуации см. ниже.

[16] Ю.А. Виноградов писал по этой проблеме тоже немало, всегда отстаивая принятую им точку зрения. См., например, (*Виноградов Ю.А.* 1995, 157 слл.; *Виноградов Ю.А.* 1999; *Виноградов Ю.А.* 2000).

[17] Он наиболее акцентированно изложил свою позицию в небольшой работе (*Бутягин А.М.* 1999), хотя касался рассматриваемого здесь вопроса и в других своих

С.Б. Буйских[18], С.И. Финогенова (теперь — с оговорками[19]) и др. В рамках той же точки зрения (на наш взгляд, в целом верной; о нюансах, касающихся хронологии, см. ниже) оказывается и В.П. Толстиков[20]. Что же касается ее противников, то тут рельефно выступают имена В.Д. Кузнецова[21] и А.А. Завойкина[22]. Почему именно их — станет ясно, когда этот раздел нашей статьи подойдет к завершению.

Точку зрения последних можно адекватно охарактеризовать, например, следующими цитатами:

> «Представляется, что необходимость греков жить на протяжении 70–80 лет в столь некомфортных, малопригодных для них условиях, на которые их обрекают современные исследователи, стала бы веской причиной лишь для того, чтобы признать несостоятельность их колонизационных усилий в данном регионе…»[23].

Или:

> «Невозможно себе представить, чтобы создатели этой (древнегреческой. — *И. С.*) культуры не могли построить себе дома, в которых они жили в метрополии и которые имели длительную историю своего развития, а якобы заимствовали (*sic!*) у туземного населения традицию жить в буквальном смысле слова в ямах»[24].

исследованиях. Как мы увидим, при некоторой общей «базе» воззрения Ю.А. Виноградова и А.М. Бутягина имеют существенные разногласия, в которых мы — на стороне последнего.

[18] *Buyskikh S.D.* 2007, 25, 27

[19] Открытую в Гермонассе полуземлянку порядочной площадью 16–17 кв. м., датируемую первой половиной VI в. до н.э., эта исследовательница ныне трактует так: «Это сооружение вряд ли можно считать жилым помещением, поскольку расположение очага, занимавшего его большую часть, не способствовало хозяйственным целям» (*Финогенова С.И.* 2010, 512–513). Процитированная фраза нас озадачила. Не исключаем влияния на С.И. Финогенову весьма категоричных взглядов В.Д. Кузнецова.

[20] См. прежде всего: *Толстиков В.П.* 2001, 387 слл.

[21] *Кузнецов В.Д.* 1995; *Кузнецов В.Д.* 2001: 245; *Кузнецов В.Д.* 2009: 297 См. также: *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* 2010, 422 слл.: соответствующие строки явно написаны В.Д. Кузнецовым.

[22] *Завойкин А.А.* 2009, 186–193 (с прекрасным обзором состояния изученности вопроса); *Завойкин А.А.* 2013: 83–84, 383–385.

[23] *Завойкин А.А.* 2009, 186.

[24] *Кузнецов В.Д.* 2009, 207, прим. 9.

Как видим, полемика идет в достаточно остром ключе. Кстати, не все сторонники теории «земляночного периода» объясняют его именно заимствованием идеи у туземцев. Хотя есть и такие, прежде всего — Ю.А. Виноградов, который эксплицитно пишет:

> «…Следует согласиться с теми исследователями, которые видят в земляночном домостроительстве один из феноменов греческой колонизации Северного Причерноморья, объясняя его *влиянием материальной культуры местного населения*». Эллины восприняли «традицию домостроительства *варварских племен Прикубанья*…»[25].

Тут, нам кажется, уместен ответный сарказм оппонентов данной точки зрения, которые замечают по этому поводу:

> «Адаптация эллинов к местным условиям и заимствование ими местных строительных традиций является своего рода эвфемизмом для обозначения простой, в сущности, мысли о том, что греки научились у местного населения выкапывать в земле ямы, которые не имели стен и нормальной крыши, и жили в них»[26].

Однако же среди тех, кто признаёт наличие ранних греческих землянок в Северном Причерноморье, есть и ученые, отрицающие «варварское» влияние на этот феномен. Приведем следующее высказывание А.М. Бутягина:

> «Греческие колонисты приносят с собой *собственную традицию земляночного домостроительства*. Вряд ли можно говорить даже о заимствовании идеи, так как грекам, несомненно, было знакомо строительство землянок»[27].

Схожим образом мыслит и С.Б. Буйских. Те, кто в принципе отрицает реальность «земляночного периода», обосновывают свою позицию с помощью двух групп аргументов: археологического и общеисторического характера. На археологических аргументах остановимся лишь вкратце, поскольку сознаём собственную недостаточную компетентность в данной сфере. Однако сразу бросается в глаза вот что. Да, В.Д. Кузнецову и А.А. Завойкину удается вполне успешно показать: в ряде

---

[25] *Виноградов Ю.А.* 1995, 158–159; курсив наш.
[26] *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* 2010, 422.
[27] *Бутягин А.М.* 1999, 22–23; курсив наш.

случаев то, что принималось исследователями за остатки землянок, в действительности было ямами, погребами, подвалами и т.п. Но, подчеркнем, именно *в ряде случаев*, а не во всех; таким образом, проблема смягчается, но не снимается, полностью и безоговорочно доказать фиктивность «земляночного периода» не получается.

Так, мы ни слова не возразим против категоричной формулировки В.Д. Кузнецова:

> «Следует совершенно определенно сказать, что, по крайней мере, в Кепах и Фанагории в процессе раскопок не обнаружены конструкции, которые можно называть землянками, в которых жили эллинские переселенцы»[28].

Но вот, например, в Мирмекии — ситуация иная. Сам А.А. Завойкин вынужден признать:

> «Для самого раннего периода жизни Мирмекия известны *только* (курсив наш. — *И. С.*) сооружения, именуемые “полуземлянками”…»[29].

И ведь вполне логично, что именно Ю.А. Виноградов и А.М. Бутягин, раскапывавшие Мирмекий, оказываются в числе главных адептов «земляночной» теории.

Автор этих строк не скрывает, что он — на их стороне, но при этом является противником любых крайностей и абсолютизаций. Так, с одной стороны, видимо, нельзя навязывать «земляночный период» как нечто обязательное, «иже не прейдеши». С другой стороны, точно так же нельзя и, как выражаются, «выплескивать с водой ребенка», то есть — применительно к нашей ситуации — делать приблизительно такой вывод: коль скоро где-то в эллинских колониях на раннем этапе их существования не было землянок, — то, стало быть, их не было и *нигде*. Столь категоричный вывод уж слишком явно противоречил бы фактам.

Собственно, и у самого А.А. Завойкина кое-где проскальзывают более компромиссные формулировки, например:

> «…“Наземное домостроительство” в Пантикапее началось не через 70–80 лет после его основания, а значительно раньше… И в Тиритаке… наземное домостроительство фиксируется… лет через 20–30 после того, как она была основана»[30].

---

[28] *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* 2010, 426.
[29] *Завойкин А.А.* 2013, 99.
[30] *Завойкин А.А.* 2009, 191.

Тут речь идет (хочет того или не хочет автор) скорее уже не о полном отрицании «земляночного периода», а о том, что он: *а)* не имел абсолютного характера; *б)* был не столь продолжителен, как ранее представлялось. В этом исследователь, считаем, прав.

Что же касается общеисторических соображений, тот же А.А. Завойкин с иронией пишет по поводу доводов сторонников концепции «земляночного периода»:

> «От этой “закономерности” веет некой мистикой, будто оракул, благословивший колонистов на поиски новой родины, наложил запрет первым двум-трем поколениям жить в обычных греческих домах… Уклоняясь от обсуждения вопроса, какие, собственно, ресурсы были необходимы для того, чтобы семья могла позволить себе постройку сырцового дома, вынужден заострить внимание лишь на том обстоятельстве, что семьи были разные и по численности, и по достатку, даже на первых порах. Следовательно, если только не предполагать какую-то “запрещающую регламентацию” со стороны гражданского коллектива, ничто не мешало бедным жить, как им хочется, а другим — обеспечить себе и своей семье привычный образ жизни. Ведь речь идет не об общественных постройках, а о частном домостроительстве»[31].

В связи с приведенными суждениями хотелось бы заметить следующее. В том-то всё и дело, что общественные постройки для греков полисной эпохи были приоритетнее частных. Нужно учитывать менталитет эллинов, этих «полисных существ» (пожалуй, именно такой перевод аристотелевского ζῶον πολιτικόν будет корректнее, чем традиционное «политическое животное»), для которых сфера публичного была несравненно важнее, нежели сфера частного.

Несомненно, первое, о чем заботились на новом месте, — нормальное функционирование гражданской и религиозной жизни (для этого нужны были общественные постройки и храмы), второе — безопасность (элементы оборонительных структур), и только в третью очередь думали о комфорте частной жизни. Греки были людьми в целом не изнеженными (это в их среде возникло дожившее до наших дней представление о «восточной роскоши» как чем-то предосудительном); они вполне могли при необходимости на протяжении десятилетий мыкаться в условиях, которые нам не показались бы человечески-

[31] *Завойкин А.А.* 2009, 186–187.

ми, — лишь бы с полисом было всё в порядке. Это для нас, людей постиндустриальной эпохи, в особенной степени важны такие вещи, как домашний уют, бытовые удобства и т.п., а для грека было значительно важнее, чтобы существовали, скажем, пританей и святилища. Особенно учитывая тот хрестоматийный факт, что у себя дома грек-гражданин проводил меньше времени, чем в центрах гражданской жизни города.

Сказанным объясняется многое: и тот факт, что в Пантикапее, возможно, уже в «земляночный период» возводится на акрополе храм Аполлона[32], и то обстоятельство, что в раннем Мирмекии «поселение, состоявшее из комплекса грубых полуземлянок, было укреплено согласно греческим традициям»[33], и ряд других нюансов.

Подведем пока некоторые предварительные итоги. Во-первых, навязывать неизбежность «земляночного периода» для любой северопонтийской греческой колонии мы *не должны* (а тем более не должны автоматически переносить эту реалию в какие-либо иные регионы расселения эллинов-колонистов). Во-вторых, безоговорочно отрицать наличие такого периода для тех или иных конкретных поселений мы точно так же *не должны*. Перед нами пусть не обязательное, но все-таки достаточно распространенное явление. В-третьих, продолжительность «земляночного периода», видимо, все-таки следует сократить (здесь А.А. Завойкин прав): она, похоже, несколько преувеличена в предшествующей литературе и в действительности составляла не два человеческих поколения (70–80 лет), а скорее одно поколение.

Но почему же именно землянки? Как мы отмечали выше, Ю.А. Виноградов, вслед за рядом других специалистов, считает возможным говорить о заимствовании идеи у местных варварских племен. Между тем А.М. Бутягин справедливо указывает на ряд принципиальных различий в конструкции греческих и варварских земляночных построек интересующего нас типа, прибавляя то не менее резонное соображение, что применительно к таким простейшим строениям, как землянки, вряд ли вообще имеет смысл говорить о заимствовании идеи.

Среди причин первоначального обитания эллинских колонистов в землянках называют, например, ограниченность экономического и демографического потенциала первопоселенцев, их желание «присмот-

[32] *Завойкин А.А.* 2009, 187, прим. 35. Храм Аполлона на пантикапейском акрополе теперь уже и сам В.П. Толстиков датирует более ранним временем, нежели он делал это раньше.

[33] *Виноградов Ю.А.* 1995, 158.

реться» к малознакомой местности прежде, чем прочно в ней обосновываться, и т.п. Как нам представляется, необходимо уделить должное внимание еще одному фактору, а именно — фактору климатическому. Он до сих пор не то чтобы не принимался в расчет, но рассматривался на достаточно общем и абстрактном уровне. Если же присмотреться конкретнее, внимательнее к данному фактору и всем его импликациям, может оказаться, что он являлся едва ли не самым значимым.

Как известно, «нормальный» древнегреческий жилой дом весьма мало приспособлен к такому природному явлению, как *длительные холода*. В силу ряда своих особенностей он не мог (в отличие, например, от русской избы или от той же землянки) сколько-нибудь долго хранить тепло. Да, собственно, греки метрополии и не ощущали в этом особой нужды: сам тип эллинского (и в целом средиземноморского) жилища был порожден очень мягкими климатическими условиями. Имеем в виду, прежде всего короткие и теплые субтропические зимы (и, между прочим, даже такие зимы заставляли эллинов в своих жилищах испытывать дискомфорт).

Вспомним то, что было сказано выше, во введении, о главном различии между климатическими условиями Средиземноморья и Северного Причерноморья. Именно суровые зимы, а не что-либо иное, должны были, повторим, стать одним из главных «бичей» для греческих колонистов по их прибытии в Понт. Лето, в сущности говоря, им можно было проводить и попросту на свежем воздухе (равно как и на родине), а вот от зимних холодов нужно было как-то спасаться, привычный же для эллинов тип жилого дома, как отмечалось выше, такой защиты в полной мере не обеспечивал. Как ни парадоксально, неказистая землянка лучше выполняла эту функцию — особенно если теплоизоляцию усиливали обмазкой стен и пола, а А.М. Бутягин как раз подчеркивает, что эллинские жилые землянки в Северном Причерноморье, в отличие от заглубленных хозяйственных помещений, имели обмазку[34].

Надо сказать, что еще лучшую защиту от холода давали бы бревенчатые срубные постройки, и можно предполагать, что таковые также использовались. Картина «грек в избе» выглядит курьезом, однако исключать подобные реалии тоже не стоит (разумеется, какие-то археологические следы изба вряд ли оставила бы). Впрочем, ввиду ограниченности лесных ресурсов на Боспоре такой вариант не мог стать основным. Мы, впрочем, предполагаем, что было одно достопримечательное исключение (в каком-то смысле хранящее в себе «ключ» ко

[34] *Бутягин А.М.* 1999, 23.

всей этой историографической коллизии), и его мы коснемся немного ниже.

Резонен и вопрос: почему же впоследствии произошел переход от землянок к «нормальным» греческим домам? Как нам представляется, следует говорить о постепенной акклиматизации, после которой понтийские холода не казались уже чрезмерными и не заставляли прятаться от них. Сами колонисты, скорее всего, так и не смогли до своей смерти полноценно акклиматизироваться; совсем другое дело — их дети, которые родились уже в условиях нового климата и для которых он поэтому был привычным и не вызывал дискомфорта. Акклиматизация детей поселенцев была облегчена еще и генетическим фактором: ведь матерями большинства из них наверняка были местные жительницы (у греков был обычай женщин в колонизационные экспедиции не брать).

Сказанное объясняет разрыв в поколение и больше между основанием боспорских колоний и окончанием «земляночного периода»: последнее могло произойти тогда, когда родившиеся в колониях дети выросли и стали главами ойкосов, а их отцы уже ушли из жизни. Иными словами, боспорское земляночное строительство не имело прямого отношения к влиянию туземцев[35], а было обусловлено совсем другими причинами.

И, наконец, финальный для данной части главы тезис, который может оказаться достаточно свежим (во всяком случае, то сопоставление исторических и естественнонаучных данных, которое мы сейчас осуществим, кажется, никем еще не было сделано).

Выше специально подчеркивалось, что два главных в отечественной историографии противника концепции «земляночного периода» — В.Д. Кузнецов и А.А. Завойкин. И это, несомненно, связано с тем, что они раскапывают именно Фанагорию. Перед нами — какое-то просто-таки «зеркальное отражение» отмеченного выше случая с Ю.А. Виноградовым и А.М. Бутягиным. Если последние, работая в Мирмекии, землянки *нашли* и, соответственно, из этого исходят, то первые, на протяжении многих лет исследуя Фанагорию, землянок в ней *не нашли* и, соответственно, исходят из этого.

Иными словами, и мы должны исходить из того, что в Фанагории (и, видимо, в соседних Кепах) «земляночный период» действительно не

[35] Как может заметить читатель, в рамках данной статьи вообще не рассматривается гипотеза, согласно которой землянки в ранних греческих апойкиях в Северном Причерноморье — это жилища не греков, а варваров. Апологетом этой идеи в последнее время выступает С.Л. Соловьев (см., например: *Соловьев С.Л.* 1992), но сторонников у него мало.

имел места. Как сие объяснить? Тот аргумент, что теосцы прибыли основывать Фанагорию позже, в тот момент, когда в окрестных полисах уже утвердилось нормальное наземное жилищное строительство, в принципе, мог бы работать, но Кепы, возникшие в первой половине VI в. до н.э.[36], не вписываются в постулируемую картину.

Так почему же данные полисы оказываются в роли, так сказать, особого случая? Это оказалось ясным из совсем недавно вышедшей статьи «Почвы Фанагории»[37]. Мы, историки, будучи гуманитариями, обычно без большой охоты читаем работы по естественнонаучной проблематике, но вот тут как раз имело место скорее исключение. Скрупулезные выкладки А.Л. Александровского привели его к ответственному (и неожиданному, как он отмечает, даже для него самого) выводу о том, что состав античных почв Фанагории (обусловленный, как понятно, характером растительности, которая существовала тогда в этой местности) оказывается уникальным, не имеющим аналогий во всем таманском регионе и, в частности, принципиально отличающимся даже от почв расположенной довольно неподалеку Гермонассы.

Имеет смысл процитировать дословно некоторые важные пассажи из рассматриваемой статьи. О погребенной почве Фанагории говорится:

> «...последняя занимает особое место и отличается не только от современных почв Таманского полуострова, но и от почв своего времени»[38].

Она имеет *лесной* генезис. «Фанагория возникла среди дубравы и некоторое время существовала возле нее»[39]. А, скажем, относительно почвы под культурным слоем Гермонассы указано:

> «Она тоже была погребена в VI в. до н.э., т.е. одновременно с фанагорийской, но имеет типичный для региона — степной генезис»[40].

Сознавая всю значимость высказанных тезисов, автор повторяет вновь и вновь:

> «…Погребенная почва Фанагории отличается не только от типичных почв Тамани (суглинистых черноземов), но и

[36] *Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д.* 2010, 541.
[37] *Александровский А.Л.* 2013.
[38] *Александровский А.Л.* 2013, 122.
[39] *Александровский А.Л.* 2013, 123.
[40] *Александровский А.Л.* 2013, 122.

от фоновых почв (супесчано-песчаных), и от почв на поверхности культурного слоя (суглинистых черноземов)[41]… Всё это позволяет предположить, что Фанагория возникла на месте леса. Анализ угольков из нижней части культурного слоя и с поверхности погребенной почвы показывает, что это были широколиственные леса, представленные в основном дубом. Также в древостое участвовали клен, ясень, бук и граб. Хвойные породы отсутствовали. С возникновением Фанагории начинается антропогенный этап развития природы в районе города[42]… Развитие почвенно-растительного покрова Фанагории и в Гермонассе протекало по-разному… В районе Фанагории степь возникла лишь благодаря человеку[43]… Длительность лесной стадии была довольно велика и составляла около 1000 лет, предположительно в интервале от 3600 лет назад до времени основания Фанагории в VI в. до н.э.[44]».

Итак, что же мы в итоге имеем? В тот момент, когда теосские беженцы прибыли к берегам Таманского залива, на месте, избранном ими для поселения, шумел тысячелетний лес! Возможно, именно потому-то эта местность и не была до них никем освоена, поскольку эллинские колонисты, естественно, искали в первую очередь безлесные места, позволяющие сразу, без дополнительных усилий по расчистке, заняться земледелием. Фанагорийцы оказались в регионе последними, и им пришлось, как говориться, брать то, что осталось. Но «нет худа без добра»: подобное лесное соседство позволило им не прибегать к землянночному строительству, а возводить на первых порах деревянные дома. Не приходится сомневаться, что в таком старом лесу можно было найти известное количество стволов достаточной толщины для сооружения жилищ. Антропогенный фактор, само собой, привел к тому, что лес через какое-то время был сведен; но тогда уже фанагорийские греки, как и все их соседи, вернулись, акклиматизировавшись, к строительным традициям метрополии (см. выше). Очевидно, сказанное о Фанагории можно отнести и к находившимся совсем близко Кепам.

2. *Τὰ κλίματα, или «отвергнутый рай» (к постановке проблемы).* Как отмечалось выше, во введении к главе, одна из частей северопричерноморского региона (имеем в виду, естественно, Южный берег

[41] *Александровский А.Л.* 2013, 123.
[42] *Александровский А.Л.* 2013, 126.
[43] *Александровский А.Л.* 2013, 127.
[44] *Александровский А.Л.* 2013, 128.

Крыма) резко, принципиально отличалась от всех остальных по климатическим условиям, да и, добавим, в целом по типу ландшафта.

Пышная вечнозеленая экзотическая растительность (экзотическая, подчеркнем, для нас, жителей средней полосы, а для античного грека, наоборот, привычная и знакомая). Горные вершины, взмывающие чуть ли не прямо от побережья на высоту до 1500 м над уровнем моря и особенно контрастно воспринимающиеся рядом с ровными степями того же Крыма (степной ландшафт полуострова практически никак не отличается от того, который можно увидеть к северу от Перекопского перешейка, на землях Новороссии, когда-то Великой Скифии), но греками, напротив, явно читавшиеся как некая копия их родных ландшафтов. Иной раз нетрудно спутать фотографии, присланные друзьями и знакомыми из Тавриды и из Эллады.

Собственно, ныне именно интересующая нас здесь местность (ЮБК), по ряду причин (с севера — гряда Крымских гор, препятствующая проникновению холодных ветров, с юга — непосредственное соседство с относительно теплым морем, «дыхание» которого опять же горами не пропускается далее, а остается на месте, порождая определенный микроклимат) являющаяся субтропической, предстаёт наиболее привлекательной для всех, скажем, граждан нашей страны, стремящихся летом с севера на юг. Как обстояли дела с этим у эллинов, стремившихся в пору Великой колонизации в противоположную сторону, с юга на север?

Казалось бы, они должны были выбирать для основания апойкий те места, которые напоминали им покинутое отечество. Наблюдения, например, над освоением нашими предками Северо-Восточной Руси (Волго-Окское междуречье, совпадавшее, по очень грубому счету, с Владимиро-Суздальским княжеством), показывают, что часто именно так и бывает. Иными словами, следовало бы ожидать появления эллинских поселений на ЮБК — если не в приоритетном порядке, то хотя бы наряду с возникновением оных в иных пригодных для первичного обоснования северопонтийских ареалах.

Однако же колонизационная практика греков архаической эпохи парадоксальным и даже удивительным образом демонстрирует некий «провал» в освоении этого «земного рая». Этот «провал» сразу бросается в глаза, стоит только взять в руки наиболее полный археологический компендиум по античному Северному Причерноморью[45] (он был издан еще в советское время, но с тех пор ничего сопоставимого по территори-

[45] *Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С.* (ред.) 1984.

альному охвату материала не появилось; недавно вышло инициированное Г.М. Бонгард-Левиным трехтомное «Античное наследие Кубани», но в нем именно только «Кубань» — в основном Таманский п-ов — и освещена), посмотреть вошедшие в его состав тексты и карты.

На последних мы сразу особенно рельефно увидим основные регионы эллинской заинтересованности: Северо-Западное Причерноморье (Тира, Никоний, Березань, Ольвия), Западный Крым (Херсонес, Керкинитида, Калос Лимен), Восточный Крым (Феодосия и далее — полисы по Боспору Киммерийскому), потом уж Тамань. На любой подобной карте ЮБК, являя полную пустоту, вопиет неким знаком вопроса.

Только один пункт будет проставлен на такой карте: Харакс. Но это городище (на мысу Ай-Тодор), как все прекрасно знают, было когда-то местом римского лагеря[46]. Значит, римляне заметили и сочли приемлемым место, которое ранее греками было проигнорировано?

Продолжая, не преминем отметить, что теми же греками в византийскую эпоху (а византийская история являет собой прямое продолжение античной истории в ее обеих ветвях — эллинской и римской) было основано в рассматриваемом регионе немало поселений[47]. Даже и нынешние названия ряда тамошних городов и поселков имеют греческие корни (Алупка, Алушта, Симеиз, Форос и др.), но, подчеркнем, именно среднегреческие (византийские), а не древнегреческие. Южный Крым при византийцах носил название τὰ κλίματα («склоны»)[48] или, иногда, τὰ τῆς Χερσῶνος κλίματα — поскольку он входил тогда в фему, административным центром которой являлся Херсон (бывший Херсонес[49]). Заметим, что уже сам подобный топоним подчеркивал гористый характер местности.

Итак, видимо, приходится прийти к предварительному выводу, что именно горные хребты, возвышающиеся на ЮБК, воспрепятствовали его освоению греками в период Великой колонизации. Мы специально подчеркиваем именно *предварительный* характер данного вывода, поскольку наша цель в этой (второй и, видимо, самой маленькой)

---

[46] *Масленников А.А.* 1984.

[47] Именно тогда и появилась в Северном Причерноморье греческая диаспора. О ее формировании см.: *Koromila M.* 1991.

[48] *Чичуров И.С.* 1980, 106, прим. 241. Заметим, что И.С. Чичуров везде в своем труде передавал по-русски τὰ κλίματα как «климаты», но это представляется нам неоправданным буквалистским калькированием исходной лексемы. Естественно, наше слово «климат» происходит от греческого κλίμα (в одном из его значений), но оно давно уже обрело совершенно конкретный и даже терминологический смысл.

[49] См. о нем: *Сорочан С.Б.* 2005.

части нашего исследования — поставить проблему (как и отмечено в соответствующем подзаголовке), заставить задуматься о том, что налицо некоторая «странность», ранее всерьез не замечавшаяся.

Итак, какие же конкретные факторы могли здесь сыграть свою роль? То, что в первую очередь приходит в голову, — это, конечно же, следующее: узенькая полоска суши между горами и морем, каковую являет и являл собой ЮБК, весьма плохо подходила для земледелия, точнее, для выращивания зерновых. Этой цели в несравненно лучшей степени удовлетворяли степные ландшафты — хотя бы того же Крыма, в котором они располагались либо к западу от ЮБК («Большой Херсонес»), либо к востоку от него же (Керченский п-ов).

Спорить тут не с чем. Однако же земледелие не сводится к культивированию злаков. Виноградарство ведь тоже относится к этой отрасли сельского хозяйства. А виноградарство на ЮБК представляло блестящие перспективы. Данный терруар особенно благоприятен для сортов винограда, дающих очень сладкие — и притом достаточно крепкие — вина. А именно такие вина, по наблюдениям современных исследователей[50], предпочитались античными греками.

Вероятно, только в византийскую эпоху и был в достаточной мере оценен винодельческий потенциал ЮБК. В античности же греки в основном ввозили (даже для собственного потребления, а уж тем более для торговли с туземцами) вина из метрополии. Что же касается хлеба, то он, бесспорно, не мог в необходимом количестве произрастать в интересующей нас ландшафтной нише; но и эта проблема имела, в общем-то, свои пути решения, — например, через создание дальней хоры. Уж как преуспели хотя бы те же херсонеситы в организации и развитии таковой![51]

Понятно, в удаленности города-апойкии от своей основной сельскохозяйственной местности были свои «минусы». Но в то же время в создании колонии в таком роскошном и, главное, напоминавшем грекам родину краю, как ЮБК, не могли не иметься и свои «плюсы». Соизмерение такого рода локальных «плюсов» и «минусов», выбор места, в котором первые перевешивали бы — это и есть, в сущности, стратегия колонизации. И достаточно показательно, что античные греки сделали выбор отнюдь не в пользу «земного рая», отвергли его, в отличие от греков-византийцев, которые на том же берегу активно селились.

---

[50] *Винокуров Н.И.* 1999, 163 слл.; *Горский А.С.* 2013, 43 слл.

[51] Здесь необходимо сослаться на книгу, в которой именно на херсонесском примере этот вопрос рассматривается (*Щеглов А.Н.* 1976: 77 слл.).

Вне сомнения, нельзя не указать и на такой фактор, как отсутствие на ЮБК удобных, безопасных для судов гаваней. Их там действительно нет (от Севастопольской и Балаклавской бухт на западе и, по большому счету, вплоть до бухт в Керченском проливе), что, конечно, должно было отталкивать эллинов с их опытом мореходов. Однако, заметим тут, безопасной гавани не было даже и в Феодосии (на сегодняшний день она в какой-то мере создана, но только путем сооружения искусственных молов-волнорезов). Тем не менее, возникла же греческая колония Феодосия — на стыке степного, равнинного ландшафта с (уже сильно пониженным) горным — не позднее второй половины VI в. до н.э.

Поневоле приходится задуматься о внеландшафтном факторе. Таковым представляется нам наличие в качестве соседей горцев-тавров, которые в глазах эллинов имели такой уж неблагоприятный имидж, что, как говорится, nec plus ultra. Дикий народ, промышляющий пиратством[52], не брезговавший человеческими жертвоприношениями. Знаменитый миф, перенесший Ифигению, дочь Агамемнона, именно к таврам — миф, имевший колоссальную популярность у греков, легший в основу ряда афинских трагедий[53], — наверное, на чем-то все-таки основывался в своей парадигматичности, избирая тавров как «варваров по преимуществу».

Куда в конечном счете делись тавры — неизвестно. В византийские времена их экологическую нишу заняли готы-христиане, создавшие ряд микрогосударств (наиболее известно княжество Феодоро со столицей в Мангупе) и уж точно не питавшие негативных чувств к своим единоверцам и учителям — грекам (теперь уже не эллинам, а ромеям). Возможно, последние потому-то теперь и начали селиться «под горами», не ощущая уже враждебного окружения.

Как бы то ни было, саму проблему нам все-таки пришлось поставить (и высказать, ввиду ограниченного размера статьи, лишь несколько очень кратких соображений в связи с этой проблемой). А решаться она, возможно, будет еще долго, если вообще когда-нибудь получит статус решенной.

3. *«Остров Тамань», Боспор Синдский и город Гаргаза.* Популярный еще недавно тезис о существовавшей в античности «Таманской

---

[52] К оценке роли тавров в пиратской деятельности причерноморского региона см.: *Брашинский И.Б.* 1973.

[53] До нас дошла «Ифигения в Тавриде» Еврипида (см. о ней: *Wright M.* 2005; *Ketterer R.G.* 2013). Эта драма глубочайшим образом повлияла на творения множества выдающихся деятелей европейской культуры (будь то великий немец Гёте или наш художник Серов).

полинезии»[54] ныне приходится подвергнуть серьезной корректировке. «Полинезия» по самому греческому термину, выбранному для обозначения этого понятия, должна являться неким архипелагом, состоящим из множества островов.

Недавно достаточно убедительно было показано, что

> «…историко-географические представления о Таманском полуострове как архипелаге дельтовых островов палео-Кубани, широко используемые при описании его ландшафтно-геоморфологических условий в период греческой колонизации, не получили своего подтверждения», поскольку «…в историческую эпоху ни один из рукавов дельты палео-Кубани не впадал в Таманский залив»[55].

Существовал один очень крупный остров (самый крупный в тогдашнем Понте и, более того, многократно превосходивший размерами все остальные) и пара-тройка примыкавших к нему мелких (Голубицкий остров, остров Кандаур — так их ныне условно называют, опираясь на современные топонимы).

По этой логике можно и большой остров (собственно, нынешний Таманский полуостров) обозначить просто как «остров Тамань» (мы все-таки закавычиваем это выражение, дабы подчеркнуть его сугубую условность). Как он назывался в античности — мы не знаем. Похоже, просто «островом». Точнее, «Островом» (ἡ νῆσος, с определенным артиклем)[56].

Чем же отделялся этот остров от тогдашней линии материка? Здесь представляются имеющими значительную ценность осуществленные в последние несколько лет разработки российско-германской группы археологов, возглавляемой Д.В. Журавлевым и У. Шлотцауером[57]. Эти исследователи ответственно, с приведением большого количества аргументов заявили, что им удалось открыть «второй Боспор» — пролив, существовавший в I тыс. до н.э. восточнее Керчен-

---

[54] См. хотя бы: *Паромов Я.М.* 2006.

[55] *Горлов Ю.В.* 2007, 87.

[56] В боспорских надписях упоминается должностное лицо ὁ ἐπὶ τῆς νήσου.

[57] Из достаточно многочисленных работ, опубликованных этой группой ученых по интересующей нас проблематике, сошлемся здесь лишь на некоторые наиболее важные (*Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д.* 2010; *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* 2011; *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* 2014; *Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* 2011; *Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* 2014).

ского и тоже входивший в число путей, по которым шла Великая греческая колонизация.

Автор этих строк после достаточно долгих колебаний и после детального осмотра местности, о которой идет речь, счел возможным решительно присоединиться к предложенной коллегами точке зрения[58]. Впрочем, хоть и решительно, но не безоговорочно. Оговорки заключаются в следующем.

Во-первых, Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер «окрестили» обнаруженный ими, ныне исчезнувший пролив «Боспором Кубанским». Нас в этом квази-топониме несколько смутило режущее глаз смешение античного элемента («Боспор») с современным, заведомо позднейшим («Кубань»). Мы поэтому предложили называть данный водный путь Боспором Синдским, опираясь на то обстоятельство, что он отделял «остров Тамань» именно от Синдики, а не от чего-либо иного, а также на одно упоминание «Синдской щели» у архаического поэта Гиппонакта (как бы это упоминание ни трактовать). Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер в работе, вышедшей уже после только что упомянутой статьи автора этих строк, отметили, что знают о нашем предложении, но предпочитают, как говорится, «остаться при своём». Ну что ж, на то их полное право — как первооткрывателей. Ведь назвал же, допустим, американский летчик-полярник Ричард Бэрд впервые обследованную им область Антарктиды «Землей Мэри Бэрд» в честь своей супруги, хотя, наверное, имелось в мировой истории немалое количество лиц, в большей степени заслуживавших увековечения на карте.

Процитируем только аргумент Д.В. Журавлева и У. Шлотцауера:

> «По мнению И.Е. Сурикова, согласившегося с нашими аргументами о существовании морского пролива, стоит изменить его название на “Синдский Боспор”… Мы продолжаем оставаться сторонниками нашего названия — Боспор Кубанский, объединившего в себе античный и современный топонимы»[59].

Уж лучше было бы без каких-либо доводов просто и прямо написать «Мы так хотим» (и этого было бы достаточно), чем приводить такой странный довод: это название хорошо-де тем, что оно объединяет в себе античный и современный топонимы. Эклектика не хороша нигде и ни в чем, поскольку она ломает стиль вместо того, чтобы его выдерживать.

---

[58] *Суриков И.Е.* 2013б.
[59] *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* 2014, 152.

Во-вторых, наша точка зрения относительно времени, в которое «второй Боспор» перестал функционировать как полноценный морской путь разнится от той, какой придерживаются Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер. Мы считаем, что это случилось несколько раньше, чем им кажется. Но это — предмет отдельного разговора, а сии строки мы пишем отнюдь не затем, чтобы полемизировать с вышеупомянутыми учеными (напротив, в нашем лице они в целом имеют союзника, отнюдь не оппонента), а затем, чтобы указать на одну из тех интересных перспектив в прочтении нескольких важных для Северного Причерноморья нарративных свидетельств, которые открываются в связи с выкладками группы ГИМа — DAI[60].

Некоторые архаические греческие поселения в восточной части Таманского полуострова (если назвать наиболее значительные, ими будут, в частности, Голубицкая 2, Стрелка 2, Ахтанизовская 4), ныне рассматривающиеся как «безымянные», производят сильное впечатление ранних полисов, основанных в колонизационный период, а затем «заглохших» ввиду прекращения использования Боспора Синдского[61]. Эти полисы (как теперь становится ясно, основанные, подчеркнем, не где-то в глубине материка, а на тогдашнем побережье), естественно, так или иначе назывались, но мы их названий не знаем — именно потому, что в тот период, когда работали основные античные географы, они уже перестали быть полисами.

Можно ли обнаружить в источниках какие-то следы информации о наименованиях этих деградировавших впоследствии городов? Нам кажется, что к интересующему нас сюжету можно удачно «привязать» загадочный топоним, встречающийся в едва ли не самом пространном свидетельстве о ранней боспорской истории — рассказе Диодора Сицилийского о междоусобной распре Сатира, Притана и Евмела, сыновей Перисада I[62], в последнем десятилетии IV в. до н.э.

В этом свидетельстве не раз упоминается город Гаргаза, более нигде в нарративной традиции не фигурирующий. После гибели Сатира

---

[60] DAI (Deutsches archäologisches Institut) — известнейшее учреждение, имеющие филиалы (Abteilungen), можно сказать, по всему миру (в Афинах, Стамбуле и др.).

[61] Это и дальнейшее следует читать обязательно с учетом нашей предыдущей разработки (*Суриков И.Е.* 2013б). Без ее учета многое в последующем изложении останется неясным, а повторять или пересказывать выводы, сделанные в указанной главе, мы тут, понятно, не будем (да и лимит объема не позволяет).

[62] О значимости личности Перисада I для раннебоспорской истории см.: *Суриков И.Е.* 2014 (со ссылками на предшествующую литературу).

> «...начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану. Последний, устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу[63], затем быстро явился в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть… Притан, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Евмел при помощи варваров захватил Гаргазу…» (*Diod.* XX. 23–24).

Из контекста абсолютно ясно, что описанные здесь события происходили на Азиатском, а не на Европейском Боспоре. Прежде всего, чуть выше в рассматриваемом пассаже Диодора указано, что военные действия между Сатиром и Евмелом проходили в районе реки Фат. Совершенно не приходится сомневаться, что этот топоним связан с таким этнонимом, как «фатеи». Последний упоминается в ряде боспорских надписей (КБН. 9; 972; 1015). Фатеи с какого-то момента правления Перисада I начинают перечисляться в его титулатуре, а именно — в списке варварских племен, над которыми он являлся «царствующим» (βασιλεύων)[64]. Стало быть, при нем этот народ и был подчинен Спартокидами.

Локализация фатеев на Азиатском Боспоре, где-то по соседству с меотами, тоже не подлежит сомнению. Стало быть, и река Фат должна была находиться там же (собственно, фатеи и Фат у Диодора стоят рядом, и поставлены они так вполне сознательно, то есть историк понимал, что название фатеев происходит от Фата[65]). Скорее всего, под Фатом имеется в виду какой-то из многочисленных рукавов обширной дельты Кубани.

Далее, Диодором указано, напомним, что после гибели Сатира II его тело было доставлено в Гаргазу и оттуда перевезено по реке в Пантикапей (διὰ τοῦ ποταμοῦ... εἰς Παντικάπαιον). Строго говоря, напрямую по реке (то есть, минуя море) в крымский Пантикапей можно было что-либо доставить только из Крыма же. Но здесь об этом явно не может идти речи. Во-первых, в Восточном Крыму нет таких крупных рек, какой представлен у Диодора тот же Фат. Во-вторых, всё, абсолютно всё

---

[63] Какой именно курган скрыл тело Сатира II — отдельный и интересный вопрос. Нашу точку зрения на него см. в: *Суриков И.Е.* 2021.

[64] *Завойкин А.А.* 2013, 324 слл.

[65] А, скорее всего, «фатеи» — не самоназвание, а обозначение, данное греками племени, жившему у Фата (и именно потому-то и данное).

говорит в пользу того, что «война трех братьев» развертывалась к востоку, а не к западу от Боспора Киммерийского. В частности, ниже Диодор рассказывает, что из района Гаргазы Евмел оттеснил Притана «к перешейку близ Меотийского озера» (εἰς τὸν ἰσθμὸν τὸν πλησίον τῆς Μαιώτιδος λίμνης). Судя по артиклям, подразумевается какой-то определенный перешеек. Но перешейков в строгом смысле слова (подобных, например, Коринфскому Истму в Греции) на Боспоре (ни Азиатском, ни Европейском) не было и нет. Есть полуострова, косы.

Снова и снова убеждаемся, что Диодор весьма смутно ориентировался в топографии региона, события в котором он тут описал (но что ж удивляться этому, коль скоро сам Геродот, хоть он, в отличие от сицилийца, и бывал в Северном Причерноморье, абсолютно превратно представлял себе очертания Крыма?) и понимать его слова в прямом смысле не стоит. Судя по всему, дело обстояло так, что тело погибшего Сатира было по реке вывезено к морю, а потом уже морем доставлено в Пантикапей.

Топографический контекст борьбы сыновей Перисада — предмет отдельного исследования; а здесь нас интересуют единственно город Гаргаза и его возможная (в любом случае гипотетическая!) локализация. Этим вопросом, насколько нам известно, никто всерьез не занимался. Что же можно сказать в связи с ним?

а) Гаргаза — эллинский, а не варварский город. То, что он носил, судя по всему, негреческое название, никоим образом не должно нас смущать. Как известно, даже сам Пантикапей носил негреческое название. А были еще Тиритака, Корокондама. И все они являлись населенными пунктами греков, а не кого-либо. Сохранение пришедшими извне новыми обитателями значительной части субстратной топонимики — это вообще одна из наиболее общих закономерностей человеческой истории. Не знаем, стоит ли уж лишний раз напоминать, что и наша Москва — не исключение (угро-финские корни очевидны).

б) Гаргаза для времени, к которому относится свидетельство Диодора, может считаться достаточно значительным центром. И действительно, какой-нибудь мелкий поселок Спартокид Притан вряд ли избрал бы как место своего «венчания на царство»[66].

---

[66] Разумеется, о таковом «венчании» приходится говорить лишь cum grano salis. Лишь при сыне Евмела, Спартоке III, правители Боспора стали величаться официальным титулом βασιλεύς. Да и у Диодора говорится, что Притан в Гаргазе принял τὴν δυναστείαν. «Принял… царскую власть» — это некоторая вольность переводчика (В.В. Латышева). Но все-таки, все-таки…

в) Гаргаза, если следовать изложению Диодора, находилась на реке. Была ли это упомянутая им же ранее река Фат или же не она? Судить трудно. Более того, за точность самих топографических описаний у нашего историка, как было продемонстрировано выше, ручаться нельзя. Так что нельзя считать безоговорочно доказанным фактом расположение Гаргазы непосредственно на каком-то речном побережье. Зато можно считать однозначно верным следующее:

г) Гаргаза — город на восточной, азиатской стороне Боспора Киммерийского. Это, кажется нам, безусловно, следует из предшествующего анализа.

Теперь, сопоставляя данные нарративного источника с результатами исследований на местности, проведенных группой под руководством Журавлева и Шлотцауера (группой, подчеркнем, междисциплинарной: в нее входили и входят не только археологи и историки, но также специалисты в области геофизики, топографии, археоботаники, археозоологии, геоархеологии, археометрии[67]), нельзя не прийти к выводу, что Гаргаза должна быть отождествлена с каким-то открытым или пока не открытым (последнее менее вероятно ввиду тщательнейших археологических разведок региона) ранним античным поселением в восточной части нынешнего Таманского полуострова. Или даже еще восточнее — но не чрезмерно, то есть, во всяком случае, где-то в местностях, прилегающих к тогда еще существовавшему «второму Боспору». Но никак не к «первому» (то есть Боспору Киммерийскому), в ближайших окрестностях которого рек (или рукавов рек) нет, да и в рассматриваемую эпоху не было (см. сказанное в начале этого раздела).

Что может оказаться древней Гаргазой? Вариантов немало. Во всяком случае, это заведомо не Семибратнее городище (поскольку оно было городом Лабрисом). На роль Гаргазы могут претендовать те же Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4, а также (пожалуй, даже с большей вероятностью) Стрелка 2. Во всяком случае, нам пока представляется перспективным думать именно о каком-то из трех перечисленных центров.

Они ли или не они должны быть принимаемы в расчет — вопрос, впрочем, второстепенный: главное в том, что (повторим и подчеркнем) новый взгляд на палеогеографию Азиатского Боспора волей-неволей должен влечь за собой и какое-то новое прочтение ряда важных нарративных свидетельств.

---

[67] *Schotzhauer U., Zhuravlev D.* 2014, 203–204.

СТЕПНОЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ КАК ФАКТОР В СУДЬБАХ НАСЕЛЕНИЯ

Л.Г. Шепко

От реки Дунай до бассейна реки Амур протянулась обширная зона степей. Географический и экологический факторы степной зоны Евразии длительное время предопределяли направление развития народов, обитавших на этой территории. На протяжении нескольких тысячелетий здесь пересекались пути различных племенных объединений, взаимодействовали разные культурно-хозяйственные уклады и цивилизационные модели. Традиционно степные пространства связывают с кочевыми обществами. При этом исследователи обращают внимание на сложность и неоднолинейность процесса их развития. В пределах данной зоны выделяется несколько локальных историко-культурных регионов, среди которых своеобразием отличается Северное Приазовье, расположенное на юге Восточно-Европейской равнины. Его история на протяжении нескольких столетий определялась своеобразной комбинацией природных условий и социальных факторов. Долгое время приазовские степи являлись периферией крупных государственных образований, постепенно втягиваясь в цивилизационные процессы, входя в состав крупных держав. В последнее десятилетие (2014–2024 гг.) эти земли оказались разорваны между двумя идеологически антагонистическими образованиями. В соответствии с предложенной темой — «ландшафтное варварство», хотелось бы обратить внимание на географический фактор в судьбе данного региона в контексте противостояния цивилизаций, в том числе и кочевых. Нижний рубеж ограничен VII в., временем включения данной территории в сферу интересов крупных средневековых цивилизаций.

Историко-географическая область Северное Приазовье располагается на юге Восточно-Европейской равнины, между Днепром и Доном, и включает Приазовскую низменность, Приазовскую возвышенность, Донецкий кряж. Прилегающая к северному берегу Азовского моря пологая степная равнина шириной от 20 до 100 км образует Приазовскую низменность, которая на севере граничит с Приазовской возвышенностью, на востоке — с Донецкой возвышенностью (*Донецкий кряж*). На западе она переходит в Причерноморскую низменность, плоскую слегка наклоненную на юг равнину. Преобладает плоский или слабо-

волнистый рельеф. Низменность изрезана сетью рек, оврагов и балок. Вблизи моря расположено много вдающихся в море песчаных кос. В Приазовье преобладают степные ландшафты с южными черноземами и темно-каштановыми почвами, с типчаково-ковыльной степной растительностью. В настоящее время большая часть степей распахана и используется в качестве сельскохозяйственных земель. С Приазовской возвышенности берут начало реки Молочная, Берда, Обиточная, Кальмиус, Миус, впадающие в Азовское море.

Донецкий Кряж протянулся с северо-запада на юго-восток почти на 370 км. Наиболее высокой частью кряжа является участок водораздела рек Северского Донца и рек, непосредственно текущих в Азовское море. Донецкий Кряж охватывают Северский Донец и нижнее течение Дона, выступающие восточным географическим рубежом. В ландшафте прослеживается региональная специфика: в северо-восточной части — это среднее течение Северского Донца, на юге Приазовская низменность.

Неотъемлемым ландшафтным атрибутом южной зоны Восточно-Европейской равнины являются курганы. Изучение курганов Степного Приазовья и Донецкого кряжа началось уже в XVIII в. Значительная часть открытых комплексов характеризует культуру средневековых кочевников. Археологические данные свидетельствуют о вовлечении данного региона в сферу интересов крупных держав. Результаты исследований курганов в Северном Приазовье достаточно полно отражены в работах, представляющих собой каталоги раскопанных насыпей на территории Донецкой[1] и Запорожской[2] областей в XX в.

Пространственное распределение археологических памятников (поселений и курганных могильников) Северного Приазовья в сравнении с соседними регионами позволяет проследить характер и динамику его освоения различными народами, их воздействие на ландшафт и включенность в цивилизационные процессы. Проблема значения и места географических условий в развитии древних и средневековых обществ волнует ученых длительное время. Историю изучения данного вопроса представляет обширная историография. Роль природно-климатических условий Северного Причерноморья и Приазовья в судьбах обитавших здесь племен также не оставлена без внимания. Из значительного количества публикаций хотелось бы отметить некоторые работы последних десятилетий.

---

[1] Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX в. 2003, 65–109.

[2] *Тощев Г.Н., Ельников М.В., Дровосекова О.В.* 2003, 4–31.

Относительно данного региона интерес представляют результаты исследования археологических и литологических материалов прибрежных районов Краснодарского края и Ростовской области, представленные в статье И.В. Толочко. Автором дана оценка влияния природных и антропогенных факторов на процесс развития ландшафтов северо-восточного Приазовья в раннем железном веке и предложена реконструкция процессов трансформации природного облика северо-восточного Приазовья и Нижнего Подонья, начиная с эпохи среднего голоцена. Ландшафты понимаются как место деятельности человеческого сообщества, как динамические системы, которые находятся в тесной связи природных компонентов с их антропогенными трансформациями[3].

В исследованиях М.Л. Швецова[4], Э.Е. Кравченко[5], В.К. Гриба[6], А.В. Колесника, В.А. Санжарова[7], С.Н. Санжарова[8] отмечена специфика памятников в отдельных ландшафтных зонах, таких как Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца, роль природного фактора в хозяйственном освоении территорий наряду с культурно-хозяйственными традициями населения и наличием торговых коммуникаций, дан анализ поселенческих стратегий населения со второй половины VII в. до второй половины X в. и в золотоордынский период. В основных чертах определены этапы локальной истории данного региона, критериями которых выступают этнополитические и миграционные процессы[9]. Изучению памятников раннесредневекового времени, расположенных на центральном плато Донецкого кряжа и в Северо-Восточном Приазовье, посвящена работа В.К. Гриба. Автор приводит очерк исследований, проведенных на данной территории к настоящему моменту, вводит в научный оборот материалы изученных поселений конца VII — середины X вв., определяет их место в системе синхронных памятников Северного Причерноморья[10]. При этом значительное внимание уделено и природному фактору.

---

[3] *Толочко И.В.* 2021, 5–16.

[4] *Швецов М.Л.* 2018, 117–121.

[5] *Кравченко Э.Е.* 2016, 287–290. *Кравченко Э.Е.* 2015, 413–461.

[6] *Гриб В.К.* 2022, 6–15.

[7] *Гриб В.К., Колесник А.В.* 2020, 5–16; *Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А.* 2022а, 132–140.

[8] *Санжаров С.Н.* 2018, 126–145.

[9] *Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А.* 2022б, 124–133.

[10] *Гриб В.К.* 2022, 6–15.

Великое переселение народов для данного региона явилось рубежным этапом, который в значительной степени зафиксировал смену цивилизационных векторов. В то время как степная часть находилась под контролем гуннского союза, в Среднем Подонцовье, находящемся в пограничной зоне степи и лесостепи, в середине IV в. появляется земледельческое население, скорее всего, пришедшее с севера — северо-запада. С ним связывают памятники пеньковского облика, открытые в населенных пунктах Старица, Выдылыха, Славяногорск (Банное), Выла, Казачье Поле и др. М.Л. Швецов, занимавшийся исследованием данного района, отмечал, что в дальнейшем переселенцы продвигаются в степь: в бассейне р. Кальмиус открыты связанные с ними захоронения (Ясиноватая, Новогригорьевка). Осваивая степной регион, наряду с пашенным земледелием, они занимались скотоводством, а также охотой. Археологические материалы, полученные при изучении указанных памятников (Зливки, Маяки, Выдылыха), говорят о расширении зоны обитания пришельцев, продолжительности их существования, вплоть до появления в Подонцовье протоболгар и, по-видимому, мирном в дальнейшем их сосуществовании. Вместе с тем М.Л. Швецов высказал предположение, что распространение в степной зоне, занимаемой гуннами, земледельцев стало следствием изменения климатических условий, при которых происходит смещение границ двух биоценозов — степи и лесостепи, некоторые изменения в составе флоры и фауны на данном пограничье[11], что, впрочем, не исключает изменения политической ситуации.

Начало VII века в Северном Причерноморье насыщено миграциями народов. В это время образовалось объединение болгарских племен — Великая Болгария во главе с Кубрат-ханом, со столицей в Фанагории (635 г.), основные земли которой располагались в Восточном Приазовье и Верхнем Прикубанье[12]. Находки этого периода в Северо-Восточном Приазовье немногочисленны, но свидетельствуют о присутствии населения и его контактах с другими племенами, а также с Византией [13]. К середине VII в. процесс расселения земледельческого населения на рассматриваемых землях приостанавливается, начинается расширение кочевнических владений. Археологическим отражением этого стало появление на памятниках пеньковского облика в Подонцо-

[11] *Швецов М.Л.* 2018, 117–118

[12] *Феофан Исповедник*. Хронография. год 679/680 г. сообщает о смерти Кроват/ Куврата // *Чичуров.* 1980. Прим. 267.

[13] *Кравченко Э.Е.* 2017, 136–138.

вье кочевнических жилищ (например, Старица), сероглиняной керамики. Относительная стабильность и расширение постоянных участков заселения в дальнейшем выражается в существовании вдоль рек «полос обитания», превращающихся в постоянные поселения. В дальнейшем большинство этих поселений, по-видимому, прекращает свое существование и население, заселявшее их, возможно, уходит в зону лесостепи, а часть его смешивается с расселяющимися носителями зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры[14]. Таким образом, археологический материал в среднем Подонцовье отражает своеобразный процесс формирования симбиоза двух хозяйственных укладов — земледельческого и степного, но степень преобладания одного над другим по времени неравнозначна.

К середине VII в. относится формирование нового государственного образования, которое оказало влияние на данный регион. На базе Западно-Тюркского каганата образовался Хазарский каганат. После смерти Кубрата (665 г.) часть болгарских племен откочевала на Дунай, в то время как оставшиеся в Приазовье булгары, не сумев оказать сопротивления хазарам, подчинились и влились в состав Хазарского каганата[15]. Управление страной опиралось на традиции и институты Тюркского каганата. Способом существования, а также и средством укрепления государственности в период средневековья была территориальная экспансия. От ее результатов часто зависело будущее, как самого государственного образования, так и народов его составляющих. Исторические условия этого периода выводили на передний план военный фактор. Уже во второй половине VII в. экспансия хазар натолкнулась здесь на встречное движение арабского халифата. Череда арабо-хазарских войн продолжалась в 642–799 гг. В процессе противоборства с арабами расширяется территория каганата. Уже к концу VII в. под его властью оказалась земли западного Кавказа и Восточного Приазовья, большая часть степей Северного Причерноморья и Крыма с входившими в него причерноморскими городами. К началу VIII в. политический центр Хазарского каганата находился в Северо-Восточном Предкавказье. Полиэтничное население Хазарии включало тюркоязычные народы, ираноязычных алан и угорские племена. Следствием арабского натиска стало перемещение населения Хазарии от опасного кавказского пограничья во внутренние районы. Процесс переселения в степные и лесостепные районы Восточной Европы болгар,

[14] *Швецов М.Л.* 2018. 117.
[15] *Феофан Исповедник*. Хронография. год 679/680 г.

алан и хазар положил начало формированию в этих местах единой в общих чертах материальной культуры — в археологической терминологии салтовской культурно-исторической общности, существовавшей в VIII–X вв.[16]. Как крупное независимое государство Хазария существовала до X в.

Археологические исследования в Северном Приазовье позволяют конкретизировать историю Хазарского каганата и показать место Северного Приазовья в его существовании. База данных археологических памятников хазарской эпохи, известных в пределах Северо-Восточного Приазовья, к началу XXI в. насчитывала около 350 объектов, как поселенческих, так и погребальных[17]. Их расположение фиксирует несколько районов активной жизнедеятельности. Это район среднего течения Донца, побережье Северо-Восточного Приазовья и Донецкий Кряж. Здесь открыты следы кратковременных стойбищ, очерчивающие маршруты кочевий полуоседлого населения, больших селищ. В среднем течении р. Северский Донец известно 10 городищ, существовавших в хазарское время и служивших торговыми, ремесленными и административными центрами[18]. Вдоль побережья Азовского моря были расположены зимники: поселения с углубленными в землю полуземлянками (Ляпинская балка), юртообразными жилищами с глинобитными стенами (Безыменное, Бердянское), дома с каменными стенами (Старая Ласпа), в курганах Северного Приазовья открыты захоронения этого периода (с. Белояровка, г. Торез, г. Мариуполь). Западная граница влияния каганата доходила до низовий Днепра, где открыты погребения кочевников, в том числе, вероятно, принадлежащие воинам-лучникам (Сивашевка, Большой Токмак, Терновка, Яблоня, Ковалевка, Христофоровка).

Одной из активных и влиятельных политических сил этого периода, в зоне внимание которой также находились территории Северного Приазовья, являлась Византия. Во второй половине VII–VIII вв. византийцы вынуждены были мириться с господством хазар в степях Восточной Европы. Необходимость противостоять арабской экспансии на Кавказе приводит ее к установлению союзных отношений с хазарами. История взаимоотношений Хазарского кагана и Византии являет яркий пример разнообразия приоритетов, методов, механизмов их взаимодействия. Наряду с военным фактором, определяющим характер внутрен-

[16] *Комар А. В.* 2017.
[17] *Кравченко Э.Е.* 2013, 279.
[18] *Кравченко Э.Е.* 2017, 139–167.

них и внешних отношений государств, была религия. Конфессиональная ситуация в регионе в эпоху раннего средневековья отражает сложившуюся систему взаимоотношений в среде местного полиэтничного населения, исповедующего разные религиозные учения. Основная масса хазарского народа оставалась языческой. Тюркоязычное кочевое население исповедовало шаманизм и тенгрианство. В памятниках Северного Приазовья присутствуют маркеры как языческих верований, так и нескольких мировых религий, что еще раз подчеркивает его пограничное положение в географическом и историко-культурном аспектах.

Одним из первых в пределы Хазарии пришло христианство, чему способствовала как близость Византии, так и знакомство хазар с христианскими государствами Закавказья. В середине VIII в. в Крыму была образована Готская епархия, которая играла определенную роль в жизни каганата. Рассматривая вопрос о проникновении христианства и его распространении в регионе, отмечали, что путь из Крыма не исключает восточный путь его продвижения через Среднюю Азию и Кавказ. Археологические источники XI–XII вв. подтверждают распространение христианства на указанной территории не только среди городского населения, но и сельского. Примером этого служат материалы раскопок христианского могильника на берегу Чернецкого озера[19].

Усиление Хазарского каганата и рост караванной торговли в степях Восточной Европы в период VIII–X вв. способствовали распространению моноконфессий. В хазарскую эпоху центральная власть придерживалась политики веротерпимости. Это было обусловлено экономическими причинами и геополитическим положением региона, а также имело демографический и экономический эффект, что нашло отражение в росте населения края в эту эпоху и появлении городов на берегах Северского Донца[20]. Период середины VIII – начала IX в. сопровождался междоусобными столкновениями. Внутренний раскол и затянувшиеся междоусобные войны сильно ослабили каганат, чем сразу воспользовалась Византия, захватив Крым. Кроме того, в IX в. в степи Юго-Восточной Европы начинают проникать новые орды кочевников: венгров, огузов и печенегов.

О появлении мусульман в Подонье и Подонцовье свидетельствуют выявленные мусульманские могильники (Маяки, Сидорово, Лысогоровка и др.)., которые датируются концом IX – первой половиной X вв. Из пяти известных в среднем течении р. Северский Донец мусульман-

[19] *Швецов М.Л.* 2018, 331.
[20] *Швецов М.Л.* 2018, 333.

ских некрополей исследовались могильники и прилегающие к ним поселения у сел Маяки и Сидорово (Славянского р-на). В хазарских городах основу мусульманских общин составляли торговцы и ремесленники, а также наемники-мусульмане из числа хорезмийцев. По мнению большинства исследователей, на территорию Хазарского каганата ислам распространился из Средней Азии.

На основании анализа материалов археологических комплексов у с. Маяки и Сидорово Э.Е. Кравченко сделал ряд интересных выводов. Группы мусульман среднеазиатского происхождения попали на территорию Донецкого региона в середине IX века, в период сооружения крепостей на западных границах Хазарского каганата. Отмеченное различие строительных приемов при сооружении укреплений на Нижнем и Среднем Дону в 30-е гг. IX в., с одной стороны, и в Подонцовье, с другой, говорят в пользу того, что в Подонье строительство носило государственный характер. Сооружение укреплений на Северском Донце, вероятно, велось местными общинами. При этом местные гарнизоны были усилены пришлым воинским контингентом, представленным мусульманами среднеазиатского происхождения. Но связывать их с мусульманами-хорезмийцами нет достаточных оснований[21].

Стремление укрепить свои позиции на международной арене вследствие враждебных отношений с христианскими и мусульманскими странами-соседями (Византией и Арабским халифатом) привело к тому, что в начале IX в. правители Хазарии перешли в иудаизм. Это не было воспринято однозначно населением каганата. Небольшое количество археологических находок, связанных с иудаистическим религиозным культом на землях хазар, не дает оснований говорить о широком распространении этой религии среди хазарского населения[22]. Единичные находки все же отмечают ее проникновение и на окраины каганата. Так, в 1989 г. в разрушенном погребении в районе г. Мариуполь был найден глиняный горшок, на стенках которого были прочерчены символы иудаизма — крест и семисвечник (менора). Благодаря сохранившимся фрагментам аббасидских дирхемов и подвесок погребение датировано временем не ранее первой половины IX в. По мнению авторов публикации, данный сосуд является свидетельством сложного процесса распространения и сосуществования на территории Хазарии различных монотеистических верований. В среде кочевого населения и жителей поселений, находящихся на окраинах каганата, сохранявшееся долгое

[21] *Кравченко Э.Е.* 2022, 59–75.
[22] *Ахунов Р.С., Богатырев Э.Д.* 2015, 1–5.

время язычество могло приобретать своеобразные формы, граничащие с двоеверием[23].

Заселение территории в хазарскую эпоху происходило в соответствии с ландшафтными особенностями. Изучение памятников хазарского и золотоордынского времени на территории Донбасса показывает, что их формирование находилось в тесной связи с природно-географической ситуацией в отдельных частях региона. Оседло-земледельческое население концентрировалось в среднем течении Северского Донца, где и ранее обитала часть населения. Материальная культура имела локальные варианты. Степные памятники Приазовья и Донецкого кряжа отличаются от памятников «болгарского» варианта салтово-маяцкой культуры, расположенных в среднем течении р. Северский Донец (топографией, типом жилищ, отсутствием грунтовых могильников, преобладанием в керамическом комплексе лепной керамики). Западная части приазовской низменности, нижнее Поднепровье, представляет иную картину освоения степей в раннем средневековье. В степных пространствах, прилегающих к р. Молочной число памятников этого времени невелико[24], значительная их часть датируется половецким и золотоордынским временем[25].

В X в. цивилизаторское влияние (распространение монотеистических религий, роль государства в организации пространственной структуры подконтрольных территорий, определенная унификация материальной культуры) хазарской государственности ослабевает и уходит. Территория Северного Приазовья снова погружается в ареал воздействия варварских стратегий. В X–XIII в. с приходом новых кочевых племен в Северное Приазовье регион становится зоной, радирующей разрушительные импульсы. В конце IX в. в степи Юго-Восточной Европы начинают проникать племена печенегов, огузов и кыпчаков. Одна из фем печенегов обосновалась между Днепром и Кальмиусом[26]. Византия, заинтересованная в ослаблении каганата, начала настраивать их против хазар. Приблизившись к южным границам Киевской Руси, печенеги сразу же были вовлечены в политическую жизнь и сложную систему отношений между Византией, Болгарией и Древнерусским

---

[23] *Кравченко Э.Е., Кульбака В.К.* 2010. 275–282.

[24] В низовьях Днепра (Сивашевка, Большой Токмак, Терновка, Яблоня, Ковалевка, Христофоровка) открыты погребения кочевников, в т.ч., вероятно, принадлежащие воинам-лучникам.

[25] *Рассамакин Ю.Я.* 2003. 207–230.

[26] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. № 37. О народе пачинакитов.

государством. В конце X в. печенеги становятся военной силой, которая активно используется русскими князьями в их борьбе за «киевский стол».

В XI в. в степях Северного Причерноморья появляются половцы, вектор их военных походов до начала XIII в также был направлен на русские княжества. Памятники, оставленные половцами в приазовских степях, — курганные погребения, культовые места, — известны практически на всех участках Северного Приазовья. Они иллюстрируют, прежде всего, военно-кочевой быт: оружие (сабли, стрелы, ножи), конскую упряжь, др. Вместе с тем ко времени монгольских завоеваний здесь продолжает существовать группа поселений, на которых проживало полиэтничное (алано-булгаро-славянское) население, ведущее свои истоки от жителей памятников салтово-маяцкой культуры.

Монголо-татарское завоевание в Восточной Европе привело к большим политическим и демографическим изменениям. Население восточно-европейских степей, которое не смогло уйти в более защищенные места Карпат и Полесья, было включено в состав Золо-той Орды и находилось под контролем монголо-татар. Археологические памятники свидетельствуют, что во второй половине ХШ в. донецкие степи были хорошо освоенным регионом[27].

Политические изменения, затронувшие в X–ХШ вв. данные земли, смена доминирующих кочевых союзов практически не изме-нили ландшафтную ситуацию. Во второй половине XIV в. в Золотой Орде начался период междоусобиц, и уже в 60-х гг. XIV в. власть перешла к Мамаю. Под его властью находились Нижнее Поднепровье, Крым, приазовские степи. Свидетельством включенности данных территорий в политическую историю Золотой Орды является нумизматический комплекс времени Улуса Джучи, собранный близ с. Шипиловка Луганской области. Анализ монет привел исследователей к выводу о существовании здесь золотоордынского кочевья, обладающего правом эмиссии медной монеты и, возможно, чеканки серебряной, достаточно тесных его связей с регионом Азака, и возможности сопоставить его с походной ставкой верховного правителя[28]. Кульминацией ландшафтного варварства можно считать нашествие Тимура в 1395 г. Войска Тимура прошли через Подонцовье, разорили Левобережье Днепра, оттуда спустились в Крым, разграбив который, вновь повернули на север. К середине XV в. приазовские степи постепенно превращаются

[27] *Кравченко Э. Е.* 2016, 287–290.
[28] *Санжаров С.Н.* 2018. 126–145.

в территорию, лишенную оседлых поселений, которая посещается только кочевыми ордами. Поселения на Северском Донце, по всей видимости, после нашествия Тимура в 1395 г. так и не были восстановлены и лежали в руинах[29]. К середине XV в. Золотая Орда пришла в полный упадок. Значительная часть причерноморских и приазовских степей была присоединена к Крымскому ханству, попавшему вскоре в зависимость от Османской империи (1475 г.). В начале XVI в. начинается проникновение ногайских орд, основные земли которых находились за Волгой. Северное Причерноморье и Приазовье занимают крымские и ногайские татары. До середины XVI в., кроме Северного Крыма, улусы крымских татар располагались преимущественно от Берды, на востоке, до Днепровского лимана — на западе.

Говорить о новом историческом этапе в развитии степного Приазовья можно, начиная с XVII в., который заложил основы и векторы формирования геосоциального пространства России. В это время в южных пределах Восточной Европы пересекались интересы Речи Посполитой, Московского государства, Крымского ханства, вассала турецкого султана. Российские историки и философы неоднократно указывали на взаимосвязь характера освоения страны и ее территориально-политической организации[30].

Северопричерноморская степь была частью Крымского ханства, где проживали татары и ногайцы. Центрами их сосредоточения являлись районы Азова и низовий Днепра, откуда исходила постоянная угроза для пограничного населения, особенно в условиях конфронтации между Русским государством с одной стороны, и Великим Княжеством Литовским и Польшей, с другой. Данному положению способствовало отсутствие в это время определенной границы. В степях пограничными рубежами выступали конкретные реки и урочища, которые воспринимались населением, скорее, как историческая традиция.

Агрессивные и деструктивные действия в регионе усугублялись еще одним обстоятельством. Существовавшая с XVI по XVIII вв. Запорожская Сечь (Войско Запорожское Низовое) в силу политических условий находилась в той или иной степени зависимости от разных государств — Речи Посполитой, Русского государства или Османской империи. Войны между ними затрагивали и владения Запорожской Сечи, значительную территорию в низовьях Днепра и его притоков. Источником разбойных вторжений и угрозой разорения южных областей

[29] История Донбасса. 2018, 144, 148–150.
[30] *Кузнецов С.В., Межевич Н.М.* 2016, 11–12.

русского государства также являлись низовья Дона с Азаком. С целью обезопасить южные рубежи Петр I предпринимает Азовские походы (1695, 1696). Одним из результатов стало основание Таганрога в 1698 г. в качестве базы русского флота в Азовском море.

Борьба с Османской империей за контроль над Северным Причерноморьем продолжалась в течение XVIII и начале XIX вв. В результате русско-турецких войн большая часть причерноморских земель вошла в состав Российской империи. Параллельно с расширением территориальных границ шло их хозяйственное освоение и выстраивание оборонных рубежей. Увеличение территориальных пределов России требовало совершенствования пространственной структуры государства и системы управления страной, что привело к реформированию системы административно-территориального деления страны. В соответствии с Указом Петра I от 18 декабря 1708 г. была начата губернская реформа: Россия была разделена на 8 огромных губерний[31].

В значительной мере заселение юга в первой трети XVIII в. шло стихийно. По итогам Прутского (1711), Константинопольского (1720) и Адрианопольского (1713) договоров большая часть земель Войска Запорожского оказалась в пределах Крымского ханства, и часть населения переходила на территории, примыкающие к Правобережной, Левобережной и Слободской Украине. После русско-турецкой войны 1735–1739 гг. граница переместилась на побережье Азовского моря. Установление контроля за приобретёнными слабо заселенными приазовскими степями было решено благодаря заселению пустующих земель переселенцами из других стран.

Одним из первых в 1723 г. в районе крепости Тор (ныне Славянск) был расселён сербский гусарский полк. В середине XVIII в. в степи появились поселения жителей Речи Посполитой и Турции, которые перешли на военную службу в Россию. В 1753 г. на правом берегу Северского Донца между реками Лугань и Бахмут из православных военнослужащих Австрийской империи была сформирована автономная область военно-земледельческих поселений Славяносербия[32]. Параллельно с колонизацией идет поиск оптимальных размеров административно-территориальных единиц с целью контроля и управления присоединённых на юге земель. В 1764 г. указом императрицы Екатерины II они были включены в учрежденную Новороссийскую губернию (1764–

[31] *Межуев Б.* 2000: http://www.archipelag.ru/geo economics/kapital/system/local/ (дата обращения: 30.03.2024).

[32] *Белова Е.В.* 2008, 82–93.

1783), с центром в крепости Святой Елисаветы (ныне г. Кропивницкий / Кировоград). Заключение Кючук-Кайнарджийского мира (1774), завершившее русско-турецкую войну 1768–1774 гг., привело к увеличению территории Новороссийской губернии. В 1775 г. к ней было присоединено Запорожье. В 1777 г. Новороссийская губерния пополнилась Херсонской провинцией. С 1784 г. пределы Новороссии расширились с присоединением Крыма.

В 1775–1785 гг. в соответствии с указом Екатерины II «Учреждения для управления губерний» проводится еще одна реформа административно-территориального деления Российской империи[33], одной из целей которой было предотвращение крестьянских восстаний. Административно-территориальные изменения южнорусских степей на уровне губерний происходят в царствование Павла I (1796–1801), который произвел укрупнение территориальных единиц и официально переименовал наместничества, созданные при Екатерине II, снова в губернии, и завершаются Указом Александра I от 8 (20) октября 1802 г. о реорганизации Новороссийской губернии в Екатеринославскую и Таврическую губернии[34]. С появлением российских властей началась активная застройка городов, основанных русскими военными и административными структурами. Основными объектами городского планирования стали военные крепости, Бердянск, Мариуполь.

Ретроспективный взгляд на исторические этапы южнорусских степей позволяет через взаимодействие различных этнополитических, социальных и конфессиональных структур увидеть взаимодействие природно-географических условий и социальных факторов в процессе развития цивилизаций. Тысячелетняя история Северного Приазовья демонстрирует опосредованное влияние географических условий и ландшафтных особенностей на судьбы населения и государственных образований. На протяжении многих веков регион был местом обитания многих народов, зоной межэтнических и межкультурных контактов. Территория степного Приазовья неоднократно оказывалась в зоне противостояния варварских центров и цивилизаций. Именно ландшафт определял направление развития и место региона в государственной политике отдельных стран на более продолжительный период.

Длительное время Северное Приазовье было территорией, где достаточно успешно осуществлялись стратегии кочевников, набеги и нашествия, совершаемые в отношении соседних народов и госу-

[33] Учреждение для управления губерний Всероссийской империи. 1775 г.
[34] *Тархов С.А.* 2001, 191–213.

дарств. В эпоху хазарского каганата население оказывается в зоне воздействия нескольких цивилизаций, которое проявляется в распространении монотеистических религий, роли государства в организации пространственной структуры подконтрольных территорий, определенной унификации материальной культуры. С X в. влияние хазарской государственности ослабевает и уходит. Территория Северного Приазовья снова погружается в ареал воздействия варварских стратегий. Включение в состав России северопричерноморских земель происходило в условиях военно-политического противостояния трех государств и обуславливало этот процесс. В рамках Российской империи шло целенаправленное упорядочивание приазовских территорий. Территориальное расширение пределов империи закономерно влекло за собой и усложнение административно-территориальной структуры, и развитие урбанистических элементов.

ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВАРВАРИЗАЦИИ ГРЕЧЕСКОГО ВОЕННОГО ДЕЛА В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЕ И КЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

А.А. Клейменов

Определение степени влияния природно-географической среды на жизнь того или иного социума является делом сколь обманчиво простым, столь и важным. Даже увернувшись от всех коварных ловушек географического детерминизма, не получится полностью проигнорировать воздействие на разные проявления человеческого бытия рельефа и климата, особо заметное при обращении к отдаленным и менее технически оснащенным эпохам. С другой стороны, при анализе того или иного компонента общественного существования весьма непросто разграничить влияние ландшафта и прочих факторов политического, социального, экономического и культурного характера. В связи с этим особого внимания заслуживают те эпизоды, в рамках которых представители определенной древней культуры оказывались в условиях изначально нехарактерной природно-географической среды, параллельно подвергая трансформации базовые и ярко проявляющиеся основы одной из сфер жизни. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся при обращении к греческому военному делу позднеархаического и классического периодов, обладавшему целым набором характерных признаков, но в некоторых районах эллинской Ойкумены приобретшему нетипичные для центральной зоны цивилизационного пространства «варварские» черты.

Приступая к рассмотрению зависимости облика эллинского военного дела от природно-географической среды, следует отметить, что последняя влияет на организацию вооруженных сил и методику ведения боевых действий как напрямую, так и косвенно. Первый тип воздействия обусловлен ландшафтно-климатической спецификой театра военных действий, определяющей тактические особенности полей сражений, принципы передвижения и размещения войска, а также многие иные вопросы, непосредственно связанные с объективными условиями проведения кампаний. Косвенное влияние следует признать не менее важным, так как под ним подразумеваются обусловленные при-

родно-географическими факторами специфические черты политического, социально-экономического и технологического развития, в свою очередь сказывающиеся на принципах организации войск и их вооружении, целях ведения войн, частоте и продолжительности конфликтов. Оба варианта воздействия явно обнаруживаются при обращении к военному делу ведущих полисов Балканской Греции VI – первой половины IV вв. до н.э., определявшемуся таким явлением как гоплитская фаланга.

Не претендуя на составление исчерпывающей картины генезиса гоплитии и связанных с ней методов ведения войны, которые часто и подробно рассматриваются в научной литературе[1], необходимо констатировать, что ландшафт Греции определил в данном случае многое. Прежде всего, рельеф центральных районов эллинского мира, представлявших собой совокупность разделенных горами небольших долин, в материально-технических условиях раннего железного века привел к возникновению множества конкурирующих общин-полисов, внутри которых присутствовали многочисленные хозяйства мелких землевладельцев и ремесленников[2]. Этот мир часто сталкивавшихся в вооруженных конфликтах городов-государств своими условиями и породил фалангу. Первым о предпосылках генезиса гоплитии задумался Аристотель, указавший, что рост значения тяжелой пехоты и увеличение ее численности позволили представителям данного рода войск потеснить позиции всадников и, соответственно, стать полноправными гражданами, участвовавшими в управлении государством (*Arist.* Polit. IV. 10, 10). На этом утверждении позже была основана концепция М. Нильсона, подразумевающая, что гоплиты появились одновременно с оформлением полиса, так как именно «средний класс» составил и ядро гражданского коллектива, и основу фаланги, лишившую конную аристократию господствующих позиций[3]. Э.М. Снодграсс подчеркнул недостатки этой идеи «гоплитской революции», показав, что первоначально тяжелые пехотинцы были представлены преимущественно аристократами, а сама фаланга сформировалась исходя из военной необходимости, став массовым явлением лишь к концу архаического времени[4]. Тем не ме-

---

[1] Характеристику историографии проблемы см. *Kagan D., Viggiano G.F.* 2013, 1–49; *Нефёдкин А.К.* 2004, 453–463.

[2] *Андреев Ю.В.* 2003, 218–219, 230; *Фролов Э.Д.* 2004, 66–68.

[3] *Nilsson M.P.* 1928, 240–249. Схожие по своей сути выводы см. *Туманс Х.* 1997, 14; *Willekes C.* 2017, 7; *Sears M.A.* 2019, 46–48.

[4] *Snodgrass A.M.* 1965, 121–122. Варианты развития этой концепции при сохранении ее основных положений: *Detienne M.* 1968, 159–162; *Van Wees H.*

нее, даже принятие этой точки зрения не отрицает важность сохранения экономической самостоятельности и политической субъектности демоса, бывших важными предпосылками превращения гоплитии в краеугольный камень военной системы: ранее уже участвовавшая в военных походах в виде вспомогательной силы и заинтересованная в защите своего имущества и статуса зажиточная часть простонародья сумела вместе с аристократами перейти к новому виду пехотного вооружения и, соответственно, сделать фалангу ведущей силой на полях сражений[5]. Являющаяся значимой составляющей концепции Э.М. Снодграсса боевая эффективность фаланги также была напрямую связана с греческим ландшафтом. Здесь мы сталкиваемся с обозначенным в литературе «географическим парадоксом»: фаланга, представлявшая собой плотное построение пеших копейщиков, лучше всего подходила для битв на ровной местности, однако распространилась в гористой Элладе, где таких полей немного[6]. Это противоречие является в значительной мере иллюзорным: фаланги гоплитов обладали сравнительно небольшой длиной и потому хорошо умещались даже в узких долинах, являвшихся узловыми пунктами межполисного пограничья[7]. Мало того, окруженные горами холмистые равнины, на которых размещались ведущие полисы, давали не так много укрытий для легковооруженных, но могли защитить фланги гоплитских порядков от неприятельской конницы[8]. В этих условиях, делавших закономерными лобовые столкновения на ограниченном пространстве, тяжеловооруженные пехотинцы были способны действовать весьма эффективно, а институт гражданской милиции позволял решать задачу по набору подобного контингента основываясь на скромных людских ресурсах полисных общин, так как даже ополченцы могли успешно действовать в составе фаланги без продолжительной подготовки[9]. Другому вектору развития ландшафт центральных районов греческого цивилизационного пространства, напротив, соответствовал мало. В частности, он тормозил развитие кавалерии, так как пастбищ, подходящих для коневодства, было мало,

1994, 145–148; *Singor H.* 2009, 591–593; *Verčik M.* 2018, 173–174.

[5] *Salmon J.* 1977, 90–94; *Welwei K.-W.* 1998, 73–74; *Brizzi G.* 2004, 21–22.

[6] *Wheeler E.L.* 2007, 202.

[7] *Hanson V.D.* 1999b, 67.

[8] *Hanson V.D.* 2009, 26. В качестве аналогии можно привести знаменитую швейцарскую пехоту времен позднего средневековья, плотные построения которой также были весьма эффективны на пространстве горных долин (*Jones A.* 1987, 175; *Nicolle D.* 2012, 34).

[9] *Маринович Л.П.* 1975, 49; *Konijnendijk R.* 2017, 218.

а поля сражений редко позволяли широко применять данный род войска[10].

В дальнейшем военная культура ведущих полисов Греции продолжила развиваться в тех же природно-географических, политических и социально-экономических условиях, в связи с чем ее базовые черты лишь закрепились. В итоге сформировался особый подход, в соответствии с которым основой войска являлись тяжеловооруженные пехотинцы-ополченцы, а сражение между фалангами — главной формой ведения войны[11]. Это был вполне естественный консерватизм. Армиям ведущих полисов Греции сравнительно редко приходилось сталкиваться в бою с представителями иноземных и, соответственно, негоплитских военных систем[12]. Кроме того, фаланга и связанные с ней особенности стратегии и тактики были обусловлены системой полисной государственности и идеологией, что делало институт гоплитии очень живучим[13]. Так как полисы, чье военное дело развивались по обозначенному пути, сыграли ключевую роль в формировании ментально-культурных установок греческой цивилизации, гоплитская практика в классической литературной традиции воспринималась как норма для эллинов, а диаметрально противоположные подходы к организации армии и ведению войны считались признаками «варварства». Следы этого отношения обнаруживаются уже в «Персах» Эсхила, где неоднократно противопоставляются греческие копья и персидские луки (*Aesch.* Pers. 85–86, 239–240), причем залогом афинской победы изображается не только гоплитское вооружение, но и организация войска на базе демократии[14]. Здесь же можно вспомнить и приведенный Геродотом монолог Мардония, где перс называет греческую манеру ведения

---

[10] *Андерсон Дж.К.* 2006, 15; *Sidnell P.* 2006, 24; *Willekes C.* 2021, 90–91. В контексте отмеченного обстоятельства следует отметить наличие весьма примечательной дискуссии о роли конницы в армиях основных греческих полисов архаического времени: одни специалисты считают эллинских аристократов того времени полноценными кавалеристами (*Worley L.J.* 1994, 21–23; *Singor H.* 2009, 594), другие полагают, что лошади выступали лишь средством транспорта для представителей элиты, в бою выступавших в качестве тяжелой пехоты (*Snodgrass A.M.* 1967, 85; *Greenhalgh P.A.L.* 1973, 84–150).

[11] *Hanson V.D.* 1999a, 219–221; *Van Wees H.* 2004, 134–135; *Lee J.W.* 2008, 5–6.

[12] *Эдкок, Ф.Э.* 2012, 125–126.

[13] *Runciman W.G.* 1998, 733; *Roisman J.* 2005, 109; *Hunt P.* 2010, 255; *Pritchard D.* 2010, 51.

[14] *Goldhill S.* 1988, 190–193.

ближнего боя признаком «глупости» или «невежества» (*Herod*. VII, 9), причем сама разница в военном деле показана нарочито утрированно[15]. Все это проявления широко распространившегося убеждения, согласно которому греки отличаются от варваров именно использованием гоплитов, а не легковооруженных пехотинцев и всадников[16].

О связи гоплитского вектора развития военного дела не с некой тактической универсальностью фаланги или изначальными культурными установками, а с природно-географическими условиями бытования свидетельствуют альтернативные варианты развития греческого военного дела. Первая группа подобных систем обнаруживается в некоторых регионах, входивших в пределы «исконной» Эллады. К ним, в частности, относится Фессалия, представляющая собой перемежавшуюся холмами равнину общей площадью более 6 200 км^2 с превосходными пастбищами, превращавшими регион в практически идеальное место для разведения лошадей[17]. Этим фессалийцы активно воспользовались, заработав особую репутацию в античной литературе, где появилось и приобрело стереотипический характер восприятие фессалийской кавалерии как лучшей в Греции[18]. Важно, что ландшафт региона не только позволял заниматься выращиванием боевых коней, но и делал само применение кавалерии чрезвычайно эффективным, в противовес типичным гоплитским армиям, становившимся в местных условиях практически беззащитными перед атаками конницы[19]. Природные особенности Фессалии задали тон и общему направлению развития региона, также повлиявшему на военную организацию. Достаточно высокий земледельческий потенциал был одним из ключевых факторов, приведших к сравнительно низкой степени урбанизации Фессалии[20]. Гражданские коллективы здесь были представлены лишь военно-земледельческой знатью, обладавшей крупными владениями и подвергавшей эксплуатации покоренное население в виде пенестов и периэков[21]. Фессалийская элита последовательно отстаивала свою ис-

[15] *Konijnendijk R.* 2016, 1–12.

[16] *Ferrill A.* 1997, 122; *Krentz P.* 2002, 37; *Trundle M.* 2010, 144–147; *Sears M.A.* 2019, 56.

[17] *Westlake H.D.* 1935, 102–104.

[18] *Aston E., Kerr J.* 2018, 7.

[19] Этот аспект на примере различных эпизодов военной истории классического времени отмечался неоднократно. К примеру: *Kagan D.* 1974, 288–289; *Buckler J.* 2003, 418.

[20] *Rönnlund R.* 2003, 56.

[21] *Фролов Э.Д.* 2001, 142–143.

ключительную роль в решении вопросов управления, вызывая критику со стороны древнегреческих интеллектуалов[22]. Мало того, ландшафтно-экономический фактор способствовал консолидации Фессалии в единое политическое пространство, в отличии от более южных полисов, граждане которых чаще сходились в кровавых столкновениях из-за приграничных земель, создавая сплоченные, но территориально более ограниченные сообщества[23]. Обозначенные нюансы явно не способствовали развитию фессалийского военного дела по «гоплитскому» варианту, а источниковая база показывает, что тяжеловооруженная пехота в Фессалии изначально развития и не получила.

Судя по схолиям к «Ресу», Аристотель в «Фессалийской политии», повествуя о событиях времен поздней архаики, называл основой организации фессалийского войска клеры, каждый из которых должен был выставлять 40 всадников и 80 гоплитов (см. *Sch. Vatic. ad Eurip.* Res. 307). Впрочем, использовать данный фрагмент как доказательство раннего появления фессалийской фаланги нельзя, так как все его содержание и соотношение с материалом других сочинений позволяют полагать, что изначально в тексте философа упоминались не гоплиты, а пельтасты[24]. Применительно к классическому времени именно конница и пельтасты в большинстве случаев называются составными компонентами фессалийских войск[25]. Достоверные указания на появление гоплитов в составе фессалийского войска связаны лишь с периодом правления Ясона Ферского, который, как указывает Ксенофонт, мог собрать 8 тысяч всадников, 20 тысяч гоплитов и огромное число пельтастов (*Xen.* Hell. VI. 1, 19). Впрочем, даже это сообщение не может служить доказательством эволюционного формирования фессалийской гоплитии, ни до, ни после себя никак не проявившей, что позволяет принять концепцию Г.Д. Вестлейка, связавшего появление фессалий-

---

[22] *Archibald Z.H.* 2000, 231. Это недовольство лишний раз показывает обоснованность позиции Ю.В. Андреева, согласно которому для Фессалии вплоть до начала позднеклассического времени были характерны весьма архаичные по форме политические образования, не являющиеся полисами в строго научном понимании этого слова (*Андреев Ю.В.* 2003, 226).

[23] *Aston E.* 2024, 8–9.

[24] Подробное рассмотрение данного вопроса см. *Sprawski S.* 2014, 109.

[25] Ксенофонт сообщает о предоставлении фессалийцами указанных типов воинов в армию Эпаминонда, (см. *Xen.* Hell. VI. 5, 23), а Исократ заключает, что Фессалия могла потенциально выставить более 3 тысяч всадников и бесчисленное количество пельтастов (*Isocr.* VIII. 118).

ской тяжелой пехоты с проведенной Ясоном реформой[26]. Действие подобных мер, судя по всему, было непродолжительным и не смогло существенно изменить фессалийский подход к ведению боевых действий, в котором ведущая роль отводилась коннице, поддерживаемой вспомогательным контингентом пельтастов[27].

Гоплитская практика не получила распространения и на противоположном конце исконного греческого цивилизационного пространства. Речь идет о Крите, где в архаическое и классическое время военное дело развивалось в условиях «единства и борьбы противоположностей». Так, нельзя игнорировать то, что гоплитская составляющая в развитии местной военной системы присутствовала с достаточно раннего времени. Как аргументированно показал Э.М. Снодграсс, гоплитская паноплия появилась на этом острове уже в VII в. до н.э. и развивалась следуя как общегреческим тенденциям, так и создавая неповторимые местные формы[28]. Соответствующие черты обнаруживаются и в бытовавшей на Крите системе воспитания: Страбон, ссылаясь на Эфора, упоминает, что критская молодежь, будучи сведенной в отряды, учится стрелять из лука, охотится, переносить тяготы походов, а также сражаться в строю, ритмическим шагом сходиться с врагом под звуки флейт, танцевать воинский танец, называемый «пиррихой» (*Strab.* X. 4, 16, 20). Как и строевые занятия, так и упомянутый танец явно свидетельствуют о подготовке молодежи к сражениям в строю фаланги[29]. Впрочем, реальная практика критян в позднеархическое и классическое время в значительной степени противоречила обозначенным традициям, так как в действительности для местных уроженцев были полезнее навыки стрельбы из лука и привычка к походной жизни, так как во внешнем мире крит-

---

[26] *Westlake H.D.* 1935, 109–111. Указанная гипотеза, что примечательно, встретила поддержку и в работах более поздних исследователей. См. *Sprawski S.* 2014, 109–110; *Wrightson G.* 2019, 138. Для сравнения можно упомянуть иную концепцию, в которой посредством прямого сопоставления данных Аристотеля и Ксенофонта предполагается, что в фессалийских армиях соотношение кавалерии и гоплитов на протяжении всего классического периода составляло 1 к 2 (*Aston E., Kerr J.* 2018, 15–16).

[27] Подробнее: *Sprawski S.* 2014, 109–110. Не заостряя внимания на отмеченных аспектах, исследователи неоднократно констатировали ведущую роль конницы в фессалийской военной практике: *Нефёдкин А.К.* 2007, 40–43; *Gaebel R.E.* 2002, 81; *Sidnell P.* 2006, 29; *Strootman R.* 2012, 52–54.

[28] *Snodgrass A.M.* 1967, 63–64.

[29] О связи «пиррихи» именно с гоплитской подготовкой см. *Wheeler E.L.* 1982, 232–233; *Pritchett W.K.* 1985, 61–63; *Cawkwell G.L.* 1989, 379.

ские воины были известны, прежде всего, как лучники[30]. Приоритетное развитие легкой пехоты было обеспечено ничем иным как особенностями критского театра военных действий, где гористый ландшафт не позволял в межполисных столкновениях широко использовать гоплитов, но благоприятствовал методам «малой войны»[31].

Еще одним весьма специфичным регионом можно назвать обширную, но преимущественно покрытую горами Этолию, которая вплоть до IV в. до н.э. не знала полисной организации и представляла собой «федерацию» трех племен[32]. Ее развитие было во многом определено ограниченным экономическим потенциалом: ландшафт не позволял активно заниматься земледелием и вынуждал население ограничиваться скотоводством, многие из районов не имели доступных выходов к морю и, соответственно, отсутствовали естественные предпосылки для ранней урбанизации[33]. Главным компонентом этолийских ополчений были легковооруженные дротометатели[34]. Данное обстоятельство объясняется и социально-экономической базой, явно недостаточной для формирования многочисленной гоплитии, и местным гористым рельефом[35]. О том, что этолийцы образовали необычный по меркам развитых полисов социум, являвшийся при этом опасным противником для гоплитских армий, красноречиво свидетельствует рассказ Фукидида о кампании афинского полководца Демосфена против этолийцев 426 г. до н.э. В его начале помещено указание на многочисленность и воинственность этолийцев, разделенных на племена, проживающих в неукрепленных селениях и использующих легкое вооружение. Особо отмечена дикость племени евританов, говоривших на непонятном языке и якобы поедавших сырое мясо (*Thuc.* III. 94, 4–5). В рамках повествования о самих военных действиях рассказывается о битве у Эгития, в ходе которой этолийцы с высот закидывали афинских гоплитов дротиками, отходили и вновь атаковали, в итоге вынудив противника отступить. На финальной стадии боя этолийцы, настигавшие афинян благодаря легкости вооружения, нанесли последним большие потери (*Thuc.* III. 97, 2 – 98, 5). Как неоднократно подчеркивалось в историо-

[30] К примеру, см. *Thuc.* VI. 25, 2; 43, 1; *VII.* 57, 9; *Xen.* Anab. I. 2, 9; III. 3–7, 15–20; IV. 2, 28–32; *Xen.* Hell. IV. 2, 16; 7, 6; *Athen.* X. 421c; *Arr.* Anab. I. 8, 4; II. 9, 2–4; *Diod.* XVII. 57, 4; *Curt.* III. 9, 9; IV. 13, 31.

[31] *Snodgrass A.M.* 1967, 40, 80–84; *Chaniotis A.* 2004, 70; *Kelly A.* 2012, 276.

[32] *Sakellariou M.B.* 1989, 410–411, 460.

[33] См. *Grainger J.D.* 1999, 29–30; *Blome D.A.* 2020, 29–30.

[34] *Нефёдкин А.К.* 2012, 101; *Best J.G.P.* 1969, 15–16; *Jones A.* 1987, 19.

[35] *Wheeler E.L.* 2007, 188.

графии, исход кампании 426 г. до н.э. был связан с плохой приспособленностью гоплитов к сражениям на пересеченной местности, где преимущество оказалось на стороне более приспособленного к подобному ландшафту противника[36].

Представители ведущих полисов с характерным для них «гоплитским» подходом к ведению войны были вполне способны осознать, что иные варианты развития греческого военного дела обусловливались местными условиями. Об этом красноречиво свидетельствует Платон, вкладывающий в уста критянина Клиния замечание, согласно которому именно ландшафт Фессалии и Крита привел к использованию разных родов войска, побудив в первом регионе применять кавалерию, а во втором — подвижную пехоту (*Plat.* Leg. I. 625d). Тем не менее, полного принятия иных греческих военных систем, особенно этолийской и критской, не наблюдалось, причем в критических пассажах античных авторов присутствуют общие тенденции. Этолицы характеризуются как народ варварского образа жизни не только Фукидидом, но и жившим три века спустя Полибием, который сомневается в их принадлежности к настоящим грекам, обличает склонность к грабительским нападениям, пиратству, коварству и святотатству (*Polyb*. IV. 3, 5; 18, 7–9; 19, 4; 29, 4–5; 62, 2; 64, 8; 67, 3–4; 79, 1). Использование для описания этолийцев образа варвара основывалось не на этническом факторе, так как представление о негреческом нраве этолийцев сформировалось в классическую эпоху из-за особенностей их образа жизни (организация набегов, отсутствие городов и т.п.), а в более позднее лишь закрепилось[37]. В случае с Полибием, конечно, подобные выводы подпитывались ахейско-этолийской враждой, хотя определить степень ее влияния непросто[38]. Обличительные заявления делались и по отношению к критянам, причем особенно порицалась их склонность нарушать правила «гоплитской» войны. Тот же Полибий ругает критян за любовь к засадам, ночным атакам, грабежу, указывая на недостаток мужества и стойкости при наступлении вражеской фаланги (*Polyb*. IV. 8, 11). Схожее по сути противопоставление «обычного» военного искусства и критского

[36] *Roisman J.* 1993, 31–32; *Lazenby J.F.* 2004, 61–62. Не характерными для реалий «гоплитской» войны были и ход боя, и его результаты: из 300 афинских граждан, бывших в составе сил Демосфена, погибли 120, что составляет крайне высокую по эллинским меркам долю погибших (*Hanson V.D.* 2005, 145).

[37] *Antonetti C.* 1987, 209–210.

[38] О проблеме наличия у Полибия личных предубеждений против этолийцев см. *Sacks K.S.* 1975, 95–106; *Mendels D.* 1984–1985, 66–73; *Champion C.B.* 2007, 357–362.

можно обнаружить у Плутарха, называющего действия в критском стиле «недостойными» (*Plut.* Philop. 13). Не составляет труда обнаружить, что приведенные примеры неприятия качеств представителей отдельных сообществ были связаны с методами ведения войны. Как справедливо отметил А. Ханиотис, в случае с Этолией и Критом отправной точкой стала склонность местных войск организовывать набеги, пренебрегая открытыми полевыми сражениями[39]. Здесь, несомненно, прослеживаются следы характерного для позднеклассической эпохи убеждения, подразумевающего, что достойными являются лишь гоплитские методы, а иные заслуживают порицания[40]. То, что это порицание в ряде случаев граничило с обвинениями в «варварстве», не должно вызывать удивления: в позднеклассический период среди интеллектуальной элиты было весьма распространено мнение о возможности разграничивать эллинов и варваров не только по сугубо этническим, но и культурным признакам[41]. В соответствии с этими установками стиль ведения войны, отличавшийся от характерного для ведущих полисов, действительно превращался в «варварский», хотя и был выработан представителями эллинского мира.

Военные системы второй группы также трансформировались под явным влиянием ландшафтных факторов, приводивших уже не к мнимой, а к реальной варваризации. Примеры подобных изменений обнаруживаются на разных концах освоенной эллинами Ойкумены, однако в наиболее ярком виде проявляются в Северном Причерноморье. Как определяется уже на протяжении долгого времени, местные греческие сообщества появились в результате колонизационной активности ведущих центров Малой Азии в конце VII–VI вв. до н.э.[42] К этому времени, безусловно, институт гоплитии уже был частью греческих военных реалий. Малоазиатские полисы, отправившие своих представителей на северное побережье Понта, исключением не являлись, однако имели некоторую специфику: для анатолийских греков в целом было характерно как ранее возникновение гоплитии, так и активное взаимодействие с представителями восточных культур, приведшее к усложнению организации армии, перениманию некоторых элементов вооружения, несколько большей роли кавалерии в войске[43]. Не вызывает сомнений, что изначально жители эллинских северопричерноморских колоний

[39] *Ханиотис А.* 2013, 351.

[40] *Krentz P.* 2002, 25; *Roisman J.* 2005, 108–109; *Lendon J.E.* 2005, 86–88.

[41] *Маринович Л.П.* 2006, 10–11; *Пантелеева И.А.* 2010, 93.

[42] См. *Иессен А.А.* 1947, 50–70; *Блаватский В.Д.* 1961, 8–11; *Виноградов Ю.А.* 1999, 106–108; *Буйских А.В.* 2013, 22.

[43] *Brouwers J.* 2021, 77–79.

должны были являться носителями военных традиций, ориентированных на институт гражданской гоплитии[44]. Тем не менее, *a priori* полагать, что греки создали полные аналоги военных систем своих метрополий, нельзя. Отметив, что констатировавшая ранее тенденция копирования в эллинских колониях свойственных для прародины институтов[45] во многих случаях действительно проявлялась, следует обратить внимание на выявленную современными исследователями необязательность подобной репрезентации, в реальности зависевшей от различных факторов[46]. В случае с военным делом факторы, определившие особенности развития сообществ на севере понтийского региона, были важными и по греческим меркам уникальными. Характерной чертой местных природно-географических условий являлись обширные открытые пространства, разительно отличавшие эту часть Европы от зоны зарождения и развития гоплитии и вполне закономерно повлиявшие на формирование и распространение принципиально иных военных систем. Ведущей силой здесь были скифы, чье неоднократно рассматривавшееся исследователями военное дело основывалось на применении конных лучников, обладавших большой подвижностью и тактической гибкостью[47]. Отчасти схожий подход к ведению боя был свойственен и для занимавших северо-восточные районы синдо-меотских племен, которые, впрочем, активнее применяли не луки, а легкие копья[48].

В научной среде большую известность приобрело сообщение Страбона, который в рассказе о событиях, имевших место в Крыму во конце II в. до н.э., отметил бессилие варварских племен и легковооруженных против правильно построенной фаланги (*Strab.* VII. 3, 17). Нельзя не заметить, что это утверждение весьма неточно отображает боевой потенциал фаланги в условиях Северного Причерноморья. Для действий против подвижного, имеющего значительное число кавалерии и стрелков противника на пространствах, дающих возможность широко маневрировать, гоплитские армии, созданные для ближнего боя в условиях тесных долин, подходили мало. Эллинские пехотинцы неизбежно бы утратили способность применять привычные тактические

---

[44] Близкий вывод см. *Блаватский В.Д.* 1954, 64.

[45] *Яйленко В.П.* 1982, 243–245.

[46] *Bernstein F.* 2020, 504–511.

[47] См. *Блаватский В.Д.* 1950, 19–30; *Мелюкова А.И.* 1964, 84–85; *Смирнов А.П.* 1966, 150–157; *Черненко Е.В.* 1981, 123–141; *Виноградов Ю.А.* 2006, 11–19.

[48] *Граков Б.Н.* 1971, 96; *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* 2008, 60–70; *Бондаренко М.Е.* 2012, 51–55.

схемы и подверглись дистанционному обстрелу, фланговым и тыловым ударам. Примеров подобного развития событий античная история знает немало. К числу хронологически наиболее близких эпизодов относится описанный Ксенофонтом марш бывших наемников Кира Младшего под изнуряющими и деморализующими атаками персов Митридата (*Xen.* Anab. III. 3, 6–11)[49]. Также можно вспомнить сражение на Политимете 329 г. до н.э., закончившееся уничтожением отряда наемников Александра силами Спитамена и союзных ему среднеазиатских скифов (*Arr.* Anab. IV. 5, 3 – 6, 1; *Curt.* VII. 7, 31–39), а также печально-известную битву при Каррах 53 г. до н.э., где римляне оказались бессильны перед атаками парфянских лучников и тяжелых кавалеристов (*Plut.* Crass. 23–27; *Dio Cass*. XL. 21–24)[50]. Сравнительно удобными противниками для греков были лишь населявшие горные районы Крыма племена тавров, которые опирались на оружие ближнего боя, не имели тяжелого защитного снаряжения и мало использовали конницу[51].

Результаты усилий исследователей не оставляют сомнений в том, что в уникальных условиях северопричерноморского региона греческое военное дело начало меняться посредством усвоения традиций местных народов, встав на путь варваризации. Первый комплексный труд, рассматривающий данный процесс, был опубликован в 1954 г. В.Д. Блаватским. В нем отмечается, что в вооруженных силах Ольвии, судя по массовым находкам на некрополе наконечников стрел, большую роль играли лучники, нужные для борьбы со скифами, а на Боспоре не позднее IV в. до н.э. появилась необходимая для степных условий многочисленная кавалерия, вооружением и тактикой схожая с конницей синдо-меотов. Тем не менее, автор назвал основой войск Ольвии и Херсонеса гражданскую фалангу, а также пришел к выводу, что на Боспоре гоплитская милиция быстро уступила место наемным пехотинцам, действовавшим вместе с боспорской кавалерией и конницей варварских союзников[52]. Позже появилась концепция, подразумевавшая более раннюю и глубокую варваризацию военного дела эллинов Северного Причерноморья. Ее автором является Е.В. Черненко, который, обратив вни-

[49] Как справедливо отметил Дж. К Андерсон, данный эпизод красноречиво показал, что без должной поддержки со стороны кавалерии и стрелков гоплиты не способны справится с вооруженным дистанционным оружием и маневрирующим противником (*Anderson J.K.* 1970, 115).

[50] О возможности соотношения указанных описанных эпизодов с тактикой скифов также см. *Смирнов А.П.* 1966, 156–157.

[51] *Бондаренко М.Е.* 2010, 36–37; *Марков В.В.* 2013, 65–67.

[52] См. *Блаватский В.Д.* 1954, 79–85.

мание на скудность предметов гоплитского вооружения в некрополях Ольвии и Херсонеса, а также на наличие в зоне влияния Боспора находок защитной экипировки лишь в погребениях всадников, предположил, что северопонтийские греки с самого начала отказались от использования фаланги и перешли к более выгодной в местных условиях и проверенной здешними племенами тактике, основанной на использовании лучников и кавалерии[53]. Выводы Е.В. Черненко неоднократно критиковались. Так, в совместной статье А.С. Русяевой и В.В. Назарова, посвященной единственной находке «аргивского» щита на территории Ольвии, на основании факта обнаружения данного артефакта и большого числа наконечников стрел сделан вывод о наличии в городе и гоплитской фаланги, и лучников. Отмечая неповоротливость фаланги и небольшое население Ольвии в V в. до н.э., авторы предположили, что фаланга применялась для обороны ближних подступов к городу[54]. На том же ольвийском материале концепцию Е.В. Черненко подверг критике Ю.А. Виноградов, который, указав на преобладание наконечников стрел и иных предметов вооружения варварского происхождения, обратил внимание на граффити с изображением воинов-гоплитов, находку «аргивского» щита и иных элементов эллинского вооружения, благодаря чему сделал вывод о наличии в Ольвии гражданской фаланги, выступавшей основой войска[55]. В вышедшем позднее совместном исследовании Ю.А. Виноградова и В.А. Горончаровского при характеристике боспорского военного дела VI–V вв. до н.э. констатировалось преобладание на памятниках региона варварского вооружения и присутствие всадников, в экипировке которых сочетались элементы греческих доспехов со скифским и синдо-меотским оружием. Вместе с тем, авторы, не принимая выводы Е.В. Черненко, указали, что фаланга в первые века существования греческих поселений на Боспоре сохранила свое значение, а конница применялась для ее прикрытия и самостоятельно действовала лишь при отражении нападений небольших отрядов номадов[56]. Отдельно также можно отметить позицию А.М. Бутягина, который, констатировав вытекающий из характера археологического материала переход боспорских греков на варварское вооружение в VI–V вв. до н.э., назвал проблематичным вопрос о степени принятия

[53] Общая констатация тенденции в пределах всего региона: *Черненко Е.В.* 1968, 162–163. Позже эти выводы исследователем конкретизировались на ольвийском материале. К примеру, см. *Черненко Е.В.* 1979, 185–186.

[54] *Русяева А.С., Назаров В.В.* 1994, 49–51.

[55] *Виноградов Ю.А.* 2006, 28–48.

[56] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* 2008, 32–45, 55–56.

туземного военного дела, полагая, что сообщение Полиэна об армии Левкона свидетельствует о сохранении гоплитов в военном обиходе от V до IV вв. до н.э.[57]

Не имея стремления разрешить данный спор посредством пресловутого «argumentum ad temperantiam», заметим, что состояние источников не позволяет в настоящий момент признать одну из двух позиций максимально убедительной. Тем не менее, некоторые обстоятельства дают возможность при обращении к военному делу Ольвии и Боспора отдать предпочтение концепции Е.В. Черненко. В первую очередь это побуждают сделать особенности применения вооруженных сил, которые в регионе чаще всего были связаны с защитой хоры от набегов[58]. В условиях открытых ландшафтов Нижнего Побужья, Восточного Крыма и Таманского полуострова решение подобной задачи подразумевало быстрый ответ на действия легкой кавалерии противника, для чего медлительная и пригодная лишь для ближнего боя фаланга подходила плохо, в отличии от экипированной по варварскому образцу конницы и подвижной пехоты из лучников или пращников[59]. Как верно было отмечено в литературе, неспособность использовать фалангу против воюющего в скифской манере противника неизбежно обеспечивала переход к применению варварского вооружения и, соответственно, изменению и тактики, и стратегии[60]. Ограниченная возможность тактического применения гоплитии в местных реалиях сочеталась с большими трудностями организационного характера. Для формирования гражданской фаланги требовалось наличие весомого количества населения, имеющего доступ к тяжелому пехотному вооружению. Под воздействием колониальной специфики данная социальная группа неизменно сокращалась из-за отдаленности центров оружейного производства и перипетий экономического развития. Последние оказывали влияние даже на полисы Великой Греции и Ионии, делая гоплитскую экипировку там

[57] *Бутягин А.М.* 2018, 110–111.

[58] Применительно к ситуации на хоре Ольвии: *Буйских С.Б.* 1986, 19–21; *Крыжицкий С.Д. и др.* 1989, 124–125. Говоря о взаимоотношениях скифов и населения европейской части Боспора в VI–V вв. до н.э., исследователи отмечают факт наличия затрагивавшей хору военной напряженности, однако ее масштаб и проявления оцениваются по-разному. См. *Зинько В.Н.* 2006, 3–8; *Молев Е.А.* 2008, 133–134.

[59] Здесь упомянем особенности найденных на сельской хоре Боспора изделий военного назначения, представленных в основной своей массе наконечниками стрел и снарядами для пращи (*Масленников А.А.* 2015, 146–148).

[60] *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* 2006, 104.

менее доступной[61]. В Северном Причерноморье греческое защитное вооружение, как правило, являлось результатом импорта из заморских земель и было еще более дорогим, становясь частью экипировки лишь конных аристократов греческого и варварского происхождения, в погребениях которых подобные изделия и обнаруживаются[62].

В контексте рассматриваемого вопроса также нельзя не обратить внимание на зыбкость аргументов, часто используемых для обоснования факта наличия северопричерноморской гражданской гоплитии в VI–V вв. до н.э. Так, единственный относящийся к классическому времени случай применения гоплитов в боспорской армии, фиксируемый Полиэном в рамках его рассказа о столкновении Левкона с гераклеотами (*Polyaen.*, VI, 9, 4), датируется уже IV в. до н.э. и вполне может быть объяснен привлечением наемников[63]. Присутствие изображений гоплитской паноплии на памятниках искусства также нельзя признать весомым доводом из-за специфики самого образа гоплита. Последний использовался для визуального воплощения и идеального воина, и грека в целом, в то время как изображения легковооруженных и всадников служили для демонстрации архетипичных черт врага-варвара[64]. Как убедительно показал Ф. Лиссарраг, эти образы распространялись по законам искусства без тесной привязки к реальной практике[65]. В большей степени военную действительность отражает археологический материал. Говоря о вещественных свидетельствах, необходимо подчеркнуть, что факт применения отдельных элементов защитного снаряжения, изначально созданного в рамках гоплитской традиции, еще не является признаком применения фаланги. В противном случае нам бы пришлось говорить о бытовании гоплитов среди скифской аристократии, которая, как известно, активно использовала доспехи эллинского

---

[61] *Taylor R.* 2021, 173. Помимо этой тенденции можно указать на разную степень распространенности гоплитии в центрах Ионии (*Лаптева М.Ю.* 2009, 289).

[62] *Мелюкова А.И.* 1964, 20; *Черненко Е.В.* 1968, 163.

[63] Примечательно, что в источнике упомянуто применение Левконом скифских лучников, которые стояли позади гоплитов и не давали им отступать, для чего даже велся обстрел. О наличии у Левкона наемников и достаточно жестком обращении с ними писал и живший в том же столетии Эней Тактик (*Aen. Tact.* V. 2). Выводы о наемном происхождении гоплитов Левкона: *Блаватский В.Д.* 1954, 71, 76; *Завойкин А.А.* 2004, 64–65. Иное мнение см. *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* 2008, 82; *Бутягин А.М.* 2018, 111.

[64] *Lissarrague F.* 1990, 235–239; *Sears M.A.* 2019, 56–57.

[65] *Lissarrague F.* 1990, 237.

производства в рамках кавалерийской практики[66]. Более весомым аргументом могут быть находки останков больших «аргивских» щитов, обеспечивавших само существование фаланги и для иных форм боя подходивших плохо[67]. При обращении к северопричерноморскому материалу мы сталкиваемся с весьма показательным обстоятельством: к эпохе поздней архаики и ранней классики относится лишь упоминавшаяся выше уникальная находка из Ольвии[68], а в других регионах, например, на Боспоре, аналогичные артефакты, датируемые теми же периодами, не обнаружены[69]. Хронологически близки к рассматриваемой эпохе обнаруженные при раскопках Курджипкского кургана в Адыгее фрагменты бронзовых деталей «аргивского» щита, который, что примечательно, входил в инвентарь погребения меотского знатного воина IV в. до н.э., в бою игравшего роль всадника[70]. Были сделаны попытки объяснить скудность находок ценностью гоплитских щитов, побуждавшей их тщательно хранить и ремонтировать[71], недолговечностью деревянной основы изделий[72], особенностями погребального обряда[73]. Тем не менее, факт отсутствия весомого числа находок щитов, имевших бронзовые обкладки[74] и явно бóльшая представленность на памятниках сравнительно дорогих шлемов, кнемид и наступательного вооружения не позволяют принять подобные доводы. По сути, необходимо говорить о существовании военных систем, для которых шлемы, панцири и наступательное оружие были более характерны чем «аргивские» щиты и, соответственно, использование фаланги. Похожая ситуация наблюдается во Фракии, где применительно к VI–IV вв. до н.э. образцов отдельных элементов греческой паноплии (шлемов, кнемид, панци-

---

[66] *Мелюкова А.И.* 1964, 20; *Черненко Е.В.* 1968, 163; *Ольховский В.С., Храпунов И.Н.* 1990, 49.

[67] Об этом: Hanson V.D. 1991, 67–70; *Viggiano G. F., Van Wees H.* 2013, 57–59; *Sears M.A.* 2019, 32–34.

[68] *Русяева А.С., Назаров В.В.* 1994, 45–47.

[69] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* 2008, 36.

[70] *Галанина Л.К.* 1980, 50–51, 56–57.

[71] *Русяева А.С., Назаров В.В.* 1994, 51.

[72] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* 2008, 36.

[73] *Дедюлькин А.В.* 2019, 167.

[74] Данный элемент конструкции не так уж плохо противостоит неумолимому ходу времени. В качестве примера можно упомянуть, что из бронзовых обкладок 279 «аргивских» щитов, найденных в Олимпии, 78 имеют степень сохранности, позволяющую установить размеры всего изделия (*De Groote K.R.* 2016, 199).

рей) обнаружено много, однако останки гоплитского щита представлены лишь одной находкой[75]. Выявляемое обстоятельство явно соотноситься с особенностями фракийского военного дела, не знавшего фаланги греческого типа[76]. В случае с Северным Причерноморье скудность находок «аргивских щитов» накладывается на более чем просто показательные тенденции, выявляемые в археологическом материале: население местных греческих центров не только использовало, но и активно производило вооружение варварского типа, а также подвергало переделке отдельные элементы гоплитского защитного снаряжения, делая их более приспособленными к применению, соответствующему туземной военной практике[77].

Все обозначенные факторы позволяют признать несколько более убедительной гипотезу, согласно которой военное дело ольвиополитов и населения Боспора с самого начала приобрело «варварский» вектор развития, предусматривавший отказ от гоплитской милиции как основы войска. В случае с Боспором нехарактерные для греческих полисов военные потребности были настолько насущны, что во многом предопределили наблюдаемое как минимум с V в. до н.э. сближение боспорской элиты с племенной аристократией, и, как итог, последовавшее в дальнейшем образование малохарактерной для греческого мира территориальной монархии[78]. Можно полагать, что относительно развитым институтом гоплитии в классическое время обладал лишь Херсонес. Этому должны были способствовать географические особенности, так как зоной активности херсонеситов в рассматриваемое время был преимущественно Гераклейский полуостров, отделенный от остального Крыма горной грядой и обладавший сложным пересеченным рельефом[79]. Подобные условия предоставляли возможность контролировать территорию даже ограниченной в мобильности тяжелой пехотой, а также в случае столкновения позволяли обеспечить естественное прикрытие флангов и тыла фаланги. Показательно удачное противодействие таврам, которых полис, имевший в конце V – первой половине

[75] *Stoyanov T.* 2015, 429–431.

[76] Об этом: *Фол А.* 1969, 61–64; *Попов Д.* 2009. С. 187–191; *Webber C.* 2011, 205; *Sears M.A.* 2013, 3–6. Концепция Хр. Данова, отметившего, что все более возраставшее использование эллинских образов воинской экипировки свидетельствует о переходе фракийцев к греческой же тактике (*Данов Хр.* 1982, 106) большой поддержки среди исследователей не получила.

[77] *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* 2006, 104–106.

[78] *Подосинов А.В.* 2014, 127–134.

[79] *Николаенко Г.М.* 2018, 4–5.

IV в. до н.э. не более 2 тысяч человек населения, сумел вытеснить за кромку Гераклейского полуострова, что было бы просто невозможно без качественного военного превосходства[80]. Также нельзя не отметить, что гоплитскому этосу хорошо соответствовала и знаменитая «Присяга херсонеситов» начала III в. до н.э., передающая ценности социально однородного коллектива, скованного строгой дисциплиной[81].

Подводя итог, следует констатировать, что процесс развития военного дела греческих сообществ во многом зависел от прямого и косвенного воздействия природно-географической среды. Ее особенности привели к оформлению в ведущих полисах Балканской Греции гоплитии, определившей организацию вооруженных сил и методику ведения боевых действий в позднеархаическое и классическая время. Именно поэтому гоплит и фаланга в письменной традиции стали восприниматься как важнейшие компоненты эллинского военного дела, не характерные для мира «варваров». Тем не менее, для греческих сообществ, развивавшихся в иных ландшафтных условиях, было свойственно альтернативное развитие военной сферы, не подразумевавшее большой роли тяжеловооруженной пехоты. Оно прослеживается как на некоторых исконно греческих территориях, население которых порицалось за использование «варварских» методов ведения войны, так и в далеких землях Северного Причерноморья, где природно-географический фактор стал одной из предпосылок, побудивших эллинское население усвоить вооружение и тактику местных племен и народов.

---

[80] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* 2017, 79.

[81] См. *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* 1990, 345–346, 370. О том, что защита Херсонеса лежала на плечах именно граждан-воинов в классическом греческом варианте косвенно свидетельствует, как это ни странно, необычное по меркам Боспора и Ольвии практически полное отсутствие вооружения среди погребального инвентаря (см. *Стоянов Р.В.* 2004, 109–111). Несмотря на то, что скудность погребального инвентаря херсонеситов классического периода пытались объяснить особым социальным составом колонистов, восходивших к бедным и средним слоям Гераклеи (*Сапрыкин С.Ю.* 1986, 66–68), обратим внимание на сходство местных реалий с погребальной практикой балканских греков, где обычай захоронения предметов вооружения исчез еще до начала классического периода (*Morris I.* 1992, 26–29), то есть в период расцвета гоплитии.

РАЗДЕЛ II

ГОРИЗОНТЫ ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА

ОПАСНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«МНОГО... ЛЕЖИТ ПЕСКОВ СЫПУЧИХ ПОД КИРЕНОЮ, СИЛЬФИЕМ ПОРОСШЕЙ[1]...»

Л.Л. Селиванова

— А вам не приходило в голову, что цивилизация чертовски опасна?
— Опасна? — Такая неожиданная постановка вопроса поразила мистера Саттертуэйта до глубины души.
— Ну да. В ней ведь нет предохранительного клапана.

Агата Кристи. Тень на стекле

Вопрос о влиянии географической среды на человека и общество волновал мыслителей ещё в древности. Впервые эта проблема была сформулирована в Древней Греции. Фалес Милетский, математик и «отец философии», чьим именем открывался список Семи мудрецов, первым стал рассуждать о природе, выдвинув идею субстанции — первоосновы, пронизывающей собой всё, и видел её во влаге[2]. Философ Парменид в поэме «О природе» развил учение о четырёх вечных и неизменных элементах — огне, воде, воздухе и земле, из сочетания которых в разных пропорциях образуется всё[3]. Знаменитый древнегреческий философ и врач, «отец медицины» Гиппократ тоже пытался выявить зависимость человека от природы. В сочинении «О воздухах, водах, местностях» он подробно рассматривал влияние климата на здоровье людей, описывал наиболее частые болезни жителей прибрежных городов, горных поселений и низменностей, дал сравнительное описание народов Азии, Европы и Африки и пришёл к выводу: «Формы людей и нравы отражают природу страны» (*Hipp.* De aere, aquis, locis. 24).

---

[1] Катулл. 7. 3–4. Пер. С.В. Шервинского.
[2] Антология мировой философии, 267–268.
[3] Там же, 290, 294, 296.

Великие философы Греции Платон и Аристотель утверждали в своих трудах, что почва и климат влияют на формирование характера людей. Историк и географ Страбон (ок. 63 г. до н.э. – ок. 24 г. н.э.) в своей 17-томной «Географии», хотя и не выдвигал какой-либо концепции, всё же часто отмечал непосредственное влияние природной среды и климата на этнос. С наступлением «тёмных веков» интерес к этой теме угас, но возник вновь в эпоху Возрождения на фоне обращения к культурному и научному наследию античного мира. Одним из первых откликнулся на это французский философ и историк Жан Боден, написавший в 1566 г. свой труд «Метод лёгкого познания истории», в котором отмечал большое влияние климатических различий на историю народов, а также уделил внимание изучению роли рек, рельефа и проч.[4]. Мыслители Нового и Новейшего времени (XVI–XIX вв.) Ш.Л. Монтескье, И.А. Гердер, Э. Реклю и др. пытались всю изменчивость человеческих рас, характеров, темпераментов, исторические судьбы народов поставить в зависимость от географических условий, главным образом, от климата. Российские философы, историки и писатели, обращавшиеся к изучению русского национального характера, духовного-нравственного облика, культуры и государственного устройства, всегда подчёркивали их тесную взаимосвязь с природно-климатическими условиями страны[5]. Наряду с теорией географического детерминизма, утвердившейся в XIX в.[6], по другую её сторону появилась и стала преобладающей в XXI в. идея о преимущественно пагубном влиянии человека на природу.

Так, в 2023 г. учёные Центра экологической динамики в новой биосфере (ECONOVO) Датского национального исследовательского фонда при Орхусском университете пришли к выводу, что основной причиной вымирания мегафауны в позднечетвертичный период было антропогенное воздействие. К этому привела постоянная и целенаправленная охота на животных[7]. И хотя резкие изменения климата, такие, как межледниковые и ледниковые эпохи в период от 130 до 11 тысяч лет назад, так же разрушительно влияли на популяции животных, профессор макроэкологии этого университета Йенс-Кристиан Свеннинг

---

[4] *Боден Ж.* 2000, 27.

[5] И.А. Ильин в своём труде «О грядущей России» обратил внимание на то, что именно «природа влияет на характер людей, на продовольствие страны, на её промышленность; она определяет её географические и стратегические границы, её оборону, характер и обилие её войн». См.: *Ильин И.А.* 1993, 27.

[6] *Мечников Л.И.* 1898; *Волканов В.Д., Пестрикова И.Е.* 2011, 226–233; *Петренко А.Н.* 2015.

[7] *Lemoine Rh.T., Buitenwerf R., Svenning J.-Chr.* 2023.

продолжает настаивать на решающей роли Homo sapiens и утверждает, что массовое вымирание крупных животных за последние 50 000 лет является уникальным явлением за все 66 миллионов лет и представляет собой первое в планетарном масштабе антропогенное преобразование окружающей среды[8].

Но самой яркой иллюстрацией теории экоцида[9] до недавнего времени служила полинезийская цивилизация Рапануи (Рапа-Нуи), существовавшая примерно 2000 лет назад на о. Пасхи в Тихом океане в 3 700 км от побережья Чили. Западные исследователи долгое время считали, что жители острова вырубили все деревья на постройку лодок и огромных каменных статуй — моаи[10], а также для обогрева, а поскольку пальмы не только давали древесину, но и играли важнейшую роль в удержании почвы и сохранении пресной воды, необходимой для сельского хозяйства, это привело к разрушению экосистемы и к социальному коллапсу. Сторонники теории утверждали, что массовая вырубка лесов сделала остров уязвимым к экстремальным погодным условиям, таким, как засухи, а деградация окружающей среды привела к спаду производительности сельского хозяйства, межплеменным войнам за оставшиеся ресурсы и снижению человеческой популяции. Некоторые теоретики экоцида предполагали даже, что в обществе, переживавшем кризис, мог возникнуть каннибализм, а сама цивилизация фактически исчезла ещё до прибытия сюда европейцев в XVIII в. В глобальных дебатах о. Пасхи часто использовался как пример чрезмерной эксплуатации ограниченных ресурсов, приведшей к демографической катастрофе. Однако 21 июня 2024 г. в журнале «Science advances» появилась статья коллектива археологов, антропологов и климатологов Колумбийского университета (США), поставивших под сомнение общепризнанную теорию. Они показали, что при низкой продуктивности почв общины перешли от сжигания пальм к стратегии каменного мульчирования, или альпинария — добавления камней в культивируемые участки земли. Эта практика применяется сегодня во всём

---

[8] *Svenning J.-Chr., Lemoine Rh.T., Bergman J., Buitenwerf R., Le Roux E., Lundgren E., Mungi N., Pedersen R.Ø.* 2024.

[9] Термин «экоцид» (от греч. οἶκος — «дом, имущество, хозяйство» и лат. caedo — «убиваю») — уничтожение природы, а также совершение иных действий, способных привести к экологической катастрофе — в научный оборот был введён в 1970 г. А. Гальфсоном как реакция на действия армии США во время войны во Вьетнаме. См.: *Геворкян С.Г., Геворкян И.С.* 2018, 1–15.

[10] В настоящее время на острове насчитывается 887 таких статуй, вырезанных из горной породы вулканического происхождения.

мире. Так наз. «каменные сады» засеивались частицами размельчённых вулканических пород, содержащих большое количество нутриентов, критически важных для роста растений, в том числе батата, сладкого картофеля, который был основой питания жителей до прибытия европейцев. Повышение плодородия почвы происходило за счёт защиты растения, поскольку создавался более турбулентный воздушный поток над садом, что снижало высокие дневные температуры и повышало ночные; при этом уменьшались испарение влаги и вымывание питательных веществ, которыми посредством мульчирования обогащались обеднённые почвы (азот, фосфор, калий, кальций, магний, сера). Учёные взялись измерить протяжённость альпинариев для выяснения доконтактной численности островитян и приспособлености их к окружающей среде, опираясь на максимально возможный объём урожая батата. Использовались мультиспектральные инфракрасные снимки высокого разрешения (VINIR), включая SWIR, поверхности острова, которые были получены камерами спутника дистанционного зондирования Земли Worldview-3 и проанализированы с помощью ИИ. Проведённые расчёты показали, что альпинарии могли поддерживать жизнь не более 3 000 человек, что в несколько раз ниже предыдущих подсчётов (17 000) и сопоставимо с числом жителей (ок. 2 000) на момент контакта с европейцами. В реальности произошло нечто противоположное тому, о чем говорит теория экологического коллапса: жители острова не только не уничтожили природные экосистемы, а, напротив, попытались приспособить их под свои нужды в условиях постоянного недостатка ресурсов. Это яркий пример того, как изолированное общество при скудном ландшафте сумело создать устойчивую систему выживания, поддерживая свою численность в существующих обстоятельствах.

Так современные методы исследований опровергают некоторые научные заблуждения, завысившие оценки производительности сельского хозяйства в 5-20 раз. Это особенно важно не только в контексте дебатов о «коллапсе» и «экоциде», но и в развенчании идеи «мальтузианской ловушки» — популярного нарратива о переизбытке населения, которое якобы само стало причиной своей гибели из-за неконтролируемого роста популяции и чрезмерной эксплуатации природных ресурсов[11].

Предметом нашего исследования является история сильфия — забытого растения, некогда составлявшего славу древней Киренаики. Цель — показать, как и почему его открытие способствовало расцвету

[11] *Davis D.S., Dinapoli R.J., Pakarati G., Hunt T.L., Lipo C.P.* 2024.

главного города Ливии, каким образом неразумное, эгоистичное отношение людей к этому ценнейшему растению повлияло на судьбу государства и какова была в этом роль варварского мира и цивилизации.

История Кирены, древнего города у побережья Средиземного моря на северо-востоке современной Ливии известна лучше других греческих колоний архаического времени благодаря Геродоту, Пиндару, богатому археологическому материалу, а также документу, претендующему на то, чтобы быть оригинальным декретом основателей колонии. Кирена (греч. Κυρήνη, лат. Cyrene) была основана ок. 631 г. до н.э. греками-дорийцами с острова Фера (совр. Санторини в Эгейском море) под предводительством царя Батта[12]. Колония была выведена по причине перенаселённости и голода и по указанию Дельфийского оракула[13]. Она отстоит от моря примерно на 16 км, находясь на северной кромке высокого плато. К югу от Кирены лежала Ливийская пустыня с оазисом, где находился знаменитый оракул Аммона в Фивах, к которому обращался Александр Македонский[14].

Батт правил сорок лет, в правлении его правнука Аркесилая II Жестокого братья отложились от него и ок. 540 г. до н.э. образовали из за-

---

[12] Александрийский поэт III в. до н.э. Каллимах, возводивший себя к Батту, называет его в гимне «К Аполлону» Аристотелем (75–76). По мнению Геродота (IV. 155), своё второе имя Батт получил в Ливии, что означало «царь» по-ливийски.

[13] Оракул Аполлона, расположенный в Дельфах, в центральной Греции (*Селиванова Л.Л.* 2016а, 547). К Дельфийскому оракулу обращались по всем частным, общественным и государственным вопросам, особенно при выведении колоний (См.: *Селиванова Л.Л.* 2016, 546–547). Батту, с детства страдавшему заиканием, пифия повелела отправиться в Ливию. Удивлённый Батт пренебрёг оракулом, и тогда ферейцев постигли всяческие несчастья. Снова было снаряжено посольство в Дельфы. Пифия ответила, что облегчение наступит только после того, как ферейцы во главе с Баттом заложат основание Кирены в Ливии. После долгих мытарств колонисты в конце концов выполнили указание Аполлона и основали поселение в Ливии.

[14] Колонисты, приняв в качестве бога-покровителя египетского Аммона-Ра, отождествили его со своим главным богом Зевсом. Новое синкретическое божество Зевс-Аммон сочетало в себе отеческий облик Зевса с бараньими рогами Аммона. Его оракул в оазисе Сива считался одним из величайших в греческом мире. После того, как Александр принял капитуляцию Египта, он отправился на запад, в Сиву, чтобы получить, как это делали фараоны, признание своего происхождения в храме Аммона-Ра. Оракул объявил Александра сыном Зевса-Аммона, узаконив тем самым его как нового фараона Египта, что позволило ему выступать с «божественными» притязаниями по отношению к грекам.

падных городов самостоятельное государство Барку[15]. Династия Баттиадов правила в течение восьми поколений. Конец их власти положил Камбиз, присоединивший Кирену к египетской сатрапии. В составе государства Ахеменидов полис получил демократическую форму правления[16]. Александр Македонский, захвативший Египет в 331 г. до н.э., гарантировал Кирене относительную автономию. Но потом город попал под власть Лагидов. Кирену и ещё четыре города: Аполлонию, Барку/Птолемаиду, Тавхиру / Арсиною (совр. Токра) и Эвгеспериды/Беренику (совр. Бенгази), — подчинил себе Птолемей I, составив из них Пентаполь (Пятиградие)[17]. Ненадолго Кирена обрела независимость при Магасе Киренском, пасынке Птолемея I, но после него её снова поглотила птолемеевская империя. После смерти последнего представителя династии Птолемея Апиона вся Киренаика была присоединена Римом в 67 г. до н.э. к провинции Крит. Город оставался одним из главных в регионе вплоть до разрушительного землетрясения 365 г. н.э.[18] Затем он стал христианским (имел собственного епископа[19]) и подвергался набегам кочевых племён. Землетрясения, восстания, войны ослабили Кирену. После распада Римской империи город влачил жалкое существование под властью Византии и в 643 г. н.э. был разрушен арабами. Жители покинули Кирену[20]. В конце XVIII в. засыпанный песком город обнаружили итальянские учёные. Но масштабные археологические исследования провели здесь только в начале XX в. американцы. Раскопки продолжались и в XXI в.[21], однако с 2011 г., с приходом так наз. «Арабской весны» археологические и реставрационные работы не проводятся. А 19 марта 2011 г. западная коалиция начала военную интервенцию Ливии. От варварских уничтожения, разграбления и продажи древних артефактов не спасло даже то, что в 1982 г. Кирена была внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. НАТО полностью проигнорировала все предупреждения ЮНЕСКО и положения Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и двух протоколов к ней. Исторические места и па-

[15] Подробнее см.: *Chamoux F.* 1953.

[16] *Грэхэм А.-Дж.* 2007, 164–167.

[17] *Law R.C.C.* 2002, 87–113.

[18] *Law R.C.C.* 2002a, 148–209.

[19] В V в. н.э. им был Синезий, епископ Птолемаидский, философ-неоплатоник, ученик и друг знаменитой Гипатии (Ипатии) Александрийской. См.: *Селиванова Л.Л.* 2018a, 193; *Мирошниченко Е.И.* 2021.

[20] Libya archaeological guides. 2013, 2–10.

[21] *Thorn J.C.* 2005; *Thorn D.M.* 2007.

мятники по-прежнему остаются под угрозой уничтожения и разорения[22]. С этого времени регулярно выходит LAaR (Libyan Antiquities at Risk — «Ливийские древности в опасности»[23]), а в 2015 г. Международный совет музеев (ИКОМ) опубликовал «Чрезвычайный Красный список находящихся под угрозой культурных объектов Ливии». Руины древней Кирены находятся в 3 км от г. Шаххат, восточнее Бенгази[24]. Этот район в восточной части нынешней Ливии и сейчас известен под своим антич-ным названием Киренаика. Город, таким образом, просуществовал до VII в. н.э. Тринадцать столетий бурной, насыщенной жизни нашли своё отражение, помимо прочего, в материальных памятниках, где в качестве городской эмблемы изображались символы, связанные с мифами о его основании.

Согласно последним, Кирена, дочь царя лапифов Гипсея не любила заниматься рукоделием и целыми днями охотилась на горе Пелион в Фессалии. Однажды её, боровшуюся со львом, увидел Аполлон, влюбился и после победы над зверем унёс на своей золотой колеснице за море, в прекраснейший из садов Зевса, где она стала царицей большого города, названного в её честь. Сразу по прибытии она, как гласит местная легенда, так же задушила огромного страшного льва, терроризировавшего население, заслужив благодарность богини-покровительницы Ливии. Греческий историк II в. н.э. Павсаний в своём сочинении «Описание Эллады» рассказывает, что жители Кирены принесли в дар Аполлону в Дельфы скульптурную группу Батта на колеснице работы мастера Амфиона из Кносса. Возницей была Кирена, а на колеснице — Батт и Ливия, венчавшая Кирену (X. 15. 6). На новом месте она родила Аристея, почитаемого как бога, а позже прорицателя Идмона (*Pind.* Pyth. IX. 1–70; *Call.* Hymn. Dian. 206; *Diod.* IV. 81; *Ap. Rhod.* II. 500; *Hyg.* 161; *Myth. Vat.* I. 75.2). Аполлон же в ипостаси Карнея привёл в Кирену Батта (*Call.* Hymn. Ap. II. 75–96). Таким образом, полис получил трёх божественных покровителей: Аммона, бараноголового египетского бога солнца, которого греки отождествляли с Зевсом, Аполлона и нимфу Кирену. Все они изображались на местных монетах: бородатый и рогатый Зевс-Аммон, безбородый Аполлон Карнейский с маленьким рогом Аммона и эпоним города Кирена в виде сидящей женщины или женского профиля. Вместе с ними почитался и дикорастущий сильфий, нигде, кроме Киренаики, не произраставший (Рис. 1-3). Он считался даром

[22] *Селиванова Л.Л.* 2019, 349–351.
[23] Издание финансируется Обществом ливийских исследований.
[24] Libya archaeological guides. 2013, 151.

Аполлона и, согласно мифам, появился в здешних землях за семь[25] лет до прибытия Батта (*Theophr.* Hist. Plant. VI. 3. 3), отсюда и прочно закрепившееся название — «сильфий Батта» (LSJ. s.v. σίλφιον τό). Местная легенда гласила, что сильфий был открыт сыном Аполлоны и Кирены Аристеем (*Schol. in Aristoph. Eq.* 894). Любопытно, что с этим было связано некое экстремальное климатическое явление, о котором сообщает Феофраст: в Кирене, после густого, как смола, дождя, вызвавшего изменения в почве, вырос лес, какого раньше не было, и по той же причине самопроизвольно зародился сильфий (*Theophr.* Hist. Plant. VI. 3.1). О странном смолистом дожде рассказывает и Плиний Старший (XVI, 143; XIX, 41) с указанием даты события — 618 г. до н.э.

На монетах Кирены конца VI-го — последней четверти III в. до н.э.[26] был представлен стебель с листьями, молодым соцветием и семенами[27]. Самые древние — драхмы 570 г. до н.э., на которых изображено семя растения.

Рис. 1.
Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 430 г. до н.э.
12,73 г. Av: Сильфий, легенда: K-Y/A-P/A-N [sic!].
Rv: Голова Зевса-Аммона, обращённая вправо, в круглом углублении
(A catalogue of Greek coins in the British Museum. Cyrenaica. L., 1927). Pl. 9.

[25] Семь — священное число Аполлона.

[26] Хронологию и типы киренских монет приводит Татман. См.: *Tatman J.L.* 2000, 6–24. Робинсон выделял три типа изображения сильфия. См.: *Robinson E.S.G.* 1927, ccliii–ccliv. Хронологии и классификации монет Робинсона следует и Батри на материале новых находок: *Buttrey T.V, Ian McPhee.* 1998.

[27] *Селиванова Л.Л.* 2018, 4.

Рис. 2.
Серебряная киренская дидрахма 308–277 гг. до н.э.
7,73 г. Av: Голова Аполлона Карнея влево. Rv: Сильфий, легенда: K-Y-P-A, в правом поле монограммы I и ПО (A catalogue of Greek coins in the British Museum. Cyrenaica. L., 1927) 246-8; (Sylloge Nummorum Graecorum. The Danish National Museum. Part 41: Alexandria – Cyrenaica. Copenhagen, 1974) Cop. 1239.

Рис. 3.
Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 520 г. до н.э.
17,20 г. Av: Богиня города Кирена в стефане и длином хитоне восседает на дифросе, протягивая правую руку к сильфию; позади — семя сильфия. Rv: Голова Зевса-Аммона внутри quadratum incusum в точечной рамке. (A catalogue of Greek coins in the British Museum. Cyrenaica. L., 1927) 12a and pl. 3, 1.

Сильфий постоянно присутствовал и на монетах других городов Киренаики: Барки и Эвгесперид[28]. Первое упоминание о сильфии мы встречаем у Геродота (IV. 169), описавшего область его произрастания: от о-ва Платеи до устья Сирта (совр. большой Сирт между Киренаикой и триполитанским побережьем). Однако, согласно лексикографу Поллуксу (*Poll.* X. 103), это слово встречалось уже у Солона (640–560 гг. до н.э.), а также, по Гесихию (*Hesych*. s.v. σιλφίου λειμών), у трагика Софокла (fr. 734). Значит, эта зелень была известна в Афинах с эпохи архаики. Слово σίλφιον негреческое, возможно, неиндоевропейское и происходит из языка одного из древних народов Киренаики[29]. Сильфий (σίλφιον τό, лат. silphium, silpium, laser, laserpitium) — многолетнее кустарниковое растение рода Ferula, из семейства Umbelliferae (зонтичных, или сельдереевых). По внешнему виду похож на другие растения этого рода. Известная и поныне Ферула обыкновенная, или гигантский фенхель, представляет собой огромный, до пяти метров кустарник, вросший в каменистую землю Балканского полуострова, Кипра и восточного Средиземноморья. Растёт также в Иране и Афганистане, другие виды встречаются в Казахстане, Таджикистане, на Кавказе. Имеет мощный, разветвляющийся в верхней части центральный ствол, крупные листья и вздутый, овальный корень. Весной растения выбрасывают стебли с желтыми зонтиками, развеивают семена на десятки километров и отмирают, оставляя сухие трубки. Современная ферула, как и древний сильфий, используется в пище, а также в медицине (как ветрогонное и спазмолитическое средство).

Ближайшая родственница сильфия — ферула асафётида, или ферула вонючая (Рис. 4). Своё название она получила по причине стойкого едкого запаха из-за содержащихся в ней серных веществ (другие названия: дурной дух, собачья еда, вонючая смола, смолоносица, экскременты дьявола, чёртов навоз, вонючий палец, бадьян Джованни, хинг, камедь, ангхузех, асафетида). Горький вкус напоминает одновременно лук и чеснок и употребляется в небольших количествах в качестве приправы. Традиционно — в южноамериканской и восточной кухне, особенно в Индии, где его смешивают с бобовыми, а в чистом виде используют в аюрведе[30]. Сильфий, судя по всему, таким набором вкусов и запахов не обладал и широко использовался как в греческой, так и в римской кулинарии.

---

[28] *Селиванова Л.Л.* 2019a, 537–543 *Селиванова Л.Л.* 2019b, 39.

[29] *Steier A.* 1927, 103–114.

[30] Современные индийские кулинарные книги описывают асафётиду как кислую пряность с сильным ароматом. См.: *Lykoudis M.* 2006, 17-1.

Рис. 4.
Асафётида (Ferula assafoetida) —
ближайшая родственница сильфия.
Pabst G. 1887, II, 147.

Подробное описание и правила сбора сильфия оставил древнегреческий ботаник Феофраст[31] из Эреса на Лесбосе (372–288 гг. до н.э.),

[31] Настоящее имя философа было Тиртам. Феофрастом («Богоречивым») назвал его Аристотель за его божественные речи (*Diog. Laert.* V. 2. 39, 57).

ученик и друг Аристотеля, после его смерти возглавивший школу перипатетиков в Афинах. Его «Исследование о растениях» оставалось лучшим в области растениеводства и физиологии растений вплоть до XVI века. У сильфия много толстых корней, покрытых чёрной корой, стебель такой же величины, как у ферулы. Листья золотистого цвета, широкие и похожи на сельдерей, семя походит на лист. Сильфий был кормовым растением (он лечил овец и делал их жирными, придавая баранине изумительный вкус). Люди ели листья как гарнир или салат, заправив уксусом, а стебель — сырым, варёным, жареным и печёным (*Theophr.* Hist. Plant. VI. 3. 1, 5). Густой сок использовали как приправу. Аристофан упоминал, что сильфием приправлялось мясо птицы (*Aristoph.* Av. 1579–1590)[32]. В Афинах это была излюбленная пряность[33]. Вместе с тем, употреблённая в большом количестве она вызывала усиленное газообразование и расстройство желудка (*Aristoph.* Eq. 895–900), на чём, собственно, и основывался очищающий эффект растения как для людей, так и для животных.

И сок сильфия, и его листья имели острый вкус (*Theophr.* IX. 1. 4), хотя и мягче, чем у асафётиды. Использовали как сок стебля («стеблёвка»), так и сок корня («корнёвка»). Корень сильфия был в локоть величиной и больше, посередине него имелась выходящая на поверхность земли «голова», которую называли «молоком» из-за млечного сока, выделявшегося после надреза. Корнёвка считалась лучше стеблёвки, поскольку сок давала чистый, прозрачный, густой и клейкий. Поэтому, чтобы корнёвка не свернулась, в неё подмешивали пшеничной муки, долго взбалтывали и разливали по амфорам (*Theophr.* VI. 3. 2–4; IX. 1. 3, 7), а затем транспортировали за границу, в частности, в афинский порт Пирей. Экспортировали и затвердевший сок, растёртый в порошок.

Из камеди (млечного сока) готовили специи и средства для лечения разнообразных хворей (LCJ. s.v. σίλφιον τό). Такие препараты назывались сильфиотами (LCJ. s.v. σιλφιωτός, также σιλφόεις — «из

---

[32] Именно у Аристофана содержатся одни из самых древних, дошедших до нас рецептов с сильфием в греческой кухне.

[33] Перечисляя греческие приправы, комедиограф IV в. до н.э. Антифан (ар. *Athen.* II. 77. 68 a) на первое место ставит сильфий:

Сильфия, изюму, соли, сусла, сыру и тимьяна,
Семени кунжута, соды, тмина, кешу и душицы,
Мёда, уксуса, оливок, соуса бобового,
Каперсов, копчёной рыбы, кресса, листьев фиговых,
Зелени, яиц, закваски.

сильфия»[34]). Судя по внушительному списку болезней, сильфий считался панацеей: им лечили кашель, бронхит, трахеит, астму, плеврит, желудочно-кишечные заболевания, кожные, сердечные, глазные, мышечные боли, опухоли, бородавки, наросты, открытые раны, желтуху, лихорадку, эпилепсию, болезни головы, нервные заболевания, он использовался также как противоядие от укусов змей и скорпионов и мн. др.[35] А после открытия у него свойств афродизиака[36]и контрацептива [37] слава этого растения перешагнула границы Ливии.

Существует довольно устойчивое мнение, что эмблема любви, появившаяся в XIV в. и известная по «валентинкам» и червоной масти, происходит не от формы сердца, анатомически совсем на него не похожего, а восходит к форме семян сильфия[38] (Рис. 5).

Рис. 5.
Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 495–475 гг. до н.э.
17 г. Av: Сильфий с четырьмя листьями, двумя цветками и двумя плодами. Rv: Семя сильфия между двумя дельфинами в quadratum incusum с точками в углах (Sylloge Nummorum Graecorum. The Danish National Museum. Part 41: Alexandria – Cyrenaica. Copenhagen, 1974). Cop. 1163.

[34] *Chantraine P.* 1968, 1004.

[35] *Koerper H., Kolls A.L.* 1999, 137–138. Tabl. 1.

[36] Ibid., 139.

[37] *Łuczak K.* 2015, 1–14; *Riddle J.M.* 1991, 3–32; *Riddle J.M., Estes J.W., Russel J.C.* 1994, 30; *Temkin O.* 1956, 221; *Tschanz D.W.* 2003.

[38] Например, *Favorito E.N, Baty K.* 1995, 6–8. Это очень давнее заблуждение Робинсон называл наивным: *Robinson E.S.G.* 1927, cclivi–cclvii.

Его связь с любовью и сексуальностью прослеживается в рассказе Павсания о Диоскурах (III. 16)[39]. Ряд учёных также обращает внимание на фаллическую форму растения и на то, что семена его зачастую изображались с намёком на тестикулы[40]. Конечно, такой полисемантичный образ *a priori* будет будоражить фантазию исследователей. Но и с точки зрения гомеопатической магии, используемой в древности, что на что похоже, то на то и влияет. Примечательно, что на некоторых монетах парные семена сильфия сопровождались изображениями животных-самцов, традиционно связываемых с идеей мощи и потенции. Таков, например, оскалившийся на растение лев, под мордой которого располагалось семя сильфия — наглядное воплощение мужской силы (Рис. 6). А на монетах Барки то же выражает плодовитый баран[41].

К счастью для Кирены, сильфий был эндемиком: он рос только на длинной узкой, более 4000 стадий (ок. 800 км[42]) прибрежной полосе. Особенно много его было у Сирта. Как писал Феофраст, растение упрямо не желало окультуриваться и, как только землю распахивали, уходило, «показывая, что оно растение дикое и в уходе не нуждается» (VI. 3). Чужеземцы платили за волшебную траву большие деньги, и город стал процветать, превратившись в единственного экспортёра сильфия в греческом мире.

В архаический период эта монополия принадлежала царям[43]. На так наз. «блюде Аркесилая» сер. VI в. до н.э. изображён процесс взвешивания и складирования сильфия под надзором Аркесилая II. Надпись над крайним справа человеком именует его σιλφομάχος, что можно перевести как «собиратель сильфия»[44] (Рис. 7). Ценное растение, состав-

---

[39] Под видом иноземцев Диоскуры пришли в Спарту в свой прежний дом, принадлежавший теперь Формиону. Попросились переночевать, и хозяин разрешил им выбрать любую комнату, кроме одной, в которой жила его дочь, ещё девушка. На следующий день исчезли и гости, и девушка, и вся её девичья одежда. В комнате нашли только изображения Диоскуров и лежавший на столе стебель сильфия (*Paus.* III. 16. 3).

[40] *Koerper H., Kolls A.L.* 1999, 133–143; *Koerper H., Moerman E.* 2000, 46–49.

[41] Очевидно расширение семантики животных образов: льва, тесно связанного с легендой о Кирене, и барана, указывавшего на овцеводство как наиболее прибыльную отрасль животноводства в Киренаике. См.: *Селиванова Л.Л.* 2019b, 42; *Селиванова Л.Л.* 2022, 27.

[42] Аттический стадий составлял 177,6 м, олимпийский — 192,27 м.

[43] *Roques D.* 1984, 219.

[44] *Грэхэм А.-Дж.* 2007, 166; *Robinson E.S.G.* 1927, cclivi. Not. 3; *Asciutti V.* 2004, 114–116. Иная интерпретация сюжета см.: *Андреев Ю.В.* 2008, 119–120; *Lane E.A.* 1933–34, 98–189; *Kiehn M.* 2007, 4–5.

лявшее главную статью экспорта[45], берегли и охраняли. Феофраст сообщает, что сбор сильфия был строго регламентирован: его можно было собирать только в таком количестве, чтобы не извести, причём учитывались и способы сбора, и его запасы. Не дозволялось срезать его с нарушением правил и в количестве большем установленного (*Theophr.* VI. 3.1).

Рис. 6.
Серебряная тетрадрахма. 525–480 гг. до н.э.
17,21 г. Av: Сильфий с семенами и голова льва (A catalogue of Greek coins in the British Museum. Cyrenaica. L., 1927). Pl. 13a. P. 4.

[45] *Селиванова Л.Л.* 2021, 63–74.

Рис. 7.
Так наз. Блюдо Аркесилая. Лаконская чаша из Вульчи. Ок. 565 г. до н.э.
Царь Кирены Аркесилай II (569–550 гг. до н.э.) наблюдает
за взвешиванием и погрузкой сильфия[46].

В классический период город процветал за счет экспорта зерновых, вина, оливкового масла и, в основном, сильфия. Растение стало символом Кирены и местной валютой. Так было и в период эллинизма, что подтверждают изображения сильфия на монетах (хотя порой и вытесненные в нижнее поле портретами правителей). Положение изменилось, когда Киренаика в I в. до н.э. стала римской провинцией. Сильфий превратился в дефицит и продавался на вес серебряных динариев, им же киренцы платили подати римлянам. В 49 г. до н.э., в начале гражданской войны Цезарь забрал из казны вместе с серебром и золотом 1500 ливров (490 кг) сильфия (*Plin.* H.N. XIX. 40). Однако римские магистраты Киренаики отказались использовать этот символ на монетах, предпочитая чеканить образы Зевса-Аммона, Виктории, портреты цезарей и проч. Известен лишь единственный выпуск с сильфием — квадранс

[46] См.: https://wiki2.org/en/File:Arkesilas_Painter_-_Arkesilas_supervising_the_silphion_trade_-_Paris_BnF_CabMed_189_-_02_jpg (октябрь, 2024).

I в. до н.э. Очевидно, что в первую очередь это было связано с истощением запасов растения. Ничем не ограниченное расхищение природных богатств Ливии часто меняющимися римскими наместниками и откупщиками, стравившими весь сильфий овцам, привели к его уничтожению. Равнодушное и агрессивное поведение со стороны частных лиц и государства в отношении природы сопровождалось неприкрытым произволом. Цивилизация, таким образом, покоряя и изменяя окружающую среду под свои потребности, проводила это в формах откровенно злонамеренных и деструктивных, обнаружив своё внутреннее варварство[47]. Однако некоторые римские авторы указывали на другую причину. По Страбону (*Strabo.* XVII. 3. 22) и Солину (*Solinus.* Collectanea rerum memorabilium. 27. 48), варвары-номады[48] вторгались в страну и сознательно, с вредоносной целью уничтожали самые корни травы. Конечно, кочевой мир степных ландшафтов[49] медленно, но вер-

[47] Понятие «внутреннего варварства» было введено Н.В. Мотрошиловой, под которым она понимает осознанный отход граждан от принципов цивилизации под влиянием социальных, политических и духовных причин: «Рецидивы варварства в условиях зрелой (в масштабах истории) цивилизации означают, что упомянутые ранее механизмы, формы и принципы в той или иной стране, в тот или иной период истории либо не стали действенными, массовыми, либо под влиянием целого комплекса причин оказались вытесненными на периферию социального действия». Н.В. Мотрошилова отмечает, что внутренние варвары руководствуются тем же психологическим механизмом, что и их внешние аналоги, только применяют этот механизм осознанно, с учётом собственного социального опыта, то есть опыта граждан могущественного и богатого государства. См.: *Мотрошилова Н.В.* 2010, 87, 89. И, хотя в бóльшей степени вышеизложенное относится к современной эпохе, очевиден общий исторический знаменатель. Развивая эти идеи, философ С.И. Сулимов приходит к закономерному выводу: «сам процесс развития цивилизации оказывается фактором, благодаря которому внутреннее варварство возникает и распространяется». См.: *Сулимов С.И.* 2021, 1459. Видя в этом симптомы болезни цивилизации, С.И. Сулимов и Б.В. Васильев, подчеркнув, что «внутреннее по отношению к цивилизации варварство, в отличие от своего внешнего аналога, является побочным результатом цивилизационного развития», справедливо резюмируют: «Можно сказать, что каждая цивилизация создает собственных внутренних варваров, которые затем способствуют её гибели». См.: *Сулимов С.И., Васильев Б.В.* 2024, 121, 131.

[48] Очевидно, что речь идёт о мармаридах, племени, живущем на побережье Средиземного моря между Египтом и Киренаикой и часто противостоящем римлянам в войнах (*Strabo.* II. 4. 33; XVII. 3. 33).

[49] За исключением узкой полосы плодородного побережья Средиземного моря регион Мармарики располагался в не самых благоприятных условиях: климат во внутренних районах имел ярко выраженный пустынный характер

но «выдавливался» в пустыню пришлыми «цивилизованными» этносами, которые заняли наиболее плодородные земли у моря и зиждили своё богатство на случайно открытом на побережье ценном дикоросе, в производство которого ничего не нужно было вкладывать. И тогда подобная тактика внезапных нападений варваров вполне могла преследовать цель оттеснения ненасытных цивилизаторов посредством подрыва источника их благосостояния, тем более что о грабеже и разбое речи не было. Однако трудно представить себе процесс и, главное, эффект такого вредительства на полном скаку: ведь толстые, мощные корни сильфия, достигавшие в длину более 50 см, крепко сидели в земле[50]. Похоже, римляне просто a limine фабриковали образ врага, на которого перекладывали собственную вину.

К середине I в. до н.э. сильфий стал большой редкостью. Так что упоминание полей растения в игривом стихотворении римского поэта этого времени Гая Валерия Катулла — уже из разряда преданий[51]:

Сколько, спрашиваешь, твоих лобзаний
Надо, Лесбия, мне, чтоб пыл насытить?
Много — сколько лежит песков сыпучих
Под Киреною, сильфием поросшей,
От Юпитеровой святыни знойной

(тропический сухой) с малым количеством осадков и резкими суточными и сезонными колебаниями температуры. Рельеф составляли утёсы, низкие цепи Ливийских гор, гора Асиф и сухие, плоские равнины, переходившие в бесплодную Ливийскую пустыню. Песчаные гряды длиной в десятки и сотни километров достигали трёхсотметровой высоты. В пустыне во впадинах плато находились оазисы. Часто налетали песчаные бури, а южные ветры «гибли» и «хамсин» приносили 50-градусную жару. Гидроресурсы были крайне скудны: крупных рек нет, а мелкие речушки сезонно пересыхали. Из внутренних областей на побережье наступала пустыня. Процесс опустынивания, начавшийся ещё в глубокой древности (исчезновение североафриканской саванны), на что влияли, помимо прочего, миграции населения и смена форм хозяйствования, не закончился и по сей день.

[50] Этого же мнения придерживается и английская исследовательница Валентина Ашутти: «трудно поверить, что они (эти нашествия. — *Л. С.*) могли быть настолько сильными, чтобы уничтожить всю зону (произрастания сильфия. — *Л. С.*)». См.: *Asciutti V.* 2004, 98. Ей вторит Сюзан Амиг: *Amigues S.* 2004, 192–193.

[51] Есть и другое толкование: сильфий упомянут в связи со своими лечебными свойствами. Здесь: как лекарство от безумной любви. См.: *Koerper H., Kolls A.L.* 1999, 141.

До гробницы, где Батт схоронен древний;
Сколько на небе звёзд в молчаньи ночи
Видит тайны любви, блаженство смертных!
(*Катулл.* 7. 1–8. Пер. С.В. Шервинского[52])

При этом свидетель эпохи, современник Страбона архитектор Витрувий характеризовал Киренаику как регион преимущественного производства сильфия (*Vitr.* De architectura. VIII. 4. 13). А живший после них Плиний Старший (23–79 гг. н.э.) писал (XIX. 39–40), что за всю свою жизнь он слышал лишь об одном стебле, который был привезён в подарок Нерону (54–68 гг. н.э.). Возможно, то был последний экземпляр: в I в. н.э. растение в Кирене перевелось. Исчезновение сильфия к I в. н.э. является общим местом в науке[53]. Однако некоторые учёные, оставаясь в меньшинстве, полагают, что растение сохранилось вплоть до V в. н.э., и в качестве основного источника ссылаются на два письма епископа Синезия Киренского (370 / 375–413 / 414 гг. н.э.). В письме 134 от 406 г. н.э. к другу Пилемону он пишет, что приготовил в дар «золотому Трифону», бывшему губерантору Пентаполя, ещё одному константинопольскому другу, много сильфия, причём именует его «сильфием Батта» (sic!). А в письме 106, отправленном младшему брату в ноябре 402 г.[54], сообщает о некоем юноше, который передал сильфий, выращенный братом в своём огородике, и рассказал, что растение добавляется в качестве приправы. Следует, однако, понимать, что речь идёт уже о совсем другом растении[55]. Под видом сильфия продавали иные виды ферулы, качеством хуже[56]. Скорее всего сирийский, парфянский, индийский, иранский, мидийский и прочие так наз. сильфии были всего лишь разными видами асафётиды со своими региональными особенностями[57]. Нехватка киренского сильфия в римское время заставляла кулинаров прибегать к более дешёвым заменителям[58], выдавая их за сильфий[59].

---

[52] *Гай Валерий Катулл Веронский.* 1986, 8.

[53] *Селиванова Л.Л.* 2023а, 56–57. Сн. 26.

[54] В нём он выражает удивление, получив в подарок росток сильфия, и мягко укоряет брата за такое расточительство (Ep. 106). См.: *Левченко М.В.* 1956, 24–25; *Roques D.* 1984, 222–223. Интересно, что поговорка «сильфий Батта» до сих пор используется в Греции для обозначения баснословного богатства.

[55] Подробнее см.: *Селиванова Л.Л.* 2023, 28.

[56] *Leamand D.J.* 2001, 1.

[57] *Amigues S.* 2004, 193–194; *Kiehn M.* 2012, 34.

[58] Подходило практически любое растение, которое выделяло камедь и хотя бы отдалённо напоминало сильфий. Бездумно изничтожавшие его рим-

Все последующие попытки отождествить современные Umbelliferae с киренским сильфием потерпели неудачу[60], хотя поиски продолжаются. В 2003 г. в американском журнале «Conservation Biology» вышла статья Кена Парейко «Сильфий Плиния Старшего: первое зарегистрированное вымирание видов»[61], в которой автор пришёл к выводу, что «поскольку мы даже не можем точно идентифицировать растение, то не можем и знать наверняка, вымерло ли оно». Разумеется, проблема определения в отсутствие контрольного образца открывает широкое поле для всевозможных домыслов и спекуляций. Условно учёные разделяются на гиперкритиков (всё отрицают[62]), романтиков (принимают желаемое за действительное. Например, видят в сильфии культовое растение Афродиты еще с микенского времени или Диониса[63]. Либо верят, что он ещё существует, прячась среди сорняков[64]). Третьи (этноботаники, палеоэкологи, биохимики, медики) пытаются найти рациональное зерно в рассказах древних авторов, проводя лабораторные исследования и опыты на животных[65]. В первых двух случаях однозначно что-либо утверждать или отрицать в отсутствие контрольного образца можно только в рамках логики *«highly likely»*. Растение давно вымерло и в настоящее время не поддаётся ботанической идентификации[66], а видов ферулы на сегодня около ста семидеся-

---

ляне довольствовались по большей части жидким и твёрдым полуфабрикатом в качестве консерванта и усилителя вкуса, особенно в соусах и подливах.

[59] Происхождение названия «асафётида» уже указывает на её так сказать вторичность: слово «asa, (assa, aasa)» является арабизированной версией латинского «laser», которым римляне обозначали сильфий, а «foetida» означает «дурно пахнущая, зловонная», таким образом, асафётида — это «сильфий вонючий».

[60] Недавнее отождествление сильфия с другим зонтичным, Cachrys ferulacea, найденным в Южной Италии, Северной Сицилии и в Джабал-Ахдаре, оспаривается, как не доказанное. См.: Libya archaeological guides. 2013, 12. Также бездоказательным остаётся утверждение, что сильфий является разновидностью Ferula tingitana, что и поныне растёт по всему Средиземноморью. См.: *О'Коннелл Дж.* 2017, 9.

[61] *Parejko K.* 2003, 925–927.

[62] К примеру, *Kiehn M.* 2007, 4–8.

[63] *Kandeler R., Ullrich W.R.* 2009, 715–717.

[64] *Wright W.S.* 2001, 23–24; *Lykoudis M.* 2006.

[65] *Singh M.M., Agnihotri A., Garg S.N., Agarwal S.K., Gupta D.N., Keshri G., Kamboj V.P.* 1988, 492–494.

[66] *Грэхэм А.-Дж.* 2007, 166; *Steier A. Steier A.* 1927, 103–114; *El-Athram R.* 1988, 25–29.

ти[67]. Более перспективными представляются широкие междисциплинарные исследования. Очевидно одно: в цивилизованном обществе социально-исторические факторы доминируют над природно-биологическими, а значит, естественный ландшафт будет постоянно подвергаться экспансии и интенсивному преобразованию в соответствии с потребностями социума [68].

Уникальные свойства растения-эндемика сделали его главным экспортным товаром и символом Киренаики, который постоянно воспроизводился на монетах, в произведениях искусства, ювелирных украшениях, предметах быта и др. Но в результате бездумной, хищнической эксплуатации в период римского владычества ценнейшее редкое растение было полностью уничтожено, а вместе с ним подорвано и благосостояние государства, с этого времени начавшего деградировать. С монет исчез растительный символ города, просуществовавший более шести веков. Так письменные и нумизматические источники воссоздают картину заката государства вследствие рукотворной экологической катастрофы. Так в процессе покорения природы цивилизация проявляет своё внутреннее варварство: агрессивность, вредоносность, губительность и антигуманность.

[67] *Kandeler R., Ullrich W.R.* 2009, 715–717.
[68] *Сулимов С. И.* 2020, 74.

БАЛТИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В.И. Кулаков

Рубеж между эпохами античности и раннего средневековья традиционно в европейской науке именуется периодом Великого переселения народов и характеризуется в первую очередь перемещением ряда германских племён в основном с севера на юг, в поисках более удобного места проживания. Имеется одна из важнейших причин этого переселения — достаточно резкое похолодание климата Европы. Оно началось примерно ок. 450 г., всплеск этого похолодания пришёлся на сер. VI в.[1]. В результате население морского побережья стало уходить вглубь суши, покидая ставшие непригодными для проживания прибрежные зоны. Этот процесс затронул и юго-восточную Балтию. Соседствующий с востока с германским миром ареал балтских племён не мог остаться в стороне от бурных событий указанной эпохи. Археологические материалы, как будет показано ниже, прямо указывают на перемещение групп жителей Янтарного берега в северо-восточном и в восточном направлениях.

Известно, что римский дипломат Приск писал около 433–451 гг. о том, что власть повелителя гуннов Аттилы распространялась «даже до острова в Океане»[2]. М.М. Казанский справедливо считает это свидетельство показателем неких контактов между эстиями и гуннами[3]. Готский историк Иордан вслед за Кассиодором упоминает прошедшее ок. 526 г. посольство эстиев ко двору остготского короля Теодориха Великого[4]. Иордан упоминает эстиев, «вполне мирный народ», расположенных восточнее видивариев, «собравшихся от разных племён»[5]. Эти группы германцев могли попасть на берег Балтии как вернувшись с полей гуннских битв, так и покинув свою скандинавскую родину ввиду резкого похолодания климата в середине V в. н.э., в частности, из-за катастрофического затопления побережья Северного моря, особенно в 444 г.[6]

---

[1] *Schönwiese Chr.-D.* 1995, 83.
[2] *Гиндин Л.А., Иванчик А.Б.* (сост.). 1994, 81.
[3] *Казанский М.И.* 2020, 132.
[4] *Хенниг Р.* 1961, 60, 61.
[5] *Иордан*. 1997, 67.
[6] *Бараш С.И.* 1989, 27.

Перспектива добычи янтаря и участия в янтарной торговле вызвала в римское время целую серию перемещений групп кельто-романского и германского населения, приведя к формированию на Самбии в конце указанного исторического периода смешанной этнокультурной агломерации. Одной из немногих архаических черт обряда эстиев, указывающих всё же на их генетическую связь с автохтонами раннего железного века, является расположение нескольких урн с останками членов единого родового коллектива в одной могиле под общей каменной кладкой.

В эпоху Великого переселения народов балто-германские связи, по обыкновению, в значительной степени матримониальные, продолжились. Это засвидетельствовано распространением балтских фибул в Западной Европе. Считается, что фибулы типа Duratón (в отличие от их дериватов post-Duratón, неизвестных в германском мире и характерных для западных балтов VI в.) в основном поступали к германцам в виде матримониального «импорта», с балтскими невестами[7].

В указанную эпоху одним из основных маркеров новой для Янтарного края культуры пруссов стали фибулы со звёздчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska II. Древнейшие звёздчатые фибулы этого типа появились в комплексах поздневельбарского облика, датируемых нач. – первой пол. V в. н.э. Ареал распространения этих фибул в дельте р. Вислы полностью совпадает с ареалом обитания видивариев (готск. «люди Видьи»)[8], названными в честь своего вождя Vidya (см. ниже), известного в прусских легендах под именем «Видевут». Импульс в создании прусской культуры принадлежал видивариям. Их составили воинские отряды германцев — ветеранов гуннских воин, которые в поисках среды обитания и всё тех же, что и для восточных германцев, перспектив участия в янтарной торговле, переместились с запада Европы и от имперского лимеса в Подунавье по Великому Янтарному пути сначала на берег Вислинского залива, а затем и на Самбию.

Своими конструктивными особенностями фибулы со звёздчатой ножкой отражали балтский миф о солнце, отдыхающем в кроне дуба с серебряной листвой[9]. Более поздними материальными свидетельствами деятельности видивариев (точнее — их второго поколения) в юго-восточной Балтии являются трёхлучевые фибулы со звериными головами, ножи-кинжалы как принадлежность социально значимых членов

[7] *Казанский М.М.* 2013, 204.
[8] *Кулаков В.И.* 2004, 57.
[9] *Zubiński T.* 2009, 62.

дружины[10] и трёхлопастные наконечники стрел степного облика[11]. В конце V – начале VI вв. обладатели этих артефактов начинают перемещаться на восток, по правому берегу р. Неман.

До прихода на Неманское правобережье воинственных потомков видивариев, останки которых в погребениях сопровождались в основном ножами-кинжалами, погребения вождей местной дружины фаз C_1 / D_1 и D_1 включали в состав инвентаря иные социальные маркеры — питьевые жертвенные рога[12]. Пришельцы с запада в своей массе не восприняли традицию этого характерного для родоплеменных обычаев культового аксессуара. Питьевой рог встречен лишь в одном захоронении с ножом-кинжалом на могильнике Widgirren / Vidgiriiai (погребение 30)[13]. Это — ещё одно подтверждение чужеродности для Понеманья групп воинов, оставивших здесь в кон. V – нач. VI вв. захоронения с ножами-кинжалами, что, кстати, следует и из данных антропологии[14].

Распределение вверх по течению р. Неман находок наконечников трёхлопастных стрел и ножей-кинжалов[15] показывает стремление потомков упомянутых Йорданом видивариев, точнее — носителей ранней фазы прусской культуры в конце V – начале VI вв. от Самбии распространить своё влияние в Понеманье, закладывая основы Неманского и Восточного торговых путей, ставших актуальными позднее, в эпоху викингов. Итогом инициатив видивариев в северо-восточном направлении стало, в частности, оживление торгового пути «Самбия-Эйямыги / Вирумаа», по которому в земли балтов и финно-угров поставлялась наряду с янтарём продукция самбийских ювелиров (Рис. 1).

Этот путь возник ещё в начале нашей эры и активно действовал в 475–700 гг. как по рекам Балтии, так и каботажным маршрутом по морю, вдоль её побережья[16]. Его оживление в эпоху Аттилы связано непосредственно с трансгрессией вод Балтийского моря[17], повлиявшей на уровень вод в реках, в него впадающих. Этим оперативно воспользовалось население Самбии, активизировавшее свои поставки на северо-восток. Свидетельство этому — находки фибул со звёздчатой ножкой и фибул со звериными головами по берегам рек Балтии.

---

[10] *Кулаков В.И.* 2017, 106.
[11] *Кулаков В.И.* 2002a, 103.
[12] *Кулаков В.И.* 2018, 142, 143.
[13] *Šimėnas V.* 1996, pav. 17.
[14] *Кулаков В.И.* 2002a, 106.
[15] *Šimėnas V.* 1996, žem. 1.
[16] *Kulakov V.I,* 2004, 50.
[17] *Жиндарев Л.А., Кулаков В.И.* 1996, 62.

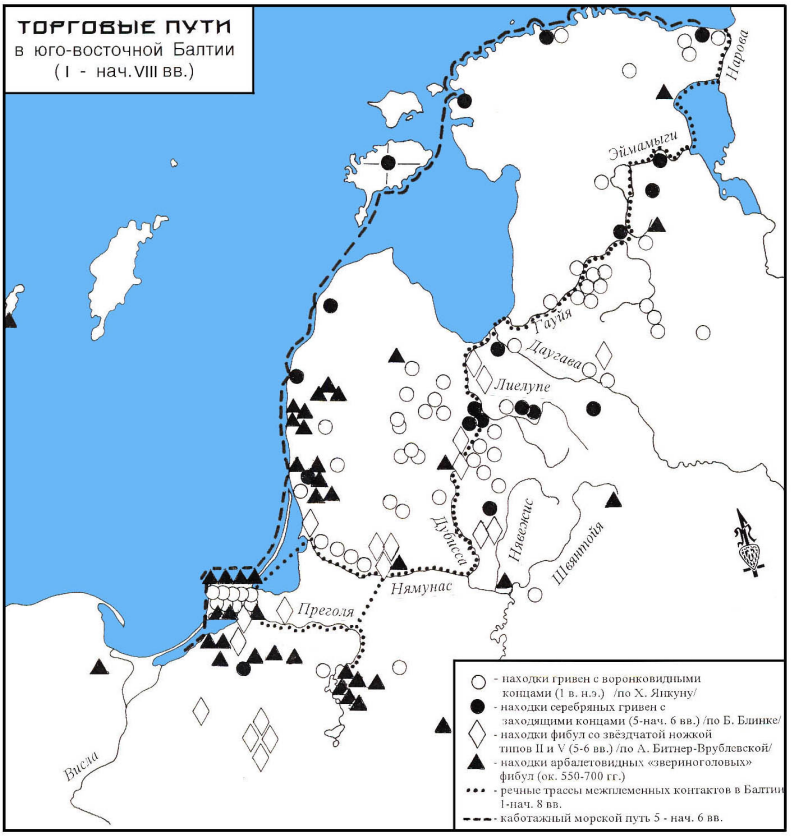

Рис. 1.
Торговый путь Самбия-Эйямыги / Вирумаа[18].

Показателем становления слоя дружинной аристократии в центре земли пруссов — на Самбии — в нач. VI в. стало распространение в богатых воинских захоронениях высокохудожественно изготовленных предметов с элементами I Общегерманского звериного стиля. Тем самым потомки видивариев, оставивших гипотетический след в древнегерманских сказаниях о волшебном кузнеце Вёланде и Видье (т.е. Видевуте прусских легенд)[19] манифестировали свои германскую

[18] *Кулаков В.И.* 2003, рис. 38.
[19] *Кулаков В.И.* 2002б, 107.

идентичность и социальную близость с меровингской аристократией Западной Европы. Важен факт поступления на Янтарный берег в VI–VII вв. новых групп германцев, присоединившихся к потомкам видивариев и влившихся в прусскую дружину. Этот социокультурный феномен засвидетельствован появлением в прусской материальной культуре отдельных роскошных (с применением драгоценных металлов) элементов германских древностей Меровингской эпохи. Таким образом, проблему компонентов этноса эстиев и миграций на Янтарном берегу можно суммировать так: вследствие специфики янтароносного региона юго-восточной Балтии её население благодаря многочисленным миграциям было полиэтничным, формируясь на балтской основе. Примечателен факт отсутствия миграций с востока, направленных в этот регион.

Начавшаяся в I в. н.э. с поставки от Янтарного берега на северо-восток гривен с воронковидными концами, торговля, базировавшаяся не только на янтаре, но и на изделиях самбийских мастеров, фиксируется в археологическом материале Балтии вплоть до VIII в. Эта торговая трасса (условно — «Самбия-Эйямыги / Вирумаа») стала предтечей позднейшего Avstrvegr — «Восточного пути» эпохи викингов. Некоторые современные польские и литовские археологи, не зная самбийского материала начала нашей эры, полагают, что в это время существовал торговый путь между Мазурским и Сувалкийским регионами, заселёнными судавами, и территорией совр. Литовского Взморья, на которой обитали предки позднейших куршей, шедший по р. Шешупе восточнее Самбии[20]. Приведённый выше тезис о связях отдельных групп западных балтов в обход Самбии справедлив, пожалуй, для завершающей фазы эпохи Великого переселения народов. Эти связи отмечены распространением арбалетовидных фибул с кольцевой гарнитурой типа Å4 к северу от дельты р. Неман, причём в регионе распространения их прототипов арбалетовидные фибулы VI–VII вв. уже малочисленны.

Признавая важнейший для эстиев процесс получения ими в результате янтарной торговли всевозможных технологических (возможно — токарный станок для обработки янтарных изделий и проч.) и вещевых новаций из разных уголков античной и варварской Европе, следует отметить и негативный результат данного уникального исторического процесса. Жители Янтарного берега, получая всё вышеуказанное в обмен на янтарь, без особого труда добываемый ими на западном берегу Самбии, не прикладывали необходимых усилий к развитию обрабатывающих отраслей своего хозяйства. Это сделало эстиев и их по-

[20] *Banytė-Rovell R., Bitner-Wróblewska A., Reich Chr.* 2016, 140–144.

томков — пруссов — зависимыми от импорта различных товаров и продуктов и отставшими от своих западных соседей в техническом и социальном прогрессе.

Для начала эпохи Великого переселения народов (первая половина V в. н.э. – эпоха гуннских войн) на Янтарном берегу отмечается феномен заметного увеличения балтского этнического компонента. Это событие маркирует формирование во второй четверти V в. н.э. прусской археологической культуры. Среди причин этого уникального процесса следует назвать возможный стихийный демографический рост западнобалтского компонента в обществе эстиев, происшедший после гипотетического оттока из Балтии на юг германского компонента местного общества, происшедшего, скорее всего, не позднее 405 г., времени нашествия на Италию отрядов варварского вождя Радагайса. Фактически в данном случае виден аналог феномена ухода германских племён с территории современной Восточной и Центральной Германии и занятие опустевших земель западнославянскими племенами на огромных пространствах между бассейнами рек Эльбы и Одера.

К середине V века н.э. кризис, потрясавший Западную Римскую империю и весь европейский Barbaricum, достиг апогея. Былое благосостояние многих варварских племён, в том числе и эстиев, основанное на различных формах торговли с народами Средиземноморья, резко пошатнулось. Можно предполагать, что часть воинов-эстиев, ранее входивших в местные родовые структуры, вместе с группами германцев приняли участие в гуннских походах.

Очевидно, что привыкшие в борьбе с угасающим Римом использовать лишь право силы, вернувшиеся после завершения гуннских войн на родину предков в Янтарный край профессиональные воины подвергли родовые традиции серьёзным изменениям. Было положено начало формированию дружинной организации. Важно отметить, что население Янтарного края первым в Балтии отказалось от родовых традиций. Эта социальная перемена могла быть реализована лишь при наличии свободной от родовых пережитков, подчиняющейся исключительно воле вождя военной организации — дружине, включавшей не только местных жителей, но и иноэтничных воинов. Их присутствие в составе прусских воинских отрядов подтверждается новыми для исторической Пруссии чертами погребальной обрядности (захоронение на дне могилы шкуры коня с Г-образно подогнутыми костями ног, ступеньки в бортах могильных ям, их юртообразное перекрытие и проч.). Эти черты характерны для кочевых традиций тюркских народов Центральной

Азии[21] и были занесены на Янтарный берег балтами, попавшими под гуннское влияние и / или самими носителями степных традиций. Близкое знакомство пруссов с этими традициями отразилось на прусском пищевом рационе. Степной по происхождению обычай употребления в пищу прусской знатью кобыльего молока (кумыса ?) зафиксирован в IX в. Вульфстаном[22]. Правда, этот феномен мог стать результатом контактов пруссов со степными народами постгуннского времени. Доказательства таких контактов, длившихся, судя по находкам на прусских могильниках, до XII в., обильно представлены в прусской археологии[23]. Совместная с гуннами и союзными с ними германцами военная деятельность отразилась в прусской тактике боя[24].

Одной из функций начатой в середине V в. н.э. деятельности вернувшихся на земли юго-восточной Балтии балтских и германских по происхождению ветеранов гуннских войн (vidivarii), стало обеспечение насущных нужд военных отрядов, возвращавшихся в Скандинавию. В современной исторической науке принято считать видивариев «готогепидским племенем»[25]. Правда, готский историк Иордан так описывает ситуацию на границе пруссов и германцев к началу VI в., подчёркивая разнородность этой группы воинов:

> «...у побережья Океана, где тремя устьями поглощаются воды реки Вистулы (р. Висла. — *В. К.*), живут видиварии, собравшиеся из различных племён; за ними берегом Океана владеют также эсты (пруссы. — *В. К.*), во всех отношениях мирный род людей...»[26].

Оценка Иорданом миролюбия эстиев / пруссов (кстати, эта черта пруссов подчёркивалась и более поздними источниками) привело ведущего специалиста в России по истории германских племён на исходе античности В.П. Буданову к неожиданному выводу: эстии были элементом «стабилизации жизненного цикла отдельных регионов Барбарикума»[27]. На самом деле обилие предметов вооружения в погребениях носителей древностей эстиев перед формированием прусской культуры ставит под сомнение «миролюбие» по Иордану предков позднейших

[21] *Серёгин Н.Н.* 2017, рис. 5,2.
[22] *Матузова В.И.* 1979, 26.
[23] *Kulakov W.* 2017, 72-82.
[24] *Кулаков В.И.* 2019, 30.
[25] *Буданова В.П.* 2000б, 182.
[26] *Иордан*. 1997, 67.
[27] *Буданова В.П.* 2000б, 12.

пруссов. Более того, участие в деятельности прусских воинских формирований иноэтничных воинов, сложение метисного декоративного стиля (прежде всего — в декоре фибул) и включение в обрядность пруссов ранее неизвестных признаков прямо свидетельствуют о сложении в прусской среде не позднее середины V в. первой в Балтии дружины.

Деятельность видивариев, бывших по Иордану в начале эпохи Великого переселения народов западными соседями эстиев, фактически положила начало формированию прусской культуры. Активность видивариев на границе германского и балтского миров совпадает с двумя волнами поступления имперского монетного золота в Балтию в эпохи Императоров Феодосия II и Анастасия I[28]. Выпадение в землю этих монет свидетельствует о наличии военных конфликтов в восточной части Вислинской дельты в эпоху гуннских войн. Об этих военных событиях сохранилась информация в древнеанглийской поэме «Видсид» (IV–V вв.):

«…воевало там непрестанно
Войско хредов (т.е. готов) в лесах у Вистлы
Мечами точёными
Часто обороняя
Древний трон свой
От народа Этлы (т.е. — Аттилы)»[29].

Усиленная видивариями интернациональная по своему составу прусская дружина пыталась возродить былое великолепие Янтарного пути, серьёзно пострадавшего (фактически уничтоженного) в результате деятельности гуннов Аттилы. Это засвидетельствовано существовавшей до 526 г. перепиской пруссов с властителем готского королевства, возникшего на развалинах части Западной Римской империи. Король Италии Теодорих Великий получил в своей столице Равенне некий янтарный дар от жителей Самбии и передал с их посланцем ответные дары и благодарственное письмо[30].

От устья р. Вислы видивариии двигались около середины V в. н.э. в северо-восточном направлении, осваивая исторический микрорегион Chrono-Haillibo. Наличие трёх явно культовых кладов золотых предметов, изготовленных в провинциально-римских мастерских и ставших в процессе гуннских войн «дарами» (donatium) римской администрации

[28] *Кулаков В.И.* 2003, 250.
[29] *Видсид*. 1982, 21.
[30] *Кулаков В.И.* 1996, 42.

варварским вождям[31], обнаруженных в центре микрорегиона Chrono-Haillibo, позволяет предполагать его сакрализацию пришельцами-видивариями. Об этом говорит и германское название этого микрорегиона — «Чистая / священная земля». Обращает на себя внимание подготовка золотых «гривен» из клада С [32] в Hammersdorf / Młoteczno с разделению на куски для платежа членам местной дружины. Платёж не был проведён, «гривны» оказались депонированы в качестве сакрального клада.

Важно отметить, что в пределах Хайллибо зафиксировано самое крупное в Балтии скопление гидронимов древнегерманского происхождения. Они концентрируются в северо-восточной части этого микрорегиона и представлены названиями водных потоков Banava, Stradik и Ylfing («река эльфов» ?).

С уверенностью можно предполагать, что эти гидро- и топонимические феномены являются следами деятельности видивариев. Их общность соответствовала, по мнению М.М. Казанского, малому «варварскому» королевству, одному из многих, возникших в эпоху гуннских войн по южному и юго-восточному берегам Балтики[33]. В случае справедливости этой гипотезы становится понятным значение топонима Ulmerigia[34], которое первоначально могло обозначать «королевство» видивариев.

Будучи втянутыми в сферу их активности, западные балты во второй половине V в. начинают осваивать сначала левобережье р. Frischihg / Прохладная (в эпоху римского влияния — естественная граница между ареалами эстиев и восточных германцев), а затем и всю территорию микрорегиона Chrono-Haillibo. В середине V в. археологическими признаками воинских комплексов видивариев являются фибулы со звёздчатой ножкой и ножи-кинжалы, созданные на основе более ранних ножей типа Krummesser, Функция ножей-кинжалов — нанесение колотых ран латникам — сходно с применением в Венгрии и Польше XV–XVI вв. клинков типа «кончар». Собственно балтские погребальные комплексы Янтарного края отличают арбалетовидные фибулы и биконические сосуды. Очень часто в погребальных комплексах эстиев и ранних пруссов встречаются одиночные римские монеты или янтарные бусины. Возможно, этот феномен является результатом использования жителями Янтарного края античного обычая платы Харону.

---

[31] *Kulakov W.* 2014, 45–47.
[32] Ibidem. ryc. 5.
[33] *Казанский М.М.* 2010, 339.
[34] *Grunau S.* 1876, 58, Anm. 1.

Кроме многочисленных археологических подтверждений факта участия видивариев в формировании прусской культуры (в частности — германский по происхождению инвентарь погребений прусских дружинных вождей), следы видивариев сохранились в прусских легендах. Видимо, ко времени, прошедшим между битвой при Недао (ок. 455 г. н.э.), финальной для гуннских войн и фильтрацией видивариев в прусскую среду следует отнести сообщение Симона Грунау, собравшего в своей «Прусской хронике» (1526 г.) древнейшие местные предания. Бывший монах писал об установлении в земле пруссов власти пришельцев с запада — братьев-князей Видевута и Брутена. Имя одного из них — Видевут (гот. «Вещий») перекликается с названием видивариев[35].

После 494 г., времени ухода из Подунавья части герулов, отряды этих беглецов могли оказаться в Янтарном крае. Чисто гипотетически с их деятельностью можно связать появление древностей видивариев на рубеже V–VI вв. на Неманском правобережье (в частности — на могильнике Widgirren / Vidgiriai), в ареале западнобалтского племени скальвов. Эта инвазия на земли соседних с пруссами балтских племён являлась свидетельством стремления видивариев контролировать не только Великий Янтарный путь (пусть лишь в его начальном отрезке), но и торговые трассы в материковой Балтии, эвентуально связанные с меховой торговлей. Распространение археологических показателей древностей видивариев (ножи-кинжалы, звериноголовые и звёздчатые фибулы) на правом берегу р. Неман прямо свидетельствуют об этом историческом факте.

Для позднеримского времени археологический материал западной части совр. Литвы свидетельствует об активной торговле с ареалом носителей культуры тарандов (совр. Эстония)[36] и связанным с торговлей освоением местными воинами (находки перевязей типа balteus Vidgiriai) нижнего течения р. Неман[37]. Фибулы типа Bliujienė I[38] с пружинной конструкцией в земле куршей являются практически полными копиями мазурских фибул подтипа 3 (Рис. 2, 5) (у них совпадают даже принципы изгиба дуги пружины) и соответственно датируются временем не ранее VII в. Очевидно то, что фибулы типа Bliujienė I являются импортом, поступившим в меровингскую эпоху из Мазурского Поозерья в земли у дельты р. Неман, являвшиеся для мазурских товаров промежуточным пунктом торговой трассы на о. Готланд[39]. Как показывает

[35] *Кулаков В.И.* 2003, 250, 251.
[36] *Banitė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A.* 2005, 116.
[37] *Bliujienė A., Butkus D.* 2009, 157.
[38] *Bliujienė A.* 1999, 93.
[39] *Кулаков В.И.* 1989, 176.

анализ находок предметов вооружения в будущих землях куршей уже с раннеримского времени здесь присутствовал центрально-европейский импорт указанной продукции[40]. Очевидно, этот феномен не сколько связан с торговлей оружием, сколько с перемещением групп воинов (наёмничество ?).

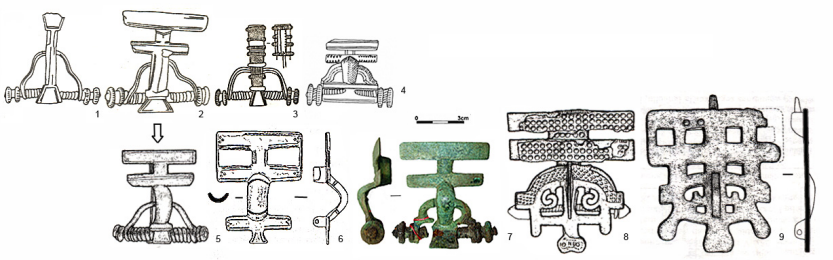

Рис. 2.
Схема финального этапа развития перекладчатых фибул западных балтов: 1 — Mingfen / Miętkie, погр. 74; 2 — Mingfen / Miętkie, погр. 559; 3 — Daumen / Tumiany, погр. 79; 4 — Daumen / Tumiany, погр. 80; 5 — Prišmančiai-I; 6 — Kašučiai; 7 — Linkuhnen / Ржевское, погр. 235; 8 — Prišmančiai-I; 9 — Užpelkiai, погр. 39[41].

Эпоха Великого переселения народов в междуречье рек Немана и Даугавы характеризуется прежде всего продвижением от дельты р. Немана в северо-восточном направлении воинских погребений со снаряжением для верховой езды, зачастую — в сопровождении конских захоронений. Клайпедский археолог Аудрона Блюэне справедливо связывает этот археологический феномен с активностью куршей (этот раннесредневековый этникон для событий финала античной эпохи, как и «пруссы», используется условно)[42]. Распространение влияния куршской дружины в земли соседних с областью Курщай земли земгалов сопоставимо с движением групп видивариев и их потомков в составе прусских дружинных отрядов вверх по течения р. Немана в V–VI вв.[43]. Упомянутые западнобалтские воины-профессионалы очевидно стремились к захвату новых данников и к контролю над торговыми трассами,

[40] *Kiulkys D.* 2010, 66.
[41] *Кулаков В.И.* 2017, рис. 2.
[42] *Bliujienė A., Butkus D.* 2009, 160.
[43] *Кулаков В.И.* 2002б, 107.

связывавшими перед эпохой викингов различные племена Балтии. Эта активность распространяется по торговому пути Самбия- Эйямыги / Вирумаа и по южной части балтского ареала, через землю судавов / ятвягов (Рис. 3).

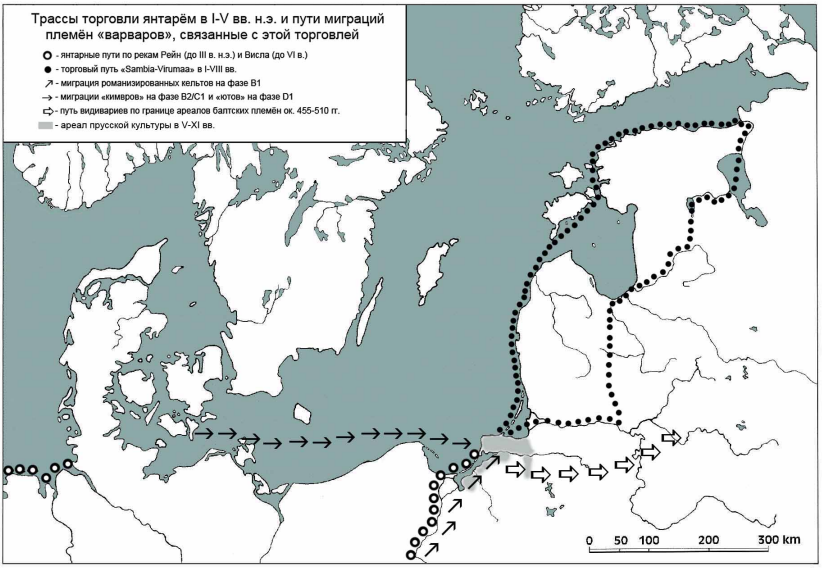

Рис. 3.
Пути янтарной торговли и направления связанных с торговлей миграций в юго-восточной Балтии в I–V вв. н.э.[44].

Последний маршрут воинов Самбии пролегал по Неманскому левобережью вплоть до р. Вилии. На восточном краю распространения трёхлопастных стрел, отмечавших упомянутый маршрут на территории совр. Литвы, располагается могильник Taurapilis (Utena raj., Lietuva). Там в плоском кургане 5 с каменным кругом по периметру было обнаружено ориентированное головой на запад вождеское трупоположение с конём и с предметами вооружения провинциально-римского (точнее, среднедунайского) происхождения V – нач. VI вв. Автор этих раскопок А.З. Таутавичюс считал погребённого в упомянутом кургане знатного воина вождём неких «праятвяжских» племён[45]. Однако курганный принцип надмогильного сооружения в Taurapilis указывает не на принадлежность людей, соорудивших курган, к судавской культуре, а соот-

[44] *Кулаков В.И.* 2011, рис. 6.
[45] *Tautavičius A.* 1981, 37, 38.

ветствует погребальным традициям римского времени юго-восточной Скандинавии[46]. Инвентарь вождя из кургана 5 также не находит аналогий в древностях судавов / ятвягов и мог принадлежать германскому знатному воину, пришедшему в Балтию с полей гуннских войн. Не исключено то, что погребённый в кургане 5 воин мог принимать участие в походе видивариев, дошедшего до окрестностей совр. г. Вильнюса.

Самбия, основная мировая провинция янтаря-сукцинита как в древности, так и в наши дни, являлась катализатором торговли между балтскими и, далее на восток, финно-угорскими племенами, поставляя янтарное сырьё и сопутствующие ему товары прусских мастеров (Рис. 4) на большие расстояния по речным трассам. Среди них для территории совр. Латвии были актуальными реки Даугава, Лиелупе и Гауя[47].

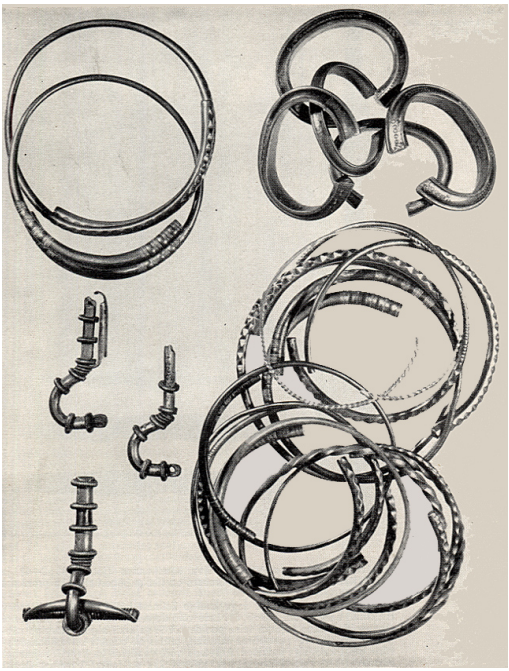

Рис. 4.
Серебряные украшения в кладе Kardla (Eesti)[48].

[46] *Кулаков В.И.* 2016, 19, 20.
[47] *Atgāzis M.* 2001, 251.
[48] *Jaanit L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* 1982, 288.

Важную роль для восточнобалтских племён, обитавших в бассейнах упомянутых рек, играло созданное ок. 650 г. торговое поселение в Grobiną. Скандинавское население обитало на берегах р. Аланде, являясь авангардом для последующей колонизации Руси и Исландии[49]. Правда, до сих пор скандинавское поселение в Grobiną археологами не изучено, как и в случае с его младшим современником Каупом на севере Самбии[50].

Для эпохи Великого переселения народов показатели скандинавской торговли и, тем более, свидетельства присутствия на берегах Рижского залива скандинавов в археологии Латвии отсутствуют. В отличие от этого северный берег совр. Эстонии уже в V в. активно осваивается скандинавскими воинскими контингентами, что отмечено находками деталей роскошных поясных наборов и мечевой гарнитуры северного происхождения[51]. В эту турбулентную эпоху скандинавы стремились наладить торговлю (скорее всего — мехом) с финно-уграми берегов Финского залива, о чём свидетельствуют находки на о. Большой Тютерс[52]. В материале памятников археологии бассейны р. Даугавы представлены следы южной торговли (через Поднепровье даже до берегов Индийского океана, что засвидетельствовано находками раковин каури)[53]. Через территорию совр. Латвии по пути Самбия-Эйямыги / Вирумаа в кладах, открытых эстонскими археологами, выпали прусские фибулы типа Duratón и застёжки со звёздчатой ножкой[54], уверенно датируемые V в. н.э. Как показывает материал кладов, обнаруженных на территории совр. Восточной Эстонии, в деятельности указанного торгового пути принимали участие и скандинавские торговцы[55]. В отличие от Неманского правобережья, перемещение крупных иноэтничных воинских формирований (исключая отряды скандинавских воинов) в бассейне р, Даугавы и севернее его в эпоху Великого переселения народов по археологическим данным пока не отмечено.

---

[49] *Bogucki M.* 2006, 103.
[50] *Кулаков В.И.* 2015, 139.
[51] *Quast D.* 2004, 269, Abb. 21.
[52] *Казанский М.М.* 2023, 71.
[53] *Atgāzis M.* 2001, 251.
[54] *Tvauri A.* 2012, 132.
[55] *Казанский М.М.* 2010, 335.

ЛЕС БРОСЕЛИАНД В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БРЕТАНИ КАК ТЕРРИТОРИЯ ВООБРАЖАЕМОГО ПРОСТРАНСТВА

М.К. Любарт

В современной культуре европейцев, и в частности, французов, существуют явление, которое возникло относительно недавно, еще недостаточно осознано и изучено, но представляет, на мой взгляд, большой интерес. Это конструирование неких территорий, выпадающих из пространства современной рациональной, технологичной жизни, и позволяющих попасть в иное, «вневременное» пространство — например, пространство особого леса, где можно ощутить не только красоту природы, но соприкоснуться с глубинами истории и культуры. В современной Франции существует несколько известных лесных пространств, овеянных легендами и получившие названия «мифические леса» (les forêts mystiques, les forêts mythiques, forêts de légende). Здесь, благодаря деятельности энтузиастов и деятелей культуры, можно оказаться в пространстве «материализовавшихся» легенд и мифов, почувствовать себя «вне времени», соприкоснуться с тем, что составляет основу культуры далекого прошлого.

Отметим, что соотнесение леса с пространством «чудес», присутствует в мифопоэтике многих народов и уходит корнями в далекое прошлое. Во Франции существуют поверья и легенды о нескольких таких лесах. Это, например, Лес Сисси (Forêt de Scissy), который будто бы существовал в заливе Мон-Сен-Мишель (Нормандия) до того, как в 709 г. его затопило море, и где на горе, до строительства знаменитого христианского храма, стоял друидский памятник. Это Лес Уэльгоа, «Лес хаоса» (Forêt de Huelgoat, Бретань), где гигантскими существами будто бы разметаны огромные камни, а вблизи археологических памятников до сих пор «живут» персонажи старинных баллад. Это Анданский лес (Forêt des Andaines) в Нижней Нормандии, где проходит «Тропа короля Артура» и растут три замечательных дуба, — короля Артура, Ланселота и Ипполита, где находится «камень-сокровище», исполняющий заветные желания. Это также лес Мерван-Вуван (Forêt de Mervent-Vouvant, Вандея) — царство феи Мелюзины, и др.

Речь идет о пространствах, где с реальными географическими объектами (такие как лес, озеро, холмы, и т.п.) связаны еще «культур-

ные смыслы». Иногда они считаются местом действия, событий, относящихся к далекому прошлому, но порой — все события и персонажи этой территории, принадлежат только миру легенд и мифов, «существуют» благодаря воображению и желанию людей. Их можно назвать «воображаемыми пространствами».

В этом разделе я намереваюсь обратиться к изучению социокультурного феномена одного из таких известных лесов во Франции, самому знаменитому в регионе Бретань — лесу Броселианд, который привлекает сегодня большое количество любителей старины, туристов, который стал символическим пространством «материализации» легенд о короле Артуре, где происходит большое количество связанных с этой тематикой культурных событий, который будит творческое воображение, где осуществляются неодруидические практики, и т.д. Что именно и почему происходит в лесу Броселианд, почему он стал заметным культурным пространством в Бретани, почему актуализированные сюжеты отдаленных эпох оказались столь интересными для современных людей?

Прежде чем обратиться к рассмотрению этих вопросов, вспомним, что во Франции существует традиция особого отношения к *пространству*, разным видам территорий, пониманию *определенного места (локации)* в жизни человека. Это относится и к общественному восприятию в целом, и к осмыслению пространства в искусстве, литературе, и в гуманитарных науках.

Французской науке принадлежит одно из первых мест в формулировании проблем, связанных с философией и антропологией пространства. Среди самых известных исследователей следует упомянуть Ф. Броделя (1902–1985) с его геоисторическим методом исследования пространства[1], А. Лефевра (1901–1991) и его теорию «производства пространства», П. Нора (р. 1931)[2], известного своей парадигмой «мест памяти», феноменологию пространства Г. Башляра (1884–1962) и его труд «Поэтика пространства»[3]. С точки зрения моего исследования интересен анализ Г. Башляром такого явления как топофилия, феномен пространства «прирученных» и облюбованных мест. Начиная с 1930–1940-х гг. благодаря ему зазвучала тема поэтических образов пространства, и их влияния на людей, тема резонанса давнего прошлого в образах природы[4].

---

[1] *Бродель* Ф. 2002; 1994.
[2] См. например: *Лефевр,* А. 2015; *Нора, П.* 1999.
[3] *Башляр Г.* 2004.
[4] *Башляр Г.* 2004, 8.

Во второй половине XX в. в творчестве упомянутых и других исследователей фигурирует идея «переживаемого пространства» («l'éspace vécu»). Она звучит в произведениях Поля Рикёра (1913–2005), в его рефлексивной философии, феноменологии и герминевтике пространства[5], в обобщающей концепции человека, в теории Армана Фремона (1933–2019) о переживаемом пространстве, которое моделируется, в котором отражаются значимые образы культуры[6], в исследованиях воображения и пространства воображаемого историка-медиевиста Жака Ле Гоффа (1924–2014), философии пространства писателя и литературного критика Жоэ Буске (1897–1950) и других.

Что касается выбранного мною объекта изучения, леса Броселианд, то здесь мы имеем дело не просто с реально существующим географическим пространством, замечательном с природно-биологической точки зрения, но и с конструируемым воображаемым пространством, местом воплощения мифологии, легенд, исторических преданий, которые воспринимаются как материализованное культурно-историческое наследие народа, являются своего рода его презентацией, частью массовой культуры, имеющей немало граней, и не случайно интересной для многих.

До недавнего времени существовало мнение, создавшееся благодаря бретонским легендам и сказкам, что на территории полуострова некогда существовал огромный, почти непроходимый мифический лес (*la grande forêt centrale)*, будто бы покрывавший всю центральную территорию Бретани с древности и до XI в. Однако современные научные открытия в палинологии, археологии и топонимике считают эти представления об огромном непроходимом лесе мифом[7]. Тем не менее, довольно большой лес на территории региона существует, пусть и не такой обширный и не столь дремучий. Этот лес в центре Бретани, недалеко от г. Ренн, официально называется Пемпон (Paimpon). Однако миф о громадном таинственном лесе пережил века, и был подхвачен во французской культуре в XIX в. Он пронизывает литературную (романтическую) фантастику этого столетия, о нем говорят историки XIX в., такие как О. де Курсон и А. де ла Бордери (A. de Courson, A. De La Borderie).

---

[5] *Рикер П.* 2004.

[6] *Frémont A.*1976.

[7] *Chédeville A., Tonnerre, N.-Y.* 1987, 156; *Briard J., Marguerie D., Gebhardt* A. [et al.] 1989. Пример отражения этой точки зрения в популярной литературе: La forêt de Brécilien. (L'ancien nom de la forêt de Paimpont). — https://broceliande-brecilien-org/La-foret-de-Brecilien/ (дата обращения — 10.04.24).

Параллельно с представлениями об этом загадочном лесе Бретани, существовали и представления о другом замечательном лесе, который фигурировал во многих текстах знаменитого средневекового цикла легенд о короле Артуре. Многие события этих легенд происходили, как считалось, в лесу Броселианд, место которого в реальном пространстве будь то Британские острова или Малая Бретань, не уточнялось. Между тем, артуарианские легенды пришли в Бретань, видимо, с миграциями бриттов уже в VI в., а впоследствии возник целый «бретонский цикл» куртуазного романа, одним из главных создателей которого считается К. де Труа[8].

Лес Броселианд фигурирует во многих эпизодах повествований о короле Артуре, его рыцарях, наставнике Мерлине, феях, и т.д. Первый текст, в котором он упоминается, это «Роман де Ру», написанный нормандским поэтом Р. Васом около 1160 г. Довольно часто он встречается в произведениях авторов XII–XIII вв. Ю. де Мери, Г. Ле Бретона, Ж. де Барри, А. Неккама, Р. де Борона, Жоффре, и др.

Однако, поскольку средневековые авторы умалчивают о местоположении этого леса, существует несколько гипотез неравной ценности о том, где бы он мог находиться, а некоторые исследователи считают, что нет никаких прямых доказательств о том, что он вообще где-то реально существовал. Именно такая точка зрения является принятой в научном сообществе кельтологов современной Бретани[9]. Возможно, образ леса в легендах артурианского цикла является просто собирательным.

Под влиянием моды на кельтскую культуру, охватившей кельтоязычные области Великобритании и Франции (провинция Бретань), и «романтического национализма» конца XVIII–XIX вв., среди энтузиастов начались поиски такого леса, с которым можно было бы ассоциировать место действия знаменитых легенд об Артуре. В них приняли участие такие знаменитые личности, как писатель Ф.-Р. де Шатобриан (1768–1848), знаток литературы о короле Артуре и собиратель бретонского фольклора Э. де Ла Вильмарке. В 1837 г. этот исследователь сообщил о своей поездке в лес Пемпон, который он ассоциировал со знаменитым Бресильеном (Бросилиандом), и описал его как один из священных в прошлом лесов, в котором действовали галльские друиды. В качестве доказательств он приводил данные топонимики[10], Ла Вильмарке и впоследствии продолжал заниматься этой темой. Его идеи были поддержаны таким авторитетом, как Л.-А. Л.М. де ла Бордери

[8] *Михайлов А. Д.* 2006, 44.
[9] См.: *Le Gall J.-A.* 2010.
[10] *La Villemarqué, Th. H. de.* 1837, 46.

(1827–1901), который считается «отцом» бретонской историографии, а также эрудитом бароном А.-М.-Р. дю Таем[11], аббатом Ф. Мане[12] и другими. Они пришлись весьма по душе тем, кто был заинтересован в акцентировании внимания на «кельтском прошлом» Бретани, от энтузиастов местной культуры до торговцев антиквариатом.

Благодаря стремлению идентифицировать какой-то лес как место действия артуровских героев, такое пространство было «найдено». Им был признан лес Пемпон в центральной части Бретани, точнее — его часть, названная Броселиандом. На сегодня этот лес является, пожалуй, самой известной территорией «воплощения» артурианских, а также других легенд и поверий. Отождествление одного за другим мест в этом лесу с местом действия знаменитых происходило в несколько этапов.

Значительную роль в этом сыграл большой бретонский эрудит Ф.-Ш.-М. Беллами (1828–1907 гг.), опубликовавший в 1896 г. справочник «La forêt de Bréchéliant». Этот довольно монументальный труд (около 1400 стр.) посвящен артурианской литературе и ее «имплантации» в лесу Пемпон. Ф. Беллами, который более 30 лет занимался изучением этой темы, принадлежит и ряд других книг, связанных с лесом Броселианд и его достопримечательностями.

Созданный усилиями многих подвижников образ леса Броселианд господствовал до XX в., когда началась его научная демистификация[13]. Пожалуй, самым решающим словом были исследования специалистов, сделанных в результате систематических аэрофотосъемок, проводившихся с 1989 г. Они позволили прийти к выводу, что в центральной Бретани не было в древности «огромного леса». Территория была в значительной степени освоена человеком еще на заре истории[14], и архитектурные и иные развалины на ней не могут быть идентифицированы со временем короля Артура.

Для нас же важно отметить, что отождествление участка реального леса с легендарным Броселиандом произошло не в глубокой старине, а относительно недавно, в основном в XIX вв. И, несмотря на то, что наука предлагает иное видение истории этой местности, многие её посетители не слишком принимают во внимание эти доводы, предпочитая, хотя бы на время, оказаться в некотором «ином пространстве».

Увлеченность артурианскими легендами и поэтикой мифологического мира стала весьма характерной и для некоторых представителей

---

[11] *Taya baron du, A.-M.-R.* 1839.
[12] *Manet, abbé F.G.P.B.,* 1834, 203.
[13] См. например: *Chédeville A., Tonnerre N.-Y.* 1987, 41–42.
[14] *Gautier* M. 2003, 22-23.

литературы и искусства, что явственно сказалось не только во времена романтизма, но и позднее в эпоху модерна, который во французской Бретани имел выражено «кельтский акцент». Осмысление пространства Броселианда в профессиональном искусстве и литературе часто шло, выражаясь словами Г. Башляра, по пути «материализации поэтических грез», поэтизации «пространства нездешнего», «расширения бытия»[15]. Рассуждая об этом, Г. Башляр говорит:

> «Мы обнаружили, что трансцендентность видимого и трансцендентность слышимого едины в величии бытия»[16]. Или еще: «И поэтичность самого леса... и поэтичность тех образов, которые он навевает, связанны с пространством кельтских легенд: бескрайность древнего леса, его скрытые глубины, то, что у французских авторов принято называть “психологическим трансцендентом”»[17].

Поэтизация леса, в частности Броселианда, встречается в произведениях писателей П. Гегена (1889–1965)[19], Р. Менара, Ж. Сюпервьеля, и целого ряда других[18], в работах многих художников. Лес артурианских легенд появляется в самых разных сферах изобразительного, музыкального искусства, кинематографа, компьютерных игровых миров, и т.д. Так, например, есть мнение, что образ Броселианда вдохновил знаменитого писателя Д.Р.Р. Толкина на создание региона Средиземья — Белерианд[19].

Лес Броселианд сегодня — это часть территории большого леса, имеющего официальное название Пемпон (forêt de Paimpont), который находится к западу от г. Ренна, столицы региона Бретань. Его площадь около 10 000 га. Это в основном широколиственный лес, с примечательными геоморфологическими особенностями, флорой, для которой характерны дуб, бук, каштан, фиговое дерево, мирт, юкка, утесник, драцена, разные виды мхов и т.д.; фауной, примечательной, помимо прочего, своими земноводными, насекомыми, и т.д. Большую природную ценность имеет и интересный рельеф, который включает равнинные и холмистые территории, «туманные» озера, ланды, болотистые зоны, «бурлящие» пруды Ле-Форж и Ле-Перре. Лес Броселианд вклю-

---

[15] *Башляр Г.* 2004, 168.

[16] Там же, 159.

[17] Там же, 164.

[18] *Guéguen P.*1998, 71; *Ménard R.* 1956, 6–7; *Supervielle J.* 1956.

[19] См.: https://lespepitesdefrance.com/blog/la-foret-du-roi-arthur-de-broceliande-en-bretagne/ (дата обращения — 19.03.2024).

чен в Национальный список (инвентарий) природного достояния страны. В его характеристике отмечается и ценность ландшафтного дизайна леса, и его культурно-историческая значимость[20]. Согласно классификации «Ле пти Фуке» лес Бросселианд был признан одним из 100 самых красивых природных объектов Франции и самым загадочным из «мифологических лесов»[21].

Бросселианд имеет и другие природные особенности, которые добавляют ему специфики. Так, например, в его недрах, недалеко от поверхности почв, имеется железная руда, что придает красновато-пурпурный цвет воде местных ручьев и других водоемов. В восточной части леса можно видеть следы добычи этой руды и многовековой металлургической деятельности, начало которой, видимо, восходит еще к железному веку (I–II вв. до н.э.)[22]. Как минимум со времен XIII–XIV вв. здесь существовали кузницы, работавшие при монастырях, позднее, с XVII в. кузнечное производство, для которого имелось все необходимое, расширялось, достигнув расцвета в XIX столетии. К концу этого века металлургическая промышленность здесь постепенно приходила в упадок. Заметим, что, с одной стороны, эта деятельность отчасти повлияла на природные характеристики леса, с другой — металлическое производство — весьма характерная черта региона со времен кельтской древности.

Как говорится на одном из многих туристических сайтов, где описывается Броселианд, этот

> «...лес, площадью около 10 000 гектаров, предлагает множество прогулок на горном велосипеде, верхом или пешком, а также почти 200 км пешеходных маршрутов. Это настоящая земля открытий, где природа и история встречаются с загадочными пейзажами, вековыми дубами и менгирами, открывающими дверь воображению»[23].

Эта территория отмечена также несколькими древними памятниками доисторического происхождения. Здесь находится более 50 курганов, дольмены, менгиры и другие неолитические сооружения, построенные на возвышенностях между — 3500 и — 1500 годами[24]. В зоне Броселианда также находятся несколько архитектурных и исторических

---

[20] INPN.

[21] *Auzias D., Labourdette J.-P. et al.*2011, 60-61.

[22] *Glot C., Boëlle Y.* 2010, 8.

[23] См.: https://www.villanovo.fr/magazine/france/bretagne/article-a-la-decouverte-des-mysteres-de-la-foret-de-broceliande/ (дата обращения — 14.03.2024).

[24] *Glot C. ,Boëlle Y.* 2010, 16.

достопримечательностей более позднего времени. Конечно, они овеяны соответствующими легендами. Это, например, замок Компер, бывшая цитадель короля Бретани, а сейчас — штаб-квартира ассоциации «Centre de l'imaginaire arthurien», но где, недалеко, согласно легенде, находится невидимый хрустальный замок феи Вивиан.

Это и замок, построенный в XV в. Жаном де Тресессоном, который также имеет свое легендарное «сопровождение», о чем мы сегодня можем узнать, например, из туристических путеводителей:

> «В Тресессоне, самом красивом замке Броселианд, обитают многочисленные призраки. Самый известный из них, — белая дама из Тресессона, иногда возвращается, чтобы поплавать в водах рва. Когда-то двое мужчин в черном, посреди ночи привели ее туда, одетую в свадебное платье, и захоронили заживо»[25].

На территории Броселианда есть также руины средневековых замков (крепостей), разрушившихся как в ходе войн, так и от времени. Это замки Исагоэ (Isagoët), Бутаван (Boutavant) и Курб (Courbe). На сегодняшний день наибольший интерес со стороны общественности проявляется к замку Бутаван, который был построен в нач. XIII в. и служил резиденцией сеньоров де Монфор-Гаэль. Это была крепость диаметром ок. 27 м. со стенами толщиной 2 м., каменной оградой и квадратными башнями. Здесь некогда процветала жизнь знатных феодалов, и, согласно легенде, именно этот замок был местом встреч и переговоров французского короля Филиппа Огюста и короля Англии Иоанна Безземельного. Поскольку территория была затронута Столетней войной, Бутаван и другие замки были взяты и разрушены французскими войсками в 1373 г. В самом конце XX в. со стороны местной общественности к нему возник интерес, и сейчас он восстанавливается. На территории Броселианда есть и другие историко-архитектурные памятники, некоторые из них восстанавливаются, как например, реставрируется из руин средневекового замка и усадьба Гурван (или Портес), делают это сами ее нынешние владельцы.

Топография леса во многом фантастична, и связана она в основном, все-таки с героями артурианских легенд. Так, среди самых известных достопримечательностей Броселианда — озеро, «Зеркало фей» («Miroir aux fées») или озеро Морганы, которое имеет удивительную особенность — его поверхность всегда, в любую погоду спокойна и гладка как зеркало. Связано это с тем, что озеро со всех сторон окру-

[25] *Glot C. ,Boëlle Y.* 2010, 26.

жено деревьями, не пропускающими сюда никаких ветров. Кстати сказать, название «Зеркало фей» оно получило не так давно — в 1913 г. благодаря восхищению им маркиза де Бельвю[26].

Недалеко от озера находится еще один примечательный объект — «Золотое дерево» («Arbre d'Or»). Оно было создано в 1991 г. (после событий большого пожара 1990 г.) профессиональным скульптором Ф. Давеном (F. Davin) и большой группой энтузиастов, при содействии различных организаций (в том числе ассоциаций, чья деятельность напрямую связана с Броселиандом — «Association de Sauvegarde du Val Sans Retour et de son environnement» и «Centre de l'Imaginaire Arthurien»). В дополнение к масштабной программе по восстановлению леса, посадке растений, Ф. Давен создал свое дерево — каштан, покрытый золотыми листьями и окруженный пятью почерневшими деревьями. Скульптуру даже бесплатно позолотили на Фестивале ремесел (Festival des Métiers d'Art de Reviers), снабдив его позолоченными листьями.

Это дерево, имеет символическую форму — его ствол раздваивается, напоминая форму рогов оленя, что символизирует возрождение и бессмертие леса. Рядом, в напоминание о пожаре, стоят черные, обгоревшие деревья. «Золотое дерево» быстро стало популярной достопримечательностью. Кроме того, довольно скоро появилась и новая легенда, «объясняющая» его историю. Она рассказывает, что некогда в лесу росло золотое дерево, на котором каждую ночь появлялись листья, их собирали эльфы и делали из них волшебное зелье для лечения поврежденных деревьев. Однажды молодая девушка по имени Генриетта увидела дерево, прикоснулась к нему и превратилась в черное дерево. Трое друзей, отправившиеся ее искать, нашли золотое дерево, прикоснулись к нему и тоже превратились в черные деревья. На следующее утро эльфы пришли собирать золотые листья и тут же стали камнями. С тех пор золотые листья перестали расти. Говорят, что для того, чтобы отменить проклятье этого места, нужно, чтобы какой-то ребенок разгадал секрет волшебного зелья эльфов. Легенда уже попала в справочники по Броселианду[27]. Успех этой «новорожденной» легенды, на мой взгляд, объясним тем, что она вполне «вписывается» в традицию и встречается с готовностью посетителей принимать такие объяснения. Как-то в поезде (в 2020 г.), следовавшем в Ренн, мне довелось услышать рассказ об этом дереве, причем рассказчица делала намек на то, что современное дерево — восстановленный вариант того дерева с золотыми листьями, которое существовало когда-то в незапамятной старине...

[26] *Bellevüe X. de*, 1913, 52.
[27] *Myrdhin, Maillet G.* 2008, 27.

Обновлению и интерпретации в духе старинных легенд подверглись и некоторые другие объекты Броселианда. К числу таковых относится место, будто бы особенно любимое волшебником Мерлином и названное потому его местом пребывания, троном Мерлина — Siège de Merlin. Это скала с характерными зазубренностями, которую в качестве «резиденции Мерлина» «определили» в 1950-х гг.[28]. Время деформировало этот «трон»: его очертания не только размыты, но он пострадал и от лесных пожаров. Однако, для нас важно тут отметить процесс современной, продолжающейся мифологизации пространства, весьма характерный для разных участков и мест Броселианда.

Недалеко от этого места находится источник Барантон (La fontaine de Barenton), где согласно легенде, часто отдыхал Мерлин, ожидая свою возлюбленную фею Вивиан. Именно у этого источника он научил фею вызывать дождь с помощью несложных действий с водой источника. Легенда трансформировалась в народное поверье, и многие поколения людей, вплоть до 1950-х гг., приходили сюда с просьбой о дожде[29]. Напомним, что в Бретани с давних времен, уходящих в языческую древность, существовал культ источников (ручьев, природных фонтанов). С этим культом и символикой воды связаны такие божества и мифические персонажи как Ана, Моргана, Вивиана, Оненна, что еще живо в народной памяти и поддерживается тем, что описано в современной справочной литературе о Броселианде[30].

В народном представлении путем магических действий здесь можно вызвать дождь. Как утверждает один из современных туристических гидов, вполне потворствующий таким настроениям посетителей леса,

> «...здесь встретились Чародей Мерлин и фея Вивиан, прежде чем полюбить друг друга. Если верить легенде, воды этого загадочного фонтана обладают волшебными свойствами... на поверхности воды регулярно образуются пузырьки из-за присутствия метана... если вы загадаете желание и пузырьки образуются мгновенно, ваше желание исполнится!»[31].

Подобным объектом с этой точки зрения является и «Жилище Вивиан» (L'Hotié de Viviane), который имеет и другое название — «Гробница друидов». Это группа мегалитов, датируемых учеными 3355–

[28] *Calvez M.* 2010, 6.

[29] См.: http://madamedartagnan.free.fr/ecrits/Traditions_2009/mai/mai.htm/ (дата обращения — 15.03.2024).

[30] См., например: https://broceliande-brecilien-org./Onenne/ (дата обращения — 14.04.2024).

[31] La forêt de Brocéliande, une terre de légendes. 2017

2890 гг. до н.э. Воображение людей относительно недавнего времени приписывает этому древнейшему сооружению и вероятное место, где фея держала прикованным Мерлина[32]. Здесь мы имеем дело с еще одним историческим искажением, которому мы обязаны волне кельтомании — это мегалитическое сооружение возникло гораздо раньше появления персонажей романов об Артуре.

Одним из самых интересных и популярных объектов в лесу Броселианд является «Долина невозврата» (Le Val sans Retour, другие названия — Val perileux или Val des faux amants). Связанная с ней легенда, как считается, в устной форме существовала уже к концу XII в.[33], в письменном виде была изложена в «Ланселоте-Граале» (нач. XIII в.). Фея Моргана, пораженная тем, что рыцарь Гийомар (Guyomard, или Guiomar, Guyamor) ее отверг, разрушив романтические надежды феи, движимая чувством обиды, обратилась за помощью к Мерлину, и в результате — была создана «Долина невозврата» — ловушка для рыцарей, неверных в любви. Попав в эту долину, рыцари уже не могут ее покинуть, оставаясь потерянными для внешнего мира. Спустя семнадцать лет рыцарь Ланселот дю Лак (Lancelot du Lac) смог разрушить проклятие Морганы и освободил томившихся там 253 рыцарей.

«Долина невозврата» является одним из самых примечательных и популярных мест леса. Но стоит заметить еще одну деталь. В наше время, когда женская тематика в разных общественных дискурсах акцентируется, внимание к образам женщин, в том числе в мифологии Броселианда, усиливается. По сути дела, в такой трактовке могущества феи Морганы на территории «Долины невозврата» можно увидеть блестящую акцию Морганы против (неверности) рыцарства Артура, и даже смену мужских и женских ролей, как они задуманы в средневековой литературе.

Иногда на «мистической территории» Бросселианда мы имеем дело с причудливым наложением образов. Так обстоит, например, дело с персонажами Феи Вивиан и Госпожой Озера. Рядом с Мерлином этот женский образ фигурирует как Вивиан, в большинстве других случаев — Владычица (госпожа) Озера. Кроме того, у нее есть и другие имена — Нениан, Нименче, Нивьен, Эвене, Нимуэ, Леди-Охотница, Белая Змея. Этот женский образ объединяет две довольно противоречивые традиции: то она лесная фея, очарованная Мерлином, то Владычица Озера, целомудренная и мудрая, воспитывающая Ланселота в лучших традициях светского общества.

---

[32] *Saintyves P.* 1934, 507.
[33] *Micha A*. 1987, 21.

Эти и другие примеры, которые можно найти в толковании разных достопримечательностей Броселианда, на мой взгляд, могут говорить о том, что стремление к логичности образа являются менее важными по сравнению с желанием мистифицировать какой-либо объект, придать ему загадочности. Мифологическое сознание не противоречит таким допущениям. В этом смысле Броселианд можно назвать и территорией, где современному человеку вполне позволительно предаться мифологическим фантазиям и миражам.

Кроме того, лес Броселианд отмечен, конечно, и присутствием христианства. Христианизация этих территорий Бретани началась относительно рано, в особенности городских центров, среди крестителей этой территории говорится об Илтуде (Iltud [† 522]), сыграли роль и миграции бриттов в V–VII вв., которые были христианизированы и несли с собой эту веру. В VI–VII вв. монахи и подвижники с Британских островов, прибывавшие в Арморику, немало сделали для ее христианизации, основывали монастыри «кельтского типа», которые следовали «шотландскому» правилу святого Колумбана. Вскоре на этой и соседних территориях возникают аббатства — аббатство Нотр-Дам де Пемпон, в ведении которого находилось несколько монастырей, аббатство Сен-Жан де Гаэль, аббатство Сен-Меен, монастыри (Сен-Бартелеми де Буссак, Сен-Лоран-де-Коэтлан, Сен-Бартелеми-дю-Буа-ан-Гилье, Монастырь Сент-Бриджит де Мердриньяк), храмы и часовни. Две часовни посвященны Святому Элою, покровителю всех тех, кто работает с металлом, что не случайно для этой местности, известной металлургическим производством.

Некоторые христианские постройки со временем, особенно в XX в., с тенденцией отхода от веры, пришли в запустение. Однако стоит упомянуть об интересном явлении, которое имело место в Броселианде в связи с деятельностью аббата А. Жиляра (H. Gillard), который прибыл на службу в 1942 г. в местечко Треорантёк (Tréhorenteuc) на территории Броселианда. Он возродил приходскую общину и восстановил небольшую церковь, сумев привлечь к этой работе состоятельных спонсоров. Образованный священнослужитель, он имел свои, подчас оригинальные представления о христианстве. Интересно, что он внес свой вклад в богатую бретонскую агиографическую традицию, написав свою интерпретацию Жития св. Оненны, почитаемой здесь святой.

Согласно оценке научно-популярного характера,

> «...аббат Жиляр является частью непрерывности христианизации культа Оненны местным духовенством. Подобно своим предшественникам, он стер из церкви архаические следы ее

> культа, заменив их художественными произведениями, передающими более последовательное видение истории святой. Настоятель, который восстановил участие гусей (гуси сыграли роль в защите Святой от преступников. — *М. Л.*) в процессии, также перенес ее на 15 августа, день помилования Богоматери, что еще больше способствовало ассимиляции культа Оненны с культом Богородицы»[34].

В некоторый противовес церковной традиции, А. Жиляр оказался под влиянием кельтской культуры и артуровских легенд, уделяя их смыслу и стилистике большое внимание. А. Жиляр интересовался также современным искусством, покровительствовал некоторым светским художникам[35] и заказывал у них иллюстрации к своим печатным трудам, а также изображения (картины, фрески, витражи) для храмов. Стилистика этих художественных произведений, и их содержание порою далека от церковных канонов, и весьма напоминает светские. Это можно сказать о цикле витражей (1948–1949), посвященных эпизодам жизни Св. Оненны (согласно версии аббата Жиляра) художника Анри Узуро (Henry Uzureau), или картины «Св. Оненна в кругу семьи» (Onenne au milieu de sa famille), картина, помещенная в церкви Треорентека Карла Резабека (K. Rezabeck), и т.д.

Аббат Жиляр стал также в какой-то степени родоначальником местного туризма, издавая путеводители, посвященные Треорантеку и Броселианду. Церковь Треорантека при нем была украшена сценами, отсылавшими к артуровским легендам, а изображенная Голгофа приняла вид «Долины невозврата». Знаменитая чаша Грааля представлена не в соответствии со своим известным христианским смыслом, а в интерпретации кельтских легенд — как котел изобилия. Такие «привязки» к знаменитой легендарной традиции, каких при о.Жиляре появилось немало, тоже способствовали увеличению числа туристов.

Однако, деятельность аббата выходила порой серьезно за рамки церковного служения. Так, в 1951 г., когда на территории Броселианда состоялось большое событие отнюдь не христианского характера — Горсед Бретани (собрание друидов, бардов, оватов), аббат Жиляр участвовал в событиях, предоставил помещение своей церкви для размещения посетителей, выступал с освещением происходящего на радио, телевидении и т.д.[36].

---

[34] См.: https://broceliande-brecilien-org./Onenne/ (дата обращения — 14.04.2024).

[35] *Blot R.* 2019.

[36] *Ealet J.* 2008, 153–155.

Успех его пропагандистской культурной деятельности, увлечение кельтской светской культурой, некоторые вольные интерпретации известных библейских сюжетов, приводили к разногласиям с церковным начальством. Одним из таких казусов стало, например, то, что на одном из церковных изображений «молодая женщина, едва прикрытая красным платьем, к ногам которой падает Иисус, — не Мария Магдалина, а фея Моргана, образ похоти». За это «нововведение» настоятелю был сделан строгий выговор. Оно, впрочем, было не единственным в изображениях (мозаиках) вверенного ему храма. В 1962 г., отец А. Гиллард покинул Треорантёк. Этот не типичный для церковного деятеля казус еще раз говорит для нас, пожалуй, о силе интереса к кельтской традиции и культуре, которой подчас весьма сильно увлечены люди, возможно в том числе под влиянием этого пространства, где она культивируется и, если можно так выразиться, концентрируется.

Растущая популярность леса, развитие туризма привели к тому, что местные власти обратили на него свое внимание. В 1963 и 1964 гг. власти деп. Морбиан создают на территории Броселианда собственные туристические объекты, восточная часть департамента переименовывается в «Pays de la Table ronde» («Земля «Круглого стола»). В 1972 году мэр Пемпона основал «Туристический офис Броселианда»[37]. Однако, формирование пространства Броселианда таким, каким оно сейчас является, — дело не только официальных властей. Появилась целая сфера индустрии культурного и природного наследия региона, ряд культурных ассоциаций, заинтересованных в существовании и развитии Броселианда, туристических организаций, включая офисы и службы в Бретани и на территории самого леса. Почти все они сочетают интерес к природе леса и популяризации его как пространства легенд и мифов. Благодаря их деятельности Броселианд сегодня — один из весьма популярных туристических маршрутов в современной Бретани и Франции в целом, а также место приобщения к культурному достоянию и современному искусству и науке.

Одной из самых серьезных просветительских ассоциаций, посвященных знанию о лесе Броселианд является ассоциация «Энциклопедия Броселианда» (Encyclopédie de Brocéliande)[38], созданная в 2010 г. по инициативе энтузиаста местной истории и краеведения Ж.-К. Фише (Jean-Claude Fichet), который сумел собрать заинтересованную команду. Как говорится в газетной статье,

[37] *Calvez M.* 1984, 116–117.

[38] См. ее сайт: https://broceliande.brecilien.org/A-propos-de-l-association-Encyclopedie-de-Broceliande/ (дата обращения — 16.02.2024).

> «...заботясь о создании надежной документации, Жан-Клод обращается к разным людям с богатыми и разнообразными навыками. Они объединились в ассоциацию, объявленную префектурой в мае 2010 года, с целью «написания и распространения энциклопедического труда, который представляет, анализирует и объясняет историю и культуру микрорегиона под названием Броселианд»[39].

Этой команде удалось собрать поистине энциклопедическую коллекцию знаний об истории, природе, экономике, искусстве, связанных с Броселиандом. Примечательно, что сотрудники ассоциации вполне осознают характер своей работы и тех процессов в культурной сфере, которые происходят в пространстве Броселианда. Так, программа обучения гидов, проводимого этой Ассоциацией, включает раздел «Изобретение традиции, применимое к некоторым «общественным местам» в лесу Пемпон-Броселианд»[40]. Вполне в соответствии с научным подходом, слушателям объясняют концепцию Э. Хобсбаума об изобретенных традициях, а также теорию Марселя Кальве о традициях, которые хотя и кажутся старыми или заявляют о себе как таковые, часто имеют совсем недавнее происхождение и иногда являются изобретенными[41], дают информацию о применении концепции Э. Хобсбаума для туризма и территориального развития этой территории. Научный коллектив ассоциации отмечает, что ряд представлений и поверий, относящихся к этому лесу, являются примерами изобретения традиции, которое началось еще в средние века.

Одной из самых активных и влиятельных культурных ассоциаций также является основанная в 1988 г. в Ренне ассоциация «Centre de l'imaginaire arthurien», заявленная цель которой — «ценить по достоинству артурианское нематериальное наследие», «стремиться передать его» через образ леса Броселианд, знакомить людей с легендами об Артуре. Ассоциация, которую образовали специалисты разных направлений искусства и науки, включая академиков, насчитывает ок. 400 членов, 6 постоянных сотрудников, это специалисты в области легенд о короле Артуре, такие как Ж. Дюран (G. Durand), художники С. Пино, Б. Брусеро, Д. Граффе и писатели. Примечательно, что в ассоциацию

---

[39] "Une encyclopédie de Brocéliande qui coule de source. Mauron", 21 aut 2013. — https://broceliande.brecilien.org/IMG/pdf/ouest-france_mauron_21aout__2013.pdf/ — (архив газеты) (дата обращения — 16.02.2024).

[40] См.: https://broceliande.brecilien.org/Seminaire-de-formation-des-guides-de-Broceliande/ (дата обращения — 16.02.2024).

[41] См., например: *Calvez M.* 2016.

вошли и представители местного самоуправления. С 1990 г. штаб-квартира этой организации находится в упоминавшемся выше замке Компер в лесу Пемпон (Броселианд).

Благодаря энтузиастам этой ассоциации ежегодно организуется культурный сезон в Бросселианде на базе замка Компер, который включает около 60 мероприятий с апреля по ноябрь. Это театрализованные шоу, лекции и конференции по истории, выставки и живые встречи с деятелями искусства, сценографические туры по Броселианду, фестивали. Главная цель ассоциации — внести свой вклад в знание легенд о короле Артуре, распространение искусства, культуры и истории, связанных с этим, организация массовых мероприятий. Большой популярностью пользуются также специальные познавательные и креативные программы для школьников. Так, в 2024 г. программа Культурного сезона[42] включает такие мероприятия как «Весна. Бельтейн и Броселианд» — весенний фестиваль, в рамках проекта «Легендарные леса», который посвящен «братству» Броселианда с другими мифическими лесами мира, разговора об этом «волшебном мире», шоу, ярмаркам. Летняя программа — «Средневековье Броселианда» предполагает реконструкцию средневекового рынка с 40 ремесленными прилавками, а также театрализованными представлениями и концертами на артурианские темы, интерактивной программой для посетителей, где они входят в роли определенных персонажей, облачаются в соответствующие костюмы. Осенняя «повестка дня» называется «Неделя Самайна», как говорится в анонсе мероприятий:

> «Ведьмы и ночные существа приглашают вас на фестиваль Semaine de Samain: фестиваль ведьм, шоу, сказки и конференции о темной стороне воображения, днем и вечером, для детей, но также и для более взрослых!».

Артурианский центр ставит своей целью и укрепление связи университетской науки с широкой публикой, здесь проходят встречи со специалистами-исследователями, издаются книги, и т.д. Центр имеет свое издательство, которое выпускает немало познавательной литературы. Кроме того, здесь выходит журнал «Artus», посвященный артурианской тематике. Ассоциация сотрудничает с Международным артурианским обществом (Société internationale arthurienne). Книжный магазин Ассоциации содержит более 500 изданий о Бретани, ее культуре, кельтской мифологии и т.д., и представляет собой своего рода культурное

[42] См.: https://www.broceliande-centre-arthurien.com/_files/ugd/eced07cc5ed3e3c2e2483bad5f90d922522284.pdf/ (дата обращения — 02.05.2024).

пространство, в котором работает особая категория сотрудников — гиды-рассказчики. Одно из направлений деятельности ассоциации – поощрение деятелей современного искусства, увлеченных кельтской и артурианской тематикой, создающих художественные живописные произведения, исполняющих музыку в кельтском стиле, а также представителей «уличного искусства», создателей фэнтези, актеров-рассказчиков историй и т.д. Артурианский центр организует спектакли, концерты, конференции, экскурсии по лесу Броселианд, активно участвует в Днях культурного наследия. Ассоциация воспринимается в обществе, как организация, «поддерживающая миф» леса Броселианд, культуру артурианского цикла в целом. Ее глава, Клодин Гло, исследовательница, автор ряда книг, нередко выступает по региональному телевидению, в прессе. Деятельность ассоциации весьма заметна в Бретани.

Существует также ряд ассоциаций туристической направленности. Такова, например, ассоциация «Друзья троп Броселианда» (“Les Amis des Sentiers de Brocéliande”)[43], созданная в 1992 г. по проекту Жака Леметра, президента комитета департамента Иль-и-Вилен в Французской федерации пешего туризма. Сама по себе организация инфраструктуры пешеходных маршрутов в этом, местами довольно глухом лесу, потребовала несколько лет подготовительной работы. Сегодня ассоциация предлагает целую сеть пешеходных маршрутов по лесу разной продолжительности, однодневные (обычно 18-25 км.) и многодневные, ориентированные на различные возрастные категории, разные виды активности, включая выступления актеров рассказчиков, аниматоров, мастер-классы, и др. Ассоциация издала свой путеводитель, «Тур по Броселианду» (Tour de Brocéliande, 2019), опубликованный Французской федерацией пешего туризма, который стал одним из самых популярных путеводителей в Бретани в 1990-е годы. Путеводитель не раз переиздавался. Общую его концепцию можно определить как знакомство туристов с «многосторонним» Броселиандом, с его геологией, экологией, предысторией, архитектурой, металлургией, а также с невидимым миром легенд.

Несколько иные задачи ставит перед собою другая ассоциация, связанная с Броселиандом — «Ассоциация сохранения Долины невозврата и ее окрестностей» («Association de Sauvegarde du Val Sans Retour et de son environnement»). Эти задачи прежде всего экологические и природоохранные, а также туристические, с ориентацией на экологиче-

[43] См.: https://amis-sentiers-broceliande.fr/association/ (дата обращения — 24.03.2024).

скую тематику[44]. Ассоциация была создана в сентябре 1979 года. Ее создание является частью ведомственного плана по экономическому развитию внутренних районов Морбиана посредством туризма. Предполагается, что участок «Долины невозврата» позволит обеспечить туристическое развитие окружающих его городов Морбиана.

Еще одно направление деятельности представляет «Ассоциация Д'Артаньян» («Association D'Artagnan»). На ее сайте описание Броселианда и его мифических и туристических достопримечательностей имеет свои особенности. Этот и некоторые подобные ресурсы содержат информацию, находящуюся на грани между реальностью и мистикой, дают материалы, востребованные увлекающимися неоязычеством, например:

> «Вход в лес — это не просто поступок, а обряд инициации, который может закончиться мистическим поиском. Поэты и художники восхваляли лес как самостоятельный храм, присоединяясь тем самым к древней традиции, согласно которой посещение священных лесов было запрещено непосвященным. Даже посвященным приходилось соблюдать определенные даты открытия, как, например, во время встречи галльских друидов в лесу Карнут»[45].

Лесу Броселианд вообще посвящено огромное количество туристической справочной литературы и сайтов разной степени информативности и ценности, в том числе брошюры, написанные в научно-популярном стиле. В них можно получить достаточно информации для туристического знакомства с территорией. Но они также интересны с точки зрения наших исследовательских целей, понять какие акценты делаются для презентации леса Броселианд. Наиболее общей (выражающей) идеей является, пожалуй, его характеристика как «Лес наших легенд» (La forêt de nos légendes)[46].

Несмотря на отсутствие каких-либо убедительных доказательств о существовании леса Броселианд на этой территории, во второй половине XX в. стала заметной тенденция «укоренения» этой легенды на окружающей территории. В частности, появлении ряда названий, связанных с героями артурианского цикла в городском пространстве,

---

[44] См.: https://www.cc-broceliande.bzh/annuaire/association-pour-la-sauvegarde-du-val-sans-retour/ (дата обращения — 15.03.2024).

[45] La forêt inquiétante et magique. — http://madamedartagnan.free.fr/ecrits/Traditions_2009/mai/mai.htm/ (дата обращения — 15.03.2024).

[46] См. например: *Glot C., Boëlle Y.* 2019, 2.

названия предприятий, улиц, и т.п. Власти департамента с одной стороны довольны тем обстоятельством, что приток туристов способствует оживлению экономики, а также обеспечивает рост населения в регионе. Однако, существуют и некоторые «сопутствующие обстоятельства», которые иногда настораживают. Помимо уже упомянутых практик, преимущественно культурного содержания, лес используется и для реализации различных неоязыческих акций. Конечно, не удивительно, что довольно давно, уже с XIX в., времени их оживления, этот лес был избран язычниками для этих целей. Здесь действуют также представители альтернативных направлений медицины, ссылающихся на древние практики.

В лесу Броселианд есть места, где чувствуются проявления языческих ритуалов и суеверий: так, среди блоков красного сланца на ветвях древнего падуба можно увидеть сплетённые узлами венки из волос. В нем же прячут небольшие записки с обращениями к Мерлину, который до сих воспринимается ими как посредник между человеком и природой. Совершаются обряды омовений у источников, и т.д. Речь идет о тех, кто действительно верит, что этот лес является «священным», населенным мистическими существами, что это место является благоприятным для духовных мистических, в том числе, неодруидических практик. Особенная их активность наблюдается в «Долине невозврата».

Из организованных неоязыческих действий в Броселианде стоит сказать прежде всего о неодруидизме, представители которого избрали этот лес одним из своих культовых мест. Напомним, что бретонский неодруидизм является производным от валлийской, третьей друидской, традиции, основанной в период романтизма и первой волны кельтомании еще в 1792 г. на Британских островах. Бретонский же неодруидизм зародился около 1820 г. , в его появлении большую роль сыграла бретонская аристократия и образованная верхушка общества, занимавшиеся поисками своих кельтских корней. Среди них, например, — воспевавший родную Бретань поэт О. Бризё, упоминавшийся уже известный литератор и собиратель бретонского фольклора, автор знаковых для бретонской культуры произведений Э. да Ла Вилемарке, и др. Эти два деятеля, кстати отметить, в 1838 г. были объявлены на Горседе в Эбергевани *бардами полуострова Бретань*. В начале XIX в., когда знания о древней истории были еще очень скудны, менгиры, дольмены и другие мегалитические памятники на территории Бретани приписывались кельтам и ассоциировались с друидизмом. Энтузиастами бретонской культуры по сути дела была изобретена целая мифология, связанная с друидами. Знаменательным событием в этой связи было «обнаруже-

ние» в 1820 г. антикваром Ж.-К. Дамьеном Пуаньаром в Пемпоне (Бросилианде) «могилы Мерлина»[47]. С начала XIX в. фигура «архидруида» Мерлина стала связываться именно с этим лесом. Идея Пуаньана об особом значении этого леса в древнем друидизме была поддержана такими авторитетными исследователями как Э. де Ла Вилемарке и Ф. Беллами[48], а в начале XX в. маркиз Ксавье де Бельвю в своем произведении «Лес друидов» уже пишет о друидских практиках в Броселианде как на признанный факт[49].

Среди объектов в Броселианде, которые относят к друидическим памятникам, прежде всего многочисленные мегалиты, их скопления, которые ассоциировались в представлении людей XIX–XX вв. с гробницами, храмами, лечебницами и т.д. Вслед за убеждением, что на территории леса когда-то действовали друиды, были «найдены» и связанные с ними памятники. Кроме упомянутой, «найденной» Пуаньаром «могилы Мерлина», от которой осталось только два неолитических камня, в 1825 г. каноник Маэ описал неолитическую стоянку как «древнее кладбище», а позднее, в 1955 г. священник Жилар назвал его уже «некрополем друидов». Подобная история произошла еще с одним объектом. Мегалиты местечка Prise de Comper были объявлены Ф. Белами «друидическим кладбищем». «Гробницей друидов» называют с 1896 г. группу стоящих мегалитов «Tombeau des Druids» или «Hotie de Viviane»[50].

«Школы друидов» были «обнаружены» близ источника Барентон, об этом строили догадки уже упоминавшиеся Бризе, Ла Вильмарке, Белами, а также аббат Жилар. В середине XIX в. целый ряд известных лиц высказали мнение, что друидическая школа существовала и в Телине. В поиске таких мест приняли участие также писатель Жан Маркаль[51], К. Буле, известный под именем друид Дурдан и др. К числу объектов, имеющих отношение к друидам, отнесли также и Фонтан молодости, где будто бы проводились церемонии «переписи детей», родившихся за последний год, в дни кельтского праздника Бельтейна. В литературе не раз подчеркивалось, что эти «находки», конечно, не имеют никакого отношения к учению и практике друидов древности, являясь современными конструктами. Но, надо сказать, что «друидический фольклор» продолжает развиваться и находит своих поклонников

[47] *Poignard M.* 1820.
[48] *La Villemarqué Th. H.* De. 1837, 46; *Bellamy F.* 1896, 254.
[49] *Bellevue X. de*. 1912, 33.
[50] *Gillard, abbé H.* 1955, 20.
[51] *Markale J.* 1989.

и заинтересантов и в наши дни. Пробуют себя в различных блогах не только авторы-любители, но и профессиональные писатели. Кроме упомянутого выше Ж. Маркаля, к таковым можно отнести и Жака Пежо, автора книг о неодруидизме в Броселианде[52], Ива Пакале, Поля Морана и др.

С начала XX в. и по сегодняшний день в лесу Броселианд имеют место и признанные друидические практики. После проведенного в 1951 г. впечатляющего Горседа Бретани в Треорантеке, подобные большие друидические церемонии устраиваются каждый год в третье воскресенье июля. Именно во время Горседа принимают претендентов в его новые члены в присутствии также делегаций друидов из Уэльса и Британского Корнуолла. Для этого друидического действа на кургане, возвышающемся над «Долиной невозврата» был построен «друидский кромлех» — круг из больших поставленных вертикально камней, который представляет собой ритуальное ограждение священного пространства, наподобие того, как это было в древности. Публика может наблюдать за происходящим только на отдалении, с противоположного склона холма. По окончании церемонии в центре каменного круга сажают дуб.

В настоящее время в Бретани существует несколько организаций, которые так или иначе касаются деятельности друидов, они проводят свои собрания, отмечают праздники кельтского календаря в Броселианде. Это, например, SIGTIB («Syndicat d'Initiative et Groupement Intercommunal de Broceliande»), «Содружество друидов Гипербореи» («Le Compagnonnage Druidique d'Hyperboree»). Эта группа друидов проводит свои основные церемонии в лесу Броселианд, в Хотье-де-Вивиан или на берегу пруда Пемпон. Существуют и некоторые другие друидические организации, в том числе культурные ассоциации. В организации мероприятий участвует и «Grand College Celtique de la Foret des Chenes de Broceliande», организация, главной функцией которой является образовательная, — обучение друидов. До 2019 года этот колледж друидов организовывал свои основные церемонии вокруг «Маен Лог» пруда Паймпон, который, по их представлением имеет особые важные характеристики для этого.

Кроме Горседа, церемонией, открытой для публики, является праздник Лугнасад, когда в празднествах участвует и окрестное население. Весьма красочными бывают шествия по окрестным поселениям в эти дни. Друиды в белых длинных одеяниях, украшения из омелы, хоровое пение, музыка духовых инструментов (особенно волынок)... Остальные церемонии и действа имеют закрытый характер и предна-

[52] См. например: *Pegeaud J.* 1985.

значены для собственно друидов. Несмотря на это, существуют исследования, посвященные современному друидизму, и в частности тому, что происходит в Броселианде[53].

В лесу Броселианд, кроме того, имеют место языческие и неоязыческие ритуалы, черные мессы с жертвоприношениями животных. Продолжают частично бытовать и некоторые языческие представления, отсылки на традиционные верования и фольклор, которые желающие легко могут встретить в интернете, например о «людях леса», кроме упоминавшихся фей, это также банши, кентавры, белые дамы (приведения), дриады, лепреконы, фавны и блуждающие огоньки. Мистические практики порой привлекают большое число зрителей. Приток такого рода приезжих с одной стороны является желательным для тех, кто зарабатывает на туризме, с другой стороны не всегда нравится местному населению, в особенности фермерам.

Наконец, мне доводилось слышать и представителей третьей точки зрения. Сегодня существует, и, возможно набирает силу мнение, что бретонцам не стоит культивировать причастность своей культуры к артурианской теме, тем более связывать с ней свою идентичность. Возможно, такие настроения связаны с тенденцией кельтоскептицизма, проявления которого заметны в последнее время.

Все вышеизложенное позволяет прийти к некоторым выводам. Даже краткая характеристика социокультурных, экологических, духовных и иных практик, существующих в контексте Броселианда показывает, что это явление многомерно и, конечно, отнюдь не ограничивается его физико-географическими характеристиками обычного леса. Броселианд — не просто лесное, примечательное природное пространство, способствующее отдыху, отвлечению от повседневности. Это не только территория культивирования природы, спортивного, туристического досуга и развлечений.

Такие явления, как лес Бросселианд, можно рассматривать как полисемантический феномен. Он имеет, во-первых, отношение к основополагающим философским началам существования человека, согласно которому — лес есть древнее воплощение значимого для человека пространства в координатах его пространственно-временного бытия.

Во-вторых, его существование имеет, видимо, отношение к глубокой (неочевидной, латентной) психологической потребности человека – соприкосновения, возвращения на какое-то непродол-жительное время в мир детства, сказок, воображения, чудес. Возможно, рядом же находится потребность к «входу» в чудесное пространство мифа, очаровы-

[53] См. например: *Raoult M.* 1992; *Hummel St.*, 1990; *Le Scouezec G.* 2001.

вающего своими тайнами и глубинами. Временное, сказочное, имеющего отношение к приключению, сравнимому, может быть, с интерактивным театральным представлением.

Современный лес Броселианд — это также и территория презентации культурного наследия, идентификации легенд, материализации миражей «артурианского пространства». С легенд артуровского цикла, в общем, во многом начиналась бретонская и французская литература. Поэтому в приобщении к пространству Броселианда есть отсылка и к бретонской культурной идентичности.

Этот лес еще и уникальное место, по сути дела сеттинг, для неоязыческих практик, отчасти практик около медицинских, неодруидизма. Броселианд также и территория реализации современной массовой культуры, репрезентации творчества современных авторов, увлеченных культурой средневековья, территория ее интерпретаций и интерактивного приобщения к ней людей, принадлежащих к самым разным слоям общества. Броселианд есть также объект продолжающегося мифотворчества, объект, вдохновляющий на творческие поиски. Эта «многомерность» Броселианда, видимо, отражает сложность современного человека, многомерность его запросов, возможно, и не всегда осознанных.

ДИКАЯ ПРИРОДА И БЕЛЫЕ «ЦИВИЛИЗАТОРЫ» НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ США В XVII–XIX ВЕКАХ

ЭВОЛЮЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Л.М. Троицкая

В XVI–XIX вв. в разные периоды Северную Америку колонизировали и исследовали крупнейшие европейские державы — Испания, Англия, Франция, Россия, а также Нидерланды. Огромные испанские владения простирались от Флориды на побережье Атлантики до Калифорнии на Тихом океане. Франция обладала территориями в районе р. Св. Лаврентия, на Великих озерах, во внутренних районах к западу от Аллеганских гор, в долине реки Миссисипи (Луизиана). Англия первоначально обосновалась на Атлантическом побережье. В XVII в. Нидерланды обосновались на территории современного г. Нью-Йорк, который был основан под названием Новый Амстердам в 1625 г. для защиты от французов и англичан провинции Новые Нидерланды в составе конфедеративной Республики Соединенных провинций[1]. В северных широтах на громадных просторах от Лабрадора до Тихого океана господствовала британская Компания Гудзонова залива (КГЗ), занимавшаяся прибыльной торговлей пушниной, выменивая меха различных животных, на которых охотились местные немногочисленные индейские племена, на британские промышленные товары. Русские первопроходцы, а также купцы и промышленники, добывавшие в больших количествах различных морских зверей, шкуры которых, особенно каланов, очень высоко ценились на китайском рынке, «открывали» Северную Америку со стороны Северной Азии и Тихоокеанского севера. Они проникли сначала на Алеутские острова, затем на Аляску, а в 1812–1841 гг. существовало поселение Российско-американской компании (РАК) в Калифорнии.

Европейские державы ревностно следили за соперниками, защищали собственные стратегические и торгово-экономические интересы

---

[1] В 1664 г. селение было захвачено англичанами, переименовано в Нью-Йорк и стало владением Англии. В 1673 г. его вновь захватили голландцы и переименовали в Ньив-Оранье (нидерл. Nieuw Oranje), однако по 2-му Вестминстерскому договору в 1674 г. селение возвращалось Англии и опять стало именоваться Нью-Йорком.

и стремились всеми возможными способами расширить или, по крайней мере, сохранить свои владения в Северной Америке.

В 1783 г. на мировой карте появилось новое государство — Соединенные Штаты Америки, когда в результате Войны за независимость (1775–1783) тринадцать английских североамериканских колоний завоевали независимость. В XIX в. США стали важным актором в Новом Свете (достаточно вспомнить доктрину Монро 1823 г.) и благодаря своим действиям и экспансионистской политике, сочетавшим «мягкую» и «жесткую» силу, заняли огромные внутренние территории в Северной Америке от Атлантики до Тихого океана. Отчасти это было сделано за счет Мексики — слабого южного соседа, завоевавшего в 1820-х гг. независимость от Испанской империи.

Континент был богат природными ресурсами — реками, озерами, лесами, разнообразной, подчас незнакомой европейцам, флорой и фауной. В рамках геологической истории Земли климат и ландшафты неоднократно радикально изменялись, в частности во время обширных материковых обледенений (плейстоцена) и нынешнего послеледниковья (голоцена). Завершение последней ледниковой эпохи началось около 20 тыс. лет назад, климат стал теплее, и в Северной Америке вымерло более 70% «мегафауны» (так называемые «ужасные волки», а также мамонты, мастодонты, гигантские бобры, крупные хищные птицы, саблезубый лосось и др.)[2]. Процесс вымирания особенно усилился в конце плейстоцена, примерно 13 800–11 400 лет назад. Но при этом надо заметить, что массовая гибель фауны происходила в глобальном масштабе.

Тысячелетиями в Северной Америке обитали индейские племена, находившиеся на разных уровнях развития. Известно, что первые люди (охотники и собиратели) в ледниковую эпоху медленно мигрировали через лесотундровую территорию Берингии из Северной Азии в Северную Америку и сначала проживали на Аляске и западных районах Юкона примерено в течение 10 тыс. лет[3]. Затем, около 9–15 тыс. лет назад, племена стали быстро заселять Североамериканский континент, в частности те области, которые составляют ныне Дальний Запад США. Хозяйственная деятельность краснокожих зависела от особенностей окружающей среды. Большинство племен на своих родовых тер-

[2] См.: *Dant S.* 2023, 17.

[3] Речь идет о так называемой «модели длительной беригнийской остановки», которая, по мнению ряда исследователей, нуждается в дополнительных археологических изысканиях. См.: *Dant S.* 2023, 12; *Хоффекер Дж. Ф., Элиас С.А., Потапова О., Павлова Е.Ю., Питулько В.В.* 2020; *Lan-Hai Wei, Ling-Xiang Wang, Shao-Qing Wen, et al.* 2018, 1687–1696.

риториях занимались собирательством, охотой, рыболовством. Были и оседлые племена, которые успешно выращивали разнообразные сельскохозяйственные культуры. Первоначально индейцы-земледельцы в период Неолитической революции возделывали три культуры («три сестры») — кукурузу, тыкву и бобы.

До прихода белых индейцы не знали колеса и использовали волокуши. Они переносили грузы на себе, перевозили их в лодках или перемещали при помощи собак — единственных имевшихся у туземцев Северной Америки домашних животных (в Южной Америке индейцам удалось также одомашнить ламу и альпаку). Когда краснокожие освоили колесо, это многократно увеличило мобильность племен. Через испанцев индейцы познакомились с домашней лошадью[4] и научились эффективно использовать это животное в охоте, военном деле, при миграциях. Особенно это проявилось на просторах Великих Равнин, расположенных на Дальнем Западе между р. Миссисипи и Скалистыми горам. Следует отметить, что частично лошади одичали (их стали именовать мустангами) и паслись в прериях большими стадами, составляя в определенной степени конкуренцию в пищевом рационе самому крупному млекопитающему Северной Америки — бизону[5], на которого традиционно охотились туземцы.

Первоначально индейцы представлялись белым — испанцам, французам, англичанам — враждебными, свирепыми «дикарями», «варварами», людьми низшей расы. Отечественный историк В.В. Согрин отмечает, что в XVII–XVIII вв.:

---

[4] Важно указать, что ввоз европейскими колонизаторами лошади в Америку можно считать «повторным появлением» этого животного в Новом Свете, поскольку в период упомянутого плейстоценового вымирания исчезла североамериканская дикая лошадь (*Equus*), причину чего американский историк окружающей среды С. Дант назвала «непостижимой», так как в Евразии и Африке лошади продолжали существовать. См.: *Dant S.* 2023, 17.

[5] Первобытный бизон, предок американского бизона, мигрировал в ледниковую эпоху из Евразии в Северную Америку приблизительно 135 тыс. лет назад, т.е. задолго до появления первых людей в Новом Свете. В плейстоцене это был один из самых распространенных представителей так называемой «мамонтовой фауны». В настоящее время существует два вида этого животного — степной и более крупный лесной. В начале XVIII в. бизоньи стада численностью свыше 60 млн голов обитали и мигрировали на громадных территориях в прериях и лесостепях от северо-западной и центральной части Канады до центральных районов Мексики. Огромные популяции паслись на просторах Дальнего Запада США.

> «...англичане, а вслед за ними американцы, рассматривали индейцев и африканцев как “дикарей” и “варваров”, которых англосаксы имели право подчинять и порабощать. Согласно суждениями англосаксонских белых поселенцев “варвары” — индейцы, не имевшие понятия о собственности, могли занимать только те земли, которые непосредственно населяли и обрабатывали. Все иные территории, в том числе те, на которых местные племена охотились, были “ничьи”»[6].

В то же время в эпоху Просвещения в Европе, в европейской, а позднее и в американской литературе романтического направления был распространен также образ «благородного дикаря». Российский литературовед П.В. Балдицын утверждает:

> «*Бегство в пустыню или к благородным дикарям, в леса или прерии, в море или на реку, на вольный воздух — вот ключевой мотив американской культуры* (курсив. — *Л. Т.*)»[7].

Для европейцев-христиан туземцы, поклонявшиеся духам природы и тотемным животным, были чужими «Другими» — язычниками, которых следовало привести к вере Христовой. Миссионеры, особенно испанские и французские католики-иезуиты, а позднее англосаксонские протестанты различных деноминаций прикладывали большие усилия по катехизации краснокожих. В Русской Америке среди местного населения распространялось православие.

В 1585 г. первая попытка англичан закрепиться в Северной Америке на острове Роанок на Атлантическом побережье закончилась неудачей. Причин тому было много, в том числе желание поселенцев найти там золото, начавшаяся война Англии с Испанией, неспособность пришельцев упорно и методично трудиться «по освоению девственной страны» и т.д. Однако, по мнению отечественного историка Л.Ю. Слёзкина,

> «...главной причиной гибели колонии было неумение установить хорошие отношения с индейцами. Англичане бесцеремонно занимали землю, на которой давным-давно жили индейцы»[8].

Позднее, 10 апреля 1606 г. (по Юлианскому календарю), английский король Яков I пожаловал хартию, согласно которой для колониза-

---

[6] *Согрин В.В.* 2022, 15.
[7] *Балдицын П.В.* 2004, 94.
[8] *Слёзкин Л.Ю.* 1978, 9.

ции «части Америки, обычно называемой Виргиния, и других областей и территорий в Америке» учреждались две монопольные акционерные компании в Лондоне и Плимуте. Эти территории протирались вдоль побережья Атлантики между 34º и 45º с.ш. «Каждая компания получила 100-мильную прибрежную зону, считая по 50 миль на север и юг от места первого поселения, с прилегающими островами в пределах до 100 миль от берега и 100 миль в глубь материка. Здесь в их владение предоставлялись все земли, недра и природные богатства, а также право на строительство портов и другую хозяйственную деятельность. Наделение подобными правами на остальной территории колонии передавалось в ведение самой компании»[9]. В 1620 г. группа английских религиозных диссидентов-пуритан бежали в Северную Америку в надежде найти там «Новый Ханаан» со своей верой, землей и самоуправлением. В декабре того же они высадились с корабля «Мэйфлаур» («Майский цветок») у так называемой Плимутской скалы и основали севернее Виргинии колонию Новый Плимут и начали возводить «град на холме». Первые контакты пилигримов с индейцами были не слишком дружественными из-за сложившегося тогда в Англии представлениях о краснокожих как об опасных и жестоких врагах. Однако в 1621 г. именно индейцы спасли пуритан, как ранее белых поселенцев Виргинии, от голодной смерти. Так начиналась история английской колонизации Северной Америки.

Рассматривая историю Соединенных Штатов сквозь проблематику изучения окружающей среды, американский исследователь Т. Стейнберг утверждает, что природа «не была практически пассивной и неизменной, как могут подумать историки». По его мнению, изучение американской истории «от и до» означает переосмысление периодов, определявших то, «как мы подходим к прошлому». Он критически отнесся к устоявшемуся у многих людей убеждению о якобы мирном эпизоде у Плимутской скалы как о начале истории США. Стейнберг заявляет, что европейцы прибыли в Северную Америку, вызвав

> «...великое множество экологических тревог, поскольку изолированные друг от друга миллионы лет два материка (Северная Америка и Евразия. — *Л. Т.*), внезапно вошли в контакт друг с другом. Болезнь людей, болезнь растений и насекомые-паразиты на растениях, холод, голод, крысы, сорная растительность и волки, помимо других угроз, противостояли европейцам первые два столетия колонизации. Им

[9] Там же, 23–24.

потребовалось время и очень много тяжелой работы, чтобы устранить хаос, преобразовать леса ради своих сельскохозяйственных амбиций»[10].

Освоение территорий вблизи побережья Атлантики в перспективе предполагало их расширение. Так, при учреждении новой английской компании под названием «Губернатор и Компания Массачусетской бухты в Новой Англии» в королевской хартии от 4 марта 1629 г. определялись не только северная и юная границы, в пределах которых должна была действовать компания. Двадцати шести членам компании предоставлялись также

«...земли, лежащие в указанных северных и южных пределах … на всем протяжении от Атлантического океана… на восток до Южного моря (Тихого океана. — *Л. Т.*)… а также все острова в указанных морях и все металлы и минералы… а к тому же свободу рыболовства… во всех указанных водах…»[11].

Через столетие, в 1754 г., один из будущих отцов основателей США Б. Франклин безуспешно предлагал собравшимся в г. Олбани (колония Нью-Йорк) представителям английских колоний «План образования двух западных колоний в Северной Америке и обоснование этого плана». Цель заключалась в экспансии в западном направлении на территории, расположенные между Аппалачами (Аллеганскими горами), р. Миссисипи и Великими озерами, чтобы усилить защиту владений Англии от действий французских властей Новой Франции, торговавших с индейцами и подстрекавших их к действиям против англичан. Франклин убеждал:

«В данное время и англичане и французы считают местность позади Аппалачских гор, по обоим берегам Огайо, между этой рекой и озерами, одной из прекраснейших местностей в Северной Америке; она славится исключительным богатством и плодородием почвы, здоровой температурой воздуха и мягкостью климата, богатой охотой на зверя и дичь и рыбной ловлей, широкими возможностями торговли с индейцами, удобством внутренней навигации по озерам и большим рекам на много сотен лье вокруг. Благодаря таким природ-

[10] *Steinberg T.* 2002, X.
[11] Цит. по: *Слёзкин Ю.Л.* 1980, 15.

ным преимуществам этой местности суждено стать (быть может, менее, чем через столетие) густо населенным и сильным доминионом и значительно приумножить могущество либо Англии, либо Франции»[12].

Он напомнил:

«Территории, выделенные большинству колоний, представляют собой длинные, узкие полоски земли, тянущиеся на запад от Атлантического океана к Южному морю (Тихому океану. — *Л. Т.*). Они слишком узки при большой протяженности; крайние точки слишком далеко отстоят друг го друга; теперешние их размеры делают их непригодными для дальнейших поселений. Аллеганские (или Аппалачские) горы являются удобной естественной преградой для ограничения распространения некоторых старых колоний на запад, а новые колонии могут быть основаны к западу от этих гор»[13].

Франклин считал, что по сравнению с трудностями, которые испытывали первые английские поселения в Северной Америке, расположенные очень далеко от метрополии, организовать новые две колонии на западе было бы проще, так как рядом будут находиться уже существующие колонии, и они при необходимости смогут помочь. Он был уверен, что в Америке «имеется много людей, которые будут рады любой возможности обеспечить своим детям кусок земли, внеся сейчас небольшую сумму, а через несколько лет эта земля может оказаться очень ценной»[14].

Завершались размышления Франклина утверждением, что англичане должны создать упомянутые поселения на территории между Аллеганами и р. Миссисипи именно в данный момент, «чем через пятьдесят лет; ибо нам самим легче поселиться и этим помешать поселению там французов, что они, по-видимому, собираются сейчас сделать, чем изгнать их оттуда, когда они там прочно обоснуются»[15].

Знаменательно, что эти мечты и призывы осуществились всего через несколько лет, когда в результате Семилетней войны (1756–1763) обширные французские владения в Северной Америке перешли в руки англичан.

---

[12] *Франклин Б.* 1956, 84.
[13] Там же, 86.
[14] Там же, 87.
[15] Там же, 89.

После образования США 1783 г. дорога на Запад широко открылась для граждан этой заокеанской республики и прибывавших из Европы туда многочисленных иммигрантов, надеявшихся завладеть (купить или незаконно захватить) участком земли и обзавестись фермой на просторах Северной Америки, казавшихся вплоть до 1880-х гг. бескрайними. В 1893 г. историк-прогрессист Ф.Дж. Тёрнер, основоположник теорий «подвижной границы» (фронтира) и существования «предохранительного клапана», способствовавшего доступу к «свободным» землям, заявлял:

> «Американская история вплоть до наших дней в значительной мере была историей колонизации Великого Запада. Существование значительной территории свободных земель, ее постоянное отступление и продвижение американских поселений на запад — вот объяснения развития Америки»[16].

Ф. Дж. Тёрнер включал в полосу фронтира и земли индейцев, и внешние границы населенных белыми районов и пришел к заключению:

> «Фронтир — полоса наиболее быстрой и эффективной американизации. Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем — по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронтира на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспосабливается к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадется по индейским тропам. Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа… появляется новый, американский продукт»[17].

---

[16] *Тёрнер Ф.Дж.* 2009, 13.
[17] Там же, 15.

Согласно Тёрнеру, история фронтира началась на Атлантическом побережье, которое «было в самом реальном смысле границей Европы. Продвигаясь на запад, фронтир все более и более становился американским»[18]. Он выделил определенные рубежи пограничья, которые были пройдены за три столетия. Так, в XVII в. граница пролегала по линии водопадов, в. XVIII в. — по Аллеганским горам, в первой четверти XIX в. — по р. Миссисипи, в середине XIX в. — по р. Миссури (без учета продвижения в Калифорнию), к 1890-м гг. — пояс Скалистых гор и пространство засушливых земель стали современным фронтиром[19]. Признавая, что к концу XIX в. «фронтира больше нет», так как «никогда больше не появится такого подарка — свободных земель», вместе с тем с уходом фронтира завершился лишь первые период истории США, а «экспансионистский характер американской жизни» не исчез полностью и «энергия Америки будет постоянно требовать более широкого поля для своего приложения»[20].

Тёрнер выделил черты, присущие фронтиру как субъекту: свежесть, доверие, презрение к старому обществу, нетерпимость к его ограничениям и идеям, равнодушие к его упрекам. При этом он обнаружил сходство с античными временами, увидев его в значимости региона Средиземноморья для древних греков и «вечно отступающим» фронтиром для США, когда речь идет разрыве с узами обычаев, приобретении нового опыта, появления новых институтов и видов деятельности. Причем фронтир все это проявлял сильнее[21].

Идеалом цивилизации белых англосаксов в Северной Америке с колониальных времен, а позднее при формировании американской нации, было завоевание[22] новых территорий, «освобождая» их от истинных хозяев-индейцев, которых убивали в стычках с белыми поселенцами и в «индейских войнах» с регулярными войсками США, насильственно депортировали на запад, где проживали другие племена, что зачастую приводило к межплеменным столкновениям, вытесняли в резервации, отравляли алкоголем и т.д. Кроме того, индейцы вымирали от занесенных белыми инфекционных болезней, поскольку аборигенные народы, жившие тысячелетия изолировано от Старого Света, не обладали необходимым иммунитетом для борьбы с такими заболеваниями, как например, оспа, корь и др.

---

[18] Там же, 16.
[19] *Тёрнер Ф.Дж.* 2009, 18.
[20] Там же, 40.
[21] Там же.
[22] Там же, 229.

По существу, белые смотрели на громадные западные территории в целом, в том числе на Дальний Запад, как на законную добычу охотника и даже как на военный трофей. Ф.Дж. Тёрнер писал:

> «Взору каждого нового поколения пионеров открывался незавоеванный континент. Необозримые леса преграждали путь, мешали неприступные горы; безлюдные, заросшие травами прерии, бесплодные степные океаны холмистых равнин, аридные пустыни и свирепая раса дикарей — со всеми ними нужно было сойтись в бою и победить. Ружье и топор — вот символы первого поселенца отдаленных внутренних районов. Они означали школу агрессивной смелости, господства, непосредственного поступка, разрушительных действий»[23].

Выше подчеркивалось, что на Североамериканском континенте США продолжили действовать в русле колониальных устремлений своей бывшей метрополии, но теперь уже Великобритания, сохранившая в своих владениях Британскую Северную Америку, стала для американцев в первой половине XIX в. одной из главных соперниц наряду с Испанией и отчасти с Россией и Францией. Надо было осуществить пограничное размежевание, изучать малоисследованные внутренние регионы.

Естественно, что первыми исследователями были испанские конкистадоры еще в XVI в. В ходе экспедиции 1539–1542 / 1543 гг. во главе с Эрнандо де Сото было пройдено свыше 4 тыс. км, обследованы территории юго-восточных и центральных штатов современных США. Сото первым из европейцев переправился через р. Миссисипи («Отца вод») близ современного г. Мемфиса, исследовал долину р. Арканзас и расположенные севернее нее территории.

В XVII в. с севера в верховья «Отца вод» проникли французы — торговые агенты, миссионеры. Так, 17 июня 1673 г. Луи Жолье и миссионер отец Жак Маркетт

> «...оказались в чистых прозрачных водах верхней Миссисипи. Близ устья Висконсина Миссисипи была, как и ныне, невелика по сравнению с тем гигантским потоком, в какой она превращалась после слияния с водами Миссури и Огайо. И все же французы были потрясены и восхищены…»[24].

---

[23] *Тёрнер Ф.Дж.* 2009, 229.
[24] *Бейклесс Дж.* 1969, 325.

Берега реки были безлюдными, в верховьях и в среднем течении росли платаны, гикори, белые, бархатистые дубы и деревья других пород. Спускаясь вниз по течению, путешественники наблюдали, как лесистая местность сменилась прериями, обратили внимание на плодородные земли, видели оленей, американских лосей, бизонов, хищных животных из семейства кошачьих, много водоплавающей дичи и других птиц. В реке водились разнообразные породы рыб.

Примерно там, где сейчас в США находится г. Сент-Луис, Жолье и Маркетт обратили внимание на резкую смену ландшафта, так за стеной леса и скалистых берегов отчетливо стали периодически видны прерии. И здесь же они сначала услышали грохот водного потока, а потом увидели, как в Миссисипи вливаются воды р. Миссури, прозванной «Толстой грязнухой», или «Пекитануи». Американский историк Дж. Бейклесс процитировал слова Маркетта:

> «Ничего более жуткого мне не доводилось видеть прежде. Множество огромных деревьев, целые стволы с ветвями, словом, настоящие плавучие острова, стремительно неслись через устье реки Пекитануи. Пересечь этот поток без величайшего риска для жизни было невозможно. Вода клокотала и становилась такой грязной, что не могла уже стать чистой вновь»[25].

Реку Огайо открыл и исследовал почти на всем ее протяжении французский путешественник Р. Кавелье де Ла Саль в 1669 г. В 1681–1682 гг. он спустился по р. Миссисипи до ее впадения в Мексиканский залив и объявил весь район владением Людовика XIV и назвал его Луизианой. Побывавший в месте впадения р. Миссури в р. Миссисипи Ла Саль подтвердил наблюдения Маркетта, отметив, что прозрачная вода Миссисипи ниже устья р. Миссури была «забита грязью, отчего вода в ней не годилась для питья»[26].

Территории, расположенные к западу от р. Миссисипи, в частности бассейны рек Ред-Ривер, Канейдиан и Арканзас) интересовали испанцев, французов, англичан, а позднее американцев. Обнаруживались удивительные природные особенности, которые впоследствии долго создавали трудности белым при освоении Дальнего Запада. В частности, в XVIII в. французы обнаружили многокилометровый так называемый «Затор на Ред-Ривер», состоявший из бревен, деревьев, другой растительности, который за несколько веков скопился недалеко от впадения р. Ред-Ривер в Миссисипи, практически перегородив реку и со-

[25] *Бейклесс Дж.* 1969, 335.
[26] Там же.

здав естественную плотину. Постепенно этот затор увеличивался в размерах и продвинулся вверх по течению Ред-Ривер с 31º45' с.ш. до 33º с.ш. и далее. В XIX в., когда эти территории вошли в состав США, затор, затопляя берега, наносил огромный ущерб белым поселенцам, очень затруднял судоходство, тогда как «внутреннее пароходное сообщение с каждым годом начинало играть все большую роль в торговле между восточными и западными областями страны»[27]. Первая попытка ликвидировать «плотину» усилиями федеральных властей и властей штата Арканзас в 1838 г. закончилась неудачно, так как затор образовался вновь. Работы возобновились лишь в 1873 г. и успешно завершились только к 1880 г.[28]

Показательно, что в своих «Заметках о штате Виргиния», опубликованных в 1787 г., Т. Джефферсон — один из отцов-основателей и будущий президент США — довольно подробно излагал имевшиеся в его распоряжении сведения, хотя порой отрывочные, о крупнейших реках региона — Миссури, Иллинойс, Огайо и др. Он предрек, что р. Миссисипи

> «...станет одной из главных артерий будущей торговли для территории, лежащей к западу от Аллеганских гор… На плоскодонке расстояние от устья Огайо до устья Миссисипи преодолевается за три недели, а на обратный путь вверх по течению уходит от двух до трех месяцев… В реке водится особый вид черепах, окунь, форель, сарган, щука, лобан, сельдь, карп, спатул…, сом.., рыба-буйвол и осетр. Аллигаторы или крокодилы были замечены вверх по течению до реки Арканзас. На реке также в изобилии водятся цапли, журавли, утки, черные казарки, гуси и лебеди»[29].

Будучи президентом США в 1801–1809 гг., Джефферсон придавал огромное значение экспансии на Запад[30] и укреплению позиций амери-

---

[27] *Бейклесс Дж.* 1969, 347.

[28] Там же.

[29] *Джефферсон Т.* 1990, 105.

[30] В 1803 г. во время президентства Т. Джефферсона США купили за 15 млн долл. у Франции Луизиану площадью около 828 тыс. кв. км. Ныне на этой территории расположены такие штаты, как Айова, Арканзас, Луизиана, Миссури, Небраска, а также часть территорий штатов Вайоминг, Канзас, Колорадо, Миннесота, Монтана, Оклахома, Северная и Южная Дакота. Позднее, в 1819 г., был заключен американо-испанский договор, так называемый договор Адамса–Ониса, по которому границей между США и испанскими владениями призна-

канцев на побережье Тихого океана. Он был инициатором организации знаменитой правительственной научно-исследовательской и разведывательной экспедиции М. Льюиса и У. Кларка (1803–1806), которая пересекла Североамериканский континент с востока на запад. В 1804 г. путешественники поднялись на лодках по р. Миссури от устья до территории современного штата Северная Дакота, там перезимовали среди индейцев мандан; в 1805 г. поднялись к истокам р. Миссури, затем проплыли вверх по р. Джефферсон, сухопутным путем пересекли хребет Биттер-Рут и по р. Колумбия спустились к Тихому океану. В 1806 г. М. Льюис и У. Кларк вернулись в США в г. Сент-Луис, который в последствии станет главным «сборным пунктом» для белых трапперов, промышлявших пушного зверя, а также для поселенцев, желавших путем тяжкого труда расчистить участки девственного леса или, позднее, вспахать целинные земли прерий, чтобы заняться сельским хозяйством или другими видами деятельности.

Льюис и Кларк находились под большим впечатлением от природных ландшафтов Среднего и Дальнего Запада, которые воспринимались ими как пасторальная идиллия[31]. Путешественники видели в лесах и на просторах прерий на севере Великих Равнин несметное количество разных животных, включая бизонов, вилорогов, лосей, оленей, антилоп и т.д. Дичь водилась в изобилии, и охотники экспедиции убивали много животных. Например, в апреле 1805 г. они писали, что «наши охотники убили 4 козла (вилорогов. — *Л. Т.*), 6 оленей, 4 лосей и пеликана»)[32].

В ходе экспедиции были получены разнообразные сведения о природе этих территорий, обитавших там индейских племен, изучены их связи с мехоторговыми компаниями, собраны богатые коллекции (индейские артефакты, например, накидки из бизоньих шкур; шкуры разных животных, застреленных членами экспедиции; живые птицы, семена растений и многое другое).

Добытая информация этой и других американских изыскательских экспедиций имела для США не только большое стратегическое значение для выработки направлений своей экспансионистской политики, но представляли научный и утилитарный интерес для развития торгово-экономической деятельности и расширения зоны заселения белыми.

валась 42-я параллель вплоть до Тихого океана. Флорида была присоединена к Соединенным Штатам, а те, в свою очередь, отказались от претензий на Техас.

[31] *Wulf A.* 2011, 165; *Kirby D.* 2010, 3.

[32] Цит. по: *Kirby D.* 2010, 3.

Привезенные коллекции помогали американцам заочно познакомится с природой Запада, ее потенциальным возможностям, индейскими племенами и стимулировали дальнейшие изыскания, расширяя реальные знания об отдаленных регионах. Так, например, Т. Джефферсон писал, что экспедиция Льюиса и Кларка «дополнила некоторое число новых растений к собственному ассортименту — некоторые из них диковинные, некоторые декоративные, некоторые полезные, а некоторые путем возделывания могут лежать на наших столах»[33].

Переданные близкому Джефферсону садоводу из Филадельфии Бернарду Макмахону (Макмагону) семена, доставленные экспедицией, проросли на новой земле и продемонстрировали часть ландшафта, который кроме участников путешествия никто из белых американцев пока не видел. В связи с этим англо-американская исследовательница А. Вулф отмечала также:

> «С того момента, когда листья распустятся и лепестки раскроются, садовники на Востоке (США. — *Л. Т.*) будут любоваться Западом. Когда фрукты поспеют и злаки созреют, они будут способны дать попробовать на вкус прерии и долину р. Миссисипи. Эти растения оживили бы новую американскую землю, обеспечивая исключительно на подсознательном уровне встречу с обширным континентом, раскинувшимся до Тихого океана»[34].

Историк обратила внимание на важность фактора природы в формировании американской национальной идентичности, что уже понимали такие отцы-основатели, как Дж. Вашингтон и Дж. Адамс. В конце

---

[33] Thomas Jefferson to Madame de Tessé, 8 December 1813. Когда второй срок нахождения на должности президента США закончился, Т. Джефферсон активно начал реконструировать садово-парковые угодья в своем имении Монтичелло в Виргинии. Произраставшие там растения, связанные с экспедицией Льюиса и Кларка, «являлись напоминанием о богатствах, лежащих на Западе; маленькие поля, расположенные около декоративной части сада, фиксировали мечту Джефферсона об аграрной республике; большие опытные участки, где проводились эксперименты с выращиванием овощей, создавали научную лабораторию, тогда как рощица и леса прославляли величественный ландшафт Америки. Монтичелло стало связующей нитью мира Джефферсона». См.: *Wulf A.* 2011, 178. Как представляется, к этому следует добавить, что в данном случае можно говорить о ландшафте США в миниатюре с учетом мало известного на тот момент Дальнего Запада, который еще предстояло исследовать, завоевать и заселить.

[34] *Wulf A.* 2011, 169.

XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. девственная местность начинает даже чрезмерно восхищать воображение жителей США. Там, где прежние поколения белых колонистов видели

> «...дикий ландшафт Америки “страшным и безлюдным”, враждебную окружающую среду, которая препятствовала созданию ферм и поселений, теперь он превратился в объект национальной гордости… В отсутствие руин и древностей (чем гордятся европейцы. — *Л. Т.*) американцы обратились к необузданной девственной природе»[35].

В первые десятилетия XIX в. огромная территория на Западе, особенно между р. Миссисипи и Скалистыми горами, была подлинным фронтиром, который постепенно осваивали и исследовали отдельные граждане США и федеральные власти. Кроме уже упоминавшейся экспедиции Льюиса и Кларка, там побывали тоже очень важная, но долгое время полузабытая экспедиция майора З. Пайка (1806–1807)[36], а также экспедиция военного инженера, майора С.Х. Лонга (1820) и др. Там уже давно находились фактории мехоторговых компаний, охотились на пушного зверя трапперы — американцы и франкоканадцы, проживали индейские племена, действовали христианские проповедники.

Как отмечает российский культуролог А.Б. Танасейчук, живописное освоение просторов Дальнего Запада началось еще в конце XVIII в. по мере усиления проникновения во внутренние районы экспедиций «английских, французских и американских торговых компаний, ученых-натуралистов, военных топографов и т.д.». До эпохи фотографии в составы экспедиций входили художники. «Многие среди них отличались большим дарованием, некоторые вошли в историю изобразительного искусства США (например, Дж. Одюбон, Дж. Иннес, К. Бингем, А. Бирстадт и др.)»[37]. Американских натуралистов интересовали флора и фауна, различные природные объекты. Во время путешествий они делали рисунки или иными способами хотели заинтересовать ученых и широкую публику по обе стороны Атлантики. Так, опираясь на материалы экспедиции Лонга и многие другие сведения, в 1820-е гг. свет увидел труд Р. Харлана[38], богато иллюстрированное издание Дж. Д. Годмана «American Natural History»[39].

---

[35] *Wulf A.* 2011, 170.
[36] *Pike Z.M.* 1889; *Потоков Е.Н.* 1991, 133–145.
[37] *Танасейчук А.Б.* 2008, 117. См. также: *Алентьева Т.В.* 2022, 177–197.
[38] *Harlan R.* 1825.
[39] *Godman J.D.* 1828.

Оба труда были посвящены самым разным видам млекопитающих. Но здесь, как представляется, проявился высокомерный, расистский менталитет белых американцев, поскольку эти книги открывались сведениями об индейцах, «встраивая» их в животный мир Северной Америки. Правда, Р. Харлан не согласился с европейскими авторами, поставивших краснокожих («американскую расу») на четвертое место среди человеческих рас, и полагал, что в действительности они занимали второе место после так называемой «кавказской расы», т.е. «цивилизованных» белых[40].

Было очевидно, что судьба индейцев в США была предрешена. Побывавший в этой стране в 1831 — начале 1832 гг. французский политический мыслитель, публицист и государственный деятель А. де Токвиль писал о Соединенных Штатах в своей ставшей классической книге «Демократия в Америке»:

> «Индейцы… полны мыслей о своем, как они полагают, благородном происхождении… Они не просто не хотят приспосабливаться к нашим нравам, но дорожат своей дикостью как отличительным знаком своей расы и отталкивают цивилизацию не столько из ненависти к ней, сколько из страха стать похожими на европейцев… Все индейские племена, которые когда-то жили на территории Новой Англии… существуют лишь в воспоминаниях людей… Исчезновение индейцев происходит очень просто. Когда индейцы жили одни в местах, из которых их сейчас изгоняют, их потребности не отличались многообразием: они сами изготавливали себе оружие, не пили ничего, кроме речной воды, а одеждой им служили шкуры животных, мясом которых они питались»[41].

В качестве причин радикального изменения условий жизни индейцев Токвиль назвал «цивилизаторскую» миссию европейцев, разрушавшую традиционный уклад существования туземных племен Северной Америки. Белые принесли им огнестрельное оружие, железо, спиртные напитки, манеру одеваться и т.д. В обмен на эти «плоды», а также в стремлении удовлетворить аппетиты колонизаторов индейцы предлагали им меха ценных пушных зверей, уничтожая их сверх меры: «В то время как потребности индейцев росли, их богатства постоянно уменьшались»[42].

---

[40] *Harlan R.* 1825, 15.
[41] *Токвиль А. де.* 1992, 240–241.
[42] Там же, 241.

Француз обратил внимание на то, как соседство с белыми поселенцами пагубно влияло на местную фауну, поскольку традиционно индейцы гармонично сосуществовали с дикой природой. Животных тревожил шумные работы европейцев, вынуждая перемещаться на Запад. Путешественник утверждал: «Инстинкт подсказывает им, что там они найдут бескрайние незаселенные земли»[43]. В доказательство он привел цитату из доклада Конгрессу США от 4 февраля 1829 г., в котором говорилось о передвижении стад бизонов все дальше на запад от Аллеган и пророчески предсказывалось, что «через несколько лет их, возможно, трудно будет увидеть в огромных равнинах, простирающихся вдоль Скалистых гор»[44] (Рис. 1).

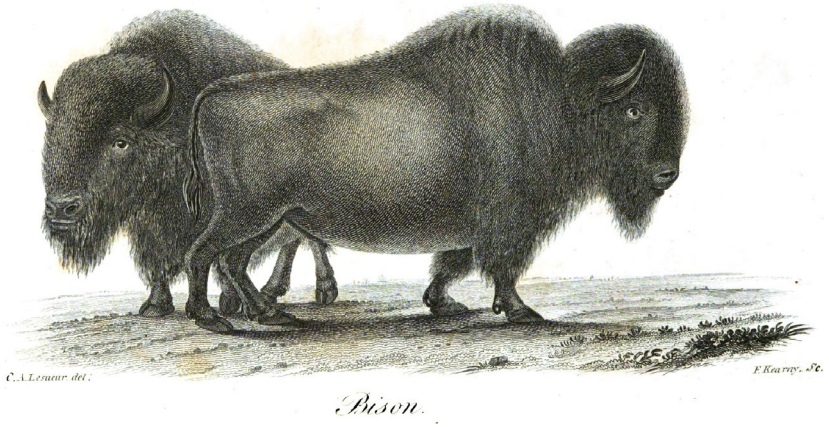

Рис. 1.
Бизон (*Godman J.D.* 1828, v. 3, pt 1, tipped-on page between pp. 4–5).

[43] Там же, 242.

[44] *Токвиль А. де.* 1992, 242. Описывая в своей книге облик и образ жизни бизонов, Р. Харлан указал, что в настоящее время, т.е. в середине 1820-х гг., они обитают огромными стадами в прериях к западу от р. Миссисипи, и добавил, что в Северной Америке эти животные предпочитали территории с умеренным климатом. При этом он отметил, что ранее ареал обитания бизонов был намного шире. Вскоре после своего прибытия в Новый Свет первые колонисты встречали этих животных в Северной и Южной Каролинах; они давно исчезли в Пенсильвании и не известно, обитают ли сейчас на территории к востоку от р. Миссисипи. Бизонов наблюдали в дикой местности Кентукки не позднее 1766 г., но постепенно они удалялись при появлении белых поселенцев и сконцентрировались на равнинах в районе р. Миссури. См.: *Harlan R.* 1825, 270.

Действительно, вместо спасения на Дальнем Западе США спустя несколько десятилетий бизонов ожидала трагическая участь. Массовое проникновение белых поселенцев в этот регион началось в середине 1840-х гг. Идеологическим обоснованием экспансионистской политики стала сформулированная в 1845 г. доктрина «явного предначертании» («Manifest Destiny»). Караваны двигались на запад по так называемым «Орегонской тропе» и «Тропе Санта-Фе».

В первые десятилетия XIX в. ландшафт приатлантических штатов и штатов Среднего Запада очень быстро менялся: девственные леса вырубались, множились поселения и фермы на Севере и Северо-Западе страны и хлопковые плантации на рабовладельческом Юге, продвигавшиеся в юго-западном направлении. Развивались промышленные производства и торговля. По рекам и каналам перевозились грузы и пассажиры, по крупным водным артериям курсировали пароходы. Прокладывались шоссейные дороги, и началось строительство железных дорог. Индейцы вымирали. Выжившие должны были либо добровольно уходить из родных мест, либо насильственно депортировались на Дальний Запад. Достаточно вспомнить изгнание индейцев криков (1834–1837) и чироков (1838–1839) по «Тропе слёз» на запад на Индейскую территорию.

В 1845 г. независимая Республика Техас добровольно вошла в состав Союза. Но США претендовали на огромный Орегон, которым они владели совместно с Великобританией согласно англо-американской конвенции 1818 г. В своей инаугурационной речи от 4 марта 1845 г. новый президент США Дж. Полк жестко с пафосом заявил:

> «Наше право собственности на Орегон является “четким” и “однозначным” и наши граждане уже готовятся реализовать это право путем заселения их вместе с женами и детьми. Но восемьдесят лет назад наше население сдерживалось с запада отрогами Аллеганских гор. За этот период — период жизни, можно сказать, некоторых моих слушателей — наше население, увеличившись в своей численности до многих миллионов, заполнило восточную долину Миссисипи, смело поднялось по Миссури до ее истоков, и уже начало заниматься введением благодатной системы самоуправления в долинах этих рек на их пути к Тихому океану. Мир восхищается мирным триумфом предприимчивости наших поселенцев. На нас лежит долг их адекватной защиты, в какой бы части нашей страны они не находились»[45].

[45] Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с историческим комментарием. 2001, 176.

Однако «мирный триумф» «цивилизованных» белых поселенцев на Дальнем Западе обернулся трансформацией тысячелетней экосистемы Великих Равнин, почти полным уничтожением некоторых видов животных, продолжением геноцида индейцев в ходе «Индейских войн» с участием федеральных войск, лишения их традиционных источников питания и вытеснения туземцев в резервации. На этом фоне цинично звучали слова 22-го президента США Г. Кливленда при вступлении в должность в 1885 г.: «Совесть народа требует, чтобы к индейцам, проживающим в границах нашего государства, проявлялось справедливое и честное отношение как к лицам, находящимся под попечительством правительства»[46].

Изучая историю «культуры насилия» на Западе США, американский экономист Т. ДиЛоренцо пришел к выводу, что не гражданское общество, а «расширение присутствия федеральных властей являлось реальной причиной культуры насилия на американском Западе», что, в частности, проявилось во второй половине XIX в. в политике правительства Соединенных Штатов относительно индейцев Великий Равнин[47]. При этом он полагает, что для первой половины XIX в. торговля и сотрудничество с индейцами якобы имели место намного чаще, чем конфликт и насилие[48].

В 1846 г. был заключен англо-американский Орегонский договор, согласовавший сухопутную границу между США и британскими владениями по 49º с.ш. до Тихого океана. Кроме того, в результате американо-мексиканской войны (1846–1848) Мексика уступила Соединенным Штатам почти половину своей территории, на которых ныне расположены штаты Техас, Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Невада, Юта и часть Колорадо. По договору США с Мексикой (1853) (так называемая Покупка Гадсдена) американцы купили за 10 млн долл. дополнительно территорию размером около 80 тыс. кв. км (современная южная часть штатов Аризона и Нью-Мексико). В 1867 г. по русско-американскому договору Россия продала США за 7,2 млн долл. свои владения в Северной Америке (Аляску и Алеутские острова).

[46] Там же, 265. Следует, однако, помнить, что индейцы стали гражданами США только в 1924 г.

[47] *DiLorenzo Th.J.* 2010, 229. Автор пишет: «Никто не отрицает, что в 1862–1890 гг. правительство США (в «Индейских войнах». — *Л. Т.*) убило десятки тысяч индейцев, включая женщин и детей». По его убеждению, эти военные действия против индейцев Великих равнин прежде всего являлись «завуалированной помощью субсидируемых государством трансконтинентальным железнодорожным корпорациям». См.: Ibid., 236.

[48] Ibid., 229. На данную статью обратил внимание российский исследователь П.В. Усанов. См.: *Усанов П.В.* 2023, 78–82.

То, что представляла собой прерия и области в районе рек Миссури и Йеллоустон в канун массового переселения белых американцев, можно узнать, например, из «Дневников»[49] упомянутого выше знаменитого художника-орнитолога и натуралиста Дж. Дж. Одюбона (1785–1851), посетившего этот регион в 1843 г. Он должен был достигнуть рек Миссури и Йеллоустон, собрать коллекцию экспонатов и сделать зарисовки, необходимые для публикации трехтомника «Живородящие четвероногие Северной Америки»[50]. Кроме знакомства с представителями различных видов местных млекопитающих (бизонами, грызунами, волками, лисами, зайцами, медведями, кроликами и т.д.), Одюбон продолжал наблюдать за птицами и даже открыл, как он утверждал, один из подвидов зяблика (Fringilla Harrisii), названного в честь своего друга Харриса.

Поездка длилась с 11 марта по 6 ноября 1843 г. Одюбон и его коллеги на пароходе сначала двинулись по р. Огайо, затем по р. Миссисипи до г. Сент-Луиса — тогдашнего центра Среднего Запада и ворот на Дальний Запад. Относительно высокая скорость и удобства такого плавания зачастую сопровождались большим риском, так как мог взорваться или выйти из строя паровой котел, что и произошло на р. Миссури.

Большая опасность подстерегала суда в ходе плавания, потому что по рекам, впадавшим в Миссури, по ней самой, а также по Миссисипи плыло очень много стволов деревьев, в том числе притопленных, которые капитаны не всегда вовремя замечали. Столкновения с такими топляками зачастую заканчивались катастрофой для судна, грузов и пассажиров, поскольку корабль получал пробоину и мог утонуть. Одюбон и его друзья пережили такую катастрофу в самом начале поездки, но пароход не погиб и смог продолжить рейс.

Повсеместно Одюбон видел на Дальнем Западе «царство» огнестрельного оружия. Ружья были в руках у поселившихся или временно находившихся там белых поселенцев, трапперов, военнослужащих ар-

---

[49] Audubon and his journals with zoölogical and other notes by Elliot Coues Illustrated, 1897. Для историков-американистов, придерживающихся как традиционных, так и современных направлений исследований, в частности истории окружающей среды (Environmental History Studies) данный источник, безусловно, будет полезен.

[50] *Audubon J.J., Bachman J.* 1846–1853. Дж. Дж. Одюбон сотрудничал с преподобным Дж. Бакманом, писавшим научные тексты, готовившим эстампы с изображениями описываемых животных. Цветные литографии основывались на акварелях Дж. Дж. Одюбона и его сына Дж. В. Одюбона. Труд был завершен сыновьями художника.

мии США и у индейцев. Они требовались для зашиты от нападения врагов или, наоборот, для совершения набегов. Конечно, ружье и конь были незаменимыми атрибутами охоты и в конце концов ускорили истребление фауны прерий, прежде всего многострадальных бизонов.

Согласно тогдашним нравам и представлениям о «неисчерпаемости» природы, а также из-за необходимости изучения представителей фауны, коллекционирования их шкур и изготовления чучел и ради детальных зарисовок, Одюбон вместе с компаньонами тоже не расставались с ружьями и отстреливали не только единичные понравившиеся особи животных и птиц, но гораздо большее их количество. Причем часть из трофеев безвозвратно терялись или были ранены и спасались бегством (Илл. 2).

Однако «первые звоночки», извещавшие о пределах природных ресурсов, уже слышались. Так, говоря о притоке р. Миссури Sioux Pictout, Одюбон был вынужден признать, что там когда-то в изобилии водились бобры, ондатры, но сейчас их осталось мало. Таковы были итоги деятельности пушных компаний. Читая сейчас эти страницы с перечислением трофеев, становится грустно, понимая, сколько животных и птиц было бесцельно убито.

Возвращаясь к трагической судьбе бизонов, следует отметить, что Одюбон впервые встретил очень много этих животных, когда пароход «Омега» покинул зону лесов и устремился вверх по р. Миссури, достигнув зоны прерий. Прерии тоже были не однородны — встречались болотистые, засушливые участки и места с прекрасной зеленой травой. Стада и одиночные особи бизонов переплывали Миссури, часть из них тонула, а раздутые и гниющие туши регулярно проплывали вниз по реке. Индейцы, по наблюдению Одюбона, вылавливали их и даже употребляли в пищу.

Местные опытные трапперы и индейцы охотились на бизонов, убивая не только быков, но и коров и даже совсем молодых телят. Одюбон крайне неодобрительно отзывался о таком методе охоты, когда белые охотники недалеко от кустарников приманивали самок крупных животных, ложно воспроизводя блеяние детеныша и вероломно убивая мать[51]. Он с состраданием описывал мучения раненых бизонов, которых охотники добивали. Одюбону стало известно о том, что зимой 1842 г. около Форт- Александера против стада бизонов даже применили 4-фунтовую пушку, убив 3 особи и ранив несколько животных[52].

[51] Audubon and his journals with zoölogical and other notes by Elliot Coues Illustrated, 1897, 2, 52.

[52] Ibid., 69.

Иногда варварская стрельба по бизонам велась путешественниками прямо с палубы парохода[53].

Военнослужащие армии США тоже охотились на бизонов, в том числе ради мяса. Однако зачастую белые превращали охоту в бойню, когда животных убивали только ради деликатесных частей тела (языка, вымени, задней части туши[54]) или лишь шкуры.

Как уже говорилось, для индейцев охота на бизонов была образом жизни, они питались свежим или сушеным мясом этих животных, шкуры нужны были при изготовлении одежды, жилищ, лодок и для других повседневных нужд, сухие бизоньи лепешки использовались как топливо.

Рис. 2.
Раненый чернохвостый олень (*Audubon J.J., Bachman J.* 1854, 2, № 16, Plate LXXVIII, tipped-on page between pp. 206–207).

[53] В более поздние времена, во второй половине XIX в., охота как развлечение, а, по существу, убийство бизонов велась даже из окон и с крыш железнодорожных вагонов. См.: *Bettmann O.L.* 1974, 186.

[54] У охотников, в том числе у белых, деликатесами считались также некоторые внутренние органы других животных. Одюбон попробовал сырую печень антилопы, но она не пришлась ему по вкусу. Индейцы угощали его также своей традиционной едой — пеммиканом, сделанной из порошка сушеного бизоньего мяса, смешанного с жиром.

Кроме того, краснокожие уже начинали продавать шкуры пушным компаниям, т.е. это уже стало предметом коммерции и таким образом способствовало ускорению процесса истребления бизонов. Так, на встреченных Одюбоном баржах, направлявшихся в Сент-Луис, перевозилось примерно 10 тыс. бизоньих шкур.

Позднее, в 1870-х гг., уже разразилась настоящая «бизонья война». О ней, в частности, писал американский исследователь П. Коззенс в книге «И будет рыдать земля: Как у индейцев отняли Америку»[55]. Выходец из Новой Англии Дж. Р. Муар вместе с охотником Ч. Ратом попытался заработать на поставке 500 шкур бизонов одной британской компании, но они добыли больше. Свою долю излишков Дж. Р. Маур отправил брату Дж. Муару для нью-йоркских дубилен. Позднее, в Канзасе братья открыли бизнес, нанимали охотников, которые использовали винтовку 50-го калибра с оптическим прицелом. Результаты были печальными, так как вслед за братьями Муар «на тучные канзасские стада, словно мухи на гниющую бизонью тушу, устремились десятки отщепенцев, злодеев, преступников и беглецов от закона»[56].

Центр промысла располагался на юго-западе Канзаса в Форт-Додже и за три года на рынок в восточные штаты было вывезено 4 373 730 шкур. Индейцы южных равнин возмущались жадностью белых охотников, но те держались севернее р. Арканзас, и индейцы не могли нарушить Договор Медисин-Лодж-Крик. Из-за уменьшения бизоньих стад в 1872 г. белые охотники стали пересекать р. Арканзас и промышлять бизонов на землях шайеннов и арапахо. В конце 1873 г. пространство между реками Арканзас и Симаррон, по словам П. Коззенса, «напоминало огромную бойню»[57]. Но аппетиты охотников этим тоже не ограничивались. Они собирались переместиться в 1874 г. в угодья индейцев кайова за р. Канейдиен.

Мирный вождь этого племени Бьющая Птица был вынужден обратиться к американским властям. Он заявил:

> «Бизон — это наши деньги. Это единственный для нас способ купить то, что мы не получаем от правительства. И когда наших бизонов стреляют и забирают другие, мы чувствуем то же, что чувствуют белые, когда у них отбирают деньги»[58].

---

[55] *Коззенс П.* 2022.
[56] *Коззенс П.* 2022, 219.
[57] Там же.
[58] Там же, 219–220.

П. Коззенс добавил, что

> «Бьющая Птица даже преуменьшил страхи, которые в действительности доходили до апокалиптического ужаса. Для индейцев Великих Равнин истребление бизонов означало гибель, физическую и духовную»[59].

В специальном исследовании, посвященном истории уничтожения этих животных, американский историк окружающей среды Э.К. Айсенберг сделал общий вывод, что на поверхности столкновение Старого и Нового Света, которое привело к истреблению бизонов, кажется простым вопросом, т.е. индейские и евроамериканские охотники подтолкнули этот биологический вид на грань исчезновения из-за коммерческой выгоды, когда в XIX в. миллионы животных безжалостно убивались и на рынок поступали их шкуры, мясо, языки и кости. Далее он пишет:

> «Наряду с разразившимся на американском Западе катастрофами, такими как истощение калифорнийских рыбных ловлей, вырубка лесов в районе Великих озер и на Северо-Западе у побережья Тихого океана, “пыльная чаша” (“dust bowl”)[60] в южной части Великих Равнин, истребление бизонов, в частности, было результатом неразумной эксплуатаций природных ресурсов»[61].

Все же понимание необходимости спасения уникальных образов дикой природы на Дальнем Западе, в том числе сохранения почти полностью истребленных бизонов, постепенно начало приходить к американцам во второй половине XIX в. Так, в 1872 г. впервые в мире в США был основан Йеллоустонский национальный парк; а в Калифорнии Йосемитская долина в горах Сьерра-Невада, провозглашенная в 1864 г. охраняемым ландшафтом, стала национальным парком в 1890 г. Но в целом тогда это не спасало положения. Освоение территорий в регионе активно продолжалось.

Когда в 1933–1935 гг. в годы Нового курса на некоторые штаты Юго-Запада США обрушились ужасающие пыльные бури, выяснилось, что во многом причиной их были хищническое отношение к природе, ошибки в агротехнике, эрозия почв, периодические засухи, стремление

---

[59] Там же, 220.

[60] Речь идет о засушливом районе на Западе США, где в 1933–1935 гг. из-за засухи и эрозии почв на штаты Канзас, Колорадо, Оклахома, Нью-Мексико и Техас обрушились опустошительные пыльные бури.

[61] *Isenberg A.C.* 2000, 2.

к максимальному извлечению прибыли из фермерских хозяйств и т.д. Убытки были огромные. Федеральное правительство во главе с президентом от Демократической партии Ф.Д. Рузвельтом решило глубоко изучить причины случившегося и принять меры, чтобы подобные бедствия не повторялись. В декабре 1936 г. был представлен специальный доклад[62]. В документе были вскрыты причины и для наглядности даны три рисунка, показывающие итоги экспансии на Запад США в течение ста лет, с любопытными краткими пояснениями (Рис. 3–5).

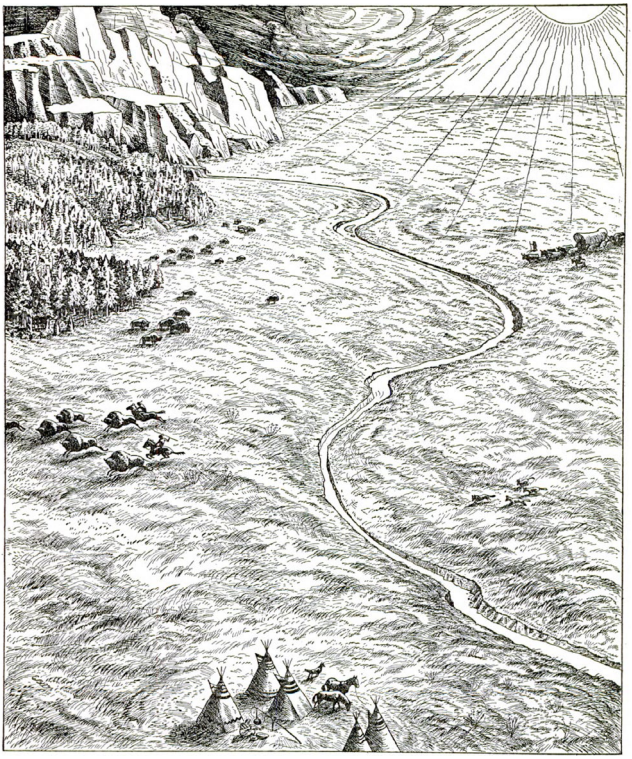

Рис. 3.
Великие Равнины в прошлом
(The Future of the Great Plains: Report of the Great Plains Committee, 1936, [15]).

«Когда первые белые поселенцы медленно продвигались на запад в своих крытых фургонах по казавшимся безграничными просторам

[62] The Future of the Great Plains: Report of the Great Plains Committee, 1936.

Великих Равнин, они обнаружили, что краснокожие живут в грубой, но благоприятной гармонии с природой. Зимние снега и весенние дожди накрывали землю травой; леса покрывали предгорья и верховья чистых ручьев; бизоны давали пищу, одежду, кров и другие предметы первой необходимости, не уменьшаясь в численности. Живя так, как он жил, индеец мог смеяться над палящим солнцем и сильными, но без единой пылинки ветрами. Он заключил перемирие с ними и с землей»[63].

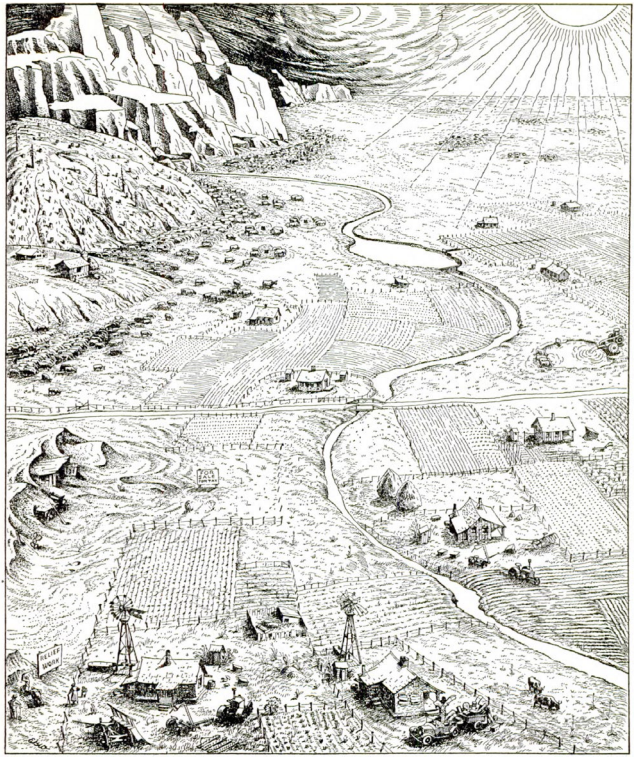

Рис. 4.
Великие Равнины в настоящее время
(The Future of the Great Plains: Report of the Great Plains Committee, 1936, [17]).

«Белый человек не знал перемирия. Он пришел как завоеватель сначала индейцев, а затем Природы. Сегодня мы видим предгорья, лишенные леса, покрытые глубокими оврагами, бесполезные или быст-

[63] Ibid., [14].

ро теряющие свою плодородную почву из-за неразумной обработки; сама плодородная земля переносится ветром в песчаные холмы и облака пыли; там, где когда-то росла густая трава, скот выщипывает ее до выжженных корней; вода ручьев и земля под ногами становятся грязными; вода слишком часто орошает бедные земли, оставляя более богатые почвы страдать от жажды; люди тщетно борются за свое существование на слишком маленьком участке в площадью в несколько акров; плуг игнорирует природные знаки “Не приближаться”; общины, несмотря на все мужество их жителей, приходят в упадок, имеют плохие школы, ветхие дома, печальный цикл налоговых выплат и пособий, бесцельные миграции»[64].

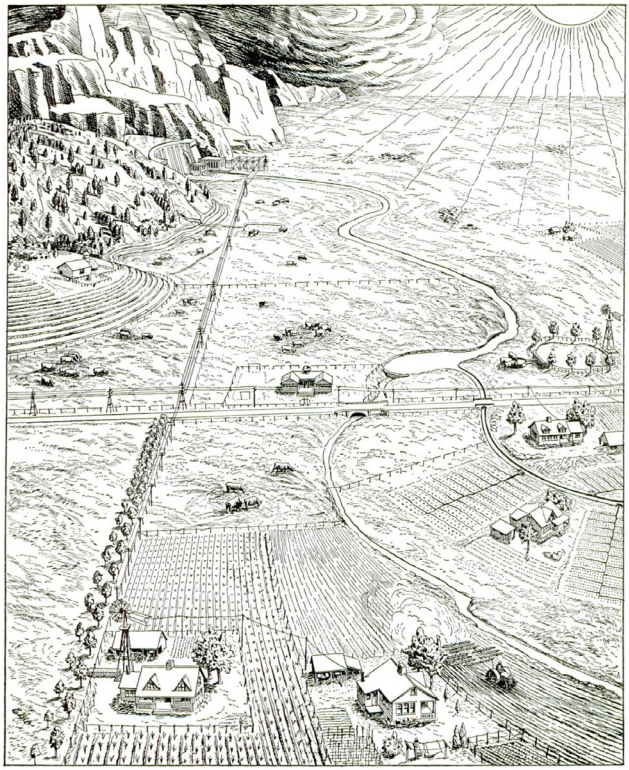

Рис. 5.
Великие Равнины в будущем
(The Future of the Great Plains: Report of the Great Plains Committee, 1936, [19]).

[64] Ibid., [16].

> «Земля может снова процветать, если человек снова заключит мир с Природой. Тщательное планирование вернет ему деревья в предгорьях; террасирование сохранит роскошные фермы в предгорьях; разумное использование земли восстановит траву для контролируемого выпаса скота; меньшее количество крупных ферм на научно подобранных участках может обеспечить комфортное земледелие; плотины будут сдерживать сток дождевой и талой воды, питая и контролируя течение живительных потоков; могут забить ключи, вода, подаваемая ветряными мельницами, чтобы поить скот, влага, удерживаемая научными методами при обработке почвы, — с помощью таких средств жизнь человека на земле может стать счастливее, благополучнее, безопаснее. Солнце, ветер, дождь, снег могут быть друзьями, а не врагами человека. Это не утопическая мечта. Это обещание, которое должно быть выполнено, если мы захотим»[65].

Таково было видение прошлого Великих Равнин и путь их спасения в будущем. Однако по мере экономического развития Соединенных Штатов максимально росли потребности страны в природных ресурсах для промышленности и сельского хозяйства. Это резко повышало нагрузку на экосистемы, и требовались многолетние большие усилия властей всех уровней и общественности, чтобы улучшить положение и приступить к проведению серьезных реформ в сфере охраны окружающей среды во второй половине XX в.

[65] Ibid., [18].

КОНЦЕПЦИЯ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ В РАБОТАХ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

В.В. Петров

Мережковский. Революция как нравственный (духовный, религиозный) переворот. Три фазы революции

На рубеже веков Мережковский начинает писать о нравственной и религиозной революции, которая продолжила бы революцию политическую и социальную. На эту тему он выступал много, разнообразно и самобытно. Не вдаваясь в детали, можно указать в качестве источников концепции Мережковского «Православный катихизис» С.И. Муравьева-Апостола (1825), «Философические письма» П.Я. Чаадаева (1829–1830) и идей Ф.М. Достоевского (в духе оставшегося в записных тетрадях наброска «Социализм и христианство» (1864)).

Уже в работе «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) Мережковский понимает революцию не как «*политическую* и *социальную*», но как *нравственный* или *духовный* переворот, и говорит о трех этапах «переворота»: *политическом*, *общественном* (социальном) и *нравственном*:

> «[Французская] революция — огромный *политический*, в гораздо меньшей степени, сословный, *общественный* и уж вовсе не *нравственный* переворот. <…> Никакой переоценки нравственных цен не произошло. Подчинение личности обществу не только не уменьшилось, но увеличилось в новом строе: в старом, средневековом, оно было естественным, внутренним <…>. Теперь политика сводится к механике; личность подчиняется внешнему принудительному действию “Общественного Договора” — большинству голосов»[1].

Насколько мне известно, на русском языке это первое упоминание о трех стадиях революции. Лишь через 15 лет (в 1917 г.) о подобной триаде заговорят Андрей Белый и Иванов-Разумник[2].

---

[1] *Мережковский* 1902, 113. В цитатах здесь и далее курсив мой (если не оговорено особо). — *В. П.*

[2] См. *Петров* 2017; *Петров* 2018. В указанных публикациях я атрибутировал авторство концепции трехстадийной революции Белому и Разумнику, тогда как дальнейшее изучение вопроса показало, что её родоначальником был Мережковский.

Устами Наполеона Мережковский формулирует философию анархистского бунта:

> «Воля самоутверждения, “воля могущества”[3], противопоставленная воле самоотречения, <…> против всякого общественного строя, <…> против всех “стеснительных пут цивилизации”, по выражению Наполеона, <…> бунт против человечества (Каин), против Бога (Люцифер), против Христа (Антихрист–Ницше) — вот восходящие ступени этой новой *нравственной* революции. Безграничная свобода, безграничное Я, обожествлённое Я, Я — Бог, — вот последнее едва договорённое слово этой религии, которую предвидел Наполеон с таким гениальным чутьём: “я создал религию”»[4].

Те же три аспекта «революции» Мережковский отмечает в преобразованиях Петра:

> «Так называемые “Петровские преобразования” — настоящий *переворот*, революция, бунт сверху, “белый террор”. Пётр — тиран и бунтовщик вместе, бунтовщик относительно прошлого, тиран относительно будущего, Наполеон и Робеспьер вместе[5]. И это бунт не только *политический*, *общественный*, но ещё в гораздо большей мере *нравственный* — беспощадная, хотя и бессознательная ломка всех категорических императивов народной совести, необузданная переоценка всех нравственных цен»[6].

Говоря о революции, Мережковский задействует характерный для его миросозерцания мотив *перестановки местами, опрокидывания*:

---

[3] Ср. «волю к власти» у Ницше.

[4] *Мережковский* 1902, 117–118. Схожий анархизм уже от первого лица будет воспроизводить Андрей Белый в статьях 1917–1919 гг. «Весенние мысли», «Революция и сознание современности», «Революция и культура» (1917), «Революция духа» (1918), в публикациях из альманаха «Записки мечтателей» (1919).

[5] Отождествление Петра I с Робеспьером и Наполеоном Мережковский берет у А.С. Пушкина, см. *Мережковский* 1906а, 30: «Пушкин сравнивал Петра с Робеспьером и в петровском преобразовании видел “революцию сверху”, “белый террор”». Ср.: *Пушкин*, С. 205: «Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident. — Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon. (La Révolition incarnée)» [Средства, которыми совершают революцию, уже не те, которыми ее укрепляют. Петр I одновременно Робеспьер и Наполеон. (Воплощенная революция)].

[6] *Мережковский* 1902, 121.

> «Все государственники — бывшие революционеры; все революционеры — будущие государственники. От Робеспьера до Наполеона один шаг… Всякая государственность — застывшая революция; всякая революция — расплавленная государственность»[7].

Схожим образом Мережковский мыслит в статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)»:

> «Революция [есть] не что иное, как обратная сторона, изнанка самодержавия; самодержавие — не что иное, как изнанка революции. Анархия и монархия — два различные состояния одной и той же *prima materia*, “первого вещества” — насилия, как начала власти: насилие одного над всеми — монархия, всех над одним — анархия. Постоянный и узаконенный ужас насилия, застывший “белый террор”, обледенелая, кристаллизованная анархия и есть монархия; расплавленная монархия и есть анархия. Мы это видим на опыте в том, что перед нашими глазами теперь происходит: тающая глыба самодержавия течёт огненною лавою революции»[8].

Понятно, что революция несёт хаос и разрушение. В «Грядущем хаме» Мережковский цитирует Герцена:

> «В 1849 году, после революции, восклицает Герцен, обращаясь к старой Европе: “Да здравствует разрушение и хаос! Да здравствует смерть!”»[9]

Схожим образом, в статье «Конь бледный»[10] Мережковский пишет, что насилие является непременным условием революции. Как ка-

---

[7] *Мережковский* 1909a, 21.

[8] *Мережковский* 1906b, 219.

[9] *Мережковский* 1906a, 16. Ср. *Герцен*, 48: «Париж расстреливал без суда... Что выйдет из этой крови? — кто знает; но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему, — и это прекрасно, а потому — да здравствует хаос и разрушение! *Vive la mort*!» (Париж, 24 июля 1848 г.). Ср. Там же, 7–8: «Мы не строим, мы ломаем, мы не возвещаем нового откровения, а устраняем старую ложь. <...> Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Она без рая, без вознаграждения, кроме собственного сознания, кроме совести...»

[10] Одноименный титул имеет повесть Бориса Савинкова (1909), название которой автору предложила З.Н. Гиппиус.

жется, подобные пассажи отражают тогдашнюю увлечённость Мережковского общением с террористом и эсером Борисом Савинковым[11]:

> «Во всякой революции наступает такая решительная минута, когда кому-то кого-то надо расстрелять и притом непременно с лёгким сердцем, как охотник подстреливает куропатку. А если возникает малейшее сомнение, то все к чёрту летит, — революция не удалась»[12].

В более поздних работах Мережковский предпочитает называть третью стадию революции уже не *нравственной*, а *религиозной*:

> «Век реформации для христианства прошёл и не вернётся, наступил век революции: *политическая* и *социальная* — только предвестие последней, завершающей, *религиозной*»[13].

При этом революционное и религиозное у Мережковского отождествляются:

> «Гениальным чутьём самовластия учуяла она [Екатерина] слишком опасную связь русской *религиозной* революции с *политической*. <…> *Религиозное* и *революционное* движения русского общества, дотоле разъединённые, впервые соединились в Декабрьском бунте»[14].
>
> «В настоящее время в России революция и религия — не два, а одно: революция и есть религия, религия и есть революция»[15].
>
> «Революция сойдёт с теперешней плоскости своей, *социально-политической*, в глубину *религиозную*, которая, впрочем, включит и эту плоскость, как третье измерение включает второе. <…> Всесокрушающую силу приобретёт в глубинах народной стихии революционный смерч. В последнем крушении русской церкви с русским царством не

[11] *Гончарова* 2009.

[12] *Мережковский* 1909a, 22.

[13] *Мережковский* 1908b, 92. Те же три стадии революции Мережковский называет и в другой своей работе, см. *Мережковский* 1907a, 43: «Сила всего великого русского раскола-сектантства, этой *религиозной революции*, которая рано или поздно должна соединиться с ныне совершающейся в России революцией *социально-политической*».

[14] *Мережковский* 1907a, 45–46, 47.

[15] *Мережковский* 1908c, 100.

ждёт ли гибель Россию, если не вечную душу народа, то смертное тело его — государство?»[16].

Истоками лозунгов французской революции Мережковский объявляет евангельскую проповедь:

«Всякая революция, достойная этого имени, утверждает — пусть на одно мгновение, на одной высшей точке своего подъёма <…> вненациональный и внегосударственный идеал <…> “свободы, равенства и братства”, <…> утверждает “царство Божие на земле, как на небе”»[17].

«Добрая половина европейской культуры создана или насквозь пронизана христианством: не только Божественная Комедия, Сикстинская Мадонна, “Цветочки” Франциска Ассизского, но и “свобода, равенство, братство”, которые взяты революцией тоже из христианства, как это понял ещё Герцен»[18].

Мережковский настаивает на подобном отождествлении:

«Предстоящая религиозная революция подобна той, которая совершалась при возникновении христианства»[19].

«Русская революция — не только политика, но и религия — вот что всего труднее понять Европе, для которой и сама религия давно уже политика»[20].

«Христос есть вечное “да” всякому бытию, вечное движение вперёд и вперёд <…> Антихрист есть вечное “нет” всякому бытию, вечное движение назад <…> В этом смысле *Христос — религиозный предел всякой революции; Антихрист — религиозный предел всякой реакции*. Вот почему <…> Христова Европа — вся в революции; <…> буддийская Азия — вся в реакции. *Религия и революция — не причина и следствие, а одно и то же явление <...> религия и есть революция, революция и есть религия*»[21].

[16] *Мережковский* 1907a, 96.
[17] *Мережковский* 1908c, 100.
[18] *Мережковский* 1908d, 114.
[19] *Мережковский* 1907b, 158.
[20] *Мережковский* 1907c, 164.
[21] *Мережковский* 1908a, 35–36.

«Русская революция — бессознательная религия», пишет Мережковский[22] задолго до Н. Бердяева, который тоже будет говорить о том, что вера в коммунизм является у русских верой религиозной. В концентрированной форме всё вышесказанное воплощается у Мережковского в следующем пророческом отрывке:

> «Когда все исторические формы нашей государственности и церковности будут низвергнуты, тогда в политическом и религиозном сознании народа засияет такая пустота, которую не наполнят никакие существующие формы европейской государственности — не только конституционная монархия, но и буржуазно–демократическая республика. <…> Все старые парламентские лавочки попадают <…> Ни на одной из них русская революция не остановится. <…> Что же далее? Далее — *прыжок* в неизвестное, *в трансцендентное*[23], полет “пятами вверх”. Русская революция так же абсолютна, как отрицаемое ею самодержавие. Её сознательный эмпирический предел — социализм; бессознательный, мистический — безгосударственная религиозная общественность. Ещё Бакунин предчувствовал, что окончательная революция будет не народною, а всемирною. Русская революция — всемирная»[24].

Мережковский утверждает, что только *религиозная* революция упраздняет — хотя бы только на момент своей кульминации — метафизические основы всякой государственности:

> «Где же та последняя свобода, которою побеждается <…> метафизическое начало государственности? <…> Последнее утверждение новой религиозной безгосударственной общественности есть *новое религиозное сознание и действие* <…> Истинное безвластие есть Боговластие»[25].
>
> «Все *политические* революции отрицают старый государственный порядок во имя нового, лучшего, то есть, по–

[22] *Мережковский* 1906b, 222.

[23] Ср. *Ренан* 1906, 103: “Иисус… является *трансцендентным революционером*”; *Андрей Белый* 1920, 307: «Царство свободы, *прыжок* в которое из необходимости изображает Энгельс, в нас нашими предвзятыми догматами задавлено».

[24] *Мережковский* 1907c, 165.

[25] *Мережковский* 1907c, 166.

видимому, отрицая, на самом деле утверждают идею государственной власти, как абсолютную <…> У революции *религиозной* есть этот рычаг и эта точка опоры в идее любви, как власти, в идее Церкви, как Царства. *Религиозная* революция — предельная и окончательная, ниспровергающая всякую человеческую власть, всякое государство в его последних, метафизических основаниях»[26].

И хотя Мережковский выступает против мистического анархизма, отождествляя его с богоборчеством, человекобожием и «хулиганством», эстетика индивидуализма, анархизма и ницшеанства не чужда и ему:

«Мы обращаемся не к буржуазному европейскому обществу, а лишь к отдельным личностям высшей всемирной культуры, к тем, для кого уже и теперь, по слову Ницше, “государство самое холодное из чудовищ”. Такие одинокие, слишком ранние анархисты, как *Бакунин, Толстой, Штирнер, Ницше* — горные вершины, озаряемые первыми лучами дня; а внизу, где ещё тёмная ночь — бесчисленные неведомые братья наши, всемирный рабочий народ, великое воинство грядущей всемирной революции. Мы верим, что рано или поздно, дойдёт и до них громовой голос русской революции, в котором зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая страшный суд и воскресение мёртвых»[27].

Спустя десять лет схожий перечень духовных индивидуалистов–революционеров озвучит Андрей Белый в «Революции и культуре» (при этом он не упоминает о том, что его источником является Мережковский):

«Отрицание Гоголем, Ибсеном, *Ницше*, *Толстым*, Достоевским обычного творчества есть начало исхода творцов из Египта искусств»[28].

«Лермонтов, Гоголь, *Толстой*, *Достоевский* и Пушкин — наследия отгремевшей до них революционной волны»[29].

[26] *Мережковский* 1906b, 228–9.
[27] *Мережковский* 1907c, 166.
[28] *Андрей Белый* 1917, 24.
[29] Там же, 16.

> «Подлинно революционны и Ибсен, и *Штирнер*, и *Ницше*, а вовсе не Энгельс, не Маркс»[30].

Ф.М. Достоевского Мережковский называет пророком русской революции[31] и объясняет, почему:

> «Ежели кто-нибудь накликал революцию на Россию, <…> то это, конечно, Достоевский. От Раскольникова до Ивана Карамазова, все его любимые герои — политические и религиозные мятежники, <…> атеисты, но особого русского типа, атеисты-мистики, не простые безбожники, а богоборцы. <…> Отрицание религии <…> и христианства <…> не остаётся у них только отрицанием, а становится пламенным утверждением антирелигии, антихристианства. «Если нет Бога, то я — Бог», утверждает герой “Бесов”, нигилист Кириллов, провозвестник “Антихриста” — Ницше»[32].
>
> «По толкованию Достоевского, Россия — бесноватый, исцеляемый Христом; русские революционеры — бешеные свиньи, летящие с крутизны в пропасть»[33].

В «Грядущем хаме» Мережковский заявляет о необходимости духовного переворота, т.е. революции, уже для Европы, которая только преобразившись сможет победить «жёлтую опасность», азиатчину (здесь уместно вспомнить будущую идеологию «скифства»):

> «Япония победила Россию. Китай победит Европу, если только в ней самой не совершится великий *духовный переворот*, который опрокинет вверх дном последние метафизические основы её культуры <…> Главная “жёлтая опасность” — не извне, а внутри; не в том, что Китай идёт в Европу, а в том, что Европа идёт в Китай. Лица у нас ещё белые; но под белою кожей уже течёт не прежняя густая, алая, арийская, а все более жидкая, “жёлтая” кровь, похожая на монгольскую сукровицу; разрез наших глаз прямой, но

---

[30] Там же, 25. В 1918 г. Андрей Белый напечатает анонимную «рецензию» на свою «Революцию и культуру». Этот текст, озаглавленный «Революция духа», полностью воспроизводит текст «Революции и культуры», добавляя к нему только вступительный абзац, проясняющий основную идею публикации: «Брошюра Андрея Белого “Революция и культура” <...> имеет в виду проблему <…> внутренней революции, *революции духа*», см. *Андрей Белый* 1918, 7.

[31] *Мережковский* 1906b, 188, 189.

[32] *Мережковский* 1907a, 58–59.

[33] Там же, 60.

взор начинает косить, суживаться. И прямой белый свет европейского дня становится косым “жёлтым” светом китайского заходящего или японского восходящего солнца»[34].

Эрнест Ренан: в царство Божие через опрокидывание мира и всемирную революцию

Если говорить о русской мысли и русской литературе, то Мережковский — первый, кто отчётливо и последовательно артикулирует концепцию нравственного или духовного переворота. Однако сам Мережковский заимствовал мотив подобного религиозного переворота / революции у Эрнеста Ренана[35].

В самом деле, в «Жизни Иисуса» (особенно в гл. VII: “Развитие идей Иисуса о Царствии Божием”) Ренан говорит о раннем христианстве как о христианской *революции* или *перевороте* и прямо называет Христа революционером[36]:

> «Теперь Иисус уже не проповедник, умеющий преподать самые высокие уроки нравственности в коротких живых афоризмах. Нет, теперь он уже является *трансцендентным революционером* (révolutionnaire transcendant), задавшимся целью коренным образом обновить мир и осуществить на земле сознанный им идеал»[37].

---

[34] *Мережковский* 1906а, 10.

[35] О склонности Мережковского к «ренановскому» методу свидетельствует дневниковая запись А.А. Блока от 22.11.1912, см. *Блок* 1989, 154: «Доклад читал Никольский (профессор) <...> Возражали особенно хорошо: Мережковский (о том, что только исторический метод ведёт к мертвечине, а необходимо применить “историко-психологический”, хотя бы в Ренановском объёме), <...> Карташов <...> говорил о том, что, когда все споры и противоречия будут поставлены на истинную почву и доведены до конца, только и возникнет не евангельское, а неизвестное, больше евангельского, религия Иисуса Христа).

[36] Окончательную версию текста «Жизни Иисуса» Э. Ренана представляет 13-е, дополненное и исправленное издание (Paris, 1867). На пике популярности этого сочинения Ренана в России (к 1907 г.) появилось множество русских переводов. Нам неизвестно, каким из них пользовался Мережковский, и пользовался ли вообще: скорее всего, он читал сочинения Ренана в оригинале, о чем свидетельствуют некоторые его отсылки, см. *Мережковский* 1914, Т. 16, 31; Т. 17, 25–47 и 74; Т. 18, 83. Цитируя русский перевод, мы используем издание: *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. Киев, 1906 (в целях унификации терминологии, используемой Ренаном, перевод отредактирован сообразно французскому оригиналу, поэтому параллельно указываются страницы парижского издания 1867 г.).

[37] *Renan* 1867, 120; *Ренан* 1906, 103.

«Пришествие этого царства блага будет великой, внезапной революцией (une grande révolution subite). Мир покажется перевернутым (renversé)»[38].

«Иисус <…> смотрел на себя, как на всемирного преобразователя (l'universel réformateur) <…> Радикальная революция (une révolution radicale)[39], которая обнимала бы даже и самую природу, — вот в чем состояла основная мысль Иисуса <…> Презирая все земное, исполненный убеждения, что настоящий мир не стоит никакой заботы, он находил убежище лишь в своём идеальном царстве, и утверждал своё великое учение трансцендентного презрения (dédain transcendant[40]) [по отношению к земному бытию], истинное учение о духовной свободе (la liberté des âmes), которая одна приносит умиротворение <…> Революция, которую он желал совершить, всегда была революцией нравственной (une révolution morale) <…> По сути, он стремился именно к тому, чтоб основать царство Божие или, другими словами, царство духа (le royaume de l'esprit)»[41].

«Идея Иисуса была… самой революционной (l'idée la plus révolutionnaire), какую когда-либо создавал человеческий ум <…> Это предполагает *мир на выворот* (le monde renversé) <…> Не более сложным было "всеобщее переустройство"

---

[38] *Renan* 1867, 121; *Ренан* 1906, 104. Относительно «перевернутого» мира у Мережковского и его предшественников см.: *Петров В.В.* 2021, *Петров В.В.* 2020.

[39] К этому словосочетанию Ренан делает примечание: «ἀποκατάστασις πάντων, Act. 3:21». Ренан имеет в виду строки Нового Завета: «Да пошлёт Он предназначенного вам Иисуса Христа, которого небо должно было принять до времён восстановления всех» (ἀποκαταστάσεως πάντων), о каковых [временах] Бог говорил устами всех святых» (Деян 3:20–21). Ренана привлекло использованное в «Деяниях» слово «апокатастасис», которое в философии стоиков отсылало к концепции всеобщего восстановления мира в прежнем состоянии после завершения великого космического года, когда все звезды и планеты, совершив полный кругооборот, вновь окажутся в прежнем положении, и начнётся новый космический цикл (снова появятся Сократ, его сварливая жена и пр.). Греческие астрономы обозначали подобный «полный поворот» словом «апокатастасис», а римские — термином *revolutio*. Подробнее см. *Петров* 2005, 665; *Петров* 2015, 782–788.

[40] Здесь Ренан делает сноску на Мф 17:23–26; 22:16–22.

[41] *Renan* 1867, 122–125; *Ренан* 1906, 104–105.

(réforme de toutes choses)[42], которого желал Иисус. Эта новая земля, это новое небо, этот новый, с небес спускающийся Иерусалим, этот глас: “се творю всё новое”[43], — всё это черты, общие всем реформаторам»[44].

«*Апокалиптические* идеи, в их самой полной форме, можно подытожить следующим образом. Настоящий порядок человеческих дел приближается к концу. Концом этим будет великая революция (immense révolution), схожее с родовыми муками “страдание”, *палингенезия* или “возрождение” (palingénésie ou «renaissance»), по выражению самого Иисуса[45], предшествуемое мрачными бедствиями и возвещаемое необычайными явлениями»[46].

«Великая социальная революция, во время которой все чины поменяются местами (les rangs seront intervertis), и всё занимающее высокое положение в мире сем сделается униженным — вот его мечта»[47].

«Нам известна история Земли; революция вроде той, которую ждал Иисус, совершается только под влиянием геологических и космических причин, связь которых с явлениями нравственного порядка никому ещё не удалось установить»[48].

Идеи Ренана различимы в разных работах Мережковского. Например, рассуждая об Иуде Искариоте, каким того изобразил Леонид Андреев, Мережковский воспроизводит мысли Ренана, который видел в ранних христианах прототипов современных революционеров:

---

[42] Здесь в сноске Ренан вновь отсылает к Деян 3:20–21.

[43] См. Откр 21:5: «И сказал Сидящий на престоле: “се, творю все новое” (ἰδοὺ καινὰ ποιῶ πάντα).

[44] *Renan* 1867, 129–130; *Ренан* 1906, 107–108.

[45] Здесь Ренан даёт ссылку на Мф 19:28: «Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною в возрождении (ἐν τῇ παλιγγενεσίᾳ), когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых».

[46] *Renan* 1867, 284; *Ренан* 1906, 171.

[47] *Renan* 1867, 133; *Ренан* 1906, 109.

[48] *Renan* 1867, 128; *Ренан* 1906, 107. Возможно, аллюзия на это место «Жизни Иисуса» имеется в романе «Братья Карамазовы» (кн. 11, гл. 9) Ф.М. Достоевского: «Раз человечество отречётся поголовно от Бога (а я верю, что этот период — параллель геологическим периодам — совершится), то само собою <…> падёт всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое», см. *Достоевский* 1976, 83 и 595.

> «Долой самодержавие римского кесаря, да здравствует всемирная революция! Не себя, а всех остальных учеников Христовых считает Иуда “предателями”»[49].
>
> «О революции мечтает Иуда… Да ведь это же и произошло во всемирной истории: от Константина Равноапостольного до Константина Победоносцева, вся государственная церковность и церковная государственность — не что иное, как Иудина церковь, Иудино царство... Иуда лжёт: не освободит, а поработит мир, не революции, а реакции во имя Христа хочет он, подобно всем государственно-церковным насильникам, “великим инквизиторам”... Так совершается Апокалипсис, истинная революция, освобождение мира во имя Христа <...> В этом смысле Христос — религиозный предел всякой революции; Антихрист — религиозный предел всякой реакции»[50].

Революцию Мережковский последовательно ассоциирует с *разрывом*, *катастрофой* и *апокалипсисом*. В статье «Гёте» он рассуждает так:

> «Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой, смежный закон — *прерывности*, *внезапности*, *катастрофичности*, — то “непредвидимое” (*imprévisible* Бергсона), что в стихии общественной называется революцией»[51].
>
> «Религия Гёте не совпадает с христианством. В христианстве не понимает он чего–то главного, — не того ли прерывного, *катастрофичного*, внезапного, *непредвидимого*, что в религии называется *Апокалипсисом*, а в общественности — *революцией*?»[52].

---

[49] *Мережковский* 1908а, 31.

[50] Там же, 34–35. Рискну предположить, что, когда Александру Блоку «неведомо как» пришла в голову мысль закончить поэму «Двенадцать» словами «<...> впереди — с кровавым флагом, <...> / впереди — Исус Христос», идея эта могла была подготовлена, в числе прочего, и подсознательным воспоминанием о некогда читанном отзыве Мережковского на «Иуду Искариота» Леонида Андреева, воспоминанием о словах Мережковского: «Христос — религиозный предел всякой революции».

[51] *Мережковский* 1914а, 145.

[52] Там же, 151. О теме «прерывов» у Мережковского см. *Андрущенко* 2000, 57–59; *Андрущенко* 2012, 191–193, *Петров* 2024, 24-26.

В философско-богословском трактате «Иисус Неизвестный» (1932) Мережковский говорит, что «прямо стоящий мир будет *опрокинут* Иисусом, или опрокинутый — *поставлен прямо*»[53]. Подобный переворот, осуществлённый христианством, и есть подлинная, духовная революция. Поэтому настоящими, радикальными революционерами являются христиане, а не политические деятели:

> «Кто ученики Господни? “Всесветные возмутители”, οἱ τὴν οἰκουμένην ἀναστατώσαντες (Деян 17:6), “*революционеры* всемирные”, по–нашему: ἀναστάτωσις значит “восстание”; ἀνάστασις — “воскресение”, “восстание из мёртвых”. Все христиане — “возмутители всесветные”, опрокидывающие — или восстанавливающие мир. Первый же из них и величайший — Христос. Кто бы ни был Он, — Губитель или Спаситель, Он Первый Двигатель, *Primo Motore*, опрокидывающий — или восстанавливающий мир»[54].

Ренан в России

Чтобы объяснить, почему Мережковский подпал под влияние идей Ренана, скажем несколько слов о «феномене Ренана» и взрывном интересе к его наиболее популярной книге в конце XIX – начале XX века. «Жизнь Иисуса» Ренана претерпела бесчисленное количество изданий, была переведена на различные европейские языки и стал бестселлером у образованной публики. Напрасно учёные библеисты публиковали работы (только книг вышло около двух десятков), в которых демонстрировали ненаучность подхода Ренана — на интерес широких масс к «Жизни Иисуса» и популярность сочинения это не влияло.

С воодушевлением — как учителя — воспринимали Ренана и в России[55]. Перевод «Жизни Иисуса» на русский язык, выполненный И. Монаховым, публиковался в Германии, где с 1864 по 1896 выдержал четыре издания (пятое вышло в 1901 г.). 1906 год отмечен взрывом переводческой и публикационной активности: «Жизнь Иисуса» выходит

---

[53] *Мережковский* 1932b, 64; подробнее см. *Петров* 2021, 132–135.

[54] *Мережковский* 1932b, 64.

[55] Сохранилось несколько писем И. Тургенева к Э. Ренану, в которых Тургенев именует Ренана «дорогим учителем». В 1876 г. Тургенев пишет Ренану: «Кончаю вашу последнюю книгу. Вы вносите свет в мой разум и помогаете уяснить все эти глубокие и трудные вопросы: не знаю, чему я должен больше удивляться — тонкости или справедливости вашего психологического анализа — если я могу так выразиться — того, как создалась Церковь», см. *Тургенев* 1900, 324.

в Санкт-Петербурге в семи различных переводах (И.А. Варшавского и В.А. Харитонова; А.С. Усовой (под ред. акад. Александра Веселовского); А. и Ю. Полетика; Е.В. Святловского; А.В. Швырова); в анонимном пер. (просм. И. М-ским); в пер. О. Крыловой; в Москве она печатается в переводе М. Синявского, анонимный перевод публикуется в Киеве. Некоторые переводы выдержали несколько переизданий. Впоследствии книга издавалась в 1907, 1910, 1911, 1915 и пр. годах.

Она попадает в фокус внимания библеистов, богословов и философов. В 1907 г. Митрофан Дмитриевич Муретов (1851–1917), проф. Московской Духовной Академии, специалист по новозаветной истории, публикует монографию, в которой представил критический анализ «Жизни Иисуса» Ренана[56]. Отдавая должное дарованиям, эрудиции и пассионарности Ренана, признавая факт, что его небольшая книга превзошла по влиятельности труды кабинетных учёных, Муретов подчёркивает, что её пафос и энергия определены тем, что в важнейший начальный период Ренан работал над этим сочинением не в европейских библиотеках, а в маронитской хижине, в горах Ливана, где «пропитался духом Святой Земли» и потому смог так живо проникнутся событиями, происходившими «в этом ландшафте» 18 с лишним столетий назад. Книга написана на одном дыхание и ее немногочисленные отсылки к Новому Завету имеют, по мнению Муретова, скорее декоративный, чем академический характер. Все, что Ренану было нужно, уже находилось в его голове, поскольку Ренан был признанным семитологом, ориенталистом, библеистом. Новаторство «Жизни Иисуса» состояло в том, что она продемонстрировала новый, «художественно–исторический» подход к материалу и тем самым породила новый жанр научно-популярных исследований, характеризующихся «авторским», субъективным взглядом на предмет. Такая особенность, замечает Муретов, сказывается во всём — «от первой до последней строки» «Жизни Иисуса»[57].

Впрочем, Муретов далёк от того, солидаризироваться с выводами Ренана. Он методично разбирает отдельные главы “Жизни Иисуса”, указывая на пренебрежение автора научной точностью, его волюнтаризм в трактовках, сознательное смешение реалий, описанных в разных книгах Нового Завета и пр. Критикуя повлиявшую на воззрения Мережковского главу «Жизни Иисуса», в которой Ренан реконструирует представления Иисуса о Царствии Божием, Муретов перечисляет ос-

[56] *Муретов* 1907.
[57] *Муретов* 1907, 22.

новные утверждения Ренана, но ставит после них вопросительные знаки, указывая на своё недоумение относительно некоторых утверждений французского библеиста:

> «Христос уже перестаёт быть кротким и снисходительным моралистом, <…> Он становится трансцендентальным преобразователем (?), задумавшим обновить мир в самой его основе и осуществить на земле (?) сознанный Им идеал <…> Наступает очередь царства добра. Открытие этого царства совершится вдруг, в виде великого переворота. Всё в мире примет противоположный теперешнему порядок. Первые будут последними»[58].
>
> «Это не было политическим преобразованием. Христос никогда не думал поднимать возмущение против римлян и тетрархов. Его свобода и правда не от мира сего. <…> Он основал великую доктрину трансцендентального презрения (?), истинное учение о свободе душ <…> Преобразование, какого Он желал, было собственно нравственное; Его царство есть не от мира сего; это — царство духа, доктрина свободы душ»[59].

Комментируя проповедь Иисуса о Царстве Божием, какой её изображает Ренан, — «*настанет царство добра, это совершится внезапно в виде переворота, мир как бы перевернётся вверх дном, первые будут последними, сотворено будет новое небо, и вселенная населится ангелами*», — Муретов замечает:

> «Цитаты безразлично берутся [Ренаном] из начала и конца евангелий: Ин 1:10–7, 14–14, 17–17, 25 пар. Мф 19:30 и 20, 1, 16, даже 22, 30. Таким образом сам Ренан свидетельствует против себя здесь, как и везде, что его три периода — не серьёзная история, а простой роман. Внезапный переворот и проч. основан, как мы говорили уже, на произвольном смешении двух пришествий Христа. Напротив, притчи о горчичном зерне (Мф 13:31 сл. и пар.) и закваске (Мф 13:33 и пар.) <…> [предполагают] медленный и продолжительный <…> исторический процесс <…> “Мир населится ангелами” [у Ренана] получилось из Мф 22:30: “как ангелы”»[60].

[58] *Муретов* 1907, 54.
[59] Там же, 55.
[60] Там же, 197–198.

Муретов выступает против попыток Ренана «модернизировать» представления Иисуса в духе новейших политических теорий (курсивом даны цитаты из «Жизни Иисуса»):

> «Пошлою инсинуацией отмечается: “*Иисус в известном смысле представлял Собою анархиста*” <…>, “*ибо у Него нет никакого определенного представления о государственной власти*” (откуда это известно? Из того, что Христос не писал политической диссертации? Но тогда все неспециалисты по государственному праву будут анархистами)»[61].
>
> “*Великая социальная революция, в которой будут перемещены все слои, и все стоящие у власти в мире сем будут угнетены, — вот о чем мечтал Он*”. Но длинный ряд приведённых цитат (Мф 5:3, 10; 18:4; 19:14 и 23–24; 20:16; 21:31; Лк 14:11; 16:15; 18:14 др.) указывает только на нравственные качества последователей Христовых <…> Ни слова, ни косвенного намёка на “*великую социальную революцию с перемещением сословий и унижением властей*”. <…> Для характеристики романической методы Ренана важно отметить ссылку на Лк 1:51–53 (слова из песни Богоматери). Ведь это слова ещё Ветхого Завета, рефлекс из ветхозаветных книг! Какое же отношение могут они иметь для характеристики учения Христова о царстве Божием? <…> Такая метода “*противоречит современным началам науки*” более, чем “*идеи Иисуса, носящие характер* якобы *несбыточных грёз*”[62].

В целом вывод русского богослова, в частностях выражающего симпатии искренности и ищущему духу французского библеиста, неутешителен как для самого Ренана, так и для его нашумевшего сочинения:

> «Сила ренановой иллюзии именно в том и состоит, что читатель незаметно и невольно, как бы во сне или в гипнозе, из ученика постепенно превращается в предателя <…> Только уже тогда, когда дочитано последнее слово книги, вы замечаете обман и сожалеете, что <…> не заметили святотатственное прикосновение злого гения к Святому Святых вашего духовного существа. Вы как будто присутствовали при неза-

[61] Там же, 199.
[62] Там же, 199.

метном в глубокой тьме ночи предательском поцелуе, как бы слышали Иудино: “радуйся учитель!”, и подобно ап. Петру, полусознательно и вне себя, вы хватаетесь за меч <...> критики и обличения... Но уже поздно, <…> Вы поддались обману, невольно как бы отреклись, хоть на минуту, от Христа <...> и вам ничего не останется, как только смыть нечистоту этого очарования горькими слезами покаяния»[63].

В 1907 г. Мережковский вряд ли разделил бы выводы Муретова. «Романистика», противопоставленная Ренаном принципам библейской герменевтики, которая представлялась Муретову в методологическом плане волюнтаристской и ненаучной, а в богословском аспекте — антихристианской, для Мережковского была его собственным подходом, который он разделял с Ренаном и в котором видел возможность прорыва от «окаменевшей» догматики к новым мистическим истинам.

В целом же отношение Мережковского к Ренану вообще и к «Жизни Иисуса» в частности эволюционировало на протяжении нескольких десятков лет от восторженных откликов к скептическим оценкам. Так, в 1891–1896 гг. Мережковский не скупился на похвалы гению и стилю Ренана[64]. Отсылки, встречающиеся в его публицистике, говорят о том, что он прочёл на языке оригинала все семь томов Ренановой «Истории происхождения христианства» (1863–1883). В 1900–1902 гг. к высоким оценкам добавляются критические характеристики[65], в 1908–1909 гг. отсылки делаются краткими, они содержат нега-

[63] Там же, 21.

[64] В 1891 г. Мережковский характеризует том, посвящённый Марку Аврелию, как «одно из самых блестящих характерных созданий его [ренановского] гения» (Мережковский 1891, 25), а также приводит цитату из Ренановской книги «Евангелия» (Мережковский 1895, 74). В 1893 г. Мережковский замечает: «Некоторые страницы Карлейля и Ренана ничем не уступают лучшим произведениям Теннисона или Гюго по глубине и оригинальности вдохновения» (*Мережковский* 1903, 198), и призывает: «Перечтите у Ренана его чудесный том “Les apôtres” или “Saint Paul”: вы увидите живые образы...» (*Мережковский* 1896, 83).

[65] *Мережковский* 1914, Т. 9, v: «самые чуткие люди в Западной Европе — Ренан, Флобер, Ницше»; *Он же*. Т. 11, 213: «можно отвергать мистическую сущность Евангелия <…>, как это делали Штраус и Ренан. Но ведь, уже конечно, ни Штраус, ни Ренан не осмелились бы утверждать, будто бы “человек Иисус” <…> не считал Себя Единородным Сыном Божиим, ибо подобное утверждение было бы вопиющей исторической нелепостью»; *Он же*. Т. 12, 264–266: «Он только мёртвое тело, <…> подверженное <…> законам “тле-

тивные коннотации[66]. Наконец, в 1932 г. Мережковский прямо определяет изложенные в «Жизни Иисуса» идеи Ренана «ядом» и «Евангелием от Пилата»[67].

Обращение к теории трех фаз революции Мережковского после 1917 года

Три стадии революции, выделенные в работах Мережковского, начинают упоминаться в публикациях Иванова-Разумника за 1917–198 гг. Например, в марте 1917 г. Иванов-Разумник пишет о двух фазах революции: *политическую* и *социальную*[68], а в письме к Андрею Белому от 5 мая 1917 г. он перечисляет уже три ступени, включая *духовную*:

> «Все мысли Ваши <…> — мои мысли <…>. “Кадеты” — не дальше революции *политической*! Правые социалисты — не дальше революции *социальной*! Левые социалисты — не

творного духа” — для таких скептиков, как Ренан и Пилат, которые спрашивают у самой Истины: “что́ есть истина?”, для первосвященников и фарисеев, для Л. Толстого, <…> для Смердякова, с его здравым смыслом, который утверждает, что “про неправду все написано” <…> Блаженства нашей веры не отнимут у нас ни Ренан, ни Пилат, ни жиды–первосвященники, ни “жидовствующий” Л. Толстой, ни Смердяков со всем своим здравым смыслом».

[66] *Мережковский* 1908a, 31: «[Иисус — это] *charmant docteur*, во вкусе Ренана»; Мережковский 1909b, 136: «индивидуализм, мечта книжных затворников, подобных Ренану и Флоберу».

[67] *Мережковский* 1932a, 13–14: «Пшеница Господня растёт всё ещё, как полвека назад, под двумя знаками — двумя “Жизнями Иисуса”, Ренановой и Штраусовой. Можно бы сказать о книге Ренана, что говорит ангел Апокалипсиса: “возьми и съешь её; будет она горька во чреве твоём, но в устах твоих — сладка будет, как мёд” (Откр 10:9). К мёду примешивать яд, прятать иголки в хлебные шарики, в этом искусстве, кажется, Ренану нет равного… Ренанова “Жизнь Иисуса” — Евангелие от Пилата».

[68] *Иванов-Разумник* 1918b, 10–11: «[27.03.1917]: Пока — движение истории ещё на стороне тех групп, лиц и партий, которые считают великую мартовскую революцию великой только потому, что за *политическим* прологом в ней будет, быть может, не только русский, но и мировой *социальный* эпилог. В этом — наша вера и наша надежда <…> Пусть остаются позади целые группы и партии, стоящие за одну *политическую* революцию, — Микуле незачем и не для его останавливаться: путь его лежит к *революции социальной*» (4 апреля 1917 г. Андрей Белый писал автору, что читал эту статью). Ср. Там же, 6–7: «[23.03.1917] Только ли за *политическую* революцию вышли на улицы все они? <…> Не было ли среди них <…> хоть двух-трех человек <…> шедших завоевывать революцию *социальную*? <…> Эти *духовные* похороны будут подлинным торжеством восставшего из гроба Народа».

> дальше революции *социалистической*! А о революции “*духовной*” — многие ли думают и говорят? Многие ли — подлинно *революционеры духа*?»[69]

Триада «политическое — социальное — духовное» так понравилась Иванову-Разумнику, что в 1918 году он добавил упоминание о ней в определение интеллигенции, которое находилось в начале его известного труда «История русской общественной мысли». Если сравнить третье (1911) и пятое (1918) издания этой книги, то в пятом к определению интеллигенции имеется приписка (выделена мною курсивом) с упоминанием трех этапов революции:

> «История русской интеллигенции ведёт своё начало от группы, впервые поставившей своим девизом борьбу за народное освобождение; *от группы, сперва бессознательно, потом и сознательно поставившей своей целью политическую, социальную и духовную революцию*»[70].

Говоря о трех фазах революции в статье «Испытание в грозе и буре» (апрель 1918), Иванов-Разумник, возможно, выдаёт своё знание соответствующих публикаций Д.С. Мережковского. Как и последний, он называет *духовной* революцией появление христианства «во времена Петрония» и противопоставляет её революции современной — *социальной*[71].

---

[69] *Иванов-Разумник* 1998, 110.

[70] *Иванов-Разумник* 1918a, 10–11; *Иванов-Разумник* 1911, 5–6. Четвертое издание «Истории русской общественной мысли» (1914) печаталось «без перемен» в сравнении с третьим изданием. См. также: *Иванов-Разумник* 1922, 65: «В Вольфиле мы стремимся не дать угаснуть в нашем поколении искре вечной Революции, той последней *духовной* Революции, в которой единый путь к чаемому Преображению. “Я начинаю не верить”, — сказал Блок, — не верить в то, что мировую искру можно раздуть слабой человеческой грудью, её может раздуть в пламя только стихия. Но когда теперь снова придёт стихия — мир загорится; нам же ещё века, быть может, скитаться в пустыне, но вера наша, столп огненный — перед нами. Этой вере мы служим по мере сил».

[71] *Иванов-Разумник* 1918c, 12–13: «Благую весть мировой *социальной* революции старый мир наших дней принял так же враждебно, как старый мир эпохи Петрония принял благую весть революции *духовной*. Но с той революцией старый мир справился очень скоро: увидев, что борьба извне невозможна, он вошёл в революцию и покорил её своему *духу*. Старый мир – “принял” христианство <…> Путь от *духовной* революции к *социальной* оказался перерезанным <…> Через два тысячелетия человечество пришло к обратному пути —

Те же три революционные ступени отчётливо проговариваются им в статье «Поэты и революция» (1918)[72].

В марте 1918 г. рассматриваемую нами революционную триаду провозгласили в «Манифесте летучей федерации футуристов» Д. Бурлюк, В. Каменский и В. Маяковский:

> «Февральская революция уничтожила рабство *политическое* <...> Бомбу *социальной* революции бросил под капитал Октябрь <...> И только стоит неколебимый третий кит — рабство Духа <...> Довольно. Мы, пролетарии искусства, — зовём пролетариев фабрик и земель к третьей, бескровной, но жестокой революции — *революции Духа*»[73].

Весной 1928 г. Андрей Белый пишет, что в 1916 году разделял теорию трехстадийной революции и, как кажется, претендует на свое авторство:

> «[С 1916 г. я] во всех устремлениях своих был с тогдашними крайними левыми; не одни литературные вкусы и личная дружба соединили меня с Ивановым-Разумником; темы

от *социальной* революции к *духовной* <...> Нет полного освобождения ни в *духовной*, ни в *социальной* революции, а только в той и другой одновременно»; Там же, 21–22: «В своё время христианская революция рождала в мир “нового человека”, духовно свободного — и потерпела крушение на встречном замысле старого мира: духовно свободного оставить все же физически, экономически, *социально*, а потому и *духовно* — порабощенным. С этим “взрывом изнутри” былой *духовной* революции старым миром вступила теперь в борьбу революция *социальная*, и её благая весть — прежняя: освобождение человека. Но на этот раз — освобождение полное: *физическое*, *социальное*, *духовное*»; Там же, 27–28: «Тютчев хорошо видел связь между мировой революцией, которая пришла в мир, и той *духовной* революцией, которая пришла в мир двадцать веков тому назад <…> Он опять был прав, если противополагал *духовную* революцию — физической, *нравственную* революцию — *социальной*. Так или иначе, но оплотом первой он видел Россию, очагом второй — Европу».

[72] *Иванов-Разумник* 1918d, 2: «Революция для Клюева, народно-глубинного поэта — не внешнее только явление, он переживает ее изнутри, как поэт народный; за революцией *политической*, за революцией *социальной* он предчувствует и проводит революцию *духовную*»; Там же, 2–3: «Если у Клюева революция *духовная*, *социальная*, *политическая* сплетены в один космический вихрь, если у Есенина глубоко и исконно переплетены в вихре революция *духовная* и *политическая*, то Орешин захвачен лишь одной стороной этого вихря — революцией *социальной*».

[73] Русский футуризм, 103–104.

> народа, войны и революции были темами нашего сближения… Но моя концепция не двух, а трех революций (*политической, социальной, духовной*) ставила меня вне государственного коммунизма и государственной демократии»[74].

Однако анализ сочинений Андрея Белого демонстрирует, что эта претензия не подтверждается фактами: о трех фазах революции он нигде более не упоминает. Да, в работах 1917–1919 гг. он говорит о необходимости *революции сознания* и *революции духа*. В «Революции и культуре (1917) он противопоставляет революции «экономических, правовых, производственных отношений» — революцию «духа», в «Весенних мыслях» (1918) социальная революция противопоставляется революции «у нас в голове», в «Сирине учёного варварства» (1922) социальная революция объявляется подготовкой революции, которая есть «воплощение духовного импульса в жизнь». Тем не менее, четко проговоренная триада революционных фаз, подобно той, что мы встречаем у Д.С. Мережковского, Иванова-Разумника или у футуристов, у Андрея Белого встречается единожды, в оставшемся неопубликованном тексте, который датируется 1928 годом.

[74] *Андрей Белый* 1928, 474.

РАЗДЕЛ III

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА НА ВОЕННУЮ АКТИВНОСТЬ НОМАДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Е.В. Вдовченков

Степной ландшафт Евразии вызвал к жизни такую форму хозяйственной специализации как кочевое скотоводство. Экстенсивное кочевое скотоводство стало способом адаптации к засушливым условиям степной зоны. И хотя номадизм отличается незначительным объемом произведенного продукта, а также нестабильностью, тем не менее он позволил успешно освоить значительные пространства степей и полупустынь Евразии.

При этом, как и всякая узкая специализация, номадизм вел к зависимости номадов от оседлого мира. Эту тесную связь номадов и внешнего мира хорошо показал А.М. Хазанов в своем классическом труде[1]. Большая зависимость вынуждала кочевников использовать ресурсы соседей, особенно оседлых. Как результат в жизни номадов значительную роль играли экзополитарные (ксенократические) отношения, в ходе которых кочевники использовали ресурсы от экзоэксплуатации. Методы эксплуатации внешнего мира — данничество, дистанционная эксплуатация, набеги и добыча, получение контрибуции, дипломатические дары, асимметричная торговля.

Успеху этого взаимодействия способствовала военная эффективность номадов. Кочевой образ жизни давал необходимые навыки и условия для формирования сильной конницы. Мобильность и мощь кавалерии давала им естественные преимущества при столкновении с армиями их противников. В условиях кочевого образа жизни формировались определенный воинский этос и воинская субкультура, наце-

[1] *Хазанов А.М.* 2002.

ленные на войну, а также специфические формы социальной организации (институт набега, военные отряды, дружины). В этом номады похожи на горские общества, которые также культивировали готовность к войне и набеги как способ компенсации специфических природных условий и недостаточную продуктивность горного ландшафта.

Но у номадов есть одно важное отличие от горцев — способность мобилизовать весь массив кочевого населения для военных действий и набегов, в то время как природные условия гор препятствовали объединению военных усилий разных народов. При таком объединении кочевники представляли собой серьезную угрозу даже для больших государств древности. Но и небольшие отряды кочевников серьезно осложняли жизнь оседлым обществам. Номады, не достигающие в своем развитии уровня государственности, отличающиеся бытом от греков и римлян, а также известные своей воинственностью, представляли классический образ варваров[2]. Эпитеты и описания скифов и сарматов хорошо подчеркивают это. Характерны слова Луция Аннея Флора: «[у сарматов] *такое варварство, что даже нет понятия о мире*» (*Flor*. L. Ann. Ep. II, XXIX).

Военная активность номадов зависела от многих факторов. Например, от масштабов политии оседлого населения. По мнению А.М. Хазанова и Т. Барфилда, мобилизация номадов и размер образуемых ими политий напрямую зависели от сил и масштабов противостоящего им земледельческого общества. Так, крупные кочевые империи у номадов являются ответом на земледельческое окружение, и в качестве иллюстрации приводятся обычно отношения Китая и его кочевой периферии[3].

Другой важнейший фактор — это технологии номадов — конская узда, стремя, тяжелый катафрактарный доспех, скифский лук, навыки ухода за лошадьми и их тренинг. Еще одно обстоятельство — это социокультурная характеристика номадов, наличие у них элит и идеологии господства, что не стоит недооценивать.

Из факторов, влияющих на уровень военной активности номадов, особенно следует выделить природно-климатические условия. Хорошо известно, что они были важны, но то, как влияли эти условия на военную активность номадов, понятно еще не в полной мере. Климат оказывал на номадов очень существенное воздействие. Более того, именно аридизация климата привела на рубеже II–I тыс. к формированию кочевого скотоводства в евразийских степях, когда в условиях засухи только

[2] *Виноградов Ю.А.* 2009, 42–43.
[3] *Барфилд Д.* 2009.

этот тип хозяйствования позволял обитать в степной зоне[4]. Признаки аридизации отмечены на Нижнем Дону и в пограничных регионах — Подонцовье и Приазовье, где пик аридизации совпадает с заключительным этапом эпохи бронзы. Предполагается, что засушливость климата послужила причиной перехода срубного населения на финальнобронзовом этапе от земледельческого уклада к кочевому скотоводческому[5]. Хотя есть точка зрения о недоказанности засухи в это время[6].

Необходимым условием исследования этого вопроса является реконструкция климата. В настоящий момент, помимо отрывочных сведений древних авторов, исследователи в таких реконструкциях опираются на палеопочвенные исследования. Анализ климата возможен благодаря сравнительному анализу количественных и качественных показателей морфологических, химических, магнитных, микробиологических свойств палеопочв разновозрастных археологических памятников между собой и с их современными фоновыми аналогами, что позволяет оценить на качественном уровне степень увлажненности климата в течение того или иного хроноинтервала[7]. Также значительным потенциалом обладают палеоботанические и палинологические исследования, но данных для реконструкции климата степной зоны в раннем железном веке пока недостаточно.

Климатические условия в степной зоне Евразии определяются «осью Воейкова» — осевой частью (гребнем) полосы высокого атмосферного давления, простирающейся через Евразию приблизительно вдоль 50-й параллели, что резко отличает природные условия степи от лесной зоны[8]. В силу этих отличий закономерности динамики климата в лесной зоне существенно отличаются от таковых для степной зоны. Более того, они более сглажены — в сравнении со степной зоной и перепадами температуры, влажности и другими факторами.

Чередования периодов гумидизации-аридизации оказывали существенное воздействие на общество кочевников. Периоды аридизации — это время опустынивания степей, сокращение площади озер и увеличение минерализации воды в них, пересыхание малых рек и сокращение водопоев для скота, понижение уровня грунтовых вод, приводящее к пересыханию колодцев с пресной водой, снижение продуктивности пастбищ и увеличение нагрузки на районы с доступом к воде. Ухудше-

[4] *Потапов В.В.* 2016.
[5] *Ковалёва Г.В. и др.* 2012.
[6] *Borisov A.V.* 2020, 866.
[7] *Демкин В.А. и др.* 2012, 157.
[8] *Боталов С.Г.* 2020, 8.

ние условий кочевания приводит к сокращению поголовья скота или увеличению площади пастбищной территории с одновременным усилением мобильности.

Гумидизация — это процесс увлажнения, сопровождается увеличением площади озер, ростом количества малых рек и повышением уровня грунтовых вод, приводящее к появлению новых источников с пресной водой, рост продуктивности пастбищ. Это приводит к увеличению площади и продуктивности пастбищной территории, и, следовательно, к увеличению поголовья скота.

Динамика увлажненности оказывает существенное влияние на сдвиги почвенно-географических зон[9].

Еще до появления экстенсивного кочевого скотоводства динамика климата существенно влияла на население степной зоны. Так, резкая аридизация климата, зафиксированная в Восточной Европе и Ближнем Востоке в конце III тыс. до н.э., закономерно привела к массовым миграциям и значительным политическим изменениям[10].

Реконструкции древнего климата осложнены тем обстоятельством, что исследования проведены неравномерно, что связано как с реализованными проектами, так и с наличием / отсутствием устойчивых связей археологов с почвоведами. Так, традиция сотрудничества волгоградских археологов с почвоведами из Пущино позволила получить значительный объем данных из курганных некрополей бронзового и железного веков[11]. В то же время другие регионы — например, Нижнее Подонье — не охвачены исследованиями того же объема.

Важным условием работы почвоведов является наличие какого-то количества подкурганных погребений анализируемой эпохи. Например, для первой половины I тыс. до н.э. не так много погребений, как и для эпохи IV–VII вв. Поэтому здесь фиксируются лакуны в палеопочвенных исследованиях[12].

Также полученные данные могут противоречить результатам других разработок. Так, О.С. Хохлова с коллегами провела проект по изучению климата Нижнего Дона[13]. По результатам проекта она пришла к выводу о том, что с рубежа III–II до конца II в. до н.э. и со II по IV вв. н.э. в регионе и исследуемом ими Танаисе был гумидный климат, в то

[9] *Borisov A.V.* 2020, 869.
[10] *Мимоход Р.А.* 2018.
[11] *Демкин В.А. и др.* 2012.
[12] *Borisov A.V.* 2020, 866.
[13] *Хохлова О.С. и др.* 2018; *Нестерук Г.В. и др.* 2021.

время как с I в. до н.э. до конца I в. н.э. наблюдается аридный климат[14]. Далее эти выводы распространяются на Прикубанье[15].

Проблема в том, что многие исследователи пишут об аридизации в III в. до н.э. Именно климатические изменения считаются весьма важным фактором упадка европейской Скифии[16]. А к рубежу эр отмечается гумидизация, что противоречит данным О.С. Хохловой и ее коллег. Вопрос о том, достаточно ли было получено данных для таких масштабных выводов, противоречащих другим исследованиям.

Отдельно следует принципиальный вопрос — как анализировать военно-политическую активность. Полагаться на данные античной традиции мы можем не в полной мере. Активизация номадов в эпоху Митридатовых войн, или, например, I в. н.э., нашла отражение в источниках. Но какие-то периоды полностью выпадают из нарративных и эпиграфических источников (например, II–III вв. известны очень фрагментарно). Поэтому более надежным и стабильным источников здесь выступает археология. По количеству импортов мы можем судить о контактах кочевников с оседлым миром, поскольку часть этих импортов получена не только в результате торговли, но и экзоэксплуатации — взимания дани, набегов и т.п. деятельности.

Более того, политии у номадов формировались для целей экзоэксплуатации, и главным фактором их существования было взаимодействие с внешним миром. Успешность этой деятельности приводила к богатой добычи и отражалась в погребальной традиции. По концентрации богатств и символов власти, количеству курганов и планиграфии могильников мы можем судить о масштабах политии кочевников. Также об этом говорит сложившаяся субкультура элиты, условием появления которой является определённая стабильность и благополучие номадов в целом. Акцентирование внимания на элитарной субкультуре не случайно. В период, неблагоприятный для кочевания, происходит разорение всех номадов, и это сказывается, в том числе, и на предметах элитарной субкультуры — поскольку теперь нет заказов для ремесленников (не важно — из среды номадов или из близлежащих городов того же Боспора) от кочевой верхушки.

В литературе традиционно считается, что военной активности способствует влажный климат, и именно в гумидную эпоху, когда пастбищ и водных источников много, кочевники могут в полной мере проявить свою военную мощь. А в эпоху аридизации номады не способны

[14] *Хохлова О.С. и др.* 2016; *Хохлова О.С. и др.* 2018, 66–67.
[15] *Нестерук Г.В. и др.* 2021 г.
[16] *Полин С.В.* 1992.

на масштабную экспансию, поскольку для этого требуются сильные лошади, значительные по численности отряды[17]. Именно в эпоху засухи происходит сокращение численности степного населения и их миграция в более благополучные районы.

Недавно А.В. Борисов выступил с неожиданной идеей, которая заключается в том, что гумидизация приводит к ослаблению номадов. В периоды аридизации в степи складывались максимально благоприятные условия для скотоводства, в то время как в гумидные периоды, которые ранее считались наиболее благоприятными, возможности для ведения традиционного пастушеского хозяйства отсутствовали. По его мнению, аридные условия сопровождаются холодными малоснежными зимами, что благоприятно для ведения кочевого скотоводства в степной зоне в холодное время года. В гумидных же условиях увеличение увлажненности зимой сопровождается частыми оттепелями, дождями, туманами, сменяющимися периодами похолодания и связанными с этим обильными снегопадами, метелями, гололедом, обледенением травы, формированием ледяной корки и увеличением мощности снегового покрова. В результате количество скота уменьшается, и общество номадов испытывает кризис[18].

Эту идею А.В. Борисов последовательно продвигает в своих публикациях с коллегами. Но в качестве аргументов он приводит преимущественно гумидизацию III–IV вв. н.э., и связывает с ней уменьшение количества памятников номадов в Поволжье. Если гумидизация так губительна, то хотелось бы увидеть примеры и других эпох с гумидным климатом — VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье, в Южном Приуралье V–IV вв. до н.э.; донской Сарматии в I – пер. пол. II в. н.э., во время средневекового климатического оптимума XII–XIV вв. Также было бы полезно привлечь примеры из этнографии, хотя тут с этим не так легко, т.к. номадизм в XIX–XX вв. сохранился в преимущественно аридных зонах — Казахстане, Калмыкии, Монголии.

Авторы, правда, указывают региональное значение своих выводов — для сухих степей Нижнего Поволжья:

> «В более северных и западных регионах, в зоне сухих степей и лесостепи имелись возможности запасать корма на невыпасные дни, в распоряжении древних скотоводов были также поймы рек, где всегда имеется высокое разнотравье, камыш,

[17] *Комар А.В.* 2012.

[18] *Борисов А.В. и др.* 2018, 59; *Кривошеев М.В., Борисов А.В.* 2019; *Кривошеев М.В., Борисов А.В.* 2023.

кустарники и деревья. В пустынно-степной зоне подобных условий не было»[19].

Но в более поздних публикациях эта оговорка не делается[20].

В европейской зоне степей с довольно высоким снежным покровом для кочевников необходимы подготовленные зимовья, по всей видимости, в пойме и устьях больших рек, и их наличие позволяет нивелировать неблагоприятные природные условия. Например, в низовьях и дельте Дона следует отметить обилие глубоких балок, где можно укрыть скот, а также обширную пойму с растительностью, доступной и зимой. Более того, не стоит снимать со счетов и активное взаимодействие номадов с оседлым населением, которое могло обеспечивать их необходимыми ресурсами для зимовок.

Чтобы утвердить или опровергнуть представления о влиянии климата на военную активность, надо взглянуть на динамику климата и исторические процессы в это время на протяжении раннего железного века.

VII–IV вв. до н.э.

Исследователи разделяют историю и культуру Скифии на две части — архаическую и классическую[21]. Разрыв происходит в последней трети VI в.[22] Различия заключаются в костюме, прическе, оружии, конской упряжи, зверином стиле, а также зонах расселения и хозяйстве.

На классический период приходится скифский экстремум увлажненности[23]. Именно в этот период мощь и богатство скифов достигают максимума. Ярким выражением этой политической мощи и богатства скифской культуры являются выраженная субкультура элиты царские курганы, численность которых вместе с курганами аристократии достигает сорока [24].

Хорошо заметна включенность скифов в политический контекст эпохи — успешное противостояние Дарию в конце VI в. до н.э., активное взаимодействие с Боспором и Фракией и другими соседями.

В V–IV вв. до н.э. можем отметить те же самые тенденции для номадов Южного Урала — рост могущества и влияния. В Южном При-

---

[19] *Борисов А.В. и др.* 2018, 58.
[20] *Кривошеев М.В., Борисов А.В.* 2023.
[21] *Алексеев А.Ю.* 2003, 153-193, рис. 24.
[22] *Алексеев А.Ю.* 2003, 182.
[23] *Песочина Л.С.* 2013, 9.
[24] *Иванчик А.И.* 2010, 129.

уралье климатически наблюдается та же тенденция увлажнения (См. Таб.). В 1988 г. в кургане 1 могильника в Южном Приуралье был открыт царский курган с большим количеством ювелирных изделий, в основном, из золота. По современным данным, Филипповский некрополь насчитывал тридцать земляных курганных насыпей разной величины, включая крупные сооружения — так называемые царские курганы, которые датируются в пределах IV в. до н.э. Именно в курганах Филипповки отмечается особая концентрация престижных категорий инвентаря и трудозатратных погребальных сооружений.

Впечатляющие находки из Филипповских курганов — яркое свидетельство сложившейся элитарной субкультуры. Концентрация богатств и символы власти показывают иерархически организованное социально стратифицированное общество. Важное условие для формирования такой политии — гумидный климат. Безусловно, важны были и устойчивые отношения с оседлой периферией, а также вполне соответствующий времени уровень военного дела у кочевого населения Южного Приуралья. Но без подходящих природных условий эти факторы не сработали бы.

Для времени скифской архаики (VII–VI вв. до н.э.) фиксируется меньшая увлажненность. Для раннего этапа скифской культуры характерно заселение предгорий Северного Кавказа и лесостепных зон Северо-Западного Причерноморья, для классического — собственно степной зоны и кочевой образ жизни. В архаической Скифии в силу других природно-климатических зон тип хозяйства, по всей видимости, отличался от степного номадизма[25]. Можно предположить, что на это могла влиять и большая, по сравнению с классическим периодом, засушливость климата.

Кризис III в. до н.э.

Период гумидизации сменился в III в. до н.э. резкой аридизацией, степень которой была сравнима с суббореальным ксеротермом, фиксируемым около 4000 лет назад[26] (См. Таб.). III в. до н.э. — начало очередного периода аридизации климата степной зоны Восточной Европы[27]. Это стало одной из причин запустения степей Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья и Приуралья.

---

[25] *Алексеев Ю.А.* 2003, 192.

[26] *Песочина Л.С.* 2013, 9.

[27] *Демкин В.А.* 2012, 171; *Климанов В.А.* 2002; *Александровский А.Л., Александровская Е.И.* 2005.

В южноуральской лесостепи аридизация фиксируется во второй половине IV в. до н.э. – II в. до н.э.[28] На этот период также приходится резкое уменьшение количества комплексов.

Важно отметить, что, хотя климат и влияет на активность номадов, но типичные для них набеги мы можем увидеть в любую эпоху. В качестве примера можно привести сюжет из декрета Протогена. В декрете Протогена второй половины III в. до н.э. рассказывается о даннических отношениях Ольвии и сайев вместе с их предводителями и царем Сайтафарном:

> «...когда явились во множестве сайи за получением даров… не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых вовремя были удовлетворены многие скиптроносцы. Немало даров было приготовлено для царя… когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда» (IPE I2 № 32)[29].

То есть несмотря на аридизацию и запустение степей, те номады, что оставались, продолжали взимать дань и контрибуцию с оседлого населения.

Засушливые условия степной зоны приводят к переселению номадов в более благоприятные для жизни места, а также к оседанию кочевников на землю в пограничных со степью районах и долинах рек — как способ адаптации к меняющимся условиям. Седентаризация (оседание), которая, если она затрагивает все кочевое общество, обычно бывает связана с его коренной структурной ломкой, однако в занятой номадами природной зоне она почти никогда полностью не осуществима, и как правило обратима.

Так, следует обратить внимание на формирование позднескифской культуры в Крыму. Она возникает во II в. до н.э. при очевидном импульсе скифской культуры Северного Причерноморья, но население этой культуры — оседлое.

II–I вв. до н.э.

В этот период климат меняется на более увлажненный (См. Таб.). В этот период происходит активное заселение Подонья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Что же касается Поволжья и Приуралья, то в этот период происходит период роста численности памятников номадов. В это время сарматы осваивали Поволжье, и толь-

[28] *Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р.* 2018.
[29] *Скржинская М.В.* 2000, 211–212.

ко с рубежа III-II в. до н.э. сарматские комплексы появились в Подонье. В Северном Причерноморье сарматские археологические памятники известны с середины II в. до н.э., а в Северо-Западном Причерноморье — только с конца I в. до н.э. Кочевники активно включаются в происходящие события, что отражено в сообщениях античных авторов, особенно Страбона.

Рубеж эр – середина II в.

Время I – середины II вв. н. э. явилось переходным от аридных условий к более гумидным, при этом значительные изменения природной обстановки зафиксированы уже в конце I в. н.э.[30] Свойства палеопочв конца I в. н.э. свидетельствуют об увеличении степени атмосферной увлажненности[31] (См. Таб.).

В I в. н.э. в степной зоне Восточной Европы, в первую очередь в Подонье, происходят резкие изменения, вызванные миграциями и приведшие на местной почве к формированию среднесарматской культуры (среднесарматская культура Нижнего Подонья и территории к востоку от Днепра). Концентрация богатств в погребениях элиты — яркий признак усложнения структуры сарматского общества и развития социальной стратификации. Военная и политическая активность в этот период резко увеличиваются. Активное включение аланов (нового населения степей, появившегося в среднесарматскую эпоху) в политическое пространство Восточной Европы отмечено античными авторами (*Seneca*. Thyestes. 627–661; *Ios. Flav*. Bell. Iud. VII, 7, 244–245; *Suet*. Dom. 2, 2; *Plin*.Nat. IV, 80; *Ptol*. III, 5, 19; *Dion. Perieg*. 305; *Cass Dio*. 69, 15, 1; *Arr.* Tact. 4,3). В числе причин этого усиления — появление катафрактарной конницы, формирование новой модели взаимодействия сарматов с оседлым миром, что привело к трансформации социальных и политических структур и дало мощный импульс развитию общества номадов в рамках экзополитарных отношений. Но все это вряд ли могло воплотиться при неблагоприятных климатических условиях.

II–III вв. н.э.

Во второй половине II – первой половине III вв. н.э. засвидетельствована аридизация в волгодонских степях, и вследствие этого — ухудшение условий кочевания[32] (см. Таб.). Особенность этой эпохи — активная седентаризация номадов в меотских городищах и Танаисе, причиной чего является, видимо, аридизация климата. У нас имеются

[30] *Песочина Л.С.* 2013, 9.
[31] *Песочина Л.С.* 2000, 690.
[32] *Дёмкин В.А.* 2012, 163, 166, рис. 45.

вполне ясные свидетельства проникновения сарматов в Кобяково и другие городища, особенно во II в. н.э. До этого наличие даже элитных некрополей (Царский) у стен Танаиса или к востоку от Крепостного городища практически не приводило к оседанию номадов[33]. Седентаризация номадов — это вынужденные шаги, а не закономерный итог развития общества номадов. Процесс оседания является следствием военного давления или климатических изменений, которые делают для части номадов невозможными дальнейшие перекочевки. Более стабильная экономика оседлого населения в ряде ситуаций вынуждала к оседлому образу жизни, как минимум, обедневшую часть номадов.

Изменение климата могло стать тем фактором, который ослабил носителей среднесарматской культуры — богатых и могущественных номадов, и привел на их место намного более бедных, но, видимо, лучше приспособленных к засушливым условиям восточных мигрантов. Может быть, свою роль сыграл тот факт, что позднесарматская культура возникла в более засушливых областях, и общество носителей этой культуры было привычно к новым климатическим условиям.

Важнейшая черта, на которую обращают внимание почти все исследователи, это воинские погребения позднесарматской культуры. Выделяется целая серия всаднических комплексов, в которой фиксируются длинные мечи без металлического навершия; богатая конская узда; длинные оселки; ногайки; чаще встречаются большие луки с костяными накладками и большие наконечники стрел[34]. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом — культура номадов в эпоху явной аридизации говорит об их воинственном образе жизни, что в известной степени противоречит тенденции роста военной активности в эпоху увлажнения. Впрочем, следует указать, что для позднесарматской культуры неизвестно таких богатых комплексов, как в среднесарматскую эпоху, и поэтому говорить о мощных политиях или сложившейся субкультуре элиты не приходится. Здесь речь идет о воинственном сообществе, которое могло проявлять свои военные таланты на службе в Боспору, или же далеко от степной зоны — в тех же Маркоманнских войнах.

Середина III–IV вв.

В климатическом отношении III–IV вв. н.э. известны как «позднесарматский микроплювиал» с предполагаемым максимум увлажненно-

[33] *Яценко С.А.* 2016.
[34] *Безуглов С.И.* 1997.

сти в IV в. н.э. [35]. Гумидизация климата в IV в. н.э. отмечена в Предкавказье[36] и в Северном Причерноморье[37].

Появление памятников катакомбного типа позднесарматского времени на Нижнем Дону началась с миграции из Предкавказья носителей новой культурной традиции, маркером которой выступают Т-образные катакомбы[38]. Это население связывают с аланами-танаитами, и их переселение может быть связано не только с политическими причинами и ростом военного могущества кавказских аланов, но и с благоприятными условиями, которые позволили им освоить донские степи. Их деятельность зафиксирована Аммианом Марцеллином[39].

* * *

Обзор степной зоны Восточной Европы в раннем железном веке показал, что время наибольшего политического могущества номадов приходится на гумидные периоды. В периоды засушливые (III в. до н.э., II–III вв. н.э.) отмечается сокращение численности населения в степной зоне.

Стимулом для переселения является гумидная эпоха. Так, миграции в степную зону приходятся именно на гумидную эпоху — появление новой группы скифов в VI в. до н.э., миграции сарматов в Подонье на рубеже III–II вв. до н.э., миграции в Подонье и Северное Причерноморье на рубеже эр – первой половине I в. н.э., миграция аланов из Предкавказья в Подонье в середине III в. Но в этой тенденции можно отметить одно исключение — приход носителей позднесарматской культуры в Подонье в середине II в. н.э., которое приходится на начало аридной эпохи.

При аридизации происходит переселение кочевников в более благоприятные условия, а также их оседание как способ адаптации к меняющимся природным условиям.

---

[35] *Дёмкин В.А.* 2012, 163, 166, рис. 45.

[36] *Александровский А.Л., Александровская Е.И. 2005; Хохлова О.С. и др.* 2007, 1188.

[37] *Герасименко Н.П.* 1997.

[38] *Безуглов С.И.* 2008.

[39] *Amm. Marc.* XXXI, 2, 17.

ТАБЛИЦА

РЕКОНСТРУКЦИЯ УВЛАЖНЕННОСТИ КЛИМАТА НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА[40]

Археологические культуры	Время		Заволжье, пустынно-степная зона
		Количество атмосферных осадков, мм / год	
Савроматская	VI–V вв. до н.э.	~400	330–350
Раннесарматская	2-я пол. IV–III вв. до н.э.	300–350	250–280
	2-я пол. II–I вв. до н.э.	~400	330–350
Среднесарматская	I в. н.э.	380–400	300–330
	II вв. н.э.	350–380	~300
Позднесарматская	2-я пол. II–III вв. н.э.	330–350	250–280
	2-я пол. III в. н.э.	350–380	~300
	Кон. III–IV вв. н.э.	380–400	300–330
Современность		400	280–300

[40] *Демкин В.А.* и др. 2011, таб. 1.

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА У АЛЬДХЕЛЬМА

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕАЛИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

А.А. Сазонова

В новейших исследованиях по истории и культуре Англосаксонской Британии наблюдается значительный интерес к осмыслению взаимодействия человека с окружающим его природным миром с позиций нового направления «экокритицизма» (K. Barker, H. Estes, C. Barajas, A. Siewers, Il. VanDonkelaar). Если анализ этого круга проблем на материале художественных источников в основном представляется убедительным и тематически оправданным, то разбор конкретных случаев и реконструкция исторических эпизодов зачастую сталкивается со значительными трудностями, страдая чрезмерной гипотетичностью. Одним из самых удачных примеров изучения симбиотических отношений на физическом и ментальном уровне между человеком и окружающим его природным ландшафтом стало объяснение того, что регулярное поедание хлеба со спорыньей вызывало кошмарные видения и приводило к негативным изменениям в человеческой психике[1]. В моей работе взаимообусловленность природно-географических факторов и мифопоэтического мировоззрения в рамках парадигмы «цивилизация–варварство» осмысляется как новое исследовательское поле, на котором формулируются перспективные задачи по изучению деструктивного характера культурных архетипов как неизменных констант *ландшафтного варварства*.

Сакральный ландшафт у древних германцев изначально отличался амбивалентным сочетанием одних и тех же архетипов в их двух ипостасях гармонизирующего космоса и разрушительного хаоса — Вода и Огонь, Мировое Древо, Лес, Бездна, Гора и Камень. Одомашненный мир человека накладывался в древнегерманском мифологическом сознании на оппозицию Свой-Чужой в ракурсе (не столько освоения, а) противостояния окружающему миру, чья дикость и непознаваемость несли реальную угрозу, финально уничтожая все на земле с приходом Конца Света. Отблески грядущего вселенского катаклизма окрашивали

---

[1] Этот природный фактор использовали для объяснений психических феноменов европейской охоты на ведьм и Салемского процесса. В данном исследовании он точно соответствует особенности ландшафта.

природный мир для германцев в зловещие краски. С христианизацией континентальных и островных земель в раннее средневековье идеологическая борьба с язычеством требовала физического разрушения священных мест языческого культа и развенчания сакрального ландшафта. Такая маргинализация основ древнегерманской культуры и религии приводила к порождению феномена *ландшафта зла*.

К англосаксу-христианину, в сознании которого сохранялись архетипы языческой традиции его предков, неосознанно через перцепцию и познающую апперцепцию возвращалось в условиях стресса разных культур, перманентных войн и освоения иноэтничных земель Британии акцентированное представление о диктате социального насилия и неконтролируемой агрессии в варварском ландшафте вокруг. На практике социальное осмысление Себя и Чужого в природном ландшафте выделяло реперными точками физические локусы с максимальной концентрацией негативного антропного фактора. Таким образом, окружающий мир человека, который он наделял всем спектром проявлений своего внутреннего зла, доходил до границ потустороннего мира и превращался в ландшафт варварства, куда стремилось проникнуть внешнее зло и хаос.

В моем исследовании ставится цель раскрыть скрытое социальное содержание культурных архетипов в природной картине мира малмсберийского интеллектуала Альдхельма (ок. 639–709). Что превалировало в его архетипических образах окружающего «негативного» ландшафта — художественная традиция римской литературы или древнегерманские мифопоэтические представления? Альдхельм был признанным мастером высокого риторического стиля в латинской прозе и поэзии, в его цикле ста загадок представлен весь природный макро- и микрокосм позднеантичной и раннесредневековой культуры. Однако реконструкция ландшафтных архетипов и соответствующих им англосакских реалий может быть заведомо неоднозначной задачей, так как для ее решения потребуется преодолеть нарративную специфику *герметического стиля* малмсберийского автора.

Являясь приверженцем античной культуры, он воспринял ее универсальную направленность, поэтому редко обращался к колориту островной жизни. Этим, на мой взгляд, объясняется парадоксальность того, что примеры природных загадок с ощутимым британским бэкграундом (Шелкопряд, Кошка-мышелов, Тис, Маяк) единичны[2]. По-

[2] По мнению биолога, Альдхельм натуралистически точно описывает не китайского шелкопряда (*Bombyx mori*), а местную шелковичную гусеницу Oak

видимому, сохранился весь корпус латинских трудов Альдхельма, но если его эпистолярика была посвящена проблемам текущего момента (церковный спор о правильном исчислении Пасхи, о христианской поддержке гонимого епископа, осуждение светских развлечений), то в самих сочинениях социальные и политические реалии в подробностях не раскрывались. Поэтому говорить о негативизме Альдхельма в отношении ирландских студентов и ученых, по моему мнению, не приходится[3]. Ему не были свойственны интеллектуальный снобизм и ирландофобия, тем более что сам уэссекский настоятель восхвалял как «плодородную почву Британии», так и «богатую и зеленую страну Ирландию». При всей сатирической риторике высокообразованного германца в адрес ирландских ученых и бриттских клириков ни те, ни другие не являлись для него антикультурными варварами. Альдхельм интересовался религиозно-этической стороной человеческой греховности, посвятив описанию битвы грехов с христианскими добродетелями сочинение «De octo principalibus vitiis», ставшее заключительной частью его стихотворной поэмы «De laude virginitatis». Кто же тогда стал для уэссекского монаха подлинным лицом человеческого зла в реалиях его времени? И как это накладывалось на ландшафтное варварство, осмысленное в германской специфике своей среды обитания?

Nascitur atra frutex ex ista radice frondens: от ветхозаветного первогреха к ландшафту зла

Два гисперийских послания Альдхельма (Ep. ad Wihtfridum; Ep. ad Ehfridum)[4] вместе с анонимным сборником «Hisperica Famina» являются основными источниками по «школярской» культуре ирландских интеллектуалов, творивших на особом языке гисперийской латыни. Темы и художественные образы, которыми наполнены послания англосакса (образовательное путешествие за знаниями, морской путь на корабле, элитарная замкнутость образованных людей, риторическое осмысление

Eggar (*Lasiocampa quercus quercus*), которая обитала на юге Британии см.: *Cameron M.* 1985, 123–125. Без сомнений, он был знаком с работой прибрежных солеварен (Соль), пчеловодством (Пчелы) и с практикой медицинского лечения (Пиявка, Чемерица, Бузина). Южнобританский клирик стал автором первого фелинистического портрета в латинской культуре раннего средневековья см.: *Сазонова А.А.* 2022, 214–216, 221–226.

[3] Примеры историографических мнений об ирландофобии Альдхельма см.: *Сазонова А.А.* 2015, 319.

[4] Об этих эпистолярных сочинениях см.: *Сазонова А.А.* 2010, 345–351; *Сазонова А.А.* 2015, 315–316, 318–319, 322–323.

окружающего ландшафта, текучая трансграничность и резкие бинарные оппозиции), были культурными доминантами для гисперийцев и их ученого микрокосма. Ученическая состязательность бродячих студентов в рамках образовательного процесса порождала вздымающуюся фигуру триумфатора-дракона из риторических словопрений[5] и болотные образы квакающих оппонентов. Словесный агон у гисперийцев выражался через разнообразные метафоры водного потока в ожесточенных перебранках между молодыми учениками и в обмене тонкими намеками по эпистолярике многоопытных адептов-латинистов[6].

> «И потому, покуда спутницей жизнь, в желанную Ибернии гавань путь держа, должны священные предсказания для опровержения измышлений философов главным образом собирать! Нелепостью ведь полагаю, пренебрегая непререкаемым предписанием необработанного и старинного пособия [Новым и Ветхим Заветами], по топким окраинам усеянного терновником поля путь держать — мало того — по пестрым уловкам философов; или, по крайней мере, при изобилии чистых жидкостей из прозрачных источников жадно пить болотные влаги и грязные морские воды, в коих зловещий сонм жаб кучами кишит и шумящий галдеж лягв раздается» (AO 479; Пер. А.А. Сазоновой).

Обращаясь с таким напутствием к отплывающему в Ирландию на продолженное обучение Вихтфриду, малмсбериец со знанием дела хулит ирландское светское образование и интеллектуальную моду на риторическое состязание. Высокопарный поток гисперийской латыни в контексте послания превращается в словесное наводнение и морской водоворот и явно уподобляется тухлым болотам. А логические и риторические уловки ирландских мудрецов (per discolos philosophorum anfractus)[7] расцениваются как терновые колючки (тернии и волчцы) на

---

[5] Гесперийские речения. 2000, 140, 147 (HF. <Exordium> 49: horrendus chelidrus; 98: truculentus bovencus).

[6] О своеобразном каталоге гисперийских образов из письма ирландца Целлана к Альдхельму (см.: *Сазонова А.А.* 2015, 328–330), где окончание сохранившегося текста венчает тема освежающего источника сладостного знания — «pulcherrimae labiae tuae, de cuius fonte purissimo dulces dirivati rivi multorum possint reficere mentes» (AO 499).

[7] Ср. HF. <Exordium> 6: И в хитростях ядовитых сведущи науки книжной (vipereosque litteraturæ plasmant syllogismos) — здесь и далее в пер. Д.Б. Шабельникова.

окультуренном поле подлинных знаний. В послании к Эхфриду прежде заданные темы получают развитие, а гисперийские образы подхватываются и раскрываются на более высоком уровне библейских отсылок:

> «Особенно потому, что достойно предназначать потомка, порожденного наконец от благой роженицы [Христа], чтобы на земле (в землях живых) стереть преступление от неискоренимого греха первозданных [Адама и Евы] и такую же запись древних [о Каине и Ламехе]. Кто повергнул в пылающий Тартар на страшные мучения бледного хелидра с расщепленным на трое языком, изрыгающего в вечности зловонные и ядовитые отравы. И где прежде необработанной герме того же нечестивого натрикса и оленя в языческих святилищах поклонялись по глупости, наоборот — там для учеников лачуги и даже благие обиталища для молитв по умствованию архитектора искусно возводятся» (АО 488–489; Пер. А.А. Сазоновой).

В такие слова и образы Альдхельм облекает новозаветную историю о пришествии Христа в мир как Спасителя и Искупителя, который отверз оковы Адовы и привел в Рай прародителя Адама, взамен повергая в Тартар Сатану. И в следующем предложении следует переход к местной реалии, созвучной рассказу Беды об отречении от своего язычества нортумбрийского верховного жреца[8]. Рассматривая божественное предназначение крестной жертвы Христа через стирание изначальных грехов человеческой природы, автор проводит пунктир к сборнику «Энигм», где в загадках, посвященных интеллектуальной деятельности и образовательным занятиям, он соединил тему стирания записей на воске записных книжек с возделыванием ученым книжником пахотного поля, посевом семян и сбором урожая[9]. А дополненная излюбленными водными метафорами гисперийцев[10] тема богоугодной

---

[8] Беда пересказывает (HE. II, 13) чужой нарратив о событиях почти столетней давности, о том как верховный жрец осквернил языческое святилище с идолами, метнув в него копье, а затем приказал разрушить и сжечь все, что там было. И в речи жреца звучал топос осуждения того, чему прежде он язычески поклонялся «по глупости» (per stultitiam), что аналогично объяснению Альдхельма (colebantur stoliditate).

[9] *Сазонова А.А.* 2010, 336.

[10] HF. <Exordium> 5–6: Кои влагу превосходную из уст изливают звучания утонченного (qui egregiam urbani tenoris propinant faucibus linpham) // И в хитростях ядовитых сведущи науки книжной; 59–60: Звучная речи струя

интеллектуальной пахоты будет воспроизведена в хвалебных словах, обращенных к возвращающемуся из Ирландии ученому Эхфриду:

> «Раз наполнен чрез непрестанное тщание этими святыми кормами православия, то раскройте бездну (горло) и оросите жаждущие поля разума; как семя небесного экстаза, посеянное потом Сеятеля, произрастающее без вреда от жгучей жары, в живых и плодородных бороздах православных будет наливаться, и, наконец, в обилии, по одобрению Бога, густая нива заколосится» (АО 491; пер. А.А. Сазоновой).

Прежде гисперийские письма Альдхельма не рассматривались мной вне островных проблем раннесредневекового образования и гисперийской (суб)культуры. Однако два обстоятельства — одно историографического характера (статья Ч. Райта), а другое, связанное с текстологическим анализом источников, — позволяют утверждать, что тематический локус «поле с терниями» и водно-болотные гидронимы несут не просто более глубокую смысловую нагрузку в творчестве западносакского монаха, а являются скрытыми доминантами в его мировидении. При всех авторских вариациях по сюжетам возделывания и засевания поля, орошения и сбора урожая, противопоставления чистых и тухлых вод просматривается своеобразная триада «поле-колючки-болото». Значимым является и то, что упоминания о гидронимах и культурно возделываемом локусе оказываются взаимосвязанными по обоим посланиям, которые, по моему мнению, создавались одновременно, тематически объединяясь в один гисперийский нарратив. Возможно, они изначально задумывались как парные увещевания наставника на отбытие обучающегося студента и возвращение из Ирландии уже признанного мастера. Если в обращении к Вихтфриду отсылка к истории Каина и Авеля дана в форме едва уловимого намека на поле с терниями, а описание болот с турмами жаб и лягушек преисполнено юмора, то слова Альдхельма к равному по учености Эхфриду подхватывают эти темы и обыгрывают их новыми гранями. Теперь речь идет о стирании хирографа с записью двух библейских первогрехов — о грехопадении Адама и Евы и братоубийстве Каина, а вместо квакающих лягв появляется болотный бледно-желтый хелидр, в этом облике Христос низвергает Сатану в Ад после своего Вознесения и Нисхождения.

родилась бы из уст (sonoreus faminis per guttura popularet haustus) // И бесконечный звучания утонченного поток полился бы из горла (ac inmensus urbani tenoris manasset faucibus tollus).

Общий текстологический анализ сочинений малмсберийского настоятеля выявил ряд и других параллелей, развивающих тему пахоты и произрастания посеянных семян. Быть может, содержание загадки Альдхельма «Василиск» указывает на единый хронологический период для создания корпуса ста энигм и двух гесперийских посланий. Рассеивание василиском семян смерти, нечестиво творимое ради жатвы столь жуткого посева гибельной косой Искусителя, становится полной инверсией к благому посеву Сеятелем в человеческих умах семени эфирного экстаза, взращенного в бороздах православия по воле Бога богатым урожаем веры. Тема произрастания ростка греха из земли получит продолжение у Альдхельма через историю Каина-Авеля (из прозаической версии «De virginitate» и из первой части «Послания к Ацирцию», посвященной семеричной нумерологии в Библии) к образам Дерева Проклятых по загадке «Тис» и ветвящихся грехов в «De octo principalibus vitiis». Водно-болотные гидронимы по его «Загадкам» станут третьей частью общего ландшафта зла у англосакского автора.

Почему яркие и красочные образы ландшафтного зла представлены у Альдхельма столь фрагментарно и в намеках? Почему они не складываются по его сочинениям в цельную картину окружающего природного мира в ракурсе ее теневой стороны? По моему мнению, малмсберскийского монаха волновали религиозные вопросы о происхождении греха в человеческом мире и о его преодолении, поэтому он сочинил, вдохновившись «Гамартигенией» и «Психомахией» Пруденция, свое сочинение «De octo principalibus vitiis» в позднеантичной христианской традиции[11]. Но актуальные для него вопросы о природе греха и зла он облек в символические образы природного ландшафта, скрыв два других источника своих представлений — апокрифические сочинения и языческое мировосприятие по древнегерманской мифопоэтической традиции[12]. Не приходится сомневаться в том, что западносакский клирик ясно осознавал, что ветхозаветные и новозаветные апокрифы не входили в церковный канон[13]. Его официальная позиция

[11] В выводах своей статьи автор задается вопросом, почему при несомненных параллелях между сочинением Альдхельма и «Psychomachia» англосакс не делает полных заимствований из Пруденция, а ограничивается формой «эха и овертона» см.: *Wieland G.* 1986, 90.

[12] Ранее мною анализировались архетипы судьбы по «Загадкам» Альдхельма как пример синтеза, наслоения и переплетения языческих германских, античных литературных и христианских традиций см.: *Сазонова А.А.* 2018, 159–228.

[13] О неоднозначном отношении англосакса в целом к апокрифам (на при-

выражалась в резкой критике таких писаний (как ужасающе звучащих словесных раскатов грома, как вздорных и сомнительных фабул о всякой ерунде), которые следует всецело отвергать[14].

Реконструируемая по моей гипотезе трехчастная структура для ландшафта зла была концептуально осмыслена у Альдхельма уже в послании к Вихтфриду (поле-тернии-болото), но представлена по его тексту в игровой форме. То, что смысл столь значимого фрагмента не привлек должного внимания в историографии, было связано, во-первых, с многоуровневой литературной игрой автора, который на первый план в зачине письма вывел тему морского отплытия в Ирландию (transmarinum iter carpere) и образовательного путешествия по ее земле (per lubrica dumosi ruris diverticula, immo per discolos philosophorum anfractus iter carpere), а во-вторых, с не совсем корректным переводом в английских изданиях[15]. Ошибка с «ежевикой» происходит, несомненно, из английской «Библии короля Якова» (Judg. 9:14–15; Is. 34:13; Luke 6:44), в которой неверно переведен ряд библейских фитонимов[16]. Сначала Майкл Херрен усилил (вслед за У. Болтоном) значимость ирландской земли, переводя «пашню-поле» (*rus*) как «страну» (подразумевая Ирландию), а затем он по своему усмотрению (и без комментаторских пояснений) сузил семантику *dumosus* до фитонима «ежевика» (bramble, lat. rubus)[17]. Поэтому в итоге латентная отсылка к истории Каина и Авеля в словах «по топким окраинам усеянного терновником поля» (per lubrica dumosi ruris diverticula) оказалась утраченной. Однако в стихотворном фрагменте истории Каина-Авеля в «Carmen de virginitate» Джеймс Розье учел вариант М. Херрена, когда использовал все ту же «ежевику» при переводе: «Thence an evil harvest of rough brambles grew up thickly» (AO 463: Inde prava seges glitibus densescet

---

мере использования отдельных апокрифов в качестве источников) см.: *Casiday A.* 2004.

[14] DV. XXIV; LIV.

[15] *Aldhelm.* 1979, 154 («undertake a journey through the slippery paths of a country full of brambles»).

[16] Только третий из примеров перевода опирается на Иеронима (Luke 6:44: unaquaeque enim arbor de fructu suo cognoscitur neque enim de spinis colligunt ficus neque **de rubo** vindemiant uvam), и этот фрагмент возводят к иудейской литературе (Талмуду и Мишне) см.: *Zohary M.* 1982, 157.

[17] Ежевика (*Rubus sanguineus*) произрастает в срединных и северных землях Палестины по берегам рек, в пост-библейской иудейской традиции ее (с оговоркой — *возможно*) соотносили с библейской «колючкой-шипом» см.: *Zohary M.* 1982, 157.

acerbis)[18]. Рецензируя издание поэтических работ Альдхельма, Дж. Файфер отметил эту ошибку в переводе редкого слова (glis, glitis; Pl. glites), ссылаясь на вариант глоссирования «шип, колючка, репей»[19].

За риторической и юмористической легкостью первой части письма к Вихтфриду скрывалось «второе дно», когда, отсылая к выросшему на крови Авеля терновнику греха, Альдхельм вывернул наизнанку картину сладостной сельской идиллии в гисперийском нарративе. Хотя в послании англосакса и в экфразе «Гисперийских речений» отсутствуют лексические пересечения (за исключением *ruris/rura*), все пейзажные элементы описания идентичны:

«Колья шипастые метут угодья обширные
(spinosæ degestum verrunt astitiæ predium),
Реки водяные наполняют канавы илистые
(aquosi luteas irrigant fluvii venas),
Влагу, брызжущую извергает земля напором ключевым»;
«Канавы глубокие разделяют нивы зеленеющие
(holerosa profundæ separant rura foveæ),
Которые порослью травяной изобилуют
со стеблями голубоватыми»[20]
(HF. 459–461, 470–471; пер. Д.Б. Шабельникова).

Значимым становится и представление о том, как располагался терновник-чертополох по полю. Была ли пашня усеяна кустами терний и(ли) колючая изгородь огораживала культивируемый участок земли по границам? Семантика *dumosi ruris* поддерживает первый вариант (поле вместо злаков заполонили колючки), но не исключается и второй вариант, как дополнительный. Происходит наслоение исторической

[18] *Aldhelm.* 1985, 163. Р. Эвальд в комментариях (AO 463) привел варианты *carduus* (волчец, чертополох) и *lappa* (репейник).

[19] *Pheifer J.D.* 1987, 248. Ранее в своем издании древнеанглийских глосс Дж. Файфер давал перевод (glis, glitis ‘thistle’ glitibus (v.l. gliribus), да. eglae, §470 egilae) у Альдхельма как «чертополох» (thistle) см.: Old English Glosses. 1974, 26, 91.

[20] Гесперийские речения. 2000, 226 (<О луге>), 224–225 (<De campo>). Терновые изгороди (spinosæ astitiæ) рассекают поля (rura), также их разделяют илистые (luteas) и заболоченные травой канавы (venas / foveæ) с водой. Причина, по которой М. Херрен, который исследовал и издал «Гисперийские речения», не использовал этот источник при переводе посланий Альдхельма, видимо, кроется в том, что он пошел по заданному англосакским автором «обманному» пути.

реалии (терновые изгороди от свободно бродящего скота) на особенность гисперийского синтаксиса, избегающего пассивных глагольных конструкций[21]. Природная реалия и книжное определение для *dumosum rus*[22] и *glites* восходят у Альдхельма к библейскому источнику, поэтому оба варианта его терний-шипов не конкретны и не привязаны к какому-либо растению либо кустарнику (терновник, шиповник, чертополох, репейник). Под колючками и терновым кустом в Библии (Быт. 3:18; Ис. 33:12, 34:13; Ос. 10:8; Лк. 6:44, 8:7, 8:14) скрывались непохожие растения из семейств Астровых, Акантовых, Розовых (*Asteraceae, Acanthaceae, Rosaceae*), шипы на терновом венце Христа из Нового Завета (Мф. 27:29; Ин. 19:2, 19:5) отсылали к кустарнику или деревьям колючего «аканта»-зизифуса из семейства Крушиновых-*Phamnaceae* (*Zizyphus spini-christi*)[23]. По моей гипотезе, лексический выбор для «терний и волчцов» подчеркивал исключительную значимость для англосакского интеллектуала этого ландшафтного образа. Ведь он не использовал лексику «Вульгаты» Иеронима из его ботанического каталога (lappa, paliurus, ramus, rubus, spina, tribulus, urtica, vepres) и его библейские пары *spinas et tribulos* (Gen. 3:18), *lappa et tribulus* (Hos. 10:8), *spina et vepres* (Is. 10:17)[24].

Многоуровневое прочтение фрагмента из гисперийского послания позволяет архетипически идентифицировать возделанное поле с терно-

---

[21] Как пример, (HF. 243, 245) «florigena arva… nec lapidea artant crepita» — «цветоносные поля не содержат (не ограничивают) каменные твердыни», т.е. ухоженные поля не усеяны камнями. Гесперийские речения. 2000, 56, 180–181, 197 (<И вот> уже пажити сияют цветоносные, //…И не громады высятся скалистые).

[22] Англосакс заимствует свою лексику из поэтического словаря Вергилия, который упомянул кустистое поле (*Verg.* Georg. II. 180: dumosis arvis), колючие кусты и заросли (Georg. III. 315: rubos…dumos), где на тернистой круче (Ecl. I. 76: dumose de rupa) пасутся козы.

[23] *Musselman L.* 2012, 134–136; *Zohary M.* 1982, 153–167.

[24] Альдхельм привел диминутивный пример *veprecula* — терновый кустик (AO 181), в его сочинениях используется *spina* (один раз *spinetum*) в прямом и переносном значениях. В Библии Иеронима *spina* самый частотный пример из его лексико-переводческого арсенала. Также англосакский монах продемонстрировал авторскую оригинальность при пересказе библейской истории об Авимелехе (Суд. 9:14–15), которого в притче сравнивали с колючим кустом «ad ramnum / ignis de ramno» в переводе Иеронима (с *терновником* по синодальному переводу, а в «Библии короля Якова» с *ежевикой*). Альдхельм назвал преступного израильского царя «senticosus *ramnorum* surculus» (терновый побег ветвей), витиевато обыгрывая совершенное им страшное братоубийство (AO 68).

вой оградой и заболоченной окраиной как западногерманский вариант Мидгарда северных германцев[25]. Противостояние мира человеческой цивилизации Другому миру хаоса и чудовищ в новом христианском видении (исключило из оппозиции Мир Богов) резко приблизило к своим границам лиминальные области дикости и перехода в Нижний мир. А локус Хелль мыслился не просто как мир мертвых, но в первую очередь как пристанище для клятвопреступников, убийц (особенно — убийц своей родни) и преступников. Также в древнегерманской модели мира константными архетипами являются *граница-предел* (для разных миров) и *изгородь-отделение* (как огораживание от враждебных сил)[26]. Общий анализ сочинений Альдхельма дал неожиданный результат, медиатором между окультуренным пространством и диким лесом стала кошка-мышелов из одноименной загадки. Только свирепая хищность позволила полудомашнему фелину англосаксов равно эффективно проявлять свою кровожадную природу против амбарных мышей и мелких лесных зверей[27].

Для Альдхельма магистральной являлась тема проклятой Богом земли (Быт. 3:17–19), ставшей полубесплодной после грехопадения Адама и Евы. А страстная линия мученичества и жертвы Христа (Евр. 12:24) переосмыслялась по библейским апокрифам в оригинальный сюжет о пролитии невинной крови Авеля, из которой произросли тернии человеческих грехов. Такая трактовка парадоксальна по своей сути, так как убийство Авеля было прообразом земной смерти Христа[28]. И у западносакского автора вслед за развитием апокрифической традиции ирландскими философами на первый план выходит первогрех Каина (а не грехопадение его родителей), с преступлением которого на землю пришла Смерть. Братоубийцу проклинает сама земля, которую он напоил родной кровью, отказываясь быть плодородной для его сельскохозяйственных трудов (Быт. 4:10–12).

---

[25] Двн. Mittilagart (Musp. 54); дисл. Miðgarðr — Ásgarðr — Hel (Vǫluspá, Grímnismál); дс. middilgard (Heliand. 51; 495); да. middangeard (Cædmon’s Hymn. 7) см.: *Di Venosa E.* 2023, 115–116.

[26] О германской мифологеме мира (как «среднего огороженного пространства») и о его пространственных характеристиках см.: *Топорова Т.В.* 1994, 28–30, 46–47, 104.

[27] *Сазонова А.А.* 2022, 223, 229, 231 (перевод загадки).

[28] Для Киприана Карфагенского, епископа-мученика, Авель стал модельным образцом и протомучеником в период христианских гонений при императорах Деции и Валериане в 250–260-х гг. см.: *Unterseher L.* 2014, 62.

Смысл всех аспектов ветхозаветной истории о Каине до сих пор не разгадан[29]. Интерпретации, которые давали первые христианские философы и мыслители (Филон Александрийский), апологеты, святые богословы и отцы Церкви (Ефрем Сирин, Епифаний Кипрский, Амвросий, Августин), не смогли раскрыть подлинных глубин сюжета и дать ответы на главные вопросы, поэтому в апокрифах и через их осмысление раннесредневековыми читателями пытались заполнить лакуны и нащупать потаенные смыслы[30]. Так Альдхельм не сделал акцента на интригующие частности о проклятой каиновой метке и об орудии убийства (камень, кость от челюсти осла, овцы или верблюда) и не стал интерпретировать взаимоотношения Яхве с Каином, собственно причин преступления, проклятия и изгнания. Он выделил две смысловые линии — братоубийство с нечестивым пролитием родной крови и кровавый полив Каином семян греха в проклятой земле. Историю сыновей Адама и Евы англосакский монах рассказывает согласно тексту «Бытия» (жертвоприношения двух братьев, отверженный Богом Каин, убийство Авеля), почти идентично в поэтическом и прозаическом вариантах[31]. Авторское мастерство проявляется при определении главным лицом во фрагменте из трактата «О девственности» невинного Авеля (при второстепенной роли убийцы Каина — «a perfido et nefando fratre»). Позднее в стихотворной битве пороков с добродетелями фокус меняется, и активным (анти)героем становится «crudelis Cain», харак-

[29] Обзор «каиновской традиции» в христианской античной и раннесредневековой литературе см.: *Williams D.* 1982, 19–39. Из всех каноничных и апокрифических писаний выделяются сирийского происхождения «Деяния Фомы» (III. 32), в которых сам Сатана заявляет, что он был подстрекателем Каина на братоубийство, что именно из-за него земля была проклята и произросли «тернии и волчцы» греховного зла см.: Acts of Thomas. 2003, 92–93 (перевод и комментарий к сирийской версии апокрифа).

[30] На мой взгляд, фокус интерпретации Альдхельма в преступлении Каина на необратимых греховных изменениях в земном ландшафте свидетельствует о его глубоком знании разных экзегетических толкований этой темной библейской истории (о верификации мотиваций в апокрифах, патристике и иудейской пост-библейской литературе см.: *Kim A.* 2001; *Byron J.* 2011) и о его выборе не самого популярного комментаторского направления.

[31] DV. LIV: …spreto fraterni libaminis sacrificio rata et grata divinis conspectibus holocaustomata primus mortalium offerre promeruit et huius rei gratia a perfido et nefando fratre inextricabile germanitatis vinculum contra ius divinum et fas humanum rumpente crudeliter cruentatus; CDV. 2722–2724: Splendida germani disrupit foedera frater, // Pinquia qui primus combusserat exta bidentum, // Dispiciente Deo crudelis munera Cain.

теристика которого отсылает к топосу Гордыни (CDV. 2721: Sic quoque livoris tabo corruptus inormi).

На мой взгляд, у германского автора не просматривается связь с оппозицией Небесного Града Авеля и земного града Каина (как у Августина), для него через невинного Авеля в человеческий мир прообразами явились невинность и страдание, своей кровью предвосхищая жертву Искупителя[32]. Затем на примере Ламеха в трактате о библейской символике семеричного исчисления Альдхельм нагнетает тему божественного проклятия за пролитие родной крови, когда взваливает на невольного убийцу своего пращура греховную вину всего мира (AO 69)[33]. В этом фрагменте он поименно называет Каина и Ламеха (комментируя Быт. 4:24), а в «De octo principalibus vitiis» греховное зло эволюционирует в растительных метафорах на примерах Адама и Каина:

«Вырастает из этого корня гибельного ветвь зеленеющая,
И роща тьмы из саженца зловещего поднимается
(Nascitur atra frutex ex ista radice frondens
Et nemus umbrosum diro de semine surgit)»;

«Откуда дурной посев загустел злыми шипами,
Кровью пурпурной покуда нечестивец [Каин] поля окроплял
(Inde prava seges glitibus densescet acerbis,
Sanguine purpureo dum scaevus rura cruentat)»
(CDV. 2710–2711, 2721–2722; пер. А.А. Сазоновой).

И первородный грех и грех братоубийства связываются (помимо их неисправимости и невозможности искупить) через проклятие земли, которая становится полубесплодной для Адама после изгнания из Рая, а затем отказывается порождать что-либо для земледельца Каина, вынужденного стать странником и изгнанником по воле Бога. Зато на проклятой земле в бурный рост пошел урожай шипов чертополоха или горьких плодов терновника (glitibus acerbis), взошла темная поросль деревьев греха (nemus umbrosum) и пришло время для жуткой жатвы косой Сатаны (по загадке «Василиск»). Это стройное умозаключение

[32] DV. LIV: …ita per Abel insontem mitis innocentia et passio… praesignabatur… futuram in fine saeculorum pii redemptoris nostri passionem purpureo pretiosi sangvinis ostro praefiguravit.

[33] История о смерти Каина (и его убийстве Ламехом) была широко известна по апокрифам («Книга Адама и Евы», «Завещания двенадцати патриархов», «Книга Юбилеев»). Альдхельм мог ознакомиться с этими преданиями сначала во время школьного обучения у ирландца Майлдуба и после прибытия в Британию грека Теодора и африканца Адриана.

англосакского автора о произрастании зла в человеческом мире было выстроено на основе образов флорального прорастания грехов у Иоанна Кассиана (ок.360–ок.435) и Пруденция (348–ок.413).

Малмсберийский интеллектуал основывал свою концепцию восьми грехов на работах Кассиана «Собеседования» и «О постановлениях монастырских», которые были популярны среди ирландского монашества. Флоральная символика для грехов у марсельского богослова носит второстепенный характер, образы «пылающих шипов плотского вожделения», семян или корней, а также плодов греха, произрастание «из корня главного порока», развернутое описание по искоренению «вредного дерева» (начиная с подрезания корней) концентрируются в главах пятого собеседования[34]. Пруденцию была интересна в «Hamartigenia» инвертированная интерпретация о колючках и болоте к притче о жизненных путях двух братьев на развилке дорог[35]. Если на правом пути вся дорога была усеяна шипами и колючками (spinea silva sentibus), и надо было с великим трудом подниматься по каменистой тропе на гору, то левый путь вел по лужайкам и садовой прохладе (nemus umbriferum) пасторального пейзажа. Первый брат весь в колючках (squalentibus contentum spinis) полз вверх по гребню горной вершины, но его взгляд был обращен к звездам, а второй брат, идя по ровной дороге, неожиданно упал в грязное болото (in caenosas paludes). Флоральная образность христианского поэта о произрастании грехов на неплодородной почве, об урожае и корнях преступлений и о рассеивании семян зла внутри тела человека[36] получает свое продолжение у западносакского автора, но он не использует лексику Пруденция. При описании в «Психомахии» торжествующей на престоле христианской Премудрости (Sapientia) позднеантичный поэт сравнивает ее «скипетр лощенный — Древо живое» с цветоносным скипетром Аарона (Чис. 17:8)[37].

Личным воззрениям Альдхельма максимально, по моему мнению, соответствовали два смысловых акцента, которые расставил Пруденций в предисловии к истории о происхождении греха. Для христианского автора «Гамартигении» первое убийство в человеческом мире

[34] *Иоанн Кассиан.* 2020: Собеседования. V. 6; 10; 16; 20; 23.

[35] Ham. 789–801. Эта притча о выборе пути имеет смысловые параллели с видением небесных врат с широкими и узкими воротами из апокрифа «Завещание Авраама» см.: Апокрифические апокалипсисы. 2001, 169–171.

[36] Ham. 215–218; 258; 390–392.

[37] Psych. 878–887. *Пруденций.* 2012, 55.

становится *братоубийством*[38]. Пролитие же невинной крови Авеля и Христа сначала ознаменовало приход Смерти на землю, а затем крах ее власти над человечеством после жертвы Искупителя[39]. Марта Маламуд справедливо отмечает, что Пруденций усилил связь между земледелием Каина и землей, смертью и грехом, выбрав орудием братоубийства кривую мотыгу (sarculus), которой была сломана шея (или отрублена голова) Авеля[40]. Также Альдхельм не стал повторять художественную характеристику жестокого и кровавого Каина (Cain cruentus, unitatis invidus) из поэмы Пруденция (Ham., praef. 48–52), в которой его нечистое приношение Богу объединило падшую плоть и испорченную землю (cuius litamen sordet et terram sapit, terram caduci corporis, venam putrem).

Оба направления мыслей англосакского монаха о неизгладимом и неизбывном грехе Каина, по моей гипотезе, соответствовали политическим и религиозно-культурным реалиям его времени. Интерпретация ключевых моментов в биографии Альдхельма (обучение у Майлдуба и монашеский постриг) позволяет предполагать, что поступление в монастырскую школу ирландского миссионера (654/5) и принятие монашества (661) сочетало возрастные вехи для знатного юноши с громкими политическими катаклизмами в Уэссексе[41]. Юный Альдхельм был отправлен своей родней в лесной монастырь на границе Мерсии и земель западных саксов на пороге или в разгар мерсийско-нортумбрийской войны, когда на поле брани был убит мерсийский король Пенда (655), прежде политически доминировавший над сакскими и англскими соседями. На 661 год пришелся пик уэссекского сопротив-

[38] Первые строки произведения и финальная строка предисловия отсылают к преступной фигуре Каина: Ham., praef. 1–2: Fratres ephebi fossor et pastor duo, // quos feminarum prima primos procreat; 14–15: parricidalem manum frater; 33: quis fratricida; 63: Cain triumphat morte fratris halitus.

[39] Третье заимствование (разделенный на трое язык хелидра, что повторялось несколько раз у Альдхельма) — это «расщепление» языка у падшего ангела Люцифера в момент его перерождения в Сатану, называемое первоисточником греха и зла (Ham. 200–204), а затем как пример с трехязычной головой пожираемого самца гадюки (Ham. 587–588: caput inserit ille trilingue). Четвертым заимствованием стала тема разрыва падшим Люцифером установленных связей в мироздании (Ham. 236–238).

[40] *Prudentius.* 2011, 3–4. Исследовательница проводит параллель с убийством Ромулом Рема (киркой) в интерпретации Овидия.

[41] До этих событий в 640-х гг. королевская династия Уэссекса погрязла во внутрисемейных распрях, а часть королевства западных саксов подверглась мерсийской оккупации.

ления мерсийскому вторжению короля Вулфхера, погибли ближайшие родичи (и соправители) западносакского короля Кенваллы.

По своему происхождению Альдхельм был связан с королевским родом (по моей версии по женской линии), его семья могла потерять своих мужских представителей (и заметно обезлюдить в войны и эпидемии) как до его рождения в связи со смертью королевского соправителя Квихельма, так и в годы активных военных действий против мерсийцев и бриттов в 640–660-х гг. Поэтому образовательный и религиозный выбор Альдхельма мог в обоих случаях происходить под сильным политическим нажимом. Избрание церковной стези могло свидетельствовать об отказе знатного студента от мирской карьеры и военной службы, о его неприятии кровавой внутриродовой борьбы за власть. Уже в зрелом возрасте Альдхельм, став настоятелем и видным церковным деятелем, мог осуждать в 670–680-х гг. своих родственников-этелингов за ожесточенную междоусобицу и оценивать ее как братоубийство, умножающее гибель знатных и простых людей. Трансфер личного опыта и семейной трагедии на историю Каина и Авеля мог сопровождаться у малмсберийского интеллектуала переносом варварских свойств человеческой натуры на природный ландшафт, особенности которого наделялись глубинными архетипами древнегерманского мировосприятия. Роль сыграл и религиозный фактор христианского неофитства[42]. Малмсберийский монах, живший в окружении реликтового Селвудского леса и разветвленной водяной сети рек и водоемов, как тесно связанный со своей землей-кормилицей, мог в острой форме эмоционально переживать пограничное состояние между обжитым монастырским мирком и диким природным пространством как проживание на пугающем лимесе цивилизации и варварства[43].

На риторическом уровне своего нарратива скрытую обеспокоенность треволнениями социальной и политической жизни Альдхельм образно выразил через нарушение человеческих запретов и божественных установлений, через разрыв нерушимого и превозмогание непреложного. Это относилось к убийству Авеля, чья кровь была жестоко пролита вероломным и нечестивым братом, который против божественного закона и человеческого обычая разорвал *неразрывную связь*

[42] Так Г. Виланд проводит личные и исторические параллели между Альдхельмом и Пруденцием на фоне торжества христианства при императоре Феодосии и после римской христианизации Британии в 597 г. см.: *Wieland G.* 1986, 86–87.

[43] О понимании феномена пограничья в историческом и метафизическом смысле см.: *Буданова В.П.* 2015, 14–17.

родства — этот прекрасный союз (DV. LIV: … a perfido et nefando fratre *inextricabile germanitatis vinculum* contra ius divinum et fas humanum rumpente crudeliter cruentatus; CDV. 2722–2724: Splendida germani disrupit foedera frater, // … crudelis munera Cain). Поэтому совсем неслучайно Альдхельм вводит эту тему в разбираемые фрагменты обоих гисперийских посланий. В первом случае он предостерегает любознательного студента от пренебрежения непреложными нормами (непререкаемыми предписаниями) Святого Писания — «необработанного и старинного пособия» (Absurdum enim arbitror, spreta rudis ac veteris instrumenti inextricabili norma)[44], во втором случае речь идет о неизбывном грехе первозданных Адама и Евы (ob inextricabile sons protopla(u)storum) и о такого же масштаба грехе древних — Каина и Ламеха (piaculum priscorumque). Очевидно, что тема «inextricabilis» (как неразрывности, нерушимости, безвыходности и запутанности) была важна лично для англосакского монаха, она была созвучна общему древнегерманскому настроению, уводящему в темные глубины подсознательных страхов и ужасов.

Люцифер и Каин разорвали на небесах и на земле священные и нерушимые связи крови и единения с Господом. Из их преступлений произошло все мировое зло и проросли все человеческие грехи, но, по-видимому, Альдхельм выделяет основные характеристики людского зла из описания Каина — это грех гордыни и зависти (как у Сатаны), вероломное предательство и жестокость, нечестие и братоубийство. За свое преступление Каин расплачивается изгнанием и вечными скитаниями (а в финале смертью от руки потомка), а первомученик Авель становится по апокрифу «Завещание Авраама» небесным судией над душами грешников[45]. Божье проклятие Каину (подобно тому, как Господь проклял Змия) записано на небесных скрижалях по апокрифической «Книге Юбилеев»[46]. Чтобы перечеркнуть и отменить весь греховный генезис человечества, необходимо превозмочь саму Смерть (повергнуть и запереть в Ад-Тартар Сатану в его змеиной форме хе-

[44] Альдхельм регулярно использует *rudis* как Новый Завет, новая Римская церковь. Источником для этого мог послужить фрагмент из «Carmen Paschale» Седулия (I. 142), глоссированный, например, по ворчестерской рукописи X века см.: *Wieland G.* 1985, 155–156.

[45] Восседал он в окружении ангелов, два из которых вели записи добродетелей и грехов людских в небесные скрижали, третий взвешивал души на весах, а четвертый испытывал их огнем из трубы см.: Апокрифические апокалипсисы. 2001, 171–174.

[46] Ветхозаветные апокрифы. 2009, 131–133.

лидра или натрикса)[47], стереть запись о первогрехах[48] (как можно интерпретировать) из книги небесного грехописца Еноха и искупить все грехи людские на земле. И сделать это возможно лишь через жертву Спасителя. Можно было ожидать, что мученическая кровь Авеля станет противодействием для последствий братоубийственного греха, но у Альдхельма земля, впитавшая его кровь, порождает лишь тернии новых грехов, подобно проросшим деревьям грехов после преступления Адама. Такая трактовка будет воспринята и продолжена в средневековой культуре англосаксов, в которой также востребуется тематическая линия о потомках Каина по крови (монстрах и чудовищах) и о его духовных детях — преступниках и грешниках. В поэме «Беовульф» каиниты Грендель и его чудовищная мать преступают через библейское табуирование крови, они предаются каннибализму, поедая человеческую плоть и выпивая кровь.

Таким образом, кровь Авеля напрямую связывается со смертью и злом, жестокостью и предательством, братоубийством и изгнанием, становясь корнем всех грехов после впитывания ее проклятой землей. В своих сочинениях Альдхельм проявляет повышенный интерес к теме крови, хотя кровавая кровожадность пиявки и скинифов, страдательность раздираемого дракона (из одноименных загадок) и описания кровавых мученичеств героев «De laude virginitatis» являются содержательно оправданными. На мой взгляд, такой акцент на теме крови подпитывался древнегерманской культурной матрицей, которая тематически раскрывалась в языческих и христианских заговорах[49]. Другая аналогия связывает, по моей гипотезе, триггерную функцию пролития крови Авеля на землю с исходом финального поединка Антихриста с Илией в древневерхненемецкой поэме «Муспилли» (Musp. 48–57), баварского происхождения[50]. Небесный поединщик получает от воина

---

[47] Ep. ad Ehfridum: …luridum qui linguis celydrum trisulcis rancida virulentaque vomentem per aevum venena torrentia tetrae tortionis in tartara trusit. AO 69: …praesignata saeculis redemptoris nostri nativitas dirae mortis imperium conquassans disrupit, confregit, extinxit et in tartara trusit. В апокрифе «Евангелие Никодима» описывается нисхождение Иисуса в Ад и победа над Смертью см.: Новозаветные апокрифы. 2009, 161–163.

[48] Ep. ad Ehfridum: …ob inextricabile sons protopla(u)storum piaculum priscorumque cirografum oblitteraturum terris tantundem… Та же парность в стихотворной форме, где присутствуют неназванный Адам и Каин (CDV. 2710–2729).

[49] *Топорова Т.В.* 1996, 128–129, 131–133.

[50] Фрагмент эсхатологической поэмы «Муспилли», состоящей из архаи-

Сатаны (смертельное) ранение, его кровь проливается на землю (Musp. 50–51: so daz Eliases pluot in erda kitriufit, so inprinnant die perga…) и запускает апокалиптические ужасы всех природных разрушений на земле и небе, после чего возвестят о приходе Конца Света и Страшного Суда — *Muspilli*[51]. Конечно, анонимный южногерманский автор VIII в. мог оперировать тем же кругом апокрифических сочинений[52], которые были известны в Ирландии и Британии времен Альдхельма[53], но дополнительно вероятно и то, что он был знаком с сочинениями малмсберийца, завезенными на континент англосакскими миссионерами в VIII веке.

Исследователи отмечают общее влияние трудов западносакского автора на ученых англосаксов последующих поколений, престижную моду на имитацию альдхельмианского стиля в англо-латинской словесности. Всегда остро стоял вопрос об изучении конкретных заимствований (а не в форме реминисценций) из Альдхельма в древнеан-

---

ческого сказания и более позднего «юридического» обрамления, сохранился в рукописи IX века. В традиционном прочтении полагают, что кровь Илии, проливаясь на землю, подожгла ее. Эту интерпретацию подтверждает вестготский источник VIII в., в тексте которого пламя Судного Дня возгорается из пролитой крови пророков (de sanguine Enoc et Elie exurget flama) см.: *Di Venosa E.* 2023, 40.

[51] В каноническом Апокалипсисе (Откр. 11:3–13) после того, как сняли печати и Ангелы вострубили, описываются два неназванных пророка, которых убьет Зверь из Бездны, но которые будут оживлены и вознесены на небо, что вызовет великое землетрясение на земле. У Тертуллиана (De anima. L. 5) Енох и Илия обезвредили «своей кровью антихриста» (Enoch et Helias … antichristum sanguine suo extinguant) см.: *Тертуллиан.* 2004, 125, 227–228.

[52] Апокрифические сведения (по «Книге Еноха» и «Книге Юбилеев», «Книге Иосифа Плотника» и «Евангелию от Никодима») об Илие и Енохе, телесно вознесенных в рай, об их роли в финальной битве перед Апокалипсисом см.: Ветхозаветные апокрифы. 2009, 134–135; Новозаветные апокрифы. 2009, 128–130; 165–166. В средневековые ирландские сборники апокрифов входили «The Two Sorrows of the Kingdom of Heaven», «Gospel of Nicodemus» и «Antichrist», содержащие сведения об этих противниках Антихриста, см.: Irish Biblical Apocrypha. 1989, 19–21; 86; 149–150.

[53] Ирландские книжники проявляли интерес к истории Каина, к темным эпизодам и значимым подробностям, по-своему истолковывая их. Так в апокрифе «Адам и его потомки» дается ученый комментарий о том, что камни перестали расти с тех пор, как на них упали капли крови Авеля (как вариант к избранной Альдхельмом версии о прорастании грехов на запятнанной и проклятой земле) см.: Irish Biblical Apocrypha. 1989, 17–18, 167.

глийскую литературу, так как несомненных примеров этому находилось не много[54]. Статья Ч. Райта интересна тем, что автор исследовал растительную метафору зла в поэмах «Genesis A» и «Maxims I» и определил в качестве ее несомненного источника «De octo uitiis principalibus»[55], а также смог «флорально» проиллюстрировать сюжет о преступлении Каина в рукописной традиции на примере миниатюры с прорастающим кустарником на окропленной кровью Авеля земле (Old English Hexateuch 2/4 XI в., British Library, MS Cotton Claudius B. IV, f. 8v.)[56]. Верифицируя на древнеанглийском материале августиновский архетип братоубийства и традиционные для христианского богословия и иконографии образы дерева грехов, Ч. Райт отмечает явную необычность концепции о произрастании зла из крови Авеля у Альдхельма даже на фоне темы бесплодности земли в ирландской и англосаксонской книжных культурах[57]. Тем более что иной вариант представлен в древнеанглийской поэме об апостоле Андрее (Andreas. 1448–1449), на мученической крови которого выросли «райские» цветущие деревья[58].

Анонимные авторы древнеанглийских поэм (предположительно, современники западносакского интеллектуала) комплексно осмысляли нюансы и глубины сюжетной интерпретации Альдхельма (братоубийство, кровь на земле, флоральное прорастание зла), вербально проговорив главную недосказанность малмсберийского монаха о греховных побегах каиновского преступления в современном мире[59]. Политизация библейского топоса братоубийства позволяла рассматривать грех Каи-

---

[54] О загадке «Броня–Лорика», переведенной на древнеанглийский язык см.: *Сазонова А.А.* 2018, 201–205.

[55] *Wright Ch.* 1996, 14–17. В анализе нарратива Альдхельма автор статьи ограничивается одним эпизодом (CDV. 2499–2500, 2710–2719). Гиперкритический настрой сочинителя «Максим» накладывается на латинские характеристики *prava seges* (раздоры, клевета, предательство) из описания главного из восьми грехов Гордыни в «Похвале девственности». Вся третья часть (C) Экзетерских Максим посвящена описанию социального одиночества и изоляции человека во враждебном мире см.: *Williamson C.* 2017, 492–495.

[56] *Wright Ch.* 1996, 17–18. *Broderick H.* 2017, 78 (Fig. 1).

[57] *Wright Ch.* 1996, 9–12.

[58] *Kabir A.J.* 2004, 141, 159–160.

[59] Перевод Ч. Райта (Genesis A. 985b–995a): «The earth swallowed the gore of slaughter, the blood of that man. After the deadly blow malice was raised up, the fruit of miseries. From that stem afterwards grew wicked and savage fruit, the longer the more vigorously. Branches of crime spread widely through the nations, the twigs of sorrow struck the sons of men hard and sorely (as they still do), from which broad leaves of every kind of wickedness began to sprout» см.: *Wright Ch.* 1996, 7.

на как духовный источник всей злобы и насилия среди людей (вечное зло)[60], связывая его вслед за Климентом Римским с ревностью и завистью, распрями и смутами, гонениями и войнами[61]. Эта социальная сила человеческой деструкции была направлена как на отдельных людей, так носила и антиобщественный характер, концентрируя в себе варварское начало и противостоя христианской цивилизации.

Дерево проклятых и locus horridus для преступников, маргиналов и чудовищ

Художественное содержание первой половины энигмы «Тис» отсылает у Альдхельма к упоминаниям этого опасного дерева в произведениях Вергилия (Georg. II. 113: amat … Aquilonem et frigora taxi; 257: taxique nocentes)[62]. В римском литературном антураже Цирций, Борей и Кавр противоборствуют с двоящимся образом дерева-человека, чей густой покров подобен зеленым кудрям (virides crines) на облиственном теле (frondenti in corpore), а сильные ветра пытаются ободрать вечнозеленую листву, в которую он закутался как плащом (tegmine spisso), подобно тому, как обнажают человеку его чело (варианты — deglobere frontem / frondem)[63]. Вторая половина загадки посвящена ядовитым свойствам тисовых листьев, а в энигме «Свиноматка» подтверждается вредоносность тиса, чьи плоды отказывается поедать свинья[64].

---

[60] *Wright Ch.* 1996, 17. Автор приводит перевод Т. Шиппи для спорного фрагмента поэмы (Maxims I. 192–200): «A state of violence came into being for the race of men, from the moment when the earth swallowed the blood of Abel. That was no one-day disturbance; from the blooddrops of that crime there sprang far and wide great wickedness for men, inextricable hatred and evil for many peoples. It was known everywhere after that that an eternal hatred was afflicting men. So the inhabitants of the earth endured the clash of weapons widely through the world, inventing and tempering wounding swords» см.: *Wright Ch.* 1996, 12–13.

[61] *Williams D.* 1982, 23, 104 (*Clementis.* Epistola ad Corinthios I. III–IV).

[62] *Verg.* Georg. II. 448; IV. 47; Ecl. IX. 30.

[63] Даже первую половину латинской энигмы можно рассматривать в контексте «арбореального антропогенеза» древних германцев, что раскрывалось на скандинавском материале (разделы «Tree people in Old Norse poetry», «Arboreal anthropogonies», «Dendroid bodies in early medieval England») см.: *Bintley M.* 2015, 129–146.

[64] Для человека и животных отравления тисовыми листьями, корой, древесиной и опилками чрезвычайно опасны. Семена тиса также смертельно ядовиты для человека, но мякоть ярко-красной шишкоягоды сладкая и приятная на вкус.

Ягодный тис (*Taxus baccata*) с красновато-серой корой, вечнозеленой кроной из густой хвои с красными мясистыми ягодами произрастал как на континенте, в местах обитания англов и саксов, так и в Британии[65]. Он исторически ценился у индоевропейцев за свою древесину в домостроительстве, как материал для изготовления луков, щитов и копий и как лекарственное средство. Античные культурные коннотации связывали его с миром мертвых: тисовый факел Фурий и погребальный венок жрецов, тисовый яд и как дерево смерти по дороге в царство Дита у Овидия:

> «Есть по наклону тропа, затененная тисом зловещим,
> (Est via declivis, funesta nubila taxo)
> К адским жилищам она по немому уводит безлюдью.
> Медленный Стикс испаряет туман; и новые тени
> Там спускаются вниз и призраки непогребенных»
> (Met. IV. 432–435; пер. С. Шервинского).

Подробная характеристика зловещих свойств тисового дерева в латинской литературе не сохранилась, но источник античных представлений восходил к общеиндоевропейской традиции почитания вечнозеленого тиса как священного дерева[66]. Очевидно, что осознавать исключительное долголетие тиса (оцениваемое в несколько тысячелетий) люди древности и средних веков не могли, но одни и те же древние тисы были центрами ландшафтного притяжения в Англии с доримского периода до конца средневековья. Во времена Альдхельма ягодный тис был широко распространен в Британии и Ирландии,

---

[65] Об островной традиции англосаксов проводить общественные собрания (сотен) около достопамятных деревьев (как например, Augustine's Oak, Apostle's Oak, Leaxa's oak, Ippa's birch, Tateman's apple-tree, Weocca's thorn) см.: *Bintley M.* 2015, 70–75. Магическая значимость этого дерева нашла отражение в руне *тис* (наряду с рунами *дуба*, *ясеня* и *березы*) по древнеанглийскому рунному алфавиту см.: *Cusack C.* 2011, 128.

[66] Об этимологии двух наименований тиса см.: *Mallory J., Adams D.* 1997, 654–655. Об индоевропейских этимологиях «тиса», о роли дерева в хеттском мифе и ритуале см.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* 1998, 628–631 (двн. īwa, īga; да. īw, ēow, īh, ēoh; лат. taxus). О локальных вариантах Мирового Древа, в качестве которого мог выступать вечнозеленый с красноватой корой тис см.: *Топоров В.Н.* 2010, 296–299. Об апотропейных свойствах тиса у славянских народов, о сербском поверье, по которому тис являлся осью мира, соединяющей небо и подземный мир, о гробовой символике тисовой кровати в «Слове о полку Игореве» см.: *Агапкина Т.А.* 2012, 269–270.

он произрастал не только одиночными деревьями, но целыми лесами[67]. Единственным природным ограничением его среды обитания была заболоченная местность.

Для создания зловещего ореола смерти вокруг тиса уэссекский монах развил тему пожирания жадными обжорами отравленных ветвей[68], то есть хвойных листьев и плодов, что приводило людей к неминуемой гибели[69]. Таким образом, было дано максимально смягченное объяснение для архетипической картины рокового дерева и многочисленных трупов в его тени. По моему мнению, энигма Альдхельма на мифопоэтическом уровне отсылает к его апокрифическим представлениям о дереве грехов на проклятой земле, которое в древнегерманской культурной парадигме становилось теневым двойником (или зловещей ипостасью) Иггдрасиля как Мирового Дерева[70]. Как можно предполагать, в судебной и культовой практике язычников-англосаксов, помимо правовых форм кровной мести и изгнания, под тисовой кроной проводили публичные казни, а на ветвях дерева посвящали человеческие жертвоприношения из числа военнопленных. По всей видимости, священное дерево из Уппсалы было тисом, так как по описанию оно раскидистое и вечнозеленое[71].

---

[67] В средневековье старые тисовые деревья по всей Европе масштабно вырубались для изготовления длинных луков, сохранился лишь один реликтовый тисовый лес в Англии (Kingley Vale, West Sussex). В Уилтшире (и по всему Уэссексу) встречаются одиночные древние тисы, ближайшие находятся южнее Малмсбери, поблизости от природного парка Сайренчестера (Hailey Wood and Tarlton) см.: поиск по карте «Ancient Yew Group». По-видимому, табуированность для упоминаний тисовых деревьев привела к тому, что топонимические данные о них редки (как пример, три случая по грамотам граничащего с Малмсбери Западного Мидланда см.: *Hooke D.* 1981, 173, 378, Table 3; для всех английских земель лишь десять записей см.: *Hooke D.* 2010, 168). Карта тисовых топонимов и материала хартий для Южной и Западной Британии см.: *Hooke D.* 2010, 206–211.

[68] Enigm. LXIX. 6–8: Cumque *venenatus* glescit de corpore stipes, // *Lurcones* rabidi quem carpunt rictibus oris, // Occido mandentum mox plura *cadavera* leto.

[69] Такая интерпретация Альдхельма исключала намек на германскую и кельтскую практику самоубийств тисовым ядом (по свидетельствам Юлия Цезаря и Тацита).

[70] О редкости для Arbor Mundi вариантов «древа зла», «древа смерти», «древа подземного царства» см.: *Топоров В.Н.* 1991, 398.

[71] *Адам Бременский.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви. IV. 27: Жертвоприношение происходит следующим образом: из всей живности мужского пола в жертву приносят девять голов; считается, что их кровь должна умило-

По моей гипотезе, в латинском нарративе малмсберийца (на примере выросших деревьев греха после грехопадения Адама, флорального произрастания зла из крови Авеля и загадки «Тис») впервые проявились древнегерманские представления о Дереве Мертвых, Проклятых и Висельников, соединяя сакральное самозаклание Одина на Иггдрасиле и апокрифическое кривое дерево Каина, принесение кровавых жертвоприношений язычниками и казни за тяжкие преступления[72]. Эта англосаксонская традиция получит продолжение в Новом Свете, где на Диком Западе появятся свои Древа Мертвых, увешанные трупами преступников. Вероятно, в энигме Альдхельм не случайно развил ветряную тему Вергилия (с упоминанием Аквилона), латентно отсылая к ветреному и висельному эпитетам Иггдрасиля (др.-исл. vindgameiðr), подчеркивая лиминальный характер «виселицы дерева» (др.-исл. gálgviðr)[73].

стивить богов. А тела этих животных развешивают в ближайшей к храму роще. Эта роща столь священна для язычников, что даже деревья её, согласно поверью, становятся божественными благодаря смерти и разложению жертв. Схолия 138 (134): Около этого храма растёт большое дерево с раскидистыми ветвями, вечно зелёное и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева. Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, бросая туда живого человека; если тот не всплывает, то это значит, что желание народа осуществится (см.: *Адам Бременский*. 2011, 108–109, 128–129).

[72] В апокрифе «Откровение Пресвятой Богородицы (О наказаниях)» архистратиг Михаил показывает Богородице в аду железное древо с железными ветвями, на котором за языки висело множество мужчин и женщин, караемых так вечно за клятвопреступления, клевету и злоречие (см.: Апокрифические апокалипсисы. 2001, 243), что соответствует перечисленным Альдхельмом грехам, порождаемым Гордыней.

[73] *Топорова Т.В.* 2021, 265–266 (дословный перевод Т.В. Топоровой (Речи Высокого. 138): Знаю, висел я на ветреном дереве / все девять ночей, / пронзённый копьём, посвящённый Одину, / в жертву самому себе), 270, 352 (об идее *кривизны*, связующей дрожание-колыхание Мирового Древа в Рагнарек и покачивание на axis mundi тела Одина). «В данном контексте глубоко символична кривизна основной вертикали мира Иггдрасиля; она объясняется мифопоэтическими представлениями о максимальной активизации сил хаоса, угрожающих космосу в один из ключевых моментов его развития — при инициации Одина» см.: *Топорова Т.В.* 1994, 32. На табуированность названия дерева указывают последние слова Одина «…на том дереве, о котором никто не знает, // от каких оно корней происходит» см.: *Топорова Т.В.* 2020, 39. Кеннинг для виселицы — varg-tré «преступника дерево» (Речи Высокого. 157) см.: *Топорова Т.В.* 2007, 301.

«Вечнозеленый имею покров на листвой одетом теле,
Ни за какой срок не буду лишен я сени густой,
Сколько бы Цирций и Борей и порывы Кавра
С устрашающей силой не старались содрать листья;
Но меня смертоносным судьба сделала для преступников.
Как бы на древе не распускалась отравленная ветвь,
Которую обжоры неутолимые поглощают зевами глоток,
Повергаю жующих затем смертью во множество трупов».
(Enigm. LXIX. Тис; пер. А.А. Сазоновой)

Несомненной целью малмсберийского автора было затенить языческий характер своей энигмы, поэтому центральная фраза загадки (5: Sed me pestiferam fecerunt fata reorum) вызывала трудности прочтения у средневековых переписчиков (fata reorum/ fata rerum) и разночтения в интерпретации у переводчиков[74]. Альдхельм продемонстрировал свою поэтическую искусность, когда буквально следовал этимологии тиса из Исидора Севильского (Etym. XVII. VII, 40: Taxus venenata arbor, unde et toxica venena exprimuntur) и вслед за вестготским епископом обратился к реминисценциям из Вергилия (но другим, не про парфянские луки), однако сделал смысловой акцент на умирающих под деревом. Англосакский автор назвал этих отравленных обжорами (*lurcones*), исключая криминальный характер странной ситуации с объеданием дерева людьми. Возможно, играя словами, он отсылал к опасным врагам странствующих гисперийцев — коварным шайкам разбойников на дороге (HF. 573: quidam furifundus armatorum *latrunculus*)[75]. Таким образом, на разных уровнях смысловых отсылок: по ученой этимологии (taxus — toxica) и через значимый образ врага в гисперийской культуре (toxicus latrunculus — cadavera), по натуралистическому

[74] Для загадок Альдхельма *fata rerum* является устойчивым выражением, но прочтение «me pestiferam fecerunt… reorum» соответствует интерпретации о карающей функции тиса для преступников (как место их сакральной казни), вариант с чтением *fata reorum* как «проклятия виновных» дает более узкое толкование для магически-вербального происхождения вредоносности тиса.

[75] Одно из «Гисперийских речений» посвящено описанию битвы, в которой шайка разбойников (вполне реалистично) перебила напавших на нее местных жителей: «Пока разбойничья шайка смертоносная мощью боевой разбивает отряд напавший, // С трупов мертвых снимают <победители> одежд груды» (HF. 608–609: dum *toxicus* irruentem certandi robore frangit *latrunculus* phalangem. // *mortifera* spoliant vestium strue *cadavera*). В качестве синонима гисперийские студенты использовали *atroces predones* (свирепые грабители) для городских разбойников (HF. 352).

описанию тисовой рощи (nemus umbrosum)[76], где в тени густой кроны ничего не произрастает, Альдхельм в рамках своего герметического стиля дает яркий пример *поэтики недосказанности* вокруг ландшафтной вертикали тиса.

«Был там священный лес, он веками стоял, нерушимый,
И под сплетеньем ветвей царили густые потемки;
405: Был этот сумрачный лес окроплен человеческой кровью;
419–421: Будто сгибалися вдруг и вновь выпрямлялись деревья
(et procumbentis iterum consurgere **taxos**),
Будто без искры огня пожаром светилась дубрава,
И копошились везде, дубы обвивая, драконы
(roboraque amplexos circum fluxisse dracones)»
(*Лукан.* Фарсалия. III. 399–400. Пер. Л.Е. Остроумова).

Западносакский монах был знаком с кельтскими традициями почитания и поругания священных деревьев. Первым его источником являлась «Фарсалия» Лукана (III. 399–445) с описанием священной рощи под Массилией, которую приказал срубить Цезарь для нужд военной фортификации[77]. Рассказы о выкорчевывании языческих святынь ирландскими христианами Альдхельм мог слышать от наставника Майлдуба, современника первого из падений священных деревьев[78]. По моему предположению, монах-философ Майлдуб являлся выходцем из южноирландского клира, который в 636 г. принял римское исчисление Пасхи. Одним из авторитетных священнослужителей Южной Ирландии был святой Лашрен (Молаше), умерший в 639 году. В его житии повествуется о святом подвиге, который он совершил с помощью молитвенного поста, когда получил для постройки монастырей священный тис Эо Росса, одно из пяти сакральных деревьев Ирландии[79].

---

[76] Следует отметить, что лат. *nemus* относится к древнеиндоевропейской лексике сакральной сферы — **nemes* как «священная роща» (дирл. *nemed*, дс. *nimidas*), в кельтских топонимах Aquae Arnemetiae, Vernemetis, Drunemeton см.: *Mallory J., Adams D.* 1997, 248.

[77] *Лукан.* 1993, 61–63.

[78] Четыре из пяти этих деревьев были повалены в 660-х гг. (см.: *Бондаренко Г.В.* 2003, 270–272, 307), когда Альдхельм стал монахом в обители Майлдуба. Младший современник малмсберийца и выходец из Уэссекса Винфрид-Бонифаций во время миссионерской деятельности в Гессене (723) срубил знаменитый дуб Донара (дуб Юпитера в Гесмере) и использовал его древесину для строительства церкви см.: *Cusack C.* 2011, 94–101.

[79] Об Эо Росса и святом Лашрене, о тисовом щите и о тисе в ирландских

Художественные образы проклятого дерева Альдхельма «проросли» в древнеанглийской поэзии. Так в первой части поэмы «Бытие», посвященной падению Сатаны и грехопадению прародителей, было представлено апокрифическое описание двух райских деревьев — Древа Жизни и Древа Смерти (226–259)[80]. Обернувшись змием, дьявол пытается соблазнить Адама плодом с Древа Пагубного (243–245): «Древо второе / мрачно произрастало, // Черно и смутно / смертное древо, // печалью отягощенное; (409–411) Людей это дерево / плодами, напоенными // Горечью погибельной, / господом проклятыми, — // это древо смерти / запретно было»[81]. Подобная характеристика для райской яблони с ее проклятым и ужасным плодом, несомненно, литературно происходила из загадки «Яблоня», в которой Альдхельм сформулировал основные направления для художественного осмысления в древнеанглийской словесности образов Крестного Древа — амбивалентность яблони (причины грехопадения и как яблоневый крест Спасителя) и ее плодов (dulcia mala). В древнеанглийском «Заклинании девяти трав» (31–35), где синтезированы языческие и христианские традиции, против ядовитого змея в доме добавляется яблоко в качестве действенного оберега, после того как Водан разъял змея на девять частей[82]. Общий настрой «Яблони» у малмсберийца радостный, а страшное описание Древа Смерти в «Genesis B» более соответствует мрачному контексту «Тиса»[83]. Каменные памятники-кресты англосаксов как сакральные горизонтали социального и природного ландшафта объединили германскую традицию почитания священных деревьев и языческих идо-

---

апокрифах см.: *Бондаренко Г.В.* 2003, 223, 228–229, 238, 241, 246–251, 277–288, 309–311, 322–323, 340–355 (анализ агиографии); *Bondarenko Gr.* 2014, 69–76.

[80] «Темное» видение райского Дерева Знания как Древа Смерти по апокрифам и у христианских мыслителей см.: *Grimes J.* 2013, 314–315. Для сравнения в апокрифическом «Откровении Павла» оба райских дерева (Древо Познания Добра и Зла и Древо Жизни) вызывают благоговейное восхищение у визионера Павла см.: Апокрифические апокалипсисы. 2001, 233–234.

[81] Древнеанглийская поэзия. 1982, 110, 120.

[82] *Топорова Т.В.* 1996, 145.

[83] Дерево Знания само становится Злом (а не просто знанием о зле), шесть раз оно называется Древом Смерти (deaðes beam) см.: *Grimes J.* 2013, 316. «Genesis A» повторяет и развивает символику греховных ветвей (Альдхельма) в истории Каина и Авеля, называя их «ветвями зла» см.: *Grimes J.* 2013, 325–326. Гностические изречения «Евангелия Филиппа» (§ 84, 92, 94, 123) можно рассматривать как мозаичные и энигматические высказывания о райских деревьях см.: Апокрифы древних христиан. 1989, 286–288, 293–294.

лов-столбов с христианской традицией декорированных изваяний Крестного Древа[84].

Третьей частью в реконструируемом ландшафте зла Альдхельма стала водная стихия, принявшая в природном мире риторического нарратива у островного германца форму *болота* (лат. palus; stagnum; lacuna)[85]. В посланиях сформулирован весь комплекс болотных представлений и ассоциаций малмсберийца[86]. Это противопоставление чистых вод тухлым болотным влагам и морской грязи, обиталищам зловещих жаб и лягушек, это маргинализация *топких окраин*, опасного пограничья для оцивилизованного человеком мира, и в-третьих, это придание Сатане облика водяного змея (натрикса и хелидра), изрыгающего зловонный яд. Лексическое использование Альдхельмом терминологии с болотной семантикой (palus; paluster; stagnum) является по смыслу оправданным, называя болото частью природного ландшафта (местожительство для пиявки и черепахи) и следуя вергилиевскому описанию Тартара для Стигийского болота (в энигме «Арктур»). Англосакский гисперист не использует болотную лексику «Hisperica Famina» (limus, limosus, luteus), которая определяет *болото* как «грязь, ил, тину, нечистоты». Хотя в сотой энигме «De natura» он описывает самое отвратительное на земле — вонючую и гниющую грязь, червей и слизней (Enigm. C. 17; 36–37), а самым страшным и мрачным местом ожидаемо становится Тартар (Enigm. C. 22).

По моей гипотезе, в своем латинском нарративе Альдхельм первым на Британских островах художественно осмыслил англосаксонский ***locus horridus*** как **болото**. Его высказывания об этом фрагментарны, их тональность скачет от язвительного юмора про лягв до библейского контекста с водно-змеиным обликом Сатаны. И такая ситуация, на мой взгляд, закономерна, при всей значимости болотного локуса в древнегерманской мифологии и языческом культе (как водоема со стоячей водой, места утопленных жертвоприношений, прохода

---

[84] *Bintley M.* 2015, 100–123 (раздел «The Sandbach crosses and the Junius manuscript»).

[85] Об этимологиях «моря» и водоемов со стоячей водой см.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* 1998, 671–673.

[86] Ep. ad Wihtfridum: … aporriatis vitreorum fontium limpidis laticibus palustres pontias lutulentasque limphas siticulose potare, in quis atra bufonum turma catervatim scatet atque garrulitas ranarum crepitans coaxat (AO 479); Ep. ad Ehfridum: … luridum qui linguis celydrum trisulcis rancida virulentaque vomentem per aevum venena torrentia tetrae tortionis in tartara trusit et, ubi pridem ciusdem nefandae natricis ermula… (AO 489).

в Мир Мертвых) в сохранившихся художественных текстах на древнегерманских языках болото редко называется (Musp. 53: muor)[87], оно фигурирует как *грязь* (дисл. aurr)[88]. Все это позволяет предполагать, что первоначально в мифопоэтической традиции *болото* относилось к числу табуированных понятий у германцев.

В энигматическом цикле Альдхельма выделяются в отдельную группу «водные» загадки. Это свидетельствует о его исключительно глубоком понимании мифологических основ древнегерманской культуры, в которой водная стихия признается амбивалентной в заговорной модели мира как космическая первоматерия и как прибежище для злых сил[89]. Возможно, болото ассоциировалось с мертвой водой (как антитезой для «живой воды» проточных вод), что вновь отсылало к оппозиции *locus amoenus* и *locus horridus* (на примерах квазирайского ландшафта в «Фениксе» и описания райского Древа Смерти в «Бытие»; да. neorxnawang — рай как «зеленый луг»), в противопоставлении которых последний рассматривается обычно как инверсия к идеальному пейзажу[90]. На мой взгляд, в оценке германского locus horridus более значима и первична связь болот с «влажной дорогой» в Нижний мир, к такому же выводу на римском материале для locus horridus в античной литературе приходит О.В. Бударагина[91].

---

[87] Показательным примером является включение *болота* (Musp. 53: muor varsuuilhit sih) в каталог гибнущих природных ландшафтов во время вселенского Конца Света (Musp. 51–55), когда будут гореть горы, повалятся все деревья, реки высохнут, **болото поглотит себя**, небо будет в огне, луна упадет и весь мир сгорит, не устоит камень.

[88] В монографии дается анализ водной лексики, в большинстве случаев в «Старшей Эдде» *aurr* интерпретируется как «влага», в «Младшей Эдде» Норны поливают водой вместе с «грязью» (смешанной с водой землей), взятой вокруг источника Урд, ясень Иггдрасиль, а в сопоставляемых с германским материалом русских былинах сохраняется «грязевой» локус Нижнего мира и его номинация см.: *Топорова Т.В.* 2017, 16, 28–31, 102–103, 144–145, 255. Упоминание болот в заговорах восточных славян см.: *Топорова Т.В.* 1996, 111.

[89] *Топорова Т.В.* 1996, 84.

[90] Вывод об апофатическом описании идеального пространства в древнегерманских традициях, о «семантической амальгамации» в отношении готского Ойума и возможной связи с номинацией рая как *острова* см.: *Топорова Т.В.* 1994, 48–55, 107–109. Более очевидна связь блаженной земли с островом в кельтской традиции на примере яблоневого острова Авалона в болотах Гластонбери, к западу от Малмсбери. Остается без ответа только вопрос о том, в каком виде бытовали эти бриттские легенды во времена Альдхельма.

[91] *Бударагина О.В.* 2006, 8 (Клавдиан описывал подземные реки Тартара).

В англо-латинской и древнеанглийской культуре прослеживается двойственность *болота* как природного ландшафта, отсылающего к социальной изоляции, дикости и варварству, а с другой стороны, как опасному духовному рубежу между мирами, пограничному локусу и проходу в Нижний мир. Если одна часть преступников за тягчайшие преступления (и пролитие родной крови) каралась смертной казнью на проклятом Тисе, то на других накладывалось изгнание, которое в природных реалиях Альбиона становилось бегством в леса и фены. У Альдхельма социальное наказание в форме изоляции от человеческого общества продемонстрировано в загадках «Минотавр» и «Сцилла». В текстах энигм автор проговаривает, что мифологические герои заключены на морских островах и их изоляция является справедливым наказанием. Для ужасного Минотавра оно за нечестивое — «внебрачное» — происхождение «от людей и скотов», а псица Сцилла, хотя коварно и превращена в чудовище Цирцеей, заслужила это по одной из версий мифа: «Чтоб по возмездью жила средь соленых я вод одиноко» (Enigm. XCV. 13; пер. мой). Англосакский монах использует фигуру умолчания в «Минотавре», он не пишет о лабиринте и о кровавых жертвах в нем, а только: «Вооруженный рогами — другие члены творят ужасного мужа» (Enigm. XXVIII. 2; пер. мой). Читатель же ощущает странный симбиоз и «неразрывность» между заточенным получеловеком и лабиринтом, местом его заключения. Более понятна возникшая связь между опоясанной песьими головами Сциллой и ее островом, которых «боязливые моряки» воспринимают как одно целое — в завываньях и морском водовороте.

В болотных фенах Британии располагалось множество островов, на которых исторически селились немногочисленные люди и вели там хозяйственную деятельность (постоянную или сезонную). На основании топографического анализа (ограниченное использования да. fenn при подавляющем преобладании да. mōr) делают вывод о том, что в V–VI вв. англосаксы предпочитали не селиться на водно-болотных возвышенностях и низинах, но в завоеванном ландшафте осмыслили болота и бесплодные земли как «mōr»[92]. В VII–VIII вв. идет активное освоение заболоченных территорий из-за их экономической привлекательности, особенно в форме монастырского хозяйства. Мерсийские фены были прибежищем для бриттов, здесь скрывались знатные англосаксы от политических врагов, сюда убегали свободные и зависимые германцы от социального и экономического произвола,

[92] *Wickham-Crowley K.* 2017, 72–73.

официально становясь «разбойниками». Страна болот (fenland) была вынужденным домом для этих изгоев, беглецов и преступников[93]. После христианизации англосаксов воцерковленные германцы в редких случаях выбирали путь отшельника, который уводил одних на прибрежные острова, других в глухие леса и болотную пустошь. Так на острове в Кроуландских топях около 700 г. поселился Гутлак (674–714), бывший военный знатного происхождения.

По его латинскому житию известно, что он избрал болотное уединение после духовного прозрения и краткого обучения в монастыре. Религиозное подвижничество святого человека вызвало серьезные опасения у местного церковного главы, который со свитой приехал на болота (VG. XLVI–XLVII). По поручению епископа его ученый советник, судя по описанию тот самый Вихтфрид (Wigfrith), адресат первого гисперийского послания Альдхельма, стал религиозным инквизитором, задачей которого было выяснить божественный или дьявольский источник питает религиозную и целительскую силу святого отшельника[94]. Исходя из политического контекста, можно утверждать, что епископа Хедду волновало то, что Гутлак был конфидентом и духовным наставником беглого принца Этельбальда, будущего мерсийского короля, но в те годы скрывавшегося от своих правящих родственников.

Однако анализ истории Гутлака в проблемном поле ландшафтного варварства дает более полное объяснение для недосказанностей и умолчаний в его латинском житии. Во-первых, уход молодого монаха в болота мог быть формой самоизгнания, на которое он был вынужден пойти после скандала в стенах монастыря. Во-вторых, отшельничество после двух лет монастырского обучения на болотах, около языческого кургана (бриттский *tumulus*) выглядело как экстремальный протест истового неофита, помноженный на возможный религиозный недогматизм. В-третьих, с учетом военного прошлого Гутлака он мог выгля-

[93] Еще одной категорией беглецов или отшельников, по собственной инициативе или под внешним давлением уходивших жить в безлюдные пустоши, были люди с психическими расстройствами. У Альдхельма в загадке «Чемерица» описывается помешанный бесноватый, бьющийся в припадке. Старшим современником малмсберийца был ирландский король Суибне, который по проклятию святого Ронана превратился в дикого безумца — гельта, асоциально скитавшегося в полуживотном виде по Ирландии см.: *Михайлова Т.А.* 2001.

[94] VG. XLVI: Wigfrith … Dicebat enim inter Scottorum se populos habitasse et illic pseudo anachoritas diversarum religionum simulatores vidisse, quos praedicere futura et virtutes alias facere, quocumque numine nesciens conperit.

деть в глазах местных властей опасным маргиналом, который проживал на островке в фенах не в одиночестве, а вместе с мальчиками-слугами и полубезумным компаньоном.

Феликс Кроуландский следует топосу описания своего героя как Христова Воина, но сцена духовного прозрения Гутлака и его радикальный отказ от светской жизни могут указывать на то, что молодой конверс хотел замолить и искупить те кровавые преступления, которые совершил за девять лет воинской службы и, возможно, политической борьбы за власть. Все это стало психологической травмой для знатного мерсийца, а живя в суровых условиях кроуландских болот, он испытывал жестокие физические лишения, на которые наложилось использование в пищу болотной воды и хлеба со спорыньей[95]. Так происходило физическое проникновение с хлебом насущным болотной сырости и гнили в тело отшельника, а одетый только в звериные шкуры Гутлак обустраивал для человеческого обитания островок посреди топей, окультуривая враждебный ландшафт. Спорынья отравляла истощенный организм монаха, вызывая у визионера Гутлака яркие галлюцинации о его сражениях с болотными демонами и с адскими силами зла[96]. И это все, что могло было быть связано с Гутлаком — изгойство, маргинальность, еретизм, способность лечить окружающих, помешательство и подверженность дьявольским наваждениям — стало предметом душеспасительной озабоченности местного епископа.

Квинтэссенцией древнеанглийских представлений о болотном локусе зла стала эпическая поэма «Беовульф». Значим смыслополагающий переход сочинителя поэмы от абсолютизации древнегерманского ландшафта зла к социально наполненному восприятию окружающей природы, когда болото Гренделя через библейские аллюзии включается в картину ландшафтного варварства англосаксов[97]. И про-

---

[95] Медицинское объяснение причин острых отравлений ячменным хлебом со спорыньем см.: *Cameron M.* 1992, 152–158.

[96] VG. XXV: «incognita heremi monstra et diversarum formarum terrors»; «demorantium fantasias demonum». В одном из эпизодов демонических атак Гутлак опознает в скопище инфернальных существ варваров-«бриттов» по их свистящей речи, так как прежде сам жил среди них и знал их язык. Конструкция главы (VG. XXXIV) указывает на то, что речь идет о галлюциногенной проекции старых военных переживаний кроуландского отшельника на текущее бритто-мерсийское противостояние.

[97] Моя интерпретация соответствует видению германской и библейской традиций в «Беовульфе» как единой культурной матрицы см.: *Estes H.* 2010. Произошла перемена в определении архетипа Гренделя, из внешней фигуры

исхождение проклятого Гренделя от Каина по альдхельмианской традиции (с которой, по-моему, был знаком анонимный автор) не отдаляло болотное чудовище от человечества, а наоборот — по намеку на бессилие героических мечей против каинитов перекликалось со страшными родовыми преступлениями, которые скрывались за стенами славного Хеорота. По-видимому, в «Беовульфе» получили образное воплощение потаенные страхи англосаксов о темных сторонах языческих традиций бриттов. Зловещие характеристики инфернального Гренделя и его матери не исчерпывались древнегерманскими архетипами о водных монстрах и чудовищах Нижнего мира, но включали этнические стереотипы о варварском каннибализме бриттов и об их тайных убежищах и погребениях на болотных пустошах[98].

Таким образом, можно утверждать по результатам проведенного исследования, что в архетипическом имаджинариуме Альдхельма, который из фрагментов складывается в целостную модель социально-природного мира, на фундаментальном уровне проступает картина древнегерманского мифологического ландшафта (пашня-Мидгард, Тис-Иггдрасиль, вода-болото-Нижний мир) через постоянные заимствования и реминисценции из римской литературы. Уникальной характеристикой личных предпочтений англосакса стало исполь-зование апокрифов (история Каина и Авеля, райское Древо). Особый авторский взгляд на происхождение грехов и человеческого зла, на неисправимость братоубийства и тяжких преступлений, на заслуженность социального изгнания и изоляции был воспринят и осмыслен в последующей англо-латинской и древнеанглийской литературе.

Иного мира он стал пограничным чудовищем (да. mearcstapa) англосакского ландшафта. Являясь социальным изгоем и аутсайдером по рождению, он был обречен сосуществовать рядом с людьми из Хеорота (см.: *Estes H.* 2010, § 9). Дж. Невилл интерпретирует фигуру Гренделя иначе, для нее он естественная часть природного мира, а конфликт болотного монстра с людьми — это проблема, проистекающая из всего комплекса отношений англосаксов с окружающим миром см.: *Neville J.* 1999, 70–81 (название раздела «The agents of destruction»).

[98] В поэме «Andreas» проводят параллели между каннибализмом варваров-мармедонцев и островной страной Мармедонией и — болотным ландшафтом Англии и опасными бриттами см.: *Wickham-Crowley K.* 2017, 82–84.

ФОРМЫ ВАРВАРСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

(ФРАНЦИЯ, XIV–XV ВЕКОВ)

М.В. Кузьмина

Любая цивилизация идентифицирует себя не только через культурные, социальные, экономические процессы, присущие ей как общественному организму, но и через противопоставление себя варварству, то есть тому, что в реалиях данной конкретной цивилизации считается недопустимым, разрушительным, и поэтому отторгается, и отрицается. Варварство как форма антицивилизации играет в этом смысле роль лакмусовой бумажки, проявляя негативные по последствиям и потому нежелательные выплески агрессивного поведения, оказывающие разрушительное воздействие на жизнь социума.

При этом варварство всегда сосуществует с цивилизацией, поскольку без понимания членами общества того, что можно, а что недопустимо во взаимодействии друг с другом и с властью, каковы границы допустимого (даже варварского поведения) и запретного, нет социального мира, а это важно для выживания.

В этом смысле феномен города в целом и средневекового города в частности даёт хороший материал для изучения того, как городской ландшафт, специфика устройства городской жизни, скученность населения, порождающая проблемы разного порядка, вызывают к жизни то агрессивное поведение, которое является не просто присущей человеку эмоциональной разрядкой, но приобретает черты сверхагрессии, разрушающей все связи и отношения, т.е., по сути, являющейся варварством.

Городская среда, организованная по определённым принципам, разделённая на кварталы, приходы, рынки; включавшая виноградники, огороды, сады, владения сеньоров, как светских, так и церковных, порождала специфические отношения и связи как внутри городов, так и с окружающей сельской местностью, тесно с ними связанной. Город взаимодействовал с собственной округой в радиусе от 5 до 50 километров[1], находясь на пересечении паломнических, торговых путей и привлекая тем самым пришлых людей. Как отметил Жак Эрс, «характер соседских связей и зависимостей между лавками и мастерскими, рынками и ярмарками, столами менял, с одной стороны, религиозными учреждениями — с другой, в городах столь же явственно определяли

---

[1] *Уваров П.Ю.* 1999, 65.

более сложные формы активности и топографической организации»[2], что, несомненно, порождало и различные формы конфликтов, протекавших зачастую в виде вербальной и физической агрессии. Густонаселённый средневековый город порождал конкуренцию между людьми, занимавшимися одним ремеслом.

Так, по словам П.Ю. Уварова, уже в XII в. портовый квартал Парижа на правом берегу Сены был населен «многочисленными агрессивными речниками, крючниками, рыбниками»[3], и население продолжало расти, хотя этот рост не был постоянным, он был подвержен колебаниям[4]. Были многочисленны маргинальные слои: проститутки, нищие, воры, что также порождало социальное напряжение, поскольку и с ними было связано «варварское» агрессивное поведение. По переписи 1328 г. в Париже проживало от 200 до 240 тысяч жителей. Вторым по величине был Руан (40 тысяч), дальше шли Тулуза, Нарбонна, Бордо, Лион, Аррас, Орлеан, и хотя динамика численности населения была с 1337 (начало Столетней войны) по 1562 (начало Религиозных войн) скачкообразной, соотношение городского населения к сельскому оставалось неизменным, также как и соотношение между крупными и мелкими городами: лишь только двое из десяти французских горожан проживали в крупных (от 10 000) городах[5].

Социальное многообразие Парижа дополнялось топографическим, когда пространство города являло собой конгломерацию различных центров: соборов, епископской резиденции, королевского дворца, порта, рынков, приходских церквей и т.д.[6]

Однако такое положение было характерно для городской среды не только Парижа, но и остальных французских городов этого периода. При этом города на протяжении своей средневековой истории переживали и расширение, и сужение своего пространства, что зависело в том числе и от социально-политических факторов. Так, необходимость защиты городов от нападений во время Столетней войны в XIV в. вызвала строительство новых городских стен, «сжав» в их пределах город. Города приобретают тот самый стереотипный «средневековый» облик, который мы представляем: узкие улочки с нависающими домами, отсутствие архитектурной перспективы, отсутствие комфорта[7].

---

[2] *Эрс Жак.* 2019, 148.
[3] *Уваров П.Ю.* 1999, 68.
[4] Там же, 70.
[5] Там же.
[6] Там же, 69.
[7] Там же, 71.

На связь градостроительства с социально-политическими структурами и организацией уличной сети в городах и застроенных пространств указал Ж. Эрс. Он отметил это возникающее, с одной стороны, единение в рамках квартала членов одной социальной группы, стремившихся поселиться в нём и подчинить его своему господству, привлекая для этого в том числе и родственников, и верных семейным кланам людей, создавая, таким образом, родственные и соседские союзы, а, с другой, — желание вытеснить тех, кто этому противился[8], хотя это и не всегда соблюдалось.

Городские кварталы, заселённые людьми одной профессии, предполагали тесное соседство и контроль со стороны как соседей, так и членов одной корпорации, когда любые отклонения в привычных формах поведения были способны подточить единство и навредить реноме человека — хозяина и главы дома, став достоянием сообщества путём пересудов и сплетен, особенно если ссоры и драки происходили на глазах посторонних людей. В этой главе мы попытаемся показать, как городской ландшафт, скученность людей и животных на узких улицах становятся причиной такого агрессивного поведения людей, которое можно охарактеризовать как варварское, нарушающее социальную стабильность и социальный порядок.

Основным документальным материалом помимо прочего послужили так называемые «письма о помиловании», в которых королевская власть демонстрировала свои права высшей судебной инстанции. Определим некоторые характерные ситуации, в которых благодаря специфике средневекового городского пространства поведение людей часто приобретало черты варварского. К ним мы отнесём досуговое поведение горожан, стремившихся к разного рода развлечениям; взаимодействие в рамках профессиональной деятельности; внутрисемейные отношения, соседские[9].

Городской ландшафт, включавший улицы, площади, луга, пустыри, кладбища, монастыри, не предполагал наличие обширных пространств для подвижных игр, которые, тем не менее, устраивались даже в таких стеснённых условиях, вызывая определённые проблемы. Различные игры в мяч, в кегли устраивались часто в монастырях, в садах при больницах, при тавернах, а также на улицах. В последнем случае, учитывая узость улиц, игры таили опасность. Кроме того, владельцы

[8] *Эрс Жак.* 2019, 203–204.

[9] Это не противоречит материалам писем о помиловании, в которых описаны многие подобные ситуации // *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 245–263.

земельных участков, на которых проводились игры, могли быть недовольными этим фактом, что вызывало конфликты и судебные разбирательства. Жан-Мишель Мель отмечал, что, хотя, например, игра в суль (игра в мяч) была больше характерна для сельской местности, она, тем не менее, была популярной и в городах, но из-за тесноты такие игры перемещались за стены города или под стены монастырей в самих городах. Власти препятствовали этому. Ж.-М. Мель высказал предположение, что игра в суль могла появиться как игра присвоения или защиты территории (владения землёй). Она появилась как сублимированная форма сельского насилия, столь характерного для повседневной жизни[10]. Другие же виды подвижных игр (jeu de barres — игра типа игры в салки, jeu de pommes — прообраз тенниса; в этой игре удары по мячу наносились ладонью) устаивались и на площадях городах, часто в садах при тавернах или даже в зале таверны, на крышах домов, около церквей (что было причиной запретов). Залы для игры в мяч появились только в конце XV в.[11] Правила групповых игр были таковы, что могли «оправдать» намеренные удары и толчки, то есть насилие было частью этих игр. Более того, в суматохе игр при близком контакте игроков можно было ударить противника ножом в качестве мести за нанесённые обиды[12].

Специалисты, подсчитавшие количество совершённых преступлений, по которым были получены королевские письма о помиловании (lettres de rémission), в период с 1379 по 1394 гг. и с 1407 по 1447 гг., пришли к выводу, что преступники-горожане совершили 70% преступлений, 30% — жители сельской местности — в первый временной отрезок, и 80% и 20% соответственно — во втором случае[13]. При этом, общее количество преступников, состоящих в браке, намного превышает количество одиноких. В первый указанный период их было 339 человек против 41, и 243 человека против 67 — во второй[14].

Примером столкновений на профессиональной почве и одновременно конфликта в семье является следующее письмо о помиловании.

> **Париж, сентябрь 1418 г.** «[От имени короля Карла VI…]… Мы получили смиренное прошение от близких друзей Бернара де ла Буасса (Bernad de la Boisse), бедного человека, тка-

[10] *Mehl Jean-Michel.* 2002, 259.
[11] Ibid., 259–260.
[12] Ibid., 306.
[13] *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 249.
[14] Ibid., 251.

ча шерстяных тканей, проживающего в Тулузе, содержащую [следующее]: Этот Бернар уже давно состоял в браке с покойной Гийеметтой де Борд (Guillemette de Bordes), его женой. Они пребывали в супружестве, любя друг друга как достойному мужчине (un preudomme) и достойной женщине (une preude femme) следует делать. Случилось так, что в месяце июне 1416 года или примерно в это время, когда супруги пребывали в добром мире и согласии, наступил день, когда в час перед вечерней упомянутый Бернар открыл мастерскую и занимался там с одним из своих учеников, а двух других заставил пойти в другую мастерскую. Для этих двух его жена приготовила шпульки с нитью. Сделав это, Гийеметта сказала что-то подобное: «Чёрт! Я засыпаю!», поэтому, поднявшись со своего рабочего места, она вышла на крыльцо дома и отправилась спать в другую комнату дома. Затем после этого, когда Гийеметта уже какое-то время спала, Бернар, видя, что поскольку нить в шпульках, приготовленных Гийеметтой, уже почти закончилась, ему и его упомянутым ученикам придётся остановить работу, если его жена не приготовит ещё шпульки. Он из мастерской, где сидел, позвал Гийеметту, которая, так как спала, ничего ему не ответила. Поэтому Бернар поднялся со своего места в мастерской и пошёл её будить. Он сказал ей, что она уже довольно поспала, и чтобы отправлялась готовить шпульки, иначе ему и ученикам придётся прекратить работу. Сказав это, Бернар вернулся на своё место в мастерской, чтобы продолжить дело. Гийеметта также вернулась туда, чтобы приготовить шпульки. Бернар, увидев её ещё заспанной, повторил, чтобы она отправлялась наматывать нить в шпульки, поскольку она и так слишком много спала. Эта Гийеметта заметила, что она не слишком много спала, так как с того момента, как отправилась спать, он не сделал и половины оборота станка, а ей говорит, что она слишком много спала. Тогда Бернар сказал: «Честное слово, не говорите так, идите и делайте свою работу, так как из-за нехватки шпулек мы или отдыхаем, или совсем прекращаем работу, но мало спим». Тогда Гийеметта, которая продолжала обижаться на то, что она не поспала в своё удовольствие, и желая сохранить последнее слово за собой, что в обычае некоторых женщин, ответила ему, что это он сам много спит, но не позволяет спать другим столько же, а со-

всем напротив — ищет дурные слова. Бернар ей ответил: «Честное слово, идите наматывать шпульки, для вашего же блага». При этих словах Гийеметта, ворча и ропща, принялась наматывать шпульки. В это время один из учеников, работавших с Бернаром, говорит Гийеметте: «Хозяйка (maitresse), дайте пряжу» и показал порванную шерстяную нить с тем, чтобы она её связала узелками. Гийеметта, разозлённая тем, что Бернар не дал ей поспать и его грубыми словами, о которых говорилось выше, вовсе и не собиралась это выполнять. Поэтому Бернар, разозлённый в душе то ли тем, что она раскудахталась, то ли тем, что она ему противоречит, и, как ему показалось, из желания унизить его не собирается связывать нить, сказал гневно: «Так вы не подниметесь?». На что Гийеметта ответила: «Честное слово, вот все мне говорят: пойдите и свяжите». На что Бернар сказал: «Ей Богу, я вас побью за то, что вы так раскудахтались и мне противоречите, так вдарю, что вам самой захочется быть убитой». Тогда Гийеметта, продолжая ругаться, ответила ему: «Ну, так сделайте это». Бернар, возмущённый яростью сказанных слов, мерзким злословием, спорами и ответами жены, на самом деле и не думая дурно поступать так, как он затем поступил, взял челнок, с которым он работал, и запустил или просто швырнул в сторону Гийеметты, и то ли частью этого челнока, то ли острым его концом убил свою жену Гийеметту, попав в голову и проломив кость. От этого удара или из-за проломленной головы Гийеметта сделалась больной и лежала в постели 15 или 20 дней, или около того. В конечном итоге, или же по причине этого удара, или же по случайности, или, напротив, из-за плохого ухода, или же из-за врачей, что её лечили, Гийеметта скончалась. Из-за этого Бернар уже длительное время остаётся несчастным и огорчённым. Он был подавлен и расстроен тем, что так всё произошло. В связи с этим случаем Бернар, предполагая чрезвычайную суровость правосудия, сбежал. Вследствие этого его призвал капитул Тулузы, а его добро было описано и изъято. Из-за этого побега он не решается выйти… если бы не тайное укрытие. Он уехал бы из нашего королевства, где он не осмеливается ни оставаться, ни появляться на людях, если бы не наше прощение и милосердие не были бы ему даны. [Прощение было адресовано сенешалю, его спасителю, и капитулу Тулу-

зы с оговоркой, что он будет в течение месяца находиться в тюрьме на хлебе и воде]»[15].

Отметим тот факт, что процент мастеров ремесленников, обвиняемых в совершении преступлений, был не так велик по сравнению с преступлениями, совершёнными учениками[16].

Конфликт в семье ткача, приведший к убийству жены, был, вероятно, основан в том числе и на том, что в условиях города конкуренция между ремесленниками была если не жесткой, сдерживаемая внутрикорпоративными уставами и правилами, но существенной, поскольку те же уставы строго регламентировали качество производимого товара и его количество. Поэтому столкновение между ткачом и его женой, отказавшейся работать, да ещё в присутствии учеников устроившей перепалку с мужем, что придавало ситуации особую пикантность, так как вынесенный на обсуждение соседей и «коллег» скандал мог бы навредить репутации и престижу как самого мастера, так и его товара, получил такое трагическое завершение. Поскольку дело происходило в Тулузе, отметим, что в этом городе уже в XIII в. женщины были активны в 5 цехах. Вышедшая замуж за ремесленника девушка, обучалась ремеслу и помогала мужу в его деле, не становясь членом цеха, каковым она могла стать овдовев, хотя женщины допускались в «смешанные» цехи. В Париже в XIII в. женщины допускались в 80 из 120 цехов, например, в ткацкие. Т.Б. Рябова отметила, что работа женщины в рамках цехового ремесла была правилом во всей Франции[17]. Е.Н. Кириллова уточняет, в свою очередь, что страх конкуренции мужчин-мастеров со стороны женщин-мастериц, с их товаром, часто более высокого качества, был характерен не для Средних веков, а для более позднего времени. Но что оставалось неизменным — это страх конкуренции со стороны мастеров смежных специальностей, а также тех, кто работал, не вступив в корпорации, чужаков из пригородов, из городской округи, из других мест. Этот страх особенно усиливался при неблагоприятной конъюнктуре[18]. Именно это, вероятно, и стало триггером, вызвавшим такую агрессию мужа, занятого делом, в отношении ленивой жены-помощницы.

Ещё одной ситуацией, которая в условиях города порождала агрессию, были активные игры, требовавшие некоторого пространства

[15] Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI. 1864, 168–171.
[16] *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 253.
[17] *Рябова Т.Б.* 1999, 96–97.
[18] *Кириллова Е.Н.* 2019, 105.

и участия многих игроков. В Париже подвижные игры устраивались по большей части на левом берегу Сены, в университетском квартале, вне его игры проводились поблизости от рынков, в коммерческом секторе Парижа (на правом берегу)[19]. Помимо известных всем игр (в Париже с XV по XVI век существовало до 50 игр, правда, большая половина которых зафиксирована начиная с 1500 г.[20]) могли устраиваться необычные игрища, вызывавшие у современников удивление.

В «Дневнике буржуа Парижа времён Столетней войны» описывается следующий случай.

> **Париж, 1425 г.**: «…в последнее воскресенье месяца августа было устроено развлечение у дворца (l'hotel) упомянутого Арманьяка между улицами Bons-Enfants и улицей Saint-Honoré. На огороженной площадке находились четверо слепых, вооружённых — у каждого в руке было по палке — и жирная свинья, которую получил бы тот (из участников. — *М. К.*), кто смог бы её убить. Это сражение было очень странным, так как участники наносили друг другу такие сильные удары этими палками, что делали только хуже самим себе, поскольку, когда они считали, что бьют свинью, на самом деле ударяли друг друга. Если бы они были вооружены настоящим оружием, они друг друга убили бы. Накануне, в субботу, эти слепые были проведены по Парижу, вооружённые, с большим флагом, на котором была изображена свинья, а перед ними шёл человек, играющий на барабане»[21].

Сам автор дневника отметил странность этого увеселения, поскольку побоище слепых выглядело дико, по-варварски. Если говорить об аспекте жестокого отношения к животному, в данном случае — к свинье, то и тут не всё однозначно. Средневековье, для которого амбивалентность в целом — характерное явление, знало двоякое отношение к этой проблеме. С одной стороны, к свинье относились не слишком уважительно, поскольку это животное — грязное и прожорливое, валяющееся в грязи и питающееся отбросами и падалью, которое озабочено только поисками пропитания и никогда не поднимает голову к небу[22]. В отличие от вепря — дикой свиньи — домашняя свинья сим-

[19] *Mehl Jean-Michel.* 2002, 262.
[20] Ibidem.
[21] Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449. 1990, 221.
[22] *Pastoureau M.* 2001, 98.

волизировала грязь и обжорство[23]. Но, с другой, – свиньи были компаньонами святых, как в случае со Святым Антонием. С именем этого святого связано устройство больниц в средневековых городах. В этих госпитальных братствах занимались свиноводством, разводя свиней для питания и лечения больных. Братья получили привилегию выгуливать своих свиней с колокольчиками на шее на улицах городов. Однако со временем возникли проблемы с таким свободным выпасом, хотя свиньи выполняли роль сборщиков мусора, но они были также и причиной многочисленных происшествий. Вводились ограничения или запреты на их свободное циркулирование по городским улицам, за нарушение накладывались штрафы, однако запреты плохо выполнялись[24].

В Париже существовали скотобойни, на которых мясники вели забой скота прямо рядом с жилыми кварталами, рядом со своими прилавками, что вызывало недовольство как жителей, так и властей, хотя парижане нуждались в большом количестве мяса. Известен случай, когда для одного законника в 1429 г. забили и засолили 80 свиней ради создания его собственного запаса продуктов[25].

Таким образом, «странное» сражение слепцов, пытавшихся убить свинью, выглядит таковым не только с точки зрения средневекового обывателя, но оно несёт элементы грубого, жестокого отношения к человеку, а не только к животному.

Согласно приведённой Ж.-М. Мелем статистике, среди мест в городах, где чаще всего в Средние века проводились игры, таверна занимает первое место — 34,7%. Другими были: hotel (дом, гостиница) — под ним часто понималось питейное заведение — 18,8%, площади — 5,0%, сады – 4,4%, улицы и перекрёстки — 3,4%, рынки и ярмарки — 1,5%[26].

С таверной связаны, прежде всего, азартные игры (в кости, в карты), а с ними и агрессия, насилие, криминал, поскольку азартные игры удовлетворяли не только стремление получить эмоциональную разрядку, но часто были способом заработать деньги, в том числе и нечестным путём — через обман и насилие. Таверны были не только в городах, но и в сельской местности, но именно в городах их большое количество могло удовлетворить запросы многочисленного по сравнению с дерев-

[23] *Pastoureau M.* 2001, 127–128.
[24] *Pastoureau M.* 2001, 104.
[25] *Эрс Жак*. 2019, 359.
[26] *Mehl J.-M.* 2002, 246.

ней населения. Для Парижа на 1457 год учёные называют цифру 200 официальных таверн и около сотни «случайных» таверн. В деревне количество таверн также шло по пути увеличения их количества, но именно в городе таверны играли роль места встречи людей с друзьями и проведения вместе с ними досуга, поскольку в местах их проживания для этого не было возможности. И в этом она наравне с церковью играла роль обязательного места встречи для всех. В то же время таверна приобретала черты некоего «контробщества», поскольку игры, связанные с правонарушениями, процветали именно там, кроме того таверна ассоциировалась у современников с грехом обжорства[27]. Таверна была опасным местом по разным причинам, и не только как место азартных игр.

> **Париж, июнь 1390 г.** «[От имени короля Карла VI…] Пусть знают все ныне и в будущем. Так, со стороны близких друзей Гийо Фушера (Guiot Foucher), нам было представлено [следующее]: В понедельник, на следующий день после прошедшего дня Троицы, Жеаннета де Брусселль (Jehannète de Brousselles), проживающая в Париже, отправилась с ещё несколькими людьми из Парижа в пелеринаж в Сен-Клер де Гомес (Saint-Cler de Gomiez), и разместилась в этом городе Сен-Клер в доме (в гостинице, в таверне) человека по имени Жеан Бриссо (Jehan Brissot). В этот же доме ужинали вместе мужчины по имени Дени (Denis), уроженец Тилемона в Бребане, и Эннекен Во (Heunnequin Vaux), уроженец Лендра (Lindres), что рядом с Тилемоном. Они пришли в эту гостиницу и попытались схватить и похитить упомянутую Жеаннету. Гийо Фушер, сержант этого места Гомес, был там, посланный защитить от имени сеньора этого места эту Жеаннету, чтобы не было совершено насилие в отношении неё. Гийо пришёл и обнаружил, что Эннекен держал обнажённый кинжал и противодействовал спасению Жеаннеты. Он заявил, что Жеаннета — проститутка (une putain), о чём давно известно. Тогда Гийо, будучи человеком молодым и несведущим, то ли испугался, что этот Эннекен ранит его ножом, то ли потому, что подумал, что при виде ножа Жеаннета закричит, сказал такие слова: «Какого чёрта! Что вы собираетесь делать? Оставьте её и уходите тотчас и быстро, чтобы больше не было шума». Больше не сказав ни слова и не сде-

[27] *Mehl J.-M.* 2002, 247–249.

лав ничего, он постарался помочь схватить этих Дени и Эннекена, которые за содеянное были заключены в тюрьму… [Помилование адресовано прево Парижа]»[28].

Подробности дела в письме о помиловании не позволяют достаточно точно проанализировать поведение всех участвующих в конфликте людей, но здесь важно то обстоятельство, что таверна (гостиница) в городе была местом опасным. Не только женщины, остановившиеся в чужом городе в таверне на ночлег и лишённые естественной защиты мужчин своей семьи, могли стать добычей разгорячённых игрой и вином мужчин. Азартные игры, в которых страсть вынуждала игроков идти на обман, трюкачество с картами и костями (Ж.-М. Мель отмечал, что использование поддельных костей было почти правилом)[29], толкали их на повышение ставок и на заём денег у трактирщика для продолжения игры, что часто усиливало конфликты между игроками, поощряло насилие, часто начинающееся с оскорблений и провокаций[30]. Любопытно, что, согласно Ж.-М. Мелю, нет писем о помиловании, касающихся правонарушений во время азартных игр в деревне[31].

Соседские связи и в городе, и в деревне играли большую роль в жизни этих социумов, однако городская скученность порождала более острые конфликты, связанные со взаимными претензиями, оскорблениями, притязаниями, с невозможностью для многих мужчин обзаведения семьёй из-за плохого финансового положения, что порождало зачастую неадекватное поведение. Преступления и правонарушения среди женщин в XIV в. были намного меньше, чем среди мужчин. Женщины совершали больше правонарушений, связанных с кражами, а мужчины — с убийствами. Согласно письмам о помиловании XIV в., женщины совершали преступления в ареале в несколько лье от местожительства, 13% преступлений происходили на улице рядом с домом, большая часть — в самом доме, что говорит о домашних кражах, домашних ссорах или соседских стычках[32]. Преступления на сексуальной почве практически полностью совершались мужчинами[33].

---

[28] Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI. 1864, 238–239.
[29] *Mehl J.-M.* 2002, 267.
[30] *Mehl J.-M.* 2002, 265, 305; *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 255.
[31] *Mehl J.-M.* 2002, 252.
[32] *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 253.
[33] *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 250.

Париж, апрель 1410. «[От имени короля Карла VI…]. Пусть знают все ныне и в будущем. Мы получили смиренное прошение от Гийома Герара (Guillaume Guétatt), содержателя таверны, проживающего в Мелёне (Meleune) о следующем: Около недели назад перед прошедшим Вербным воскресеньем Жеаннетон (Jehanneton), дочь одного подмастерья плотника по имени Перрен (Perrin), возраста около 5 лет, пришла к Геррару в дом с горшком в руках и позвала жену просителя, чтобы ей налили вина, а хозяйка тогда находилась в городе, и поэтому этот проситель, находившийся в своей комнате, спустился, чтобы налить девочке вина, при этом держа в руках яблоко. Когда он спустился, то отдал это яблоко девочке, сказав, чтобы она спела песенку, которой её научил отец. Девочка принялась петь. Потом она подошла к нему, чтобы он ей налил вина. Он же, сбитый наущениями врага (Дьявола. — *М. К.*), взял её и положил на стол <...> он заставлял девочку лежать прямо на этом столе. Но от стыда и позора за свой грех спустил её со стола и отправил с вином в дом её отца. <...> За это проситель был посажен в нашу тюрьму города Мелёна. [Получено помилование. Кроме того, этот проситель находился в закрытой тюрьме три месяца на хлебе и воде][34].

Из текста письма о помиловании неясно, сам ли проситель явился в судебную инстанцию с покаянием или кто-то донёс на него. Однако власти сочли возможным помиловать совершившего правонарушение — покушение на изнасилование ребёнка. Также мы ничего не можем сказать о причинах, вызвавших это выходящее за рамки социально дозволенного поведения акта. Преступление не было доведено до конца, но поступок трактирщика, который пошёл на это, вероятно, надеясь, что никто в суматохе многолюдного города не узнает о нём, а слова девочки, если она осмелится рассказать всё родителям, примут за ложь, можно охарактеризовать как варварский. Правосудие, по сути, дало такую же оценку, назначив наказание.

В условиях средневекового города, где было мало пространства, где люди были вынуждены тесно соприкасаться друг с другом в границах приходов, узких улиц и небольших площадей, где дома соприкасались с владениями знати и богатых горожан, примыкали к людным рынкам и торговым лавкам, всегда существовал риск столкновений и выяснения отношений. Постоянно находиться в условиях тесного

[34] Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI. 1864, 220–221.

соседства — это означает возникновение ситуаций, приводящих к конфликтам, приобретавшим подчас грубые формы.

> **Париж, октябрь 1408 г.** «[От имени короля Карла VI…]. Пусть знают все ныне и в будущем. Мы получили смиренное прошение от родителей и близких друзей Боде Буайо, бедного человека, 30 лет от роду или около того, некоторое время назад проживавшего в нашем городе Париже. Он всегда был человеком доброй жизни, добропорядочной репутации и приличного поведения, не имевший желания ни говорить, ни делать никому что-то, что не должно говорить или делать в соответствии с разумом. Тем не менее, Жеанна Дерневаль (Jehanne Derneval), о которой говорили, как о женщине довольно неважного образа жизни и репутации, это также касается и её тела, как у девушек, к которым она принадлежала. Она 2 года назад или около того сказала неприятные слова этому Буайо. Но всё же они пообещали один другому из-за этого не прибегать в отношении друг друга к суду нашего Парижского Шатле. Со времени этого события, точнее немного после праздника Вознесения Господа Нашего Христа, недавно прошедшего, в какой-то день, какой именно названные просители не помнят, Жеанна намеренно напала с оружием на Боде Буайо, говоря ему страшные оскорбления и нанеся обиду. Среди прочего ему было сказано, что он — мерзавец, сутенёр, развратник, сводник (garçon, maquereau, ruffien et coppereau) и что он несколько раз имел плотскую связь со своей женой тогда, когда был пьян, а сверх этого он понуждал её к этому на чердаке, чтобы их не нашли за этим делом. Затем ещё хуже: после этих оскорблений эта Жеанна набрала полные руки золы и бросила её в глаза и в лицо этому Боде. Из-за этих сказанных оскорблений и унижения Боде, обозлённый, схватил горшок, в который он справил нужду несколько раз ночью и который он взял из своего дома, пошёл к Жеанне, к дому, где она пребывала, и который находился рядом с домом Боде, и бросил этот горшок в неё. Она получила удар по голове или в плечи, точно неизвестно, куда именно, но горшок разбился. По этой причине Боде под тяжестью информации, полученной в ходе расследования был задержан и помещён в тюрьму Шатле в Париже, в очень грязную и мрачную тюрьму, где он провёл срок в два месяца или больше, в великой нищете и нужде, строго допрашивае-

мый. И сколько он ни клялся в правдивости случая, что это всё так и было, как он говорит, наш прево или его лейтенант его и потом снова и снова опрашивали, и пытали. Он, в сомнении от страданий, которые он ранее перенёс по этому вопросу, обратился к нам и к нашему суду Парламента, но несмотря на это был заключён в тюрьму Le Bersail, в которую обычно помещают убийц, и там содержался в весьма суровых условиях в течение недели (8 дней — так в тексте. — *М. К.*) после своего обращения, а до этого 1 месяц (в тюрьме Шатле. — *М. К.*), и никто не мог с ним разговаривать. Почти после этих 8 дней (недели) он предстал перед нашими прево или его лейтенантом…, не сказав ему никаких иных слов, его приговорили к изгнанию из нашего королевства. Похожее решение по той же причине было принято в отношении Жеанны, объявив о конфискации всего их имущества в нашу пользу. Мы не дали Боде уехать из нашего королевства, где он был и находится в бедности и нужде, … и, вероятно, закончил бы так свои дни, если бы наша милость и сострадание не были ему явлены…»[35].

Письмо о помиловании зафиксировало результат взаимоотношений этих людей, не рассказав предысторию такого конфликта, сопровождавшегося агрессией с обеих сторон как вербальной, так и физической. В целом проведённый французскими учёными анализ писем о помиловании показал, что существовал обычный сценарий возникновения ссор: споры, оскорбления, драка, насилие и как итог — убийство. Так было чаще, чем в одном случае из пяти[36].

Взаимосвязь варварского поведения со спецификой и проблемами организации городского пространства в Средние века очевидна. Сам городской ландшафт, мешавший абсолютно свободному передвижению людей, своеобразие организации жизни горожан в городских пределах были причинами асоциального в отношениях между людьми, что часто принимало форму агрессии и сверхагрессии — в виде насилия, унижений, оскорблений, вплоть до убийства, что мы и определяем, как варварское поведение.

[35] Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI. 1864, 270–272.
[36] *Bourin M., Chevalier B.* 1981, 255.

«ПРОТИВОЯДИЕ НЕГОДНИКАМ, УНИЖАЮЩИМ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ»

К ДИСКУССИИ БОЛТИНА И ЛЕКЛЕРКА

М.С. Бобкова

Я бы хотел, чтобы все писали то, что знают,
и столько, сколько знают, но не более того

И.Н. Болтин

Проблема ландшафтного варварства предоставляет достаточно широкое поле для изучения сочинений европейских авторов раннего Нового времени о России. Подавляющее большинство их них находилось в плену «первобытного» географического детерминизма, ставя в прямую зависимость особенности среды обитания народа на его «предрасположенность» к определенному виду деятельности и прямому влиянию на особенности национального характера, формы государственного управления. Интерес к изучению образа России и русских в сочинениях зарубежных авторов позднего Средневековья и раннего Нового времени в профессиональном историческом сообществе особенно становится заметным с последней четверти XX в. В поле зрения российских исследователей попадают разные по происхождению исторические источники, начиная с воспоминаний венецианских дипломатов Иосафа Барбаро (1413–1494 гг.) и Амброджо Канторини (1429–1499 гг.)[1], Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566 гг.)[2], книг англичан Ричарда Ченслера (1521–1556 гг.)[3] и Джильса Флетчера (1546–1611 гг.)[4], француза Жака Мажерета (1550–1618 гг.)[5] и других[6]. Книги

---

[1] *Скржинская Е.Ч.* 1971.

[2] *Герберштейн С.* 2008.

[3] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 2019.

[4] *Флетчер Дж.* 2002.

[5] *Маржерет Жак.* 2007.

[6] Например, *Горшков И.Г.* 2004, 43–45; *Граля И.* 2004а, 42–48; 2004б, 60–63; *Малыгин П.Д.* 2018; *Мезин С.А.* 1999а; *Морозова К.А.* 2004, 18–19; *Осипов И.А.* 2009; *Савельева Е.А.* 1983; *Севастьянова А.А.* 1991, 15–29; *Филюшкин А.* 2018, 58–66; *Черникова Т.В.* 2019а; 2019б; 2020, 60–120; *Язькова Ю.П.* 1995, 199–205 и другие.

Пьера-Шарля Левека «История России» и «Физическая, нравственная, гражданская и политическая история древней и нынешней России» Николя-Гариэля Леклерка тоже не остались без внимания российских ученых. Хотя изучение этих работ, главным образом книги Левека, на мой взгляд, не отличается тематическим разнообразием[7]. Да и круг ученых, обращавшихся к этим авторам не так уж и широк: Д.Н. Шанский, В.А. Сомов, С.А. Мезин и молодые ученые, работавшие в свое время над диссертациями: В.В. Андреев и Э.В. Ильчинко, ученица С.А. Мезина, защитившая кандидатскую диссертацию по биографии и взглядам Левека.

Возможно, такую историографию темы можно объяснить в какой-то степени тем, что книга Леклерка не переведена на русский язык, а также общей тенденцией анализировать сочинения конца XVIII в. сквозь призму восприятия французской образованной публикой и в прямом контексте философии французского Просвещения, где географический детерминизм получил самые различные формы развития. Обе книги, на которые мы обратили свое внимание, посвящены прошлому России. Как образованная российская публика восприняла их и оценила образ своего Отечества, который нарисовали просвещенные французы? Этот вопрос был поднят в статьях В.А. Сомова и Д.Н. Шанским[8]. Меня интересует непосредственная оценка ландшафтного варварства в сочинениях Левека и Леклерка императрицей Екатериной II и поддерживающего ее историка, можно сказать, ее соавтора и единомышленника Ивана Никитовича Болтина. Екатерина Великая, урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, племянница шведского короля Адольфа Фридриха и прусского короля Фридриха Великого, вступившая на престол в результате дворцового переворота, молодая немка тяготела к европейской общественно-политической мысли. С начала 60-х гг. и до конца 70-х XVIII века она была погружена в осмысление идей французских просветителей Монтескьё, Д'Аламбера, Вольтера, Дидро, Гримма. Это диктовал ряд причин, прежде всего — личные вкусы и пристрастия Екатерины, имевшей европейское образование и многочисленные родственные и дружеские зарубежные связи. С приходом к власти у императрицы появилось по-

[7] *Алпатов М.А.* 1985; *Андреев В.В.* 2015а, 60–66; 2014, 4–9; 2015б; *Ильченко Э.В.* 2010, 53–58; 2011а, 77–82; *Ильченко Э.В.* 2011б; *Королев С.В.* 2008, 102–111; *Мезин С.А.* 1999б, 20–39; *Сомов В.А.* 1988, 182–188; 1982, 82–99; 2002, 71–81; 1986, 173–246; *Шанский Д.Н.* 1981, 46–49; 1978, 399–60.

[8] *Сомов В.А.* 1982, 82–99; *Шанский Д.Н.* 1978, 39–60.

нимание необходимости реформ, которые поставили бы Россию в один ряд с самыми передовыми государствами Западной Европы. Содержание реформ и их результативность общеизвестны и здесь на этом мы специально останавливаться не будем.

Связи Екатерины с просветителями до определенного времени повышали авторитет России в глазах европейских держав. Поддержка интеллектуальных элит Европы в вопросах внешней политики однозначно положительно сказывалась на восприятии западными государствами действий России. Для примера можно сослаться на довольно тихую реакцию Европы на раздел независимой Речи Посполитой в 1772 г. именно во многом благодаря высказываниям философов-просветителей о необходимости такого шага. Екатерина финансово поддерживала своих французских визави — в 1565 г. за 15 тыс. ливров купила у Дидро его библиотеку и оставила ее автору в пожизненное пользование, еще и назначив философу жалование 1 тыс. франков как хранителю этой библиотеки. Вольтер таким образом отдал дань щедрости и благородству Екатерины: «Кто бы мог вообразить 50 лет тому назад, что придет время, когда скифы будут так благородно вознаграждать в Париже добродетель, знание, философию, с которыми так недостойно поступают у нас». Заметим, что в Европе (особенно во Франции) русских часто называли скифами, гуннами, татарами. Это указывало, прежде всего, на отдаленность русского народа от европейской цивилизации. Однако, скиф служил синонимом «варвару». Здесь важно, что если по отношению к французам название «скифы» выглядело почти оскорблением, то по отношению к русским оно воспринималось европейцами как вполне точная, а потому не обидная характеристика[9].

В 1778 г. в очень трудное для нашей страны время за 135 тыс. ливров библиотека Вольтера была выкуплена и перевезена в Россию. Французские авантюристы, прибыв в Россию с искусством врачевания, установив нужные связи в самых верхах российской политической элиты, сколотив состояния, уже важными персонами, вхожими в Лувр, вернулись в Париж. Здесь, найдя новых заказчиков в угоду новой политической конъюнктуры, легко предали своих российских покровителей и опорочили страну, благодаря которой достигли своего благополучия. Алчность, предательство, двуличие, лицемерие — вот верные спутники, сформировавшие сущность личности Леклерка и Левека. Разве не эти качества характеризуют поведение варвара? В погоне за сытной

[9] *Орехов В.В.* 2009, 68–74.

и роскошной жизнью эти высокопоставленные вельможи переступили через многие заповеди христианина. И сколько горечи в словах Екатерины, так стремившейся ко всему европейскому, принимавшей это за признак цивилизованности, о том, что пригрела у себя на груди двух змей, назвавших ее правление диким деспотичеством.

Конечно, исторический контекст 80–90-х — времени, когда были напечатаны и активно распространялись идеи сочинений Левека и Леклерка, был другим, он несколько изменился. Активная внешняя политика Екатерины II — русско-турецкие войны, протекторат над Грузией, Греческий проект, разделы земель Речи Посполитой, война со Швецией. Главным ее итогом можно считать завершение формирования территории Российской империи. В ее состав вошли почти все восточнославянские земли, и на юге границы достигли естественных пределов, то есть до Северного Кавказа и Черного моря.

Во второй половине XVIII века во Франции были напечатаны два фундаментальных труда, содержащих целостную концепцию основных этапов истории государства Российского. Первым в 1782 г. во Франции было издано сочинение Пьера-Шарля Левека «История России» в 5 томах, а в 1783 и 2 тома книги «История различных народов, находящихся под властью русских, или Продолжение истории России»[10]. В 1787 году был осуществлен перевод пятитомного труда с французского языка на русский и опубликован в Москве под названием «Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и из лучших российских историков господином Левеком». Второе фундаментальное сочинение, также характеризующее все основные этапы истории России, начавшее издаваться во Франции практически одновременно с «Историей» Левека (5 томов 1783–1785, 6 т. в 1894 гг.), это «Физическая, нравственная, гражданская и политическая история древней и нынешней России» Николя-Гариэля Леклерка, выполнявшего пожелание французского короля Людовика XVI[11]. Уже после издания первых томов Пьер-Шарль Левек обвинил Леклерка во множественных заимствованиях своего текста. Выяснение этих отношений длилось долго и принимало различные, порой довольно причудливые формы.

Так или иначе оба автора много времени пробыли в России и были близки ко двору. По рекомендации Дени Дидро и при протекции императрицы Екатерины II, обнаруживавшей тогда самые настоящие франкофильские настроения, Левек преподавал в Императорском сухопут-

[10] *Пьер-Шарль Левек*. 2016.
[11] *M. Le Clerc.* 1783.

ном шляхетном кадетском корпусе и имел доступ практически ко всем имеющимся тогда источникам по российской истории, которые активно использовал в своем труде. Леклерк в целом пробыл в России около 10 лет. За это время он был лекарем жены графа Кирилла Григорьевича Разумовского, его покровителя в получении места лейб-медика при Великом князе Павле Петровиче, директором наук в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, инспектором Павловской больницы в Москве и даже профессором в Академии художеств. И, по-видимому, по рекомендации все того же Разумовского (как президента Академии наук) был избран в 1765 г. почетным членом Академии наук. Леклерк весьма слабо знал русский язык и, еще хуже русскую жизнь и нравы. При написании истории России он использовал материалы и рекомендации князя М.М. Щербатова, автора семитомной «Истории российской от древнейших времен», «Словарь русских писателей» Николая Ивановича Новикова (1772 г.), щербатовский «конспект» «Истории» Левека. В итоге получилась крайне неудачная компиляция, изобилующая ошибками, искажениями, недоразумениями из-за незнания языка. Кроме того, текст был построен с явным подчеркнутым пренебрежением и уничижением по отношению ко всему российскому и, особенное возмущение российской политической элиты вызвало обличительное отношение Леклерка к «деспотичеству». Именно так именовался в этом труде политический строй России.

Ответ последовал практически незамедлительно и на самом высоком уровне. 1787 г. выходят «Записки касательно российской истории» императрицы Екатерины II. По замыслу автора эта книга предназначалась внуку Екатерины — Александру, да и всему молодому поколению русских дворян. В ходе работы над этим произведением она постоянно обращалась за историческими справками и консультациями к известному историку своего времени Ивану Никитичу Болтину (1735–1792 гг.).

И.Н. Болтин, провел 18 лет на военной службе, а после выхода в отставку продолжал служить по таможенному ведомству. В Крыму он был секретарем фаворита Екатерины Григория Александровича Потемкина, который дорожил его умом и практическими знаниями и покровительствовал ему всю жизнь. Практическая работа дала Болтину прекрасное знание страны, подготовила его к изучению русской истории, которой он занимался с жаром, со страстью, но лишь урывками, в часы отдохновения. В Петербурге Болтин сблизился с кружком «любителей отечественной истории», в частности с археографом, историком, собирателем рукописей и русских древностей Алексеем Ивановичем Муси-

ным-Пушкиным, занимался, как и другие члены кружка, собиранием старинных рукописей, имел возможность пользоваться ценной коллекцией Мусина-Пушкина. Постепенно Болтин сделался одним из крупнейших русских историков XVIII в. Даже такой суровый критик, как Шлёцер, признавал его «величайшим знатоком отечественной истории».

В круге чтения Болтина, поражающем своей обширностью, виднейшее место занимали французские просветители. «Исторический словарь» Пьера Бейля, «Опыт о нравах» Вольтера, «Дух законов» Монтескье, «Политико-философская история» Рейналя, а также «Картины Парижа» Мерсье, знаком он был и с произведениями Жан-Жака Руссо, Э. Гиббона, А. Смита, В. Вольнея. Болтин (уже в возрасте 40-50 лет) усиленно занялся изучением древнего периода русской истории, главным образом по истории В.Н. Татищева, оказавшего на него сильнейшее влияние. «История Российская с самых древнейших времён, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым» (1768–1784 гг.). В своем труде Татищев использовал самые разные исторические источники. В этот список можно включить, например, «Историю» Геродота, «Географию» Страбона, сочинения Плиния Старшего, Клавдия Птолемея, Константина Багрянородного, Готлиба Зигфрида Байера, русские летописные своды, «Историю сибирскую» Станкевича, «Житие патриарха Никона», Христиана Вольфа «Волфианскую Експериментальную физику», книгу Алексея Тимофеевича Лихачева о жизни царя Фёдора Алексеевича. Особенно привлекательным для Болтина стал этногеографический подход Татищева к истории.

Оскорбленный в своих патриотических чувствах, Болтин принялся, по мере чтения книги Леклерка, составлять к ней письменные примечания. Так возникли два увесистых тома «Примечаний на историю древнюю и нынешнюю России господина Леклерка» (1788 г.), содержащие весьма суровый, но недалекий от истины, отзыв Болтина о труде Леклерка. Может быть, уже самое написание «Примечаний» представляло «заказ» покровителя Болтина — Потемкина, необычайно возмущенного леклерковским «охулением», но, во всяком случае, они были изданы в 1788 г. при его посредстве, на личные средства императрицы. «Примечания» на книгу Леклерка имели неожиданным следствием то, что они втянули Болтина в долгий спор с историком князем Щербатовым, указаниями которого, как уже сказано, пользовался Леклерк. Результатом этого были (вышедшие уже после смерти как Болти-

на, так и князя Щербатова) «Критические примечания генерал-майора Болтина на I и II том Истории князя Щербатова». Дискуссия между Болтиным-Татищевым и кн. Щербатовым стала толчком к написанию Николаем Михайловичем Карамзиным «Истории государства Российского» (1803–1826 гг.).

Что является первичным в определении политического выбора народа, насколько природная среда определяет выбор или трансформации формы государственного управления? Леклерк начинает свое сочинение утверждением, что все отрасли правления показывали на себе «изображение зверства русских, их невежество в государственном управлении и наклонности их к грабительству своих соседей». Но ведь все народы на ранней стадии своего развития прошли этим путем. Болтин упрекает своего оппонента в том, что он единому народу приписывает пороки и «страсти» общечеловеческие. Он приводит множество примеров из истории Франции, где варварство, агрессия, невиданная жестокость определялись вовсе не поиском наилучших земель и климата, а жаждой наживы, расширения границ собственных государств и насаждением христианства. При этом Болтин указал, что касательно наклонностей к грабительству своих соседей не примечается, чтобы русские в этом отличались от прочих народов. В латинском же языке европейцев слово hostis означало в купе неприятеля и иностранного. «Ясным есть доказательством, что жители стран сих, признавали всех иностранных без исключения, за неприятелей себе, и по смыслу этого слова поступали с ними не иначе»[12]. Далее следует множество примеров от Великого переселения народов до XVII века, подтверждающих это утверждение. Например,

> «…Сколько раз ломбарды для добычи нападали на Италию, прежде, чем поселились в части оныя? Колико крат франки разоряли и грабили Галлию, пока совершенно ее игу власти своей не покорили? Что причиною было оставление своих природных стран норманами, саксонами, готами, вандалами и пр., и пр.? Не иное что жадность к добыче и завоеванию. Отступя на тысячу и больше лет назад, найдется ли хоть один народ в Европе, который бы остался на своем месте? Каждый грабил, разорял, истреблял слабейшего к нему соседа, а после и сам такой же участи подвергался от другого сильнейшего его соседа»[13].

[12] *Болтин И. Н.* 1788. Т. 1, 2. 615+588 с. Т. 1, 4.
[13] *Болтин И. Н.* 1788. Т. 1, 5.

Так почему же Каинова печать лежит только на русских? Французы более ее заслужили, по мнению Болтина, и далее следует десяток или больше примеров из французской истории, подтверждающих этот тезис. Вот некоторые из них:

> Хлотарь II в Саксонии приказал казнить всех жителей, кто ростом выше его меча, «через что все они были истреблены: какое бесчеловечье может с этим сравниться? 4500 пленных саксонцев были вырезаны без пощады по приказу Карла Великого. 10000 фламандцев при Филиппе VI, покоренные уже оружием, все до единого были преданы смерти; «касательно деяний древних руссов найдется ли в них толика лютости, зверства и бесчеловечья, каковыми видим мы ознаменованы деяния французов… в войнах всегда оставляли они следы жестокости и бесчеловечья. С пленниками поступали варварски, рубили им руки, выкалывали глаза и пр.»[14].

Это указание на варварство, скорее вызванное политическими мотивами и интересами роста территории государства, которое естественным образом способствовало его процветанию. Хотя очевидно, что природный темперамент, особенности национального характера, проявляется не в том, что войны ведутся — как видно, через них проходят все народы, а как конфликты ведутся. Здесь и может наблюдаться прямая связь с ландшафтным варварством.

Левек и Леклерк плохо знали географию России. Леклерк «поправил» своего коллегу внеся в российскую географию новые ошибки. Вероятно, отсюда и появилось у Леклерка суждение о том, что Россия — пустынная страна, покрытая лесами с дикими зверьем, население которой не способно к земледелию. А перебивается промыслами и охотой, занятиями характерными для первобытных обществ. И.Н. Болтин указывает, что «причиной этому не леность или отвращение к земледелию (как «мечтает» Леклерк), а недостаток или вовсе отсутствие земли (таковых мест много в России, несмотря на ее обширность)»[15]. Поэтому жители многих провинций владеют каким-то одним ремеслом или промыслом, навыки к которым передавались от отца к сыну. Например, Галицкий и Олонецкий уезды «довольствуют все Россию плотниками, Балахна, Городец, Ярославль доставляют каменщиков, штукатуров, печников. Суздальцы не только на всю Россию пишут образа, но и

[14] *Болтин И.Н.* 1788. Т. 1, 6.
[15] *Болтин И.Н.* 1788. Т.1, 333.

в Польшу, Силезию, Сербию…»[16]. Хотя и земледелия россияне этих уездов вовсе не оставляли. Здесь Болтин упоминает огородничество, занятие которым было совершенно непонятно французам.

Дикость россиян были очевидна французам во внешнем виде «скифов» и организации их повседневной жизни: темнота и грязь в домах (многие еще топились по-черному), пьянство, агрессивность и лень, антисанитария, бани, манера простолюдинов в одежде и т.п. Эти внешние проявления можно было бы отнести к признакам ландшафтного варварства. И.Н. Болтин все это, как и многое другое объяснят особенностями климата и окружающей среды. И то, что иноземцу может показаться проявлением варварских нравов в действи-тельности определяется особенностями географического положения тех или иных мест. И здесь Болтин приводит много примеров из российской истории, основанных на взаимосвязи климата, особенностей рельефа, температуры воздуха и народа — его темперамента, черт характера и предрасположенности к определенным видам деятельности. Все это очень напоминает климатическую теорию французского юриста XVI века Жана Бодена, который описывая самые разные народы в этих рассуждениях ни разу не употребил термин «варвар».

Идеи о влиянии на людей природной среды (главным образом, климата, отчасти — почвы и воды) содержались еще в сочинении Гиппократа «О воздухе, воде и суше». Разумеется, и просвещенные французы знали это произведение, но или позабыли, или пренебрегли им. По мнению «отца медицины», жаркий климат делает людей ленивыми, а переменный — возбуждает энергию. В качестве примера автор приводил Малую Азию, где климат мягче, чем в Европе. Этим он объяснял более спокойный характер азиатов в сравнении с европейцами.

Идею о влиянии географических условий на общество и его историю можно найти в произведениях Геродота, Фукидида и Пла-тона. Аристотель описывал природные условия, наиболее благо-приятные для основания полиса. Сенека, Плиний и Тацит отчетливо осознавали роль фактора климатических различий. «Естественная история» Плиния Старшего, «Семь книг истории против язычников» Орозия и в Средние века служили основным источником сведений о географическом пространстве и его природе. Влияние окружающей среды на судьбу народов отмечали Геральд Камбрийский, Оттон Фрейзингский и др. А Гервазий Тильберийский, указывая на связь климата и характера народов, писал: «...римляне — мрачны, греки — переменчивы и нена-

[16] *Болтин И.Н.* 1788. Т. 1, 334.

дежны, африканцы — хитры и коварны, галлы — свирепы, а англы и тевтоны — сильны и здоровы»[17].

У Ж. Бодена и Ш. Монтескье природная среда обитания, как отдельного индивида, так и народа в целом, выступала фундаментом поиска закономерного в истории. При этом они исходили из того, что влияние природных факторов на развитие народов является устойчивым, следовательно, можно обнаружить его закономерности и проявления, зафиксированные в историческом материале.

Взаимосвязь человека, общества и природы познавалась долгим опытом, потому что накопление фактов — нелегкое дело, писал Боден. «Трудно ответить на вопрос, как далеко распространяется власть Севера и Юга, что определяет восток и запад, или, что следовало бы подразумевать под природными чертами и особенностями каждого народа?»[18].

На основе природно-климатических условий Боден выделял четыре региона Земли: южный (в области экватора), северный (в районе полюсов), восточный (ограничен Молуккскими островами), западный (ограничен островами Гестрия). Основным ориентиром на западе для него являлась Америка. Экватор разделяет север и юг.

Чем ближе к востоку, тем умереннее климат. К этому району, по Бодену, относятся северная часть Испании, Франция, Дакия, Парфия, Согдиана, основная часть Большой Азии[19]. К южанам ученый причислял сицилийцев, критян, сирийцев, арабов, персов, индийцев, эфиопов, сузианцев, финикийцев, нумидийцев, киренаикян, ливийцев, американцев, населявших Флориду. Северяне — народы, проживающие на территории от 50 до 60 параллели. Сюда относятся Британия, Германия, Дания, Готланд, Скифия, Татария.

Итак, Боден выделял по широте — северный, южный и средний районы, по долготе — восточный и западный, по влажности — болота и пустыни, по рельефу — горы и равнины, по интенсивности движения атмосферных масс — ветреные и безветренные места. При этом северный, южный и средний районы он считал определяющими по отношению ко всем остальным.

Природные факторы, о которых писал Боден, можно разделить на две группы: факторы, связанные с самим человеком как биологическим организмом (телесная организация, физическое строение, природные способности и силы); условия среды обитания (климат, особенности

[17] *Burtt Edwin A*. 1924, 12–16.
[18] *Ioan. Bodini.* 1579, 264.
[19] *Ioan. Bodini.* 1579, 264.

рельефа, атмосферы, водная среда, направление ветров, качество почвы). Факторы второй группы оказывают непосредственное влияние на характер деятельности людей.

> «Так как потоки с гор несут в себе много ила, то земля в долинах... очень плодородная... — отмечал Боден. — Поэтому благодаря наличию хороших почв жители занимаются сельским хозяйством, установив мир, отказавшись от военных занятий и изнывая от наслаждений... Живущие в подобных долинах могут наслаждаться роскошью в противоположность тем, кто населяет бесплодные места. Последние — доблестные солдаты на войне, а в мире — умелые ремесленники или усердные торговцы»[20].

Таким образом, утверждение о прямой зависимости человеческой деятельности от характера почв, влажности, температуры воздуха Боден аргументировал тем, что сельское хозяйство зародилось и развивалось там, где были плодородные, богатые земли, благоприятный климат и выпадало достаточное количество осадков. Ремесло, торговля и военное искусство, напротив, получили развитие на территориях с бесплодными почвами.

Кроме того, Боден акцентировал внимание на климатических характеристиках каждого региона, утверждая, что климат влияет на деятельность человека опосредованно, через его природную организацию и темперамент, и определяет, прежде всего, его внешний облик и поведение. По наблюдениям ученого, в связи с тем, что температура воздуха понижается по направлению к северу, южане получают больше тепла от солнца и меньше — от самих себя, поэтому их поведение размеренно и медлительно. У северян преобладает внутреннее тепло, вот почему они более оживлены и здоровы. У жителей средней полосы зимой тепло концентрируется внутри, а летом выходит наружу, что и влияет на их внешнее поведение. Связь температуры воздуха, влажности и телосложения людей — лишь частное проявление общих закономерностей природы. А поскольку, по Бодену, человек — часть природного мира, он подвержен такому же влиянию температуры воздуха и влажности, как и другие его части. «Северяне, — отмечал Боден, — в холодном регионе терпеливо трудятся, а в теплом — истекают потом. Например, германцы и скандинавы охотнее развязывают войны зимой, реже — летом»[21].

---

[20] *Ioan. Bodini.* 1579, 124.
[21] *Ioan. Bodini.* 1579, 132.

Боден подчеркивает, что в божественном замысле присутствовал гармонический характер распределения физических и духовных качеств между народами. Северяне имели преимущества только в физической силе, но южане — в интеллекте. «Если бы Бог наделил лисьей хитростью людей диких, как буйволы, или великой силой и выдержкой карфагенян, пронырливых как лисы, то тогда его дары могли использоваться во зло, для разрушения»[22]. Натиск такой разрушительной силы остановить было бы уже невозможно.

Способности людей либо к умственной работе, либо к физической определяют и основные черты национального характера. Именно поэтому, считает Боден, недостаточное развитие интеллекта северян приводит к ярко выраженной импульсивности и именно поэтому северян называли жестокими и дикими. Северяне совершают акты жестокости в силу природной импульсивности и поскольку они физически сильны, то грабеж и войны стали их ремеслом. Это породило в них жадность, но импульсивность толкала их к безумной расточительности. Так как этот недостаток, по мнению Бодена, северяне хорошо за собой знали, то это привело к появлению в их характере еще одной черты — подозрительности. Южане тоже способны к предательству, но идут на него осознанно, в целях личной выгоды. Они тоже жестоки, но их жестокость рождена не импульсивностью, а обоснована разумом и расчетом[23].

Но и жестокость южан объясняется не порочным воспитанием, а природной предрасположенностью. Так, в частности, Боден отмечает необходимость учитывать соотношение соков организма, на которые внешние силы воздействуют неодинаково[24]. В пример приводятся южане, у которых обилие черной желчи порождает недостатки, которые с трудом искореняются. Черная желчь, поясняет Боден, под воздействием солнечного тепла особенно изобильно выделяется у южан и определяет их эмоциональность, поэтому они часто непримиримы и даже невменяемы[25].

По Бодену, природа региона диктует и особенности национального темперамента, который, в свою очередь, определенным образом влияет на выбор того или иного занятия. Различия в национальной психологии объясняются количественным соотношением крови, флегмы, черной и желтой желчи в человеческом организме. Пропорции в соот-

[22] Ibid.
[23] *Ioan. Bodini.* 1579, 266.
[24] *Ioan. Bodini.* 1579, 270.
[25] *Ioan. Bodini.* 1579, 272.

ношении этих соков определяют темперамент, который оказывает значительное влияние на естественную направленность человеческой деятельности. Черная желчь южан, считает Боден, определяет их склонность к размышлениям, поэтому именно южные народы были покровителями высшего познания[26]. Они выявили секреты природы, открыли математические дисциплины, первыми наблюдали власть религии и небесных тел. Скифы же — в противоположность им — менее годны к размышлениям по причине избытка крови, «который настолько угнетает разум, что он редко проясняется». Поэтому, с точки зрения Бодена, в древности среди северян не было ни одного философа. Зато их больше интересовали вещи, которые познаются чувствами и создаются при помощи определенных навыков, практического ума, смекалки. Так, северянам принадлежат открытия многочисленных механических приспособлений, орудий войны, процесса литья металлов, книгопечатания.

Жители средней полосы не предназначены, как считает Боден, для познания философских и созерцательных наук, как южане; или для занятий ручными ремеслами, как северяне[27]. Именно от народов этого региона пришли государственные институты, законодательные системы, традиции и лучшие способы управления государством, а также риторика, диалектика и педагогика. Отсюда ведут свое происхождение величайшие правители, талантливые законодатели, самые беспристрастные судьи, мудрейшие юристы, умнейшие коммерсанты, наконец, известнейшие музыканты и актеры.

Я так подробно изложила теорию Бодена, потому что Болтин именно на ее основе доказывает, что климат, вода, природная среда обитания определяют поведение человека и являются решающим фактором в формировании особенностей становления российского народа. Природный ландшафт с особенностями температуры воздуха, влажности, близостью морей или гор, с особенностями растительности и животным миром, качеством почв предопределяют, например, довольно многообразные сферы деятельности россиян. Территория России (Болтин приводит новейшую для его времени географическую карту, составленную Российской академией наук) включает в себя несколько климатических зон, поэтому, например, в черноземных районах развивается сельское хозяйство, в средней полосе — ремесла и торговля, в лесных районах — охота и промыслы.

---

[26] *Ioan. Bodini.* 1579, 280.
[27] *Ioan. Bodini.* 1579, 282.

Завершая этот небольшое эссе о дискуссии между русским офицером и чиновником Болтиным и врачом Леклерком, замечу что агрессия, насилие, злодейства и французов, и русских, т.е. определенные черты варварства были проявлением комплекса причин — социальными факторами, политическими мотивами, государственными интересами, но и природно-климатическими условиями проживания народов. Природные условия в силу своего разнообразия не способствовали формированию стремления русских к насилию, убийствам, к захвату новых более «комфортных» территорий. Поскольку государство Российское включало обширные пространства, расположенные в нескольких климатических поясах. И, наконец, подчеркнем, что и в современном мире в оценке формирования социального поведения, культуры и даже политических моделей не стоит пренебрежительно относиться к естественной среде обитания как отдельных народов, так и человечества в целом.

ВАРВАРСТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ

РАБОТОРГОВЛЯ И АБОЛИЦИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНИИ

М.П. Айзенштат

Варварство традиционно трактуется как грубость, жестокость, невежество и деградация, которые чаще всего проявлялись в насильственных действиях, в том числе в пленении свободных людей и обращении их в рабов. Рабство существовало в древности, но бóльших размеров достигло во времена Античности, и именно с этим временем обычно связывались работорговля и рабовладение. Наступление Средних веков не принесло их упразднения, личная зависимость продолжила существовать в разных формах. Эпоха Великих географических открытий явилась важной вехой мировой истории. Она имела непредвиденные непосредственные и отдаленные последствия, в том числе в истории рабовладения. Встреча европейских путешественников с коренными обитателями других материков, которые в своем развитии адаптировались к географическому ландшафту и климату, порождала у пришельцев впечатление об огромных пространствах невозделанной свободной земли, девственных лесах и драгоценных металлах. Эти представления создавали почву для захвата земель, основания колоний европейцами и хозяйствования в Новом Свете. В процессе освоения американского континента рабовладение постепенно достигло небывалых в истории масштабов. Это было обусловлено нехваткой рабочих рук, которую по разным причинам не могли восполнить переселенцы, ссыльные каторжники из Англии и аборигены. Между тем, работники были остро необходимы при плантационном выращивании сахарного тростника, хлопка, каучука, табака и другой продукции. Проблема разрешилась за счет транспортировки чернокожих рабов с Западного побережья Африки с последующей их продажей на невольничьих рынках в Южной, а затем Северной Америки и Карибском бассейне. Оправданием насильственного увоза от родных и друзей, мучительного плавания по океану, продажи и невольничьего труда, сопряженные с проявлениями грубости и жестокости, служило представление об отсталости, неразвитости жителей Африки. Притом по мере расширения производства сельскохозяйственных культур из-за высокой смертности рабов в пути и тяжелых условий работы и жизни постоянно возрастала потребность в новых пленниках. Ни античное рабство, ни набеги на Европу воинственных отрядов с севера Африки, из Азии и Среднего Во-

стока, сопровождавшихся угоном жителей разных стран в далекие края, не оставили столь же заметный след в исторической памяти многих народов, прежде всего, потомков бывших рабов, американцев и британцев как обращение в рабство африканцев и их труд на плантациях[1]. В эпоху Просвещения практика рабовладельцев подвергалась критике, особого размаха она достигла в Британии, одни граждане которой превратили страну в крупнейшего работорговца XVIII века, а другие — повели активную непримиримую борьбу за законодательный запрет работорговли. Благодаря прессе, налаженной пропаганде аболиционистов она вышла за пределы Альбиона и получила широкую известность в мире. И по сей день этот феномен привлекает внимание историков, обращенное ко многим его аспектам[2]. В данной главе анализируется не столько рабство, сколько эффективность различных способов противостояния варварству и формы борьбы с ним в метрополии.

К географическим открытиям и созданию заморских владений Англия вслед за Голландией вступила в то время, когда буллы папы Александра VI разделили между Испанией и Португалией земли Нового света и освоенные морские путей к ним. Мореходы других стран были вынуждены искать маршруты, еще не захваченные испанцами и португальцами. Перевозка испанцами и португальцами через океан ценных грузов не могла не спровоцировать пиратских нападений на них и набеги на их колонии с целью грабежа. Из-за ухудшившихся отношений с Испанией в 1562 г. королева Елизавета I санкционировала захваты кораблей с рабами и вторжения на побережье Западной Африки, откуда вывозились будущие невольники. Основной целью Елизаветы I стало всемерное ослабление Испании, чему были призваны служить затруднения на основных торговых путях в Атлантике, а также пополнение казны за счет продажи захваченных рабов и товаров. Естественно, королева одобрила предприятие первого, по мнению исследователей, английского работорговца Джона Хокинса, капера, а впоследствии адмирала и реорганизатора британского флота. Он вывез из Африки рабов и в вест-индских колониях продал 300 человек, получив солидную прибыль[3].

Участие англичан в работорговле возобновилось в начале XVII в., когда в основанные в Северной Америке английские колонии прибыл первый корабль с чернокожими рабами. Торговлю, сопряженную со

[1] *Kowaleski-Wallace E.* 2005, 25–47.
[2] The African Slave trade. 1973; *Ackerson W.* 2005; *Hague W.W.W.* 2007.
[3] *Kelsey H.* 2003.

многими трудностями, на свой страх и риск стали вести отдельные объединения купцов, имевшие различные наименования. В 1713 г. по мирному договору, положившему конец войны за испанское наследство, Великобритания получила право поставлять рабов не только в свои английские, но также и испанские колонии, что способствовало дальнейшему расширению работорговли. Власть поощряла и регулировала весьма прибыльный бизнес.

> «В последней трети XVII в. — писал отечественный историк, — английское правительство предоставило Королевской африканской компании монополию на работорговлю, после этого чернокожие невольники доставлялись в колонии только на английских кораблях»[4].

Компания построила фактории на западном берегу африканского континента, откуда поставляла в Европу золото и слоновую кость. Её названия менялись, но, главное — сохранялись активы, фактории и корабли. После Славной революции 1688–1689 гг. монопольные права Компании со временем были упразднены, вновь в торговлю активно включились отдельные объединения купцов, стремившихся принять участие в столь выгодном предприятии. Атлантика стала центром своеобразного «золотого» треугольника. Из Африки торговцы везли рабов, на вырученные от продажи деньги закупалась продукция плантаций, которая поставлялась в Европу.

Возраставшие доходы позволяли довольно широкому кругу лиц, вовлеченных в работорговлю, занять прочные позиции в социальной структуре общества, политических и общественных институтах метрополии. Владельцы вест-индских плантаций предпочитали жить в Британии, нередко избирались в парламент. Их численность в депутатском корпусе достигала 50-60 человек, которые были объединены общими экономическими и политическими интересами. В 1730 г. создан плантаторский клуб. Купцы и владельцы судов, вовлеченных в вест-индскую торговлю, обычно встречались в одной из лондонских кофеен, где могли обсуждать свои дела и строить планы[5]. Ощущая поддержку власти, обладая высоким социальным и экономическим статусом, все они не могли ожидать подъема движения аболиционистов, грозившего их благополучию.

---

[4] *Согрин В.В.* 2020, 19.
[5] *Айзенштат М.П.* 2009, 97.

Аболиционизм, как общественное движение за запрет работорговли, поначалу носил религиозную окраску. С конца XVII века в произведениях квакеров, которые стали наиболее последовательными и непримиримыми борцами, критиковалось рабство. Их позиция была обусловлена постулатами вероучения, которые состояли в признании существования внутреннего света, «частицы Бога» в каждом человеке независимо от пола, возраста, расы, социальной принадлежности. Они предопределяли уважение квакеров по отношению к каждому человеку, поддержку униженных, отказ от любого насилия и т.д. Отсюда вытекало резкое неприятие продажи любого человека — «частицы Бога»[6]. С самого начала аболиционисты выступали за легитимное решение их требований. Так, с 1760 г. евангелист Генри Шарп пытался добиться принятия парламентом закона о запрете работорговли, принимал действенное участие в разрешении вопроса о статусе чернокожего раба в Британии. Если в 1767 г. закон установил, что он остается собственностью своего хозяина независимо от места проживания, то уже в 1772 г. благодаря усилиям противников работорговли Королевский суд принял постановление, по которому ступивший на английскую землю раб-африканец становился свободным человеком. Эта история привлекла внимание к проблеме части английского общества за исключением самих работорговцев.

Значительную роль в объединении сторонников, сборе информации о жестокости работорговцев и её распространения сыграл Томас Кларксон. Он намеревался принять сан священника англиканской церкви по завершении обучения в университете Кембриджа. А когда учеба подходила к концу, принял участие в конкурсе на знание латинского языка. Для рассуждений учащимся была предложена тема «Законно ли делать рабами других против их воли?». Томаса поглотила работа над сочинением, он прочитал имевшиеся на тот момент публикации на тему рабства выходцев из Африки. Сочинение Томаса заняло первое место, но сама проблема не отпускала юношу, он перевел сочинение на английский язык и издал в виде брошюры. В 1786 г. Томас собрал небольшую группу сторонников из числа квакеров и нонконформистов для создания Комитета по отмене работорговли. На следующий год он записал в дневнике: «Теперь я начал дрожать от мысли, какую трудную задачу я взял на себя, пытаясь ниспровергнуть одну из мощных отраслей торговли великого государства»[7]. В течение двух лет он проехал 35

[6] *Павлова Т.А.* 2005, 150.
[7] Цит. по: *Wilson E.G.* 1989, 53.

тыс. миль по стране, собирая и приобретая наручники, кандалы, клейма и другие орудия, которые использовались при транспортировки живого товара. Познакомился с корабельными хирургами, рассказавших о травмах своих пациентов, приобрел план судна со схемой посадки невольников. Помимо этого, он собирал образцы изделий африканских ремесленников: ткани, ювелирные украшения, глиняную посуду[8]. Параллельно Кларксон выступал с лекциями, где демонстрировал свою «коллекцию», убедившись, что она зачастую оказывала более эффективное воздействие на слушателей, чем его слова. Томас ратовал за гуманную торговлю товарами, а не работниками. Собранные документальные свидетельства и собственные идеи он излагал в опубликованных эссе. Столь напряженная, разносторонняя деятельность Кларксона приносила свои плоды по организации общественного мнения в пользу запрета работорговли[9]. В регионах создавались комитеты аболиционистов, численность которых постепенно возрастала[10]. Их учредители нонконформисты рассматривали проблему рабства и работорговли в контексте религиозных убеждений, побуждавших их, в том числе, заботиться об обращении в истинную веру «нуждавшихся» в этом жителей Африки. Однако религиозный мотив не был единственным. В расширении движения немаловажную роль сыграли морально-этические, экономические и политические представления. Оппозиционные парламентские виги с работорговлей связывали вопрос о свободах народа и тирании власти. В условиях промышленной революции, когда разорялся мелкий и средний производитель из-за внедрения машинного производства, росло недовольство политикой кабинета, социально-экономическим положением. Что вело к усилению негативного отношения к статусу стоявших у власти аристократов, среди которых находилось немало плантаторов-рабовладельцев, богатство купцов и торговцев колониальными товарами, наживавшихся на выращенной рабами продукции, притом различные необременительные должности по управлению колониями раздавались выходцам из дворянских семейств и титулованной знати, проживавших в столице метрополии[11].

Но для решения вопроса на законодательном уровне был необходим сторонник в депутатском корпусе с тем, чтобы он мог внести билль на рассмотрение в парламент. Такой человек был найден благодаря зна-

---

[8] *Абрамова С.Ю.* 1978, 120.
[9] *Айзенштат М.П.* 2009, 99.
[10] Slavery and British society. 1987, 24.
[11] Politics and the Public Conscience. 1978, 17–18.

комству Кларксона с Уильямом Уилберфорсом. Идеи и эссе аболициониста стали убедительным фундаментом в первой речи Уильяма Уилберфорса в палате общин по вопросу о работорговле в 1789 г., когда его поддержали глава кабинета У. Питт, лидеры вигов Э. Бёрк, Ч. Дж. Фокс, Р. Шеридан и другие коммонеры. Однако большинство было не на их стороне. Несмотря на поражение, с этого времени Уилберфорс превратился в ведущего парламентского оратора по проблеме работорговли, регулярно поднимая вопрос о её запрете.

Достижением Уилберфорса и его сторонников стал принятый парламентом закон 1792 г., продиктованный соображениями гуманности, о запрете работорговли, который вводился в действие с отсрочкой на четыре года. Революция во Франции, а также объявление ею войны Британии существенно отодвинули окончательное решение вопроса, позволив сторонникам сохранения работорговли перейти в наступление. Аболиционистов обвиняли в пропаганде и реализации лозунгов французской революции, которые уже принесли соседней стране «неподчинение, анархию, убийства и разруху», утверждали парламентские ораторы[12].

Оппонентами аболиционистов в нижней палате в этот период были коммонеры Эллис и Брайан Эдвардс. Мнение Б. Эдвардса сложилось под влиянием обстоятельств личного жизненного опыта. Брат его матери занимался работорговлей, разбогатев заимел собственные плантации. Племяннику в наследство от дяди досталось 6 плантаций на Ямайке. В 1793 г. Эдвардс опубликовал в двух томах свой труд «История, гражданская и коммерческая Британских колоний в Вест-Индии». С этого времени автор стал известен как специалист по истории Вест-Индии и эксперт по рабовладению. Его сочинение выдержало 5 переизданий, отдельные разделы переведены на немецкий, испанский и французский языки, как и другие работы автора[13]. В 1796 г., когда закон должен был вступить в силу, обострилось противостояние между сторонниками и противниками аболиционистов, в парламенте проходили новые дебаты.

Тогда Эдвардс, опровергая утверждения о том, что в сохранении работорговли заинтересованы лишь плантаторы и узкий круг купцов, подчеркивал, что торговля африканскими рабами являлась британской

---

[12] The Parliamentary history of England (далее — PH). L., 1818. V. 29. 1293.

[13] См.: http://historyofparliamentonline/ org/vol.1790-1820/constituencies (15 января, 2021).

во всех отношениях: она велась британскими подданными на британских кораблях при поддержке британского капитала под властью и защитой британского правительства. В подкрепление этого тезиса Эдвардс обратился к истории участия англичан в работорговле. Он утверждал, что она началась с отправки первого отряда кораблей в 1564 г. Когда нация заполучила свои колонии, то правительство поощряло колонистов, нуждавшихся в рабочих руках, приобретать рабов у британских торговцев. В 1618 г. Яков I предоставил монопольные права первой Африканской компании. Следующую хартию дал Карл I в 1631 г. А третью хартию предоставил Карл II в 1672 г. Пайщиком Королевской Африканской компании стал его брат — герцог Йоркский, будущий Яков II. В инструкциях генерал-губернатору Ямайки говорилось о необходимости всемерного содействия Компании. Карл II послал 300 рабов с целью использования их труда для освоения территорий. Той же политики придерживался Вильгельм Оранский после 1689 г. Спустя несколько лет правительство королевы Анны еще в начале её правления поощряло развитие работорговли, а сама королева получала часть от её доходов. Мнение Эдвардса было очевидно, он перекладывал значительную долю обвинений, звучавших со стороны аболиционистов, с плантаторов и торговцев на власть. Тем самым, прошлый опыт становился серьезной опорой сторонникам сохранения работорговли. Более того, вполне обоснованно он доказывал, что в случае её запрета, она не прекратится, только место британцев займут купцы других стран. И тогда они будут вести прибыльную торговлю, а Британия потеряет существенные доходы[14]. Эти доводы в сложной финансовой обстановке воюющей страны звучали убедительным доводом[15]. Так, в аргументации Эдвардса превалирующее значение приобретали практические соображения[16]. Таким образом, из дела относительно небольшой группы квакеров, движимых религиозными убеждениями, вопрос о запрете работорговли привлек внимание нации, противопоставив гуманность и законность жестокости и насилию. При этом число сторонников возрастало, чему в немалой степени поспособствовала деятельность парламентских комитетов, которые создавались по инициативе Уилберфорса. По сложившейся практике комитеты исследовали проблему, разыскивая и опрашивая свидетелей, а по окончании работы докладывали о полученных данных и публиковали подробный

[14] PH, v. 33. 280–282.
[15] PH, v. 33. 576.
[16] PH, v. 33. 1367–1385.

отчет в виде брошюры. Перед членами комитетов нередко по собственной инициативе выступали свидетели работорговли: путешественники, капитаны и матросы невольничьих судов, надсмотрщики с плантаций, служащие факторий и другие. Их показания обнародовали скрытую от общества картину гибели узников в пути, смертности от болезней и непосильного труда, принуждение к кото-рому осуществлялось жестокими насильственными методами, издевательствами на далеких плантациях и т.д. Тем самым распространялись сведения о темной стороне выращивания потребляемой в Европе продукции, способствуя склонению общественного мнения на сторону аболиционистов[17]. Однако их противники продолжали препятствовать прохождению закона в обеих палатах.

Противостояние между Великобританией и империей Наполеона, которого поддерживали союзники и зависимые от него государства, привело к тому, что обе стороны вводили запреты на ведение торговли и судоходство. Среди других ограничительных мер Британии в 1806 г. стал запрет на поставку чернокожих рабов во французские колонии на британских судах. Сторонники запрета работорговли воспользовались этим прецедентом и при поддержке кабинета смогли добиться в 1807 г. подобного закона в отношении перевозки невольников на судах британского происхождения в британские колонии, одновременно создавался Королевский военно-морской флот, задачей которого стала борьба с нарушителями закона. Акт 1807 г. стал знаменательным событием в истории британского аболиционизма, победа привела к роспуску созданных ранее комитетов.

Королевский флот не мог в полной мере справиться со поставленной задачей так как первое время в больших объемах продолжилась контрабандная торговля, слишком была велика жажда наживы и потребность в рабочих руках. Она велась более жестоко, чем прежде. Опасаясь преследования за нарушение закона, капитаны, завидев корабли Королевского флота приказывали выкидывать за борт живой груз. В 1811 г. парламент принял Закон о тяжких преступлениях. По Закону занятие британскими подданными работорговлей по всему миру рассматривалось как уголовное преступление, а за тяжкие преступления в Британии предусматривалась смертная казнь.

Вопреки надеждам аболиционистов закон 1807 г. серьезно ухудшил обстановку в колониях, обострив проблему рабочих рук на плантациях в связи с высокой смертностью среди рабов. Это, в свою оче-

[17] *Айзенштат М.П.* 2009, 100.

редь, привело к усилению эксплуатации невольников. Ответом с их стороны стало сопротивление, порча инвентаря, а кое-где волнения. Известия о них и о жестоком подавлении любого недовольства поступали в метрополию. В 1823 г. благодаря усилиям и материальной поддержке квакеров и инициативе молодых сторонников аболиционизма создается новая организация — Общество содействия смягчению и постепенной отмене рабства в британских владениях (Анти-рабское общество). В этом же году в парламенте выступил один из лидеров новой организации Томас Бакстон, сменивший в парламенте У. Уилберфорса. По сути, тогда он впервые изложил программу новой организации, она сводилась к постепенному освобождению взрослых рабов, а после утверждения закона свободу получали дети, родившиеся после вступления в силу этого решения[18].

Анти-рабское общество координировало и направляло деятельность региональных обществ, численность которых быстро возрастала. Они использовали ставшие традиционными к этому времени методы агитации: организация митингов, чтение лекций, выступления в палате общин, направление петиций в парламент и др. Новым явлением стала апелляция к общественному мнению через усилившую свое влияние в обществе прессу: аболиционисты начали выпускать собственную продукцию: газету и журналы, предназначенные для различных слоев общества, в том числе, специальные детские издания; кроме того, большими тиражами издавались памфлеты и помещались статьи в других сторонних изданиях. Немаловажную роль в привлечении общественного мнения к проблеме рабовладения сыграло проведение кампаний бойкота продукции, выращенной при использовании рабского труда. Благодаря целенаправленной и разноплановой агитации в движение вовлекались городские слои населения. О том, какой рамах оно получило свидетельствует тот факт, что первым законом после проведения парламентской реформы 1832 г. и избрания на новых принципах палаты общин стал закон 1833 г. об отмене рабовладения в британских колониях. Предполагалось поэтапное освобождение чернокожих рабов, начиная с домашних слуг и детей, рожденных после вступления закона в силу; а также выплата плантаторам компенсации за потерю собственности в размере 20 млн ф. ст.[19]

Итак, строительство колониальных империй в Новое время привело к возрождению практики обращения пленников в рабов, су-

[18] Hansard's. 1824: v. 9. 257–275.
[19] *Айзенштат М.П.* 2009. 198–202.

ществовавшей со времен Античности и Средневековья. Жестокие методы новых работорговцев и рабовладельцев носили черты возрождения варварского обращения с людьми в условиях зарождавшегося и ширившегося интеллектуального движения, получившего наименование — Просвещение.

Динамично развивавшаяся Британия в XVIII столетии превратилась в самого крупного торговца на невольничьем рынке Нового света. Несмотря на приток значительных средств от этой торговли в центре британской империи зарождалось аболиционистское движение. Поначалу оно носило религиозный протест против продажи человека. По мере его расширения в нем утвердились гуманный, экономический и политический мотивы. Преодолевая сопротивление противников, привлекая на свою сторону общественное мнение аболиционисты использовали традиционные и укоренявшиеся современные средства пропаганды и поэтапно добивались успеха в законотворческом процессе. Тем самым варварству работорговцев и рабовладельцев были противопоставлены цивилизованные методы борьбы, которые со временем привели аболиционистов к окончательному успеху. Ступившие на британскую землю чернокожие рабы получили статус свободного человека, затем парламентом утвержден закон, запретивший работорговлю в британских колониях. За ним последовали установление контроля над его исполнением и введение жестких мер по отношению к его нарушителям, что остановило легальное участие британцев в работорговле. Наконец, было отменено рабство.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В АПОЛОГИЯХ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ АФРИКАНЦЕВ

И.В. Хорькова

Христианская апология как новый литературный жанр является продуктом творчества авторов, живших и творивших в первые века новой эры. Этих авторов можно считать правопреемниками апостолов и евангелистов. Они защищали свою веру от нападок со стороны язычников, что обусловливало двуединую задачу их писаний — разъяснение христианских вероучительных вопросов и критику языческого культа и культуры. Обычно апология состояла из двух частей полемической и апологетической сообразно вышеупомянутой задаче. Полемическая часть представляла собой критику философских школ, языческого пантеона и культа; апологетическая доказывала правильность и превосходство христианского мировоззрения над языческим.

В этом разделе мы обращаемся к анализу апологий латиноязычных африканцев, то есть христианских авторов, происходивших из римской провинции Африка и писавших свои сочинения на латинском языке. Мы привлекли к исследованию следующие произведения: несколько сочинений Квинта Септимия Флоренса Тетуллиана (160–220 гг.); труд «Adversus nationes libri septem» (Семь книг против язычников), единственную апологию Арнобия Афра, автора конца III – начала IV вв. н.э.; широко известное творение Луция Цецилия Фирмиана Лактанция (250–325 гг.) «Divinae Institutiones» (Божественные установления); многотомный труд «De Civitate Dei» (О граде Божьем) признанного авторитета христианского вероучения Аврелия Августина (354–430 гг.).

Остановимся на правомерности объединения для исследования перечисленных выше авторов и их произведений. Все они являются выходцами из римской Африки, хотя некоторые из них покидали провинцию в течение жизни. Тертуллиан родился в Карфагене, но долгое время изучал риторику, философию и право в Риме. Лактанций, будучи воспитателем наследника императора Константина, жил в Трире. Аврелий Августин некоторое время преподавал риторику в Медиолане. Тем не менее, начальное риторическое образование все эти авторы получили на территории провинции Африка. Все они по месту рождения — провинциалы и в силу этого варвары, хотя практически все жили после эдикта Каракаллы о гражданстве 212 года, а значит, являлись римскими гражданами. Тертуллиан был сыном римского центуриона, поэтому мог иметь римское гражданство от рождения. При этом все перечисленные

авторы писали на латыни, хотя не для всех это был родной язык. Арнобий считается этническим греком[1]. Кроме того, ученые прошлого и позапрошлого века указывали на существование в сочинениях этих апологетов параллельных пассажей, что требует специального анализа[2].

Прежде всего, нас будут интересовать полемические части в апологиях перечисленных авторов, которые в некоторых случаях занимают даже больший объем, нежели апологетические. Это легко объяснить риторическим, языческим, по сути, образованием большинства апологетов. Тертуллиан, как было отмесено выше, изучал риторику и право в Риме[3]. Арнобий был известен как учитель риторики в городе Сикка Венерия[4]. Лактанций получил прозвище «христианского Цицерона» за свое исключительное красноречие[5]. Аврелий Августин в течение трех лет учился риторике в Карфагене, а затем был преподавателем риторики в родном городе Тагасте (Нумидия)[6]. В силу своего языческого образования христианские апологеты являлись носителями определенного комплекса знаний, а риторика определяла средства изложения и художественное оформление этих знаний. Наша задача — выделить общее в полемических частях сочинений названных выше христианских авторов из провинции Африка и ответить на вопрос, как повлияло их африканское происхождение на это общее.

В настоящем разделе обобщается работа автора по исследованию текстов указанных апологий. Эти исследования были отражены в ряде статей, на которые мы будем ссылаться по ходу изложения материала. Поскольку текстовые сопоставления имели место в указанных статьях и, будучи ограничены объемом, мы не приводим здесь детального анализа пассажей из латиноязычных африканцев.

Проанализируем, фактический материал, рассматриваемый нашими авторами для обличения язычества. Обращает на себя внимание факт активного использования в их трудах ранней римской истории. Практически вся третья книга Аврелия Августина посвящена периоду от рождения Ромула до правления последнего римского царя Тарквиния Гордого[7]. У Лактанция до-царскому периоду Рима посвящены главы 20-

[1] *Дроздов Н.М.* 2008, 9.
[2] *Дроздов Н.М.* 2008, 37–58; *Geffcken J.* 1907, 288–289; *Kettner G.* 1877, 4–7.
[3] *Майоров Г. Г.* 1979, 111.
[4] *Дроздов Н.М.* 2008, 9.
[5] *Майоров Г. Г.* 1979, 133.
[6] *Майоров Г. Г.* 1979, 189.
[7] *Aug.* CD III. 5–17.

22 первой книги «Божественных установлений»[8]. В труде Арнобия есть несколько красноречивых отрывков, касающихся того же времени[9]. Чаще всего внимание христианских авторов привлекают личности трех римских царей: основателя Города Ромула, религиозного реформатора Нумы Помпилия и последнего римского царя Тарквиния Гордого. Чем вызван такой интерес именно к ранней римской истории? Разумеется, возможностью разоблачения героизированных римскими историками событий. Арнобий, рассказывая о смерти и обожествлении Ромула, сообщает, что он был убит руками ста сенаторов, а вовсе не вознесся на небо, как принято считать у римлян[10]. Та же информация есть у Лактанция и Августина[11]. Это традиционный сюжет, известный многим более ранним авторам[12]. Но если Ливий еще сомневается в том, что Ромул вознесся на небо и стал богом, то Валерий Максим уже совершенно уверенно заявляет, что он был растерзан в курии сенаторами. Христианские авторы поддерживают мнение о политическом убийстве основателя Города. Сам сюжет о кончине Ромула восходит к анналистической традиции.

Не меньший интерес у апологетов вызывает фигура второго римского царя — Нумы Помпилия, который учредил большинство римских религиозных праздников и жреческих коллегий. Аврелий Августин посвящает описанию деятельности этого царя две главы[13]. Лактанций сообщает о сожительстве Нумы с нимфой Эгерией, которая давала ему советы по организации культа[14]. Арнобий упоминает Нуму в связи с учреждением коллегии салиев и введением обрядов по очищению территории после удара молнии[15]. Характеристики царя у наших авторов носят либо ироничный, либо откровенно неприязненных характер. Августин обвиняет Нуму в «опаснейшем любопытстве» (perniciosissima curiositas), подразумевая его религиозные искания[16]. В пассаже из труда Арнобия Помпилий предстает как отъявленный хитрец.

---

[8] *Lact.* DI I. 20–22..

[9] *Arn.* AN I. 41; V. 1–4; 18; VI. 7

[10] *Arn*. AN I. 41.

[11] *Lact*. DI I. 15. 21; *Aug*. CD III. 15.

[12] *Liv.* Ab urbe con. I. 16; *Dion.* Ant. Rom. II. 56; *Ovid*. Met. 14. 805ff.; *Val. Max*. V. 3. 1.

[13] *Aug.* CD III. 9–10.

[14] *Lact*. DI I. 22.

[15] *Arn*. AN V. 1.

[16] *Aug*. CD III. 9.

Другим общим местом рассматриваемых христианских апологий является критика numina (лат. numen — воля, могущество, величие, божество). Под этим названием разумеется некая божественная энергия, магическая сила, свойственная всякому божеству и священному предмету[17]. В свое время определение места этих божеств в римском пантеоне вызвало бурную дискуссию в научном мире. Одни ученые считали numina отголоском эпохи анимизма, наиболее ранней стадии развития религии, через которую прошли все народы[18]. Другие утверждали, что numina суть чисто римское явление, показатель римского прагматизма, объясняющего отсутствие теогонии и мифологии по греческому образцу с разветвленной генеалогией и мифопеей богов. По их мнению, эти божества одной функции были олицетворениями молитвенных формул, порождением жреческой фантазии, а потому они не играли серьезной роли в религиозной практике[19].

Наиболее полные списки богов-numina мы находим у трех наших африканцев — Тертуллиана, Арнобия и Августина. Эти списки довольно компактно сконцентрированы в нескольких главах их сочинений. У Тертуллиана в 11 и 15 главах второй книги сочинения «Ad nationes» (К язычникам), у Арнобия в 4, 7 и 9 главах четвертой книги «Против язычников», у Августина в 8, 11, 21 и 34 главах четвертой книги и в 9 главе шестой книги «О Граде Божьем». Общее свойство numina состоит в том, что они представляют собой олицетворение той или иной функции и имеют имя, этимологически вытекающее из этой функции. Например, Mellonia — это богиня меда, владычествующая над пчелами[20]. Mellonia происходит от mel (мед), и ее имя может быть переведено как Медовая. Potina или Potua — богиня, научающая младенцев пить[21]. Ее имя происходит от слова potio (питье) и соответственно переводится как Питьевая. Для наглядности numina можно сопоставить с духами славянского язычества, такими как домовой. Нет нужды упоминать, насколько привлекателен для христианских апологетов был материал по numina. Он жестко обличал ничтожность языческих божков с одной функцией по сравнению с христианским единым Богом-Творцом. Большая часть информации по этому вопросу была заимствована христианскими авторами из несохранившегося труда римского ан-

[17] *Wagenvoort M. H.* 1947, 7; 75.

[18] *De Francisci P.* 1959, 220; *Grenier A.* 1947, 298; *Usener H.* 1948, 78–79.

[19] *Bailey C.* 1932, 38; 62–63; 173; *Boyancé P.* 1972, 3; *Wissowa G.* 1902, 325; *Штаерман Е.М.* 1987, 104.

[20] *Arn*. AN IV. 7.

[21] *Tert.* Ad nat. II. 11. 8; *Arn*. AN III. 25; *Aug*. CD IV. 11. 34.

тиквара Марка Теренция Варрона «Antiquitates rerum divinarum et humanarum» (Древности дел божественных и человеческих)[22].

Большой объем в апологиях занимает материал, содержащий этимологический анализ языческих теонимов. Здесь апологетами рассматриваются не только божества одной функции с прозрачной этимологией, но и великие боги римского пантеона, такие как Юнона, Аполлон, Флора и др. В сочинении Арнобия этимологиям посвящены главы 21-26 третьей книги, у Августина главы 8-11 четвертой книги. Подобного рода информация содержится также у Тертуллиана (разбросана по разным его сочинениям) и Лактанция[23]. Некоторые из приводимых апологетами этимологий представляются корректными с точки зрения современного языкознания (Flora — богиня цветения от глагола florere — цвести). Однако большая их часть — это народные этимологии, такие как Minerva (Минерва) — от глагола meminisse (помнить), поскольку эта богиня отвечает за человеческую память[24]. Этимологический метод отнюдь не был изобретением христианских апологетов. К нему прибегали многие языческие грамматики и антиквары с целью объяснения функций языческих богов через теоним. Наиболее ярким и последовательным представителем этого метода был опять-таки Теренций Варрон, сочинения которого были источником информации для всех перечисленных авторов. Конечно, помимо Варрона, можно назвать в этой связи не менее известные имена — Марка Туллия Цицерона и грамматика Веррия Флакка, которые также были не чужды применения этимологического метода. В знаменитом произведении Цицерона «De natura deorum» (О природе богов) можно встретить такие этимологии, как «Juppiter=juvans pater от juvando (вспомоществование, помощь)»[25].

Не меньшей популярностью в произведениях апологетов пользуются аргументы, направленные против отождествления языческих богов со стихиями. На закате античной мифологии философы предлагали понимать языческих богов как олицетворения стихий или понятий. В упомянутом выше сочинении Цицерона «О природе богов» можно найти значительный материал по этому вопросу: Сатурн — это время, Юпитер — эфир, Нептун — вода, Либер и Аполлон — солнце, Диана — луна и т.д.[26]. Практикой сопоставления богов со стихиями и понятиями

[22] По этому вопросу см. статью: *Хорькова И.В.* 2018, 1323.
[23] *Tert.* Ad nat., II, 11–15; De an., 37; *Lact.* DI I. 11; 20.
[24] *Arn*. AN III. 31.
[25] *Cic*. ND II. 25.
[26] *Cic*. ND II. 25–67.

увлекалась стоическая философская школа. Эти попытки толкования языческих богов как стихий с удовольствием подхватили христианские авторы. Все названные олицетворения встречаются в сочинениях наших апологетов и подвергнуты ими уничтожающей критике[27].

Еще один важный для рассматриваемых апологий вопрос — это «множественность» языческих богов. Речь идет о позднеантичном феномене, когда несколько языческих богов носят одно и то же имя, но различаются по мифопее и месту почитания, а иногда и по функциям. Такое положение в языческом пантеоне явилось результатом бесконечных идентификаций богов разных племен и народов, завоеванных Римом, с исконно римскими традиционными божествами. Известна значительная веротерпимость римлян по отношению к культам покоренных народов. Часто иноземные божества включались в состав римского пантеона, что приводило к дублированию функций богов и размыванию сфер их влияния. Особенно значимой для римского пантеона стала идентификация отечественных богов с греческими, за которыми стояла богатая мифология. Конечно, такой материал не мог не заинтересовать поборников христианской веры. Эта информация, введенная в оборот языческими писателями, поэтами, а затем и философами, также работает на дискредитацию язычества в апологиях африканцев.

В 14 главе четвертой книги Арнобия содержится значительный материал по «множественности» языческих богов. Эта информация частично имеется также в сочинениях Лактанция и Климента Александрийского [28]. Но самое интересное, что в сочинении Цицерона «О природе богов» содержится почти тот же фактический материал[29]. Именно это сочинение Цицерона было непосредственным источником Лактанция, о чем он сам сообщает[30]. Детальное текстовое сопоставление фрагментов из произведений Цицерона, Климента и Арнобия не позволяет говорить о непосредственном заимствовании информации апологетами у Цицерона. Материал Цицерона более детальный и разнообразный. Однако у Климента и Арнобия имеются сведения, отсутствующие в сочинении Цицерона. Поэтому можно предположить наличие общего архетипа, явившегося источником для всех трех авторов[31].

---

[27] *Tert*. Ad nat., II. 11–15; *Aug.* CD IV. 10–11; VII. 16–28; *Arn*. AN III. 28–34; *Lact*. DI I. 12.

[28] *Lact.* DI I. 6; 11; *Clem*. Pr. II. 27.

[29] *Cic*. ND III. 21–23.

[30] *Lact*. DI I. 11.

[31] Более подробно по данному вопросу см. статью: *Хорькова И.В.* 2020а.

Большой интерес христианские апологеты проявляют к описанию языческих религиозных праздников и особенно тайных мистерий. Арнобий достаточно подробно останавливается на Вакханалиях, мистериях Кипрской Венеры и Корибантов, а также на Себадийских, Элевзинских и Алимунтских мистериях[32]. Климент Александрийский почти полностью повторяет информацию Арнобия[33]. Некоторые исследователи даже предполагали заимствование этого материала Арнобием из сочинения Климента[34]. Однако более оправданным представляется мнение о получении информации по мистериям обоими авторами из общего источника, которым могло быть произведение под названием «Книга о мистериях», появившееся в I в. н.э.[35] Аврелий Августин в своем сочинении рассказывает об Элевзинских мистериях, Таинствах культа Либера, Великой Матери и Атиса[36]. Христианские авторы высмеивают аллегорические толкования тех магических действий, которые производятся во время мистерий. На самом деле, сами толкователи часто не имели представления о том, с какой целью производятся эти действия, связанные с гомеопатической и контагиозной магией, существовавшей еще в дописьменный период. Поэтому толкования могут только приблизительно указывать путь поиска, но не могут ответить на все вопросы, возникающие в процессе изучения этих религиозных феноменов.

Итак, можно констатировать, что латиноязычные африканцы используют одну и ту же информацию для обличения языческого культа в полемических частях. Информация тематически скомпонована и представляет собой своего рода информационные блоки: ранняя римская история, numina, аллегорическое толкование сущности языческих богов, «множественность» великих богов, тайные мистерии.

Наши апологеты зачастую используют в качестве источников произведения своих предшественников — языческих антикваров, историков, философов и поэтов. Особенно часто их обращение к трудам Варрона и Цицерона, а также к компендиям и обобщающим работам I–II вв. н.э. Как свидетельствует заимствованный материал, христианские авторы черпали из этих сочинений не только факты, но и саму аргументацию, выработанную языческими философами и писателями. Рационалистические и аллегорические толкования сущности языческих богов свидетельствуют о глубоком кризисе, охватившем религиозную систему

[32] *Arn*. AN V. 19–29.
[33] *Clem*. Pr. II. 10–33.
[34] *Sitte A.* 1970, 19–20.
[35] *Tullius F.* 1934, 57.
[36] *Aug*. CD VII. 20–26.

римского мира. Древняя архаическая религия уже не удовлетворяла нравственным и интеллектуальным запросам образованных людей. Отсюда попытки увязать традиционную религию с философией, сильно продвинувшейся вперед усилиями великих древнегреческих философов. Христианские авторы чутко улавливают эти тенденции и используют для ниспровержения язычества как такового. Метод этимологического анализа, применяемый языческими учеными для разъяснения функций богов, в христианских апологиях превращается в способ наиболее хлесткой критики, обличающей ничтожность представителей языческого пантеона.

Однако общее в апологетических сочинениях латиноязычных африканцев не сводится единственно к использованию одних и тех же информационных блоков. Нельзя не отметить также широкое использование нашими авторами полемических приемов, усвоенных в процессе обучения риторике. Рассматриваемые сочинения построены в соответствии с риторическими канонами и содержат большое количество тропов и фигур речи.

Предоставим слово Арнобию. Вот пассаж из 67 главы второй книги, которую можно озаглавить «Mores majorum» (нравы предков):

> Itaque cum nobis intenditis aversionem a religione priorum, causam convenit ut inspiciatis, non factum, nec quid reliquerimus opponere, sed secuti quid simus potissimum contueri. Nam si mutare sententiam culpa est ulla vel crimen et a veteribus institutis in alias res novas voluntatesque migrare, criminatio ista et vos spectat, qui totiens vitam consuetudinemque mutastis, qui in mores alios atque alios ritus priorum condemnatione transistis. Numquid enim quinque in classes habetis populum distributum, vestri olim ut habuere maiores? numquid magistratus per populum creatis? militaria urbana communia quae sint comitia scitis? servatis de caelo aut otiosas facitis obnuntiationibus actiones? si paratis bella, signum monstratis ex arce? aut fetialia iura tractatis? per clarigationem repetitis res raptas? aut Martium discrimen obeuntes spem proelii sumitis et ex acuminibus auspicatis ? in potestatibus obeundis leges conservatis annarias? in donis, in muneribus Cincias? in cohibendis censorias sumptibus? in penetralibus et caeligenis perpetuos fovetis focos? sacras facitis mensas salinorum adpositu et simulacris deorum? cum in matrimonia convenitis, toga sternitis lectulos et maritorum genios advocatis? nubentium crinem caelibari hasta mulcetis? puellarum togulas Fortunam def-

> ertis ad Virginalem? matres familias vestrae in atriis operantur domorum industrias testificantes suas? potionibus abstinent vini? adfinibus et propinquis osculari eas ius est, ut sobrias comprobent atque abstemias se esse?
>
> Делите ли вы народ на пять классов, как это было некогда у ваших предков? Избираются ли у вас должностные лица народом? Знаете ли вы, что такое воинские, городские и общие комиции? Наблюдаете ли вы небесные знамения и не действуете ли вы, не обращая внимания на неблагоприятные предзнаменования? Когда вы готовитесь к войне, то выставляете ли знамя на Капитолии? Соблюдаете ли вы законы о фециалах? Делаете ли вы объявление о начале войны? В критические моменты войны обнадеживаете ли вы себя победой вследствие примет на остриях копий? При занятии должностей соблюдаете ли вы законы о возрасте, относительно даров и подарков — законы Цинция и об ограничении расходов — законы цензорские? Поддерживаете ли во внутренней части дома и в кухнях постоянный огонь на очагах? Освящаете ли вы столы поставленными на них солонками и статуями богов? Когда вы вступаете в брак, то покрываете ли ложи тогой и призываются ли вами гении супругов? Расчесываете ли вы волосы выходящих замуж холостым копьем? Посвящаете ли вы одежды дев Деве Фортуне? Ваши матери семейств занимаются ли работами в приемных залах домов, свидетельствуя о своем трудолюбии? Воздерживаются ли они от винопития? Предоставляется ли право родственникам и друзьям целовать их, чтобы убедиться в их трезвости и воздержанности? (Пер. Н.М. Дроздова)[37].

Все эти вопросы Арнобий адресует римлянам, отсылая к обычаям предков, чтобы ответить на них отрицательно. Все эти древние установления давно забыты ко времени его жизни. В сочинении Арнобия порой целые страницы состоят из бесконечных риторических вопросов[38]. А вот выдержка из труда Аврелия Августина:

> Quid enim aliud ostendunt illa simulacra formae aetates sexus habitus deorum? Numquid barbatum Iovem, imberbem Mercuri-

[37] *Arn*. AN II. 67. Перевод Н.М. Дроздова приведен по изданию: Арнобий. Против язычников. СПб.: Издательство СПб. университета, 2008.

[38] *Arn*. AN I. 2–5; VII. 33.

um poetae habent, pontifices non habent? Numquid Priapo mimi, non etiam sacerdotes enormia pudenda fecerunt? An aliter stat adorandus in locis sacris, quam procedit ridendus in theatris? Num Saturnus senex, Apollo ephebus ita personae sunt histrionum, ut non sint statuae delubrorum? Cur Forculus, qui foribus praeest, et Limentinus, qui limini, dii sunt masculi, atque inter hos Cardea femina est, quae cardinem servat? Nonne ista in rerum divinarum libris reperiuntur, quae graves poetae suis carminibus indigna duxerunt? Numquid Diana theatrica portat arma et urbana simpliciter virgo est? Numquid scaenicus Apollo citharista est et ab hac arte Delphicus vacat? Sed haec honestiora sunt in comparatione turpiorum.

На что, в самом деле, указывают эти статуи, формы, возрасты, пол и одежды богов? Неужели бородатый Юпитер и безбородый Меркурий есть только у поэтов, а у понтификов — нет? Неужели в честь Приапа отправляют гнусные безобразия одни только мимы, но никак не жрецы? Или он одним образом выставляется для поклонения в местах священных и совсем другим является в театр, служа объектом всеобщей потехи? Старик Сатурн и юноша Аполлон — только ли маски гистрионов, но вовсе не статуи, стоящие в храмах? Почему Форкул, охраняющий двери, и Лиментин, сторожащий порог, суть боги мужского пола, а Кардея, охраняющая петли, божество женское? Не встречается ли в книгах о божественных вещах такое, что серьезные поэты для своих стихов посчитали бы постыдным? Разве лишь театральная Диана носит оружие, а городская — просто дева? Или сценический Аполлон играет на цитре, а дельфийский не владеет этим искусством? Но это в ряду других мерзостей — еще вполне терпимые[39].

Не будем продолжать цитирование. Риторический вопрос является бесспорным лидером среди риторических фигур, используемых апологетами. И это неудивительно, ведь апология в своей полемической части — спор с язычниками о религии, поэтому часто оформлялась как живой диалог с оппонентом. Нет недостатка и в других риторических фигурах в трудах апологетов. Среди них — хиазмы, антитезы, анафоры[40].

---

[39] *Aug.* CD VI. 7. Цитируется по изданию: Блаженный Августин. О граде Божьем в 22 книгах. Репринтное воспроизведение издания — Киев, 1905–1910.

[40] *Aug*. CD I. 18–19; *Arn*. AN II. 70.

Как уже было отмечено, наши апологеты были римскими гражданами в соответствии с эдиктом Каракаллы. Однако чувствуют ли они себя на деле римлянами? Вернемся к большой цитате из арнобиевой апологии, касающейся обычаев предков.

> Делите ли *вы* народ на пять классов, как это было некогда у ваших предков? Избираются ли у *вас* должностные лица народом? Знаете ли *вы*, что такое воинские, городские и общие комиции? Наблюдаете ли *вы* небесные знамения и не действуете ли *вы*, не обращая внимания на неблагоприятные предзнаменования?[41]

и так далее. Римляне, к которым обращены эти слова, у Арнобия везде — *вы*, а никак не *мы*. С этим перекликается призыв Аврелия Августина:

> Romanos ipsos videamus, ipsos, inquam, recolamus respiciamusque Romanos, de quorum praecipua laude dictum est: Parcere subiectis…
>
> Посмотрим на самих римлян; вспомним, говорю, и пересмотрим *этих самых римлян*, которые в особую славу себе вменяли щадить покорных…[42].

Звучит довольно пренебрежительно. В конце своего труда Арнобий называет Рим государством, основанным на погибель рода человеческого (civitas in humani generis perniciem nata)[43]. Что касается Августина, то само противопоставление Града Божьего и града земного в его основном труде является противопоставлением небесного Иерусалима и церкви как его представительства на земле греховному земному городу — Риму.

Однако особого накала ненависть к Риму и римским обычаям достигает в сочинениях Тертуллиана. Исследователи часто характеризуют его как истинного пунийца, приверженца всего африканского[44]. В своих трудах он славит легендарную основательницу Карфагена Дидону и жену Гасдрубала, смертельного врага Рима[45].

---

[41] *Arn*. AN II. 67–68.

[42] *Aug*. CD I. 6.

[43] *Arn*. AN VII. 51.

[44] *Амман А*. 1994, 54; *Waltzing J.–P*. 1929, XXII; *Братухин А. Ю*. 2016, 248–249.

[45] *Tert.* De an. 33. 9; Apol. 50. 5; De mon. 17. 2; Ad nat. II. 14. 6; Ad mart. 4. 5.

Несколько более сложна позиция Лактанция. Как воспитатель Криспа, старшего сына Константина Великого и наследника императорского престола, он должен был сохранять лояльность. Поэтому в начале «Божественных установлений» он обращается к императору Константину:

> Quod opus nunc nominis tui auspicio inchoamus, Constantine, Imperator Maxime, qui primus Romanorum principum, repudiatis erroribus, maiestatem Dei singularis ac veri et cognovisti et honorasti.
>
> Приступаем мы ныне к труду этому по власти имени твоего, император великий Константин, ты первый из римских императоров, кто, отвергнув заблуждения, узнал и восславил величие единственного и истинного Бога (Пер. В.М. Тюленева)[46].

По мнению В.М. Тюленева Римская империя для Лактанция — последний и главный проводник божественного замысла[47]. Ведь известны прохристианские настроения Константина, чем в том числе можно было бы объяснить лояльность Лактанция по отношению к римскому миру. Однако и император-язычник Адриан за отмену человеческих жертв Юпитеру[48] противопоставляется варварам и признается Лактанцием носителем цивилизованного начала[49].

Тем не менее, большинство христианских авторов тяготеют к культуре ближневосточной, а не эллинско-римской[50].

Итак, в рассматриваемых апологиях отражаются два основных антагонизма: провинциалы — римляне и христиане — язычники. Причем в нашей ситуации практически сливаются позиции провинциалы-христиане и римляне-язычники. С точки зрения римлян наши апологеты должны рассматриваться как варвары и в силу своего провинциального происхождения, и в силу своей приверженности христианству, которое долгое время воспринималось как иудейская (читай варварская) секта, то есть и этнически, и ментально. Христианские авторы не относят себя к римлянам, но и варварами не считают, несмотря на благосклонное отношение к местной, в нашем случае африканской культурной традиции. С точки зрения наших апологетов ментальными варварами являются как

---

[46] *Lact.* DI I. 1. 13. Перевод приводится по изданию В.М. Тюленев. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000, с. 208.

[47] *Тюленев В.М.* 2000, 119.

[48] *Lact.* DI I. 21. 1.

[49] *Тюленев В.М.* 2000, 119.

[50] *Бычков В.В.* 1995, 83.

раз римляне-язычники в силу приверженности отжившей свой век языческой религии и запутавшейся в разногласиях философии. Можно констатировать, что к основному антагонизму христиане — язычники отчетливо добавляется этнический компонент, и противостояние провинциалы — римляне утверждается не менее жестко.

Следовательно, можно подытожить, что общее всем нашим авторам африканское происхождение, безусловно, оставило свой след в их апологиях. Этот след заметен в построении полемики с язычниками как с фактической, так и со стилистической стороны. Подбор фактического материала для аргументации носит черты явного сходства для всех рассмотренных сочинений. Помимо общей задачи такой подбор объясняется, на наш взгляд, использованием общей источниковой базы. Источниками для наших апологетов служили сочинения на латинском языке, имевшие хождение именно в провинции Африка, списки которых можно было найти в библиотеках и риторических школах. Недаром многие исследователи считают промежуточными источниками апологетических сочинений компендии и подборки примеров на заданную тему[51]. Другой общей чертой является оформление апологий с использованием одних и тех же риторических фигур, ведущее положение среди которых занимает риторический вопрос. И, наконец, помимо основного противостояния христианства язычеству в рассмотренных трудах вполне отчетливо проступает противостояние провинциалы (или варвары) — римляне.

[51] *Братухин А.Ю.* 2016, 164, 216, 219; *Kettner G.* 1877, 17, 30–31; *Tullius F.* 1934, 73.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

БИ	— Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
ВВ	— Византийский временник. Москва
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ДБ	—Древности Боспора. Москва
ДВАМ	— Древний Восток и античный мир. Москва
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
РИЭ	— Российская историческая энциклопедия. Москва
ЦиВ	— Цивилизация и варварство. Москва
AO	— *Aldhelmi* operae / R. Ehwald (ed.) // MGH AA. XV. Pars I–II. B. 1913–1919; *Idem*. The Poetic Works / M. Lapidge, J. Rosier (trans.). Cambridge, 1985; *Idem*. The Prose Works / M. Lapidge, M. Herren (trans.). Cambridge, 1979. (CDV – Carmen de virginitate; DV – De virginitate; Enigm. – Enigmata; Ep. – Epistulae)
AS	— Ancient Society. Leuven
ASE	— Anglo-Saxon England. Cambridge.
BMC	— A catalogue of Greek coins in the British Museum. Cyrenaica. L., 1927
BSA	— The Annual of the British School at Athens. London
CQ	— The Classical Quarterly. Oxford; London; New York
DHA	— Dialogues d'histoire ancienne. Besançon
Etym.	— *Isidorus Hispalensis.* Etymologiarum sive Originum. Libri XX / W.M. Lindsay (ed.). Vol. I–II. Oxford, 1911. — https://www.thelatinlibrary.com (август, 2024)
GR	— Greece and Rome. Oxford
GRBS	— Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham

Ham.	— *Prudentius.* Hamartigenia // *Prudentius.* Opera omnia. 2 vols. / H.J. Thomson (ed., trans.). Vol. I. L., 1949. P. 200–273; *Idem*. The origin of sin: an English translation of the Hamartigenia / M. Malamud (trans., comm.). N-Y., 2011
HE	— *Bede.* Historia ecclesiastica gentis Anglorum. — https://www.thelatinlibrary.com (август, 2024)
HF	— The Hisperica Famina: A-text / M. Herren (ed., trans.). Toronto, 1974; Гесперийские речения / Д.Б. Шабельников, Д.О. Торшилов (пер., вступ. ст.). СПб., 2000
JHS	— Journal of Hellenic Studies. London
JRAI	— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London
LSJ	— A Greek-English Lexicon. By H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones. Oxford. 1996
OJA	— Oxford Journal of Archaeol(
Musp.	— *Di Venosa E.* Muspilli: introduzione, traduzione e commento. Pisa, 2023
PCPhS	— Proceedings of the Cambridge Philological Society. Cambridge
PH	—The Parliamentary history of England. L., 1818. Vol. 29, 33
Psych	— Psychomachia // *Prudentius.* Opera omnia. 2 vols. / H.J. Thomson (ed., trans.). Vol. I. L., 1949. P. 274–343; *Пруденций.* Сочинения / Р. Шмараков (пер.). М., 2012. С. 31–56
RE	— Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly – Wissowa G. Stuttgart
REG	— Revue des Études grecques.
SNG. Cop.	— Sylloge Nummorum Graecorum. The Danish National Museum. Part 41: Alexandria – Cyrenaica. Copenhagen, 1974
VG	— *Felix.* Life of Saint Guthlac [Vita Sancti Guthlaci auctore Felice] / B. Colgrave (ed., trans.). Cambridge, 2007

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ / INSTEAD Of FOREWORD

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО: ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ИСТОРИИ ВАРВАРОВ (БУДАНОВА В.П.) /

LANDSCAPE BARBARISM: A COMPLEMENTARY COMPONENT OF THE BARBARIAN STORY (Vera P. BUDANOVA)

Абрамова З.А. 1971: Ляско — памятник палеолитического наскального искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 53–80.

Абрамова З.А. 2005: Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.

Алаев Л.Б. 1999: Всемирная история: первобытный период. (Лекция). М.

Алексеева Т.И. 1977: Географическая среда и биология человека. М.

Батай Ж. 1994: Смерть на дне «колодца» в пещере Ласко (Из «Слёз Эроса») // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 271–308.

Беляева Е.В. 1998: О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб.

Бобров В.В. 2014: Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 268–278.

Борисов А.В., Мимоход Р.А. 2017: Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // Российская археология. 2. 48–60.

Брей У., Трамп Д. 1990: Археологический словарь. М.

Брюсов А.Я. 1952: Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Бэрон Р., Ричардсон Д. 2017: Агрессия. Санкт-Петербург: Питер.

Величко А.А. 1985: Природа у колыбели человечества // Природа. 3. 35–45.

Величко А.А. 1997: Глобальное инициальное расселение как часть проблемы коэволюции человека и окружающей среды // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид А.А. Величко, О.А. Софер (ред.). М.

Вишняцкий Л.Б. 2010: Неандертальцы: какими они были и почему их не стало // Stratum plus. 1. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса – Бухарест, 25–95.

Всемирная история. 2011: Всемирная история. Т. 1. Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М.: Наука.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1981: Миграции племён — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 2. 11–33.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.

Головнев А.В. 2009: Антропология движения (древности Северной Евразии) / Отв. ред. акад. РАН В.А. Тишков. Екатеринбург: УрО РАН; «Волот».

Григорьев Г.П. 1969: Культура первобытного общества и природная среда // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 216–227.

Григорьев Г.П. 1987: Ф. Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.

Гуревич П.С. 2018: Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф.

Дарвин Ч. 1991: Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Под ред. Я.М. Галла и А.Л. Тахтаджяна. СПб.: Наука.

*Дэвлет Е.Г.*2004а: Альтамира: у истоков искусства. М.: Алетейа.

Дэвлет Е.Г. 2004б: Альтамира — «королева расписных пещер»: К 125-летию открытия пещерного искусства // Природа. 12.

Дьяконов И.М. 2007: Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига.

Зальцман Э.Б. 2010: Поселения культуры шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике. М.

Збигнев Х. 2004: Варвар в саду. СПб., 13–31.

Зубов А.А., Васильев С.В. 2006: Первоначальное заселение Европы по данным антропологии // Доисторический человек: биологические и социальные аспекты. М., 53–92.

Иванова С.В. 2001: Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк.

Кайзер Э. 2010: Эгалитарное пастушеское общество versus воины кочевники? Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур // Stratum plus. 2. Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса - Бухарест, 99–120.

Клейн Л.С. 2000: Археологическая периодизация: подходы и критерии // Stratum Plus. 1.

Клейн Л.С. 2014: Теоретический словарь археологии. Донецк.

Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е. 2021: Роль климатического фактора в происхождении синташтинской культуры // Уральский исторический вестник. 3 (72). 39–49.

Крайнов Д.А. 1972: Древнейшая культура Волго-Окского междуречья. М.

Красилов В.А. 1992: Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М.

Кривальцевич Н.Н. 2011: Верхнее Поднепровье в системе коммуникационных путей III — начала II тыс. до н.э. // Романовские чтения — 7. Сб. статей междунар. науч. конф. Могилев, 31–33.

Кузьмина Е.Е. 1986: Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим.

Кузьмина Е.Е. 1994: Откуда пришли индоарии. Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНИТИ РАН.

Кузьмина Е.Е. 2011: Предыстория Великого шёлкового пути: Диалог культур Европа — Азия М.: КомКнига.

Лазуков Г.И. 1981: Взаимодействие палеолитического человека и природы // Природа и древний человек. М.: Мысль, 206–216.

Леви-Брюль Л. 2012: Первобытное мышление: коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / В.К. Никольский, А.В. Киссин (ред.). М.: КРАСАНД, 2-е изд.

Лоренц К. 1994: Агрессия (так называемое «зло») / Г.Ф. Швейник (пер. с нем.). М.: Прогресс; Универс.

Любимов Л.Д. 1971: Искусство Древнего Мира. М.: Просвещение.

Максаковский В.П. 1997: Историческая география мира. М.

Максименков Г.А. 1978: Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука.

Мерперт Н.Я. 1978: О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.: Наука.

Мезолит. 1989: Мезолит СССР // Археология СССР. М.

Мимоход Р.А. 2018: Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // Российская археология. 2. 33–48.

Моисеев Н. 1990: Человек и ноосфера. М.

Морган Л.Г. 2016: Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: УРСС.

Назаретян А.П. 1996: Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика исторического процесса. М.

Назаретян А.П. 2015: Антропология насилия и культура саморганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: ЛЕНАНД.

Оруджев З.М. 2009: Способ мышления эпохи: Философия прошлого. М.: Едиториал УРСС, 2-е изд.

Плоткин К.М. 2017: Ямная культура // Новая Российская энциклопедия. М.: ИД «ИНФРА-М», XIX (1). 449.

Рогинский Я.Я. 1974: Факторы среды и проблема происхождения Homo sapiens // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене / Под ред. А.А. Величко. М.: ИГ РАН, 97–104.

Розенгрен Матс. 2019: О созидании, пещерном искусстве и восприятии: доксологический // Вопросы философии. 8. 80–93.

Роль географического фактора. 1984: Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным / В.Н.Боряз, Л.П. Потапов (ред). Л.

Табарев А.В. 2011: Гипотеза трансатлантической миграции солютрейцев. Дискуссия // Российский археологический ежегодник. 2011. 1.

Тернер А. 1997: Распространение ранних гоминид // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид А.А. Величко, О.А. Софер (ред.). М.

Ткач Е.С. 2015: О подходах и возможностях исследования каменных боевых топоров эпохи неолита — бронзы // Археологические вести. СПб., 21. 52–64.

Фетисов А.А 2012а: Мадленская культура // Новая Российская энциклопедия. М.: ИД «ИНФРА-М», X (1). 188.

Фетисов А.А 2012б: Мезолит // Новая Российская энциклопедия. М.: ИД «ИНФРА-М», X (2). 172–173.

Фромм Э. 2016: Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Изд-во АСТ.

Харитонов В.М. 1998: Введение в теорию антропогенеза и археологию палеолита. М.: Изд-во МГУ.

Хрисанфова Е.Н. 1987: Древнейшие этапы гоминизации // Антропология. Т. 2. М.: ВИНИТИ, 5–92.

Хрисанфова Е.Н. 1997: Неандертальская проблема: новые аспекты и интерпретации // Вестник антропологии. 3. 18–34.

Цивилизация и варварство. 1923: Цивилизация и варварство: физическое и вербальное варварство (Коллективная монография) / Под общей редакцией В.П. Будановой. М.: Аквилон, 1923.

Шарден П.Т., де. 1987: Феномен человека. М.

Щапова Ю.Л. 2010: Археологическая эпоха: Хронология, периодизация, теория, модель. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Энгельс Ф. 1980: Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.

К РАЗДЕЛУ I
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО /
TO CHAPTER I
INTERRELATION BETWEEN NATURAL AND SOCIAL

ПАРАДИГМА ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НИКИШИН В.О.) /

THE PARADIGM OF LANDSCAPE BARBARISM IN THE ANCIENT LITERARY TRADITION (Vladimir O. NIKISHIN)

Гриималь П. 1991: Цицерон. М.: Молодая Гвардия.

Иванчик А.И. 1999: «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Восточная литература, 7–45.

Илюшечкина Е.В. 2017: Риторика севера и имперская этногеография Страбона // Шаги/Steps. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. 3 (4). 168–187.

Исаева В.И. 1990: Идеологическая подготовка эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 59–85.

Каллистов Д.П. 1945: Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Исторические записки. М. 16. 182–197.

Козулин В.Н. 1998: Варвары Северного Причерноморья в античной традиции (к проблеме образотворчества) // Известия Алтайского государственного университета. 3. 7–13.

Куклина И.В. 1969: Abioi в античной литературной традиции // ВДИ. 3. 120–130.

Куклина И.В. 1970: Трактат «О воздухе, водах, местностях» как источник по истории скифов // Вспомогательные исторические дисциплины. 3. 217–232.

Куклина И.В. 1985: Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука.

Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 5–29.

Никишин В.О. 2018: О природе римской ксенофобии // ДВАМ. М. IX. 316–339.

Никишин В.О. 2021: Римляне, галлы и германцы: metus hostilis и этнолукизм в роли триггеров // Цивилизация и варварство. Триггеры появления и преодоления варварства / Отв. ред. В.П. Буданова. М. X. 169–203.

Ростовцев М.И. 1925: Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Тип. 1-й Лен. труд. арт. печати.

Савельева И.М., Полетаев А.В. 2006: Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. 2 (6). 18–30.

Сулимов С.И., Черниговских И.В., Черных В.Д. 2022: Варварство и цивилизация: специфика межкультурного взаимодействия. Воронеж: ИПЦ «Научная книга».

Тахтаджян С.А. 1986: Идеализация скифов: Эфор и предшествующая ему традиция // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 53–68.

Тахтаджян С.А. 1992: ΑΜΑΧΟΙ ΣΚΥΘΑΙ Геродота и последующая идеализация скифов Эфором // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 43–52.

Фролов Э.Д. 1991: Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Издательство Ленинградского университета.

Хазина А.В. 2009: Проблема этнокультурных стереотипов: античная историография и ответ стоика Посидония // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. 1. 161–169.

Чернышов Ю.Г. 1989: Характерные черты греческой социальной утопии // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 3–21.

Чернышов Ю.Г. 1994: Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1: До установления принципата. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.

Широкова Н.С. 1979: Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис. 5. 124–138.

Balsdon J.P.V.D. 1979: Romans and Aliens. London: Duckworth.

Dihle A. 1962: Zur hellenistischen Ethnographie // Grecs et Barbares. Six exposes et discussions par H. Schwabl, H. Diller, O. Reverdin, W. Peremans, H. C. Baldry, A. Dihle. Vandoeuvres-Geneve 4-9 Septembre 1961 / Fondation Hardt pour l'Etude de l'Antiquité Classique. Entretiens sur l'Antiquité Classique. Geneve, 8. 207–232.

Dihle A. 1964: The Conception of India in Hellenistic and Roman Literature // PCPhS. 190. 15–23.

Diller H. 1934: Wanderarzt und Aitiologie. Studien zur hippokratischen Schrift Peri aeron hudaton topon / Philologus Supplement. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 26 (3).

Dobesch G. 1995: Das europäische “Barbaricum” und die Zone der Mediterrankultur. Ihre historische Wechselwirkung und das Geschichtsbild des Poseidonios (Tyche Supplementband Nr. 2). Wien: Holzhausen.

Dörrie H. 1972: Die Wertung der Barbaren im Urteil der Griechen. Knechtnaturen? Oder Bewahrer und Künder heilbringender Weisheit? // Antike und Universalgeschichte. Festschrift für H. E. Stier zum 70. Geburtstag am 25. Mai 1972 / Hrsg. von R. Stiel u. a. Münster: Aschendorff, 146–175.

Ferguson J. 1975: Utopias of the Classical World. London: Thames and Hudson.

Gieseke J. 2023: Vom äußersten Westen der Welt: Die Griechische Ethnographie und die Völker Iberiens und der Keltiké im Schatten der römischen Expansion (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.) / Geographica historica, 45. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Grünewald Th. 2004: Bandits in the Roman Empire. Myth and Reality. London; New York: Routledge.

Isaac B.H. 2004: The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Karttunen K. 1989: India in Early Greek Literature / Studia Orientalia. 65. Helsinki: Finnish Oriental Society.

Lovejoy A., Boas G. 1935: Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Baltimore: John Hopkins Press.

Müller K.E. 1972–1980: Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung: Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. T. I–II / Studien zur Kulturkunde. Bd. 29; 42. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.

Reardon G.D. 1997: Ignoble robbers: bandits and pirates in the Roman World / Thesis. University of Tasmania.

Riese A. 1875: Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Litteratur. Heidelberg: Weiss.

Shaw B.D. 1982–1983: “Eaters of Flesh, Drinkers of Milk”: The Ancient Mediterranean Ideology of the Pastoral Nomad // AS. 13/14, 5–31.

Timpe D. 2000: Der Barbar als Nachbar // Ulf Chr. (Hg.). Ideologie — Sport — Außenseiter. Aktuelle Aspekte einer Beschäftigung mit der antiken Gesellschaft. Innsbruck (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, 108), 203–230.

Trüdinger K. 1918: Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Diss. Basel: E. Birkhäuser.

Vogt J. 1963: Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

«ВАРВАРСКИЙ» ЛАНДШАФТ И АНТИЧНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ: НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (СУРИКОВ И.Е.) /

THE «BARBARIC» LANDSCAPE AND CLASSICAL FORMS OF COMMUNAL LIFE: SEVERAL TOPICS FROM THE HISTORY OF GREEK COLONIES IN THE NORTHERN PONTIC AREA (Igor E. SURIKOV)

Александровский А.Л. 2013: Почвы Фанагории // Фанагория. 1. 108–135.

Беленький Д.Б. 1998: Прогноз локализации гавани Нимфея на основе палеоморфологической реконструкции береговой линии // Проблемы истории, филологии, культуры. 5. 27–37.

Брашинский И.Б. 1973: Понтийское пиратство // Вестник древней истории. 3 (125). 124–133.

Бутягин А.М. 1999: К вопросу о генезисе земляночного домостроительства в Северном Причерноморье // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения. Тезисы докладов / Г.А. Кошеленко (ред.). М.: ИА РАН, 22–23.

Виноградов Ю.А. 1995: Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // Вестник древней истории. 3 (213). 152–160.

Виноградов Ю.А. 1999: Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum+. 3. 101–115.

Виноградов Ю.А. 2000: К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. В.Ю. Зуев, Л.В. Шадричева (ред.). СПб.: Алетейя, 227–232.

Винокуров Н.И. 1999: Виноделие античного Боспора. М.: МПГУ.

Горлов Ю.В. 2007: К изучению сельской округи Фанагории // Древности Боспора. 11. 86–105.

Горский А.С. 2013: Легенды и факты о разбавлении вина // Новый Гермес. 6. 38–51.

Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д. 2010: Кепы // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М.: Наука, 541–555.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2011: Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. 1. 252–293.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2014: Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология: К 100-летию отдела археологических памятников / Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина (ред.). М.: ГИМ, 150–186.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д. 2010: Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // Древности Боспора. 14. 162–183.

Завойкин А.А. 2009: О «больших» и «малых» боспорских городах // Древности Боспора. 13. 176–205.

Завойкин А.А. 2013: Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ТОВ «ВТС ПРИНТ».

Карпюк С.Г. 2010: Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М.: ИВИ РАН.

Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С. (ред.) 1984: Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука.

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. 2010: Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М.: Наука, 409–426.

Крыжицкий С.Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.

Крыжицкий С.Д. 1984: Жилые дома // Античные государства Северного Причерноморья / Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М.: Наука, 204–207.

Крыжицкий С.Д., Долгоруков В.С. 1984: Градостроительство // Античные государства Северного Причерноморья / Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М.: Наука, 198–201.

Кузнецов В.Д. 1995: Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. 6. 99–126.

Кузнецов В.Д. 2001: Полис на Боспоре (эпоха архаики) // Древности Боспора. 4. 237–253.

Кузнецов В.Д. 2009: Причерноморские греки в варварской земле // Древности Боспора. 13. 280–304.

Масленников А.А. 1984: Харакс // Античные государства Северного Причерноморья / Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М.: Наука, 56–57.

Ожегов С.И. 1983: Словарь русского языка. 14 изд. М.: Русский язык.

Паромов Я.М. 2006: Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // Древности Боспора. 10. 365–388.

Петров Ф.Н. (ред.) 1988: Словарь иностранных слов. 15 изд. М.: Русский язык.

Прохоров А.М. (ред.) 1990: Советский энциклопедический словарь. 4 изд. М.: Советская энциклопедия.

Соловьев С.Л. 1992: Особенности домостроительства Нижнего Побужья VI — нач. III вв. до н.э. в контексте греко-варварского взаимодействия в Северо-Западном Причерноморье // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. 1 / Б.А. Раев (ред.). Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 44–52.

Сорочан С.Б. 2005: Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан.

Суриков И.Е. 2013а: Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // Вестник РГГУ. 17 (118). 181–204.

Суриков И.Е. 2013б: Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // Вестник древней истории. 1 (284). 167–176.

Суриков И.Е. 2014: Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии) // Древности Боспора. 18. 398–416.

Суриков И.Е. 2021: Кто был погребен в Мелек-Чесменском кургане? // Древности Боспора. 26. 372–380.

Толстиков В.П. 2001: Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // Древности Боспора. 4. 385–426.

Финогенова С.И. 2010: Гермонасса // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М.: Наука, 511–526.

Чичуров И.С. 1980: Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука.

Щеглов А.Н. 1976: Полис и хора. Симферополь: Таврия.

Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A. Vött A. 2010: The Holocene Sea Level Story since 7500 BP — Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // Quaternary International. 225. 160–179.

Buyskikh S.D. 2007: Contacts between Greeks and Non-Greeks on the Lower Bug in the Sixth and Fifth Centuries BC // Classical Olbia and the Scythian World: From the Sixth Century BC to the Second Century AD / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). London: The British Academy, 23–35.

Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2011: Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) — the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // Die Erde. 143. 235–258.

Ketterer R.G. 2013: *Skēnē*, Altar and Image in Euripides' *Iphigenia among the Taurians* // Performance in Greek and Roman Theatre / G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.). Leiden: Boston: Brill, 217–233.

Koromila M. 1991: The Greeks in the Black Sea from the Bronze Age to the Early Twentieth Century. Athens: Panorama.

Kryzhitskiy S.D. 2007: Criteria for the Presence of Barbarians in the Population of Early Olbia // Classical Olbia and the Scythian World: From the Sixth Century BC to the Second Century AD / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). London: The British Academy, 17–22.

Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2014: Greek Colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian-German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Tyritake: Antique Site at Cimmerian Bosporus / A. Twardecki (ed.). Warsaw: The National Museum, 203–219.

Wright M. 2005: Euripides' Escape-Tragedies: A Study of Helen, Andromeda and Iphigenia among the Taurians. Oxford: Oxford University Press.

СТЕПНОЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ КАК ФАКТОР В СУДЬБАХ НАСЕЛЕНИЯ (ШЕПКО Л.Г.) /

THE STEPPE LANDSCAPE OF THE NORTHERN AZOV REGION AS A FACTOR IN THE FATES OF THE POPULATION (Larisa G. SHEPKO)

Багрянородный Константин. 1991: Об управлении империей (текст, перевод, комментарий) / (ред. Г.Г. Литаврин и А.П. Новосельцев (издание 2-е, исправл.) М.: Наука, 496 с.

Феофан. Хронография // *Чичуров И.С.* 1980: Византийские исторические сочинения: / Тексты, перевод, комментарий / (ред. В.Т. Пашуто). М. 216.

Ахунов Р.С., Богатырев Э.Д. 2015: Распространение иудаизма на территории Хазарского каганата // Огарёв-Online. 10. (51). 1–5. [Электронный ресурс] https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-iudaizma-na-territorii-khazarskogo-kaganata.

Белова Е.В. 2008: Гранычары Новой Сербии: южнославянская колонизация России в 1740–1760-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 1 (11). 82–93.

Гриб В.К. 2022: Поселения хазарского времени в Северо-Восточном Приазовье и Центральном Донбассе (Бердянское, Безыменное, Веровка): монография. Ростов-на-Дону. 264

Гриб В.К., Колесник А.В. 2020: Ритмы культурогенеза, расселения и землепользования на землях Донбасса в раннем Средневековье // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. 1. 5–16.

История (история Донбасса: от древности до современности). 2018: (ред. Л.Г. Шепко, В.Н. Никольский). Донецк. 689

Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А. 2022а. Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в средние века. Часть 1 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 4. 2 132–140.

Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А. 2022б. Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в средние века. Часть 2 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 4. 3. 124–133.

Комар А.В. 2017: Салтово-маяцкая культура // Большая российская энциклопедия. Электронная версия: https:// old.bigenc.ru/archeology/text/ 3529354. (дата обращения: 01.08.2024).

Кравченко Э.Е. 2013: Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, Степное Подонцовье) // Археологический альманах (ред. В.П. Чабай, А.Н. Усачук и др). Донецк. 30. 278–302.

Кравченко Э.Е. 2015: Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань-Симферополь-Кишинѐв: Stratum Plus. 413–461.

Кравченко Э.Е. 2016: Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII–XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань - Ялта - Кишинёв. 287–290.

Кравченко Э.Е. 2017: Донецкий край в составе Хазарского каганата // Музейный вестник Республики. Донецк, 1. 139–167.

Кравченко Э.Е. 2022: Мусульмане хазарского времени на Северском Донце: археологические свидетельства и вопросы их интерпретации // Археология евразийских степей. 6. 59–75.

Кравченко Э.Е., Кульбака В.К. 2010: Погребение хазарского времени из Мариуполя // Хазары: миф и история / Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин (ред.-сост.). М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 275–282.

Кузнецов С.В., Межевич Н.М. 2016: Территориально-политическое устройство России и проблемы хозяйственной организации: уроки и итоги имперского периода // Экономика и управление. 2 (124). 10–15.

Межуев Б.В. 2000: Генерал-губернаторства в системе местного управления России [Электронный ресурс]. https:// archipelag.ru/authors/ mezhuev/ (дата обращения. 30.03.2024)

Рассамакин Ю.Я. 2003: Погребение знатного кочевника на реке Молочной: Опыт реконструкции вещевого комплекса // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 3. 207–230.

Санжаров С.Н. 2018: Некоторые аспекты средневековой истории Донбасса и ставка хана Золотой орды на Луганщине // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. Луганск, 9 (15). 126–145.

Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке. 2004 (Авторы-сост. А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, Р.А. Литвиненко) // Археологический альманах. 14. 56–109.

Тархов С.А. 2001: Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Регионализация и развитие России: географические процессы и проблемы. М., 191–213.

Толочко И.В. 2021: Культурные ландшафты Северо-Восточного Приазовья и дельты Дона в эпоху раннего железного века: проблемы изучения и охраны // Известия СОИГСИ. 41 (80). 5–16.

Тощев Г.Н., Ельников М.В., Дровосекова О.В. 2003: Древности Запорожского края. (Материалы к Своду памятников истории и культуры). Запорожье, 105 с.

Швецов М.Л. 2018: Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья — Приазовья) // Швецов М.Л. 2018: Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. Донецк. 117–121

Швецов М.Л. 2018: Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. Донецк. 420 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВАРВАРИЗАЦИИ ГРЕЧЕСКОГО ВОЕННОГО ДЕЛА В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЕ И КЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (КЛЕЙМЕНОВ А.А.) /

FEATURES OF THE LANDSCAPE AS A PREREQUISITE FOR THE BARBARIZATION OF GREEK WARFARE IN THE LATE ARCHAIC AND CLASSICAL TIMES (Alexander A. KLEYMEONOV)

Андерсон Дж.К. 2006: Древнегреческая конница / Л.Н. Серафимов (пер. с англ.). СПб.

Андреев Ю.В. 2003: Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб.

Блаватский В.Д. 1950: О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. 34. 19–30.

Блаватский В.Д. 1954: Очерки военного дела античных государств Северного Причерноморья. М.

Блаватский В.Д. 1961: Античная археология Северного Причерноморья. М.

Бондаренко М.Е. 2010: Тавры: этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н.э.). М.

Бондаренко М.Е. 2012: Синды. Этнографическая характеристика древних племен Азиатского Боспора. М.

Буйских А.В. 2013: О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 1. 21–39.

Буйских С.Б. 1986: Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. Сборник научных трудов. Киев, 17–28.

Бутягин А.М. 2018: Кризис V в. до н.э. и феномен воинских погребений Боспора // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Т. 1. СПб., 108–114.

Виноградов Ю.А. 1999: Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 3. 101–115.

Виноградов Ю.А. 2006: Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). СПб.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2008: Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. 1990: Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура / Е.С. Голубцова (ред.). М., 310–371.

Галанина Л.К. 1980: Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л.

Граков Б.Н. 1971: Скифы. М.

Данов Хр. 1982: Траки. София.

Дедюлькин А.В. 2019: Защитное снаряжение населения Крыма и Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху. Дисс… канд. ист. наук. М.

Завойкин А.А. 2004: Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. 14. 58–94.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 9. 101–151.

Зинько В.Н. 2006: Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI–V вв. до н.э. // БИ. 11. 3–8.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. 2017: Херсонес Таврический: путь сквозь века. Севастополь.

Иессен А.А. 1947: Греческая колонизация северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л.

Крыжицкий С.Д. и др. 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.

Лаптева М.Ю. 2009: У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э. СПб.

Маринович Л.П. 1975: Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.

Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). М., 5–29.

Марков В.В. 2013: Вооружение и военное дело тавров Крыма (900–500 гг. до н.э.) // Научное творчество крымских исследователей. Сборник основных научных докладов 2-го и 3-го симпозиумов молодых ученых. Орджоникидзе – Феодосия, 2013 г. Симферополь, 63–70.

Масленников А.А. 2015: Военный фактор в истории хоры античного Боспора // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / Д.В. Журавлев (ред.). М., 141–150.

Мелюкова А.И. 1964: Вооружение скифов. М.

Молев Е.А. 2008: Боспор и скифы от Агаэта до Савмака // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 4. 132–136.

Нефёдкин А.К. 2004: Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 453–464.

Нефёдкин А.К. 2007: Фессалийская кавалерия в середине IV–II вв. до н.э. // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал: Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 40–57.

Нефёдкин А.К. 2012: Набор и организация конницы этолийского союза // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование: Доклады международной интернет-конференции / В.В. Дементьева (ред.). Ярославль, 100–115.

Николаенко Г.М. 2018: Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь.

Ольховский В.С., Храпунов И.Н. 1990: Крымская Скифия. Симферополь.

Пантелеева И.А. 2010: Социокультурные детерминанты национального единства древних греческих народностей // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 23 (62). 2. 91–96.

Подосинов А.В. 2014: Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.). М., 123–140.

Попов Д. 2009: Древна Тракия. История и култура. София. [Popov D. 2009: Drevna Trakiya. Istoriya i kultura. Sofia].

Русяева А.С., Назаров В.В. 1994: Фрагмент щита из Ольвии // ВДИ. 1. 45–53.

Сапрыкин С.Ю. 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–II вв. до н.э. М.

Смирнов А.П. 1966: Скифы. М.

Стоянов Р.В. 2004: Некрополь Херсонеса Таврического V–I вв. до н.э. Дисс… канд. ист. наук. СПб.

Туманс Х. 1997: Военная организация греков в архаическую эпоху // Античное общество: проблемы политической истории / Э.Д. Фролов (ред.). СПб., 6–19.

Фол А. 1969: Тракийско военно изкуство. София.

Фролов Э.Д. 2001: Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.

Фролов Э.Д. 2004: Рождение греческого полиса. СПб.

Ханиотис А. 2013: Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история / А.В. Махлаюк (пер. с англ.). СПб.

Черненко Е.В. 1968: Скифский доспех. Киев.

Черненко Е.В. 1979: О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо 1977 / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 185–186.

Черненко Е.В. 1981: Скифские лучники. Киев.

Эдкок Ф.Э. 2012: Военное искусство греков, римлян, македонцев. М. [Adcock F.E. 2012: Voennoe iskusstvo grekov, rimlyan, makedontsev. Moscow].

Яйленко В.П. 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М.

Anderson J.K. 1970: Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles.

Antonetti C. 1987: Agraioi et agrioi. Montagnards et bergers: un prototype diachronique de sauvagerie // DHA. 13. 199–236.

Archibald Z.H. 2000: Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). Oxford, 212–233.

Aston E. 2024: Blessed Thessaly: The Identities of a Place and Its People from the Archaic Period to the Hellenistic. Liverpool.

Aston E., Kerr J. 2018: Battlefield and Racetrack: The Role of Horses in Thessalian Society // Historia. 67. 1. 2–35.

Bernstein F. 2020: Relations with Homelands: Apoikia and Metropol(e)is // A Companion to Greeks Across the Ancient World / F. De Angelis (ed.). Hoboken, 499–512.

Best J.G.P. 1969: Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen.

Blome D.A. 2020: Greek Warfare beyond the Polis: Defense, Strategy, and the Making of Ancient Federal States. Ithaca; London.

Brizzi G. 2004: Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au legionnaire. Monaco.

Brouwers J. 2021: The Anatolian Roots of Archaic Greek Warfare // Brill's Companion to Greek Land Warfare Beyond the Phalanx / Edited by R. Konijnendijk, C. Kucewicz, M. Lloyd (eds.). Leiden; Boston, 64–82.

Buckler J. 2003: Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston.

Champion C.B. 2007: Polybius and Aetolia: A Historiographical Approach // A Companion to Greek and Roman historiography. Vol. 2 / J. Marincola (ed.). Oxford, 356–362.

Chaniotis A. 2004: Das Antike Kreta. München.

Cawkwell G.L. 1989: Orthodoxy and Hoplites // CQ. 39. 2. 375–389.

De Groote K.R. 2016: "Twas When my Shield Turned traitor"! Establishing the Combat Effectiveness of the Greek Hoplite Shield // OJA. 35. 2. 197–212.

Detienne M. 1968: La phalange: problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / J.-P. Vernant (ed.). Paris, 157–188.

Ferrill A. 1997: The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder.

Gaebel R.E. 2002: Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman.

Goldhill S. 1988: Battle Narrative and Politics in Aeschylus' Persae // JHS. 108. 189–193.

Grainger J.D. 1999: The League of the Aitolians. Leiden.

Greenhalgh P.A.L. 1973: Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge.

Hanson V.D. 1991: Hoplite Technology in Phalanx Battle // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / V.D. Hanson (ed.). London; New York, 63–84.

Hanson V.D. 1999a: The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization. Berkeley; Los Angeles; London.

Hanson V.D. 1999b: The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture. London.

Hanson V.D. 2005: A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War. New York.

Hanson V.D. 2009: The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. Berkeley; Los Angeles; London.

Hunt P. 2010: War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens. Cambridge.

Jones A. 1987: The Art of War in the Western World. Urbana; Chicago.

Kagan D. 1974: The Archidamian War. Ithaca; London.

Kagan D., Viggiano G.F. 2013: The Hoplite Debate // Men of Bronze: Hoplite Warfare in Ancient Greece / D. Kagan, G.F. Viggiano (eds.). Princeton; Oxford, 1–56.

Kelly A. 2012: The Cretan Slinger at War — a weighty exchange // BSA. 107. 273–311.

Konijnendijk R. 2016: Mardonius' senseless Greeks // CQ. 66. 1. 1–12.

Konijnendijk R. 2017: Classical Greek Tactics: A Cultural History. Leiden; Boston.

Krentz P. 2002: Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon // Hesperia. 71. 23–29.

Lazenby J.F. 2004: The Peloponnesian War: A Military Study. London; New York.

Lee J.W. 2008: A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis. Cambridge.

Lendon J.E. 2005: Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London.

Lissarrague F. 1990: L'autre guerrier: archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. Paris; Rome.

Mendels D. 1984–1985: Did Polybius Have an Another View on Aetolia? // AS. 15–17. 63–73.

Morris I. 1992: Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge.

Nicolle D. 2012: European Medieval Tactics (2): New Infantry, New Weapons 1260–1500. Oxford.

Nilsson M.P. 1928: Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 22. 3. 240–249.

Pritchard D. 2010: The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens // War, Democracy and Culture in Classical Athens / D. Pritchard (ed.). Cambridge, 1–62.

Pritchett W.K. 1985: The Greek State at War. Part IV. Berkeley; Los Angeles.

Roisman J. 1993: The General Demosthenes and his Use of Military Surprise. Stuttgart.

Roisman J. 2005: The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators. Berkeley.

Rönnlund R. 2003: The Cities of the Plain: Urbanism in Ancient Western Thessaly. Oxford.

Runciman W.G. 1998: Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias // JRAI. 4.4. 731–751.

Sacks K.S. 1975: Polybius' Other View on Aetolia // JHS. 95. 92–106.

Sakellariou M.B. 1989: The Polis-State: Definition and Origin. Athens.

Salmon J. 1977: Political Hoplites? // JHS. 97. 84–101.

Sears M.A. 2013: Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership. Cambridge.

Sears M.A. 2019: Understanding Greek Warfare. London; New York.

Sidnell P. 2006: Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare. London; New York.

Singor H. 2009: War and International Relations // A Companion to Archaic Greece // K.A. Raaflaub, H. Van Wees (eds.). Malden; Oxford, 585–603.

Snodgrass A.M. 1965: The Hoplite Reform and History // JHS. 85. 110–122.

Snodgrass A.M. 1967: Arms and Armor of the Greeks. Ithaca.

Sprawski S. 2014: Peltasts in Thessaly // Iphicrates, Peltasts and Lechaion / N.V. Sekunda, B. Burliga (eds.). Gdańsk, 95–112.

Stoyanov T. 2015: Warfare // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.). Malden; Oxford, 426–442.

Strootman R. 2012: Alexander's Thessalian cavalry // TALANTA: proceeding of the Dutch archaeological and historical society. Volumes XLII–XLIII (2010–2011) / J.M. Kelder, J.P. Stronk, M.D. de Weerd (eds.). Groningen, 51–67.

Taylor R. 2021: The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World. Barnsley.

Trundle M. 2010: Light troops in classical Athens // War, Democracy and Culture in Classical Athens / D.M. Pritchard (ed.). Cambridge, 139–160.

Van Wees H. 1994: The Homeric Way of War: The Iliad and the Hoplite Phalanx (II) // GR. Second series. 41. 2. 131–155.

Van Wees H. 2004: Greek Warfare: Myths and Realities. London.

Verčik M. 2018: "Marathon without Phalanx?" — Die Entstehung der Phalanx und ihre Bedeutung fur die Polis aus der Sicht der Archaologie // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek / P. Pavuk, V. Klontza-Jaklova, A. Harding (eds.). Prague, 161–178.

Viggiano G. F., Van Wees H. 2013: The Arms, Armor, and Iconography of Early Greek Hoplite Warfare // Men of Bronze: Hoplite Warfare in Ancient Greece / D. Kagan, G.F. Viggiano (eds.). Princeton; Oxford, 57–73.

Webber C. 2011: The Gods of Battle: The Thracians at War, 1500 BC – AD 150. Barnsley.

Welwei K.-W. 1998: Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart.

Westlake H.D. 1935: Thessaly in the Fourth Century B.C. London.

Wheeler E.L. 1982: Hoplomachia and Greek Dances in Arms // GRBS. 22. 1. 223–233.

Wheeler E.L. 2007: Archaic and Classical Greece: Land battle // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). Cambridge, 186–223.

Willekes C. 2017: Greek Warriors: Hoplites and Heroes. Oxford; Philadelphia.

Willekes C. 2021: Cavalry Battle in Greece and the Hellenistic East // A Companion to Greek Warfare / W. Heckel, F.S. Naiden, E.E. Garvin, J. Vanderspoel (eds.). Hoboken, 88–98.

Worley L.J. 1994: Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). Boulder; San Francisco; Oxford.

Wrightson G. 2019: Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors. London; New York.

К РАЗДЕЛУ II
ГОРИЗОНТЫ ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА /
TO CHAPTER II
HORIZONS OF THE LANDSCAPE BARBARITY

ОПАСНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ («МНОГО... ЛЕЖИТ ПЕСКОВ СЫПУЧИХ ПОД КИРЕНОЮ, СИЛЬФИЕМ ПОРОСШЕЙ...») (СЕЛИВАНОВА Л.Л.) /

THE DANGERS OF CIVILIZATION («SANDS ARE COUNTLESS AROUND CYRENE, WHERE SILPHIUM GROWS...») (Larisa L. SELIVANOVA)

Античные гимны / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 362 с.

Антология мировой философии: Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М.: Мысль, 1968. 576 с.

Аристофан. Комедии: В 2-х т. Пер. с древнегреч. / Коммент. В. Ярхо. М.: Искусство, 1983: т. 1. — 440 с., ил.; т. 2. — 520 с., ил.

Афиней. Пир мудрецов. В 15 книгах. Кн. I–VIII. Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 2003. 655 с.

Афиней. Пир мудрецов. В 15 книгах. Кн. IX–XV / Н.Т. Голинкевич. М.: Наука, 2010. 597 с.

Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. 304 с.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с., 1 л. портр., 1 отд. л. карт.

Гигин. Мифы. Пер. с лат. Д. Торшилова. СПб.: Алетейя, 1997. — 369 с.

Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. проф. В.И. Руднева. — М.: ТОО «Сварог», 1994. 736 с., ил.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 624 с.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. с древнегр., статья, комм. и указатель О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.

Павсаний. Описание Эллады. В 2-х томах / Пер. и вступ. ст. С.П. Кондратьева. М.: Ладомир, 1994: т. I — 362 с., т. II — 592 с.

Первый Ватиканский Мифограф. Пер. с лат., вступ. статья и коммент. В.Н. Ярхо. СПб.: Алетейя, 2000. 294 с.

Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980. 503 с.

Синезий Киренский. Полное собрание творений. Том II. Письма / Пер. с древнегр., комм. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2014. 456 с.

Страбон. География. В 17 кн. / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского. Под общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

Феофраст. Исследование о растениях / подгот. к изд. Цепковым А.И. Рязань: Александрия, 2005. 557 с., ил., табл.

Robinson E.S.G. 1927: A catalogue of Greek coins in the British Museum — Cyrenaica (BMC). London. Vol. 29. Pp. cclxxv + 154 with 47 plates.

Sylloge Nummorum Graecorum. The Danish National Museum. Part 41: Alexandria – Cyrenaica. Copenhagen, 1974. 32 p., 31 plates.

Temkin O. (trans.). Soranus' Gynecology. Baltimore, 1956. 258 p.

Андреев Ю.В. 2008: Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб.: Нестор-История. 339 с.

Боден Жан 2000: Метод лёгкого познания истории / Пер., ст., прим. М.С. Бобковой. М.: Наука. 411 с., [1] л. портр. (Памятники исторической мысли).

Волканов В.Д., Пестрикова И.Е. 2011: К вопросу о влиянии географического фактора на формирование менталитета (историографический обзор) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 3(13), 226–233.

Геворкян С.Г., Геворкян И.С. 2018: Экоцид как высшая форма антропогенной экологической катастрофы. К постановке проблемы // Пространство и время: Электронное научное издание. Альманах. 16, 3-4, 1–15.

Грэхэм А.-Дж. 2007: Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Часть 3. Расширение греческого мира VIII–VI века до н.э. / Под ред. Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда. М., 103–195

Ильин И.А. 1993: О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат. 368 с.

Левченко М.В. 1956: Пентаполь по письмам Синезия // ВВ. 9, 3–44.

Мечников Л.И. 1898: Цивилизация и великие исторические реки: Географическая теория развития современных обществ / Пер. с фр. М. Д. Гродецкого. СПб.: «Жизнь». VIII. 176 с.

Мирошниченко Е.И. 2021: Синесий Киренский. Личность и этикет в позднеантичной эпистолографии. СПб.: Нестор-История. 312 с.

Мотрошилова Н.В. 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФ РАН, Изд-е 2-е. 480 с.

О'Коннелл Дж. 2017: Энциклопедия специй. От аниса до шафрана. Пер. с англ. М.: Изд-во Э. 349 с.

Петренко А.Н. 2015: Концепция географического детерминизма и вклад Л.И. Мечникова в её становление // Вестник Томского государственного университета. История. 1 (33), 87–92

С*еливанова Л.Л.* 2016: Дельфийский оракул // Российская историческая энциклопедия. V, 546–547.

Селиванова Л.Л. 2016a: Дельфы // Российская историческая энциклопедия. V, 547.

Селиванова Л.Л. 2018: Растительный символ на монетах Кирены // Электронный научно-образовательный журнал «История». 9, 2 (66), 4. URL: http://history.jes.su/s207987840002135-7-1 (28.05.2024).

Селиванова Л.Л. 2018a: Ипатия // Российская историческая энциклопедия. VII, 193.

Селиванова Л.Л. 2019: Блеск и нищета Киренеи // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / Ред. В.П. Буданова. М., VIII, 340–360.

Селиванова Л.Л. 2019a: Изображения на античных монетах из собраний Британского и Датского музеев как источник визуальной информации по истории древней Кирены // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 537–543.

Селиванова Л.Л. 2019b: Забытое сокровище Кирены // Античный мир и археология. 19, 36–52.

Селиванова Л.Л. 2021: Главная статья экспорта древней Кирены // монография «Экономика, право, власть в древнем мире», посв. памяти В.И. Кузищина. Сер. «Исторические исследования, 122». СПб.: Алетейя, 63–74.

Селиванова Л.Л. 2022: Животные в государственной символике на монетах древней Кирены // Электронный научно-образовательный журнал

«История». — 13, 8 (118), 27. «Культура текста: книга, карта, документ. Ч. II. Геральдика: новые взгляды на старые проблемы» [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/s207987840022562-7-1/ (28.04.2024).

Селиванова Л.Л. 2023: История с ботаникой (дары епископа Синезия) // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 14, 2 (124), 28. URL: https://history.jes.su/s207987840024832-4-1 [Электронный ресурс]. (19.04.2024).

Селиванова Л.Л. 2023а: «Неведома зверушка» на монетах Кирены // Античный мир и археология. 21, 52–69.

Сулимов С.И. 2020: Варварство и цивилизация: античный урок для наших дней // Историческая психология и социология истории. 13, 2, 73–85.

Сулимов С.И. 2021: Внутреннее варварство как фактор упадка цивилизации // Манускрипт. 14. 7, 1454–1460.

Сулимов С.И., Васильев Б.В. 2024: Внутреннее варварство как социально-философская проблема современности // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 40. 1, 121–133.

Amigues S. 2004: Le silphium — État de la question // Journal des savants. 2, 191–226.

Asciutti V. 2004: The Silphium plant: analysis of ancient sources. Durham. — 128 p.

Buttrey T.V., Ian McPhee 1998: The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Reports. Vol. VI. Part I: The Coins / D. Wheite, Series Editor. Philadelphia. 146 p., 52 ill.

Chamoux F. 1953: Cyrène sous la monarchie des Battiades. Paris. — 420 p., 27 plates.

Chantraine P. 1968: Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. T. I–II. Paris. 1368 p.

Davis D.S., Dinapoli R.J., Pakarati G., Hunt T.L., Lipo C.P. 2024: Island-wide characterization of agricultural production challenges the demographic collapse hypothesis for Rapa Nui (Easter Island) // Science advances. 10, 25. 21 Jun 2024. [Электронный ресурс]. — https://www.science.org/toc/sciadv/10/25 (23.06.2024).

El-Athram R. 1988: La culture du silphium en Cyrénaïque // Libya antiqua. Documents de travail et compte rendu des débats du colloque organisé par l'Unesco à Paris (16–18 janvier 1984). Paris, 25–29.

Favorito E.N., Baty K. 1995: The silphium connection // Celator. 9, 6–8.

A Greek-English Lexicon / Ed. by H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones. Oxford. 1996. 2436 p.

Kandeler R., Ullrich W.R. 2009: Symbolism of Plants: Examples from European-Mediterranean Culture Presented with Biology and History of Art // Journal of Experimental Botany. Oxford. 60, 3, 715–717.

Kiehn M. 2007: Silphion Revisited // Medicinal Plant Conservation. 13, 4–8.

Kiehn M. 2012: ΣΙΛΦΙΟΝ — SILPHION. «…multis iam annis in ea terra non invenitur…» // European Botanic Gardens in a Changing World. Sixth European Botanic Gardens Congress. May 28 – June 02. Chios Island. Greece, 33–41.

Koerper H., Kolls A.L. 1999: The silphium motif adorning ancient libyan coinage: Marketing a medicinal plant // Economic Botany. April. 53. 2. 133–143.

Koerper H., Moerman E. 2000: Coinage of Cyrenaica, the Silphium economy, and exaggerated advertising // Herbal Gram. 48, 46–49.

Lane E.A. 1933–34: Lakonian vase painting / Annual of the British School at Athens. Athens. 34, 98–189.

Law R.C.C. 2002: North Africa in the period of Phoenicia and Greek colonization c. 800 to 323 BC // The Cambridge History of Africa. Vol. 2: from c. 500 BC to AD 1050. Ed. by E.D. Fage. Oxford, 87–147.

Law R.C.C. 2002a: North Africa in the Hellenistic and Roman periods, 323 BC to AD 305 // The Cambridge History of Africa. Vol. 2: from c. 500 BC to AD 1050. Ed. by E.D. Fage. Oxford, 148–209.

Leamand D.J. 2001: Conservation, Trade, Sustainability and Exploitation of Medicinal Plant Species // Development of Plat-Based Medicine; Conservation, Efficacy and Safety / Ed. by P.K. Saxena. Dortrecht–Boston–London, 1–16.

Lemoine Rh.T., Buitenwerf R., Svenning J.-Chr. 2023: Megafauna extinctions in the late-Quaternary are linked to human range expansion, not climate change // Anthropocene.Vol. 44, December 2023, 100403.

Łuczak K. 2015: Silphium z Cyrene. Skarb antycznej medycyny // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 63. 1, 1–14.

Lykoudis M. 2006: In search of Silphion // Reading. 17-1 // https://hort.purdue.edu/newcrop/Hort_306/reading/Reading%2017-1.pdf (24.04.2024).

Pabst G. 1887: (Hrsg.). Köhler's Medizinal-Pflanzen in naturgetreuen Abbildungen mit kurz erläuterndem Texte: Atlas zur Pharmacopoea germanica, austriaca, belgica, danica, helvetica, hungarica, rossica, suecica, Neerlandica, British pharmacopoeia, zum Codex medicamentarius, sowie zur Pharmacopoeia of the United States of America. — Gera-Untermhaus, T. II. — 194 S.

Parejko K. 2003: Pliny the Elder's Silphium: First Recorded Species Extinction // Conservation Biology. 17. 3, 925–927.

Riddle J.M. 1991: Oral Contraceptives and Early-Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages // Past and Present. 132, 3–32.

Riddle J.M., Estes J.W., Russel J.C. 1994: Birth Control in the Ancient World // Archaeology. March / April, 30–35.

Roques D. 1984: Synésios de Cyrène et le Silphion de Cyrénaïque // REG. 97, 218–231.

Singh M.M., Agnihotri A., Garg S.N., Agarwal S.K., Gupta D.N., Keshri G., Kamboj V.P. 1988: Antifertility and Hormonal Properties of Certain Carotane Sesquiterpenes of Ferula jaeschkeana // Planta Medica. 54 (6), 492–494.

Steier A. 1927: Silphion // RE. II Rh., Hbd. 5. Stuttgart, 103–114.

Svenning J.-Chr., Lemoine Rh.T., Bergman J., Buitenwerf R., Le Roux E., Lundgren E., Mungi N., Pedersen R.Ø. 2024: The late-Quaternary megafauna extinctions: Patterns, causes, ecological consequences and implications for ecosystem management in the Anthropocene // Cambridge Prisms: Extinction, Vol. 2, e5. Published online by Cambridge University Press: 22 March 2024. https: //doi.org/10.1017/ext.2024.4

Tatman J.L. 2000: Silphium, Silver and Strife: A History of Kyrenaika and Its Coinage // Celator. October. 14.10, 6–24.

Thorn J.C. 2005: The Necropolis of Cyrene. Two hundred years of exploration. Roma. 831 p.

Thorn D.M. 2007: The four seasons of Cyrene: the excavation and explorations in 1861. Roma. 313 p.

Tschanz D.W. 2003: Herbal contraception in ancient times. May 8. — https://www.motherearthliving. com/health-and-wellness/herbal-morning-after-pills (14.05. 2024).

Wright W.S. 2001: Silphium Rediscovered // Celator. 15(2), 23–24.

Иллюстрации

Рис. 1. Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 430 г. до н.э. 12,73г. Av: Сильфий, легенда: K-Y/A-P/A-N [sic!]. Rv: Голова Зевса-Аммона, обращённая вправо, в круглом углублении. BMC Pl. 9.

Рис. 2. Серебряная киренская дидрахма 308–277 гг. до н.э. 7,73г. Av: Голова Аполлона Карнея влево. Rv: Сильфий, легенда: K-Y-P-A, в правом поле монограммы I и ПО. BMC 246-8; SNG. Cop. 1239.

Рис. 3. Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 520 г. до н. э. 17,20 г. Av: Богиня города Кирена в стефане и длином хитоне восседает на дифросе, протягивая правую руку к сильфию; позади — семя сильфия. Rv: Голова Зевса-Аммона внутри quadratum incusum в точечной рамке. BMC 12a and pl. 3, 1. См. также: *Селиванова Л.Л.* 2023a: «Неведома зверушка» на монетах Кирены // Античный мир и археология. 21, 66. Рис. 5.

Рис. 4. Асафётида (Ferula assafoetida) — ближайшая родственница сильфия. *Pabst G.* 1887, II, 147.

Рис. 5. Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 495–475 гг. до н.э. 17 г. Av: Сильфий с четырьмя листьями, двумя цветками и двумя плодами. Rv: Семя сильфия между двумя дельфинами в quadratum incusum с точками в углах. SNG.Cop. 1163. См. также: *Селиванова Л.Л.* 2019b: Забытое сокровище Кирены // Античный мир и археология. 19, 51. Рис. 16.

Рис. 6. Серебряная тетрадрахма. 525–480 гг. до н.э. 17,21 г. Av: Сильфий с семенами и голова льва. BMC. Pl. 13a. P. 4. См. также: *Селиванова Л.Л.* 2019b: Забытое сокровище Кирены // Античный мир и археология. 19, 52. Рис. 21.

Рис. 7. Так наз. Блюдо Аркесилая. Лаконская чаша из Вульчи. Ок. 565 г. до н.э. Царь Кирены Аркесилай II (569–550 гг. до н.э.) наблюдает за взвешиванием и погрузкой сильфия. — https://wiki2.org/en/File:Arkesilas_Painter_-_Arkesilas_supervising_the_silphion_trade_-_Paris_BnF_CabMed_189_-_02_jpg (октябрь, 2024). См. также: *Селиванова Л.Л.* 2019b: Забытое сокровище Кирены // Античный мир и археология. 19, 52. Рис. 23.

БАЛТИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (КУЛАКОВ В.И.) /

BALTIA IN THE ERA OF THE GREAT MIGRATION (Vladimir I. KULAKOV)

Видсид 1982: Видсид // Древнеанглийская поэзия / М.И. Стеблин-Каменский (отв. ред.). М.: Наука, 14–23..

Иордан. 1997: О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вст. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб: Алетейя.

Бараш С.И. 1989: История неурожаев и погоды в Европе, Л.: Гидрометеоиздат. 236 с.

Буданова В.П. 2000а: О некоторых перспективах исследования Великого переселения народов // Средние века, Вып. 61. М.: Наука, 139–153. М.

Буданова В.П. 2000б: Варварский мир эпохи Великого переселения народов, М.: Наука. 544 с.

Гиндин Л.А., Литаврин Г.Г. (сост.), 1994: Свод древнейших письменных известий о славянах, М.: Институт славяноведения и балканистики, 470.

Жиндарев Л.А., Кулаков В.И. 1996: Уровенный режим Балтийского моря в голоцене // Известия РАН. Серия географическая. М.: Наука, 5. 55–66.

Казанский М.М. 2010: О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху Великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы, СПб.: ИИМК РАН.

Казанский М.М. 2013: Арбалетные фибулы эпохи переселения народов в Южной Галлии и «северный след» // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. СПб: Издательство Гос.Эрмитажа, 39. 197–208.

Казанский М.М. 2020: Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско–натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время // Археологические вести. СПб: Институт истории материальной культуры РАН, 27. 131–152.

Казанский М.М. 2023: Скандинавские находки эпохи Великого переселения народов с острова Большой Тютерс // Археологические вести. СПб: ИИМК. 39. 66–74.

Кулаков В.И. 1989: Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum–1989. Warszawa: Zakład Małej Poligrafii UW, 148–273.

Кулаков В.И. 1996: Что мы знаем о древних пруссах // Восточная Пруссия с древнейших времён до конца Второй Мировой войны, Калининград: Калининградское книжное издательство, 11–73.

Кулаков В.И. 2002а. Руноподобные знаки и руны старшего футарка в древностях юго-восточной Балтии // Civitas et castrum ad mare Balticum. Baltijas arheologijas un vestures problemas dzelzs laikmetâ un viduslaikos, Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 435–460.

Кулаков В.И. 2002б: Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна–археалагічны зборник. Мінск: ВП «Деполіс». 17. 101–111.

Кулаков В.И. 2003: История Пруссии до 1253 г., М.: Индрик, 364 с.

Кулаков В.И. 2004: Боги Видевута // Letonica, Rīga: Zinatne, 10.

Кулаков В.И. 2011. Пути янтарной торговли и миграция племён в I–V вв. н.э. в Южной Балтии // Торговые пути янтаря. Калининград. 25–34.

Кулаков В.И. 2015: Западнобалтский феномен в эпоху викингов // Res Humanitaria, Klaipėda: Klaipėdos universitetas. XVII. 137–149.

Кулаков В.И. 2016: Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга. 360 с.

Кулаков В.И. 2017: О происхождении ножей-кинжалов // Записки ИИМК РАН. СПб. 15. 97–109.

Кулаков В.И. 2018: Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат. М. 1–2. 127–150.

Кулаков В.И. 2019: Тактика и приёмы боя пруссов // Stratum plus. СПб–Кишинёв–Одесса–Бухарест: Высшая Антропологическая школа. 5. 29–38.

Матузова В.И. 1979: Английские средневековые источники IX–XIII вв., Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука. 268 с.

Серёгин Н.Н. 2017: Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований, Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета. 36–48.

Хенниг Р. 1961: Посольство эстов в Италии у Теодориха // Хенниг Р. Неведомые земли. М.: Издательство иностранной литературы. II. 60–62.

Atgāzis M. 2001: Vidējais dzelzs laikmets (400–800 g.) // Latvijas senākā vēsture 9. g.t.pr.Kr. — 1200 g., Riga: Latvijas vestures institūta apgāds. 232–289.

Banitė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A. 2005: From Aesti to Esti. Connections between the western Lithuanian Group and the Area of distribution of Tarand-graves // Culture and material culture, Tartu – Riga – Vilnius: Estonian Academy Publishers. 105–120.

Banytė-Rovell R., Bitner-Wróblewska A., Reich Chr. 2016: West Lithuania as a golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland

during the Roman and Migration Periods // Archaeologia Baltica. Klaipėda: Klaipėdos universitetas Press, 23. 140–151.

Bliujienė A. 1999: Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika, Vilnius: Diemedžio leidykla. 299 P.

Bliujienė A., Butkus D. 2009: Burials with Horses and equestrian Equipment on the Lithuanian and Latvian Littorals and Hinterlands (from the Fifth to the Eighth Centuries) // Lietuvos archeologija. Klaipėda: Klaipėdo universiteto leidykla. Vol. 11. 149–163.

Bogucki M. 2006: Grobina — a Sign of an Early Future Port of Trade in the Bald Lands // Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic, Kaunas.

Grunau S. 1876: Preussische Chronik. Leipzig: Duncker & Humblot. Bd. I, 755 S.

Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. 1982: Eesti esiajalugu, Tallinn: Kirjastus «Eesti Raamat», 461 p.

Kiulkys D. 2010: Senojo ir vidurinio geležies amžiaus skydai Lietuvoje // Archaeologia Lituana, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. 33–114.

Kulakov V.I. 2004. The Origin of the "Eastern Way" — Avstrwegr // Slavia Antiqua. Poznań. XLV.

Kulakov V.I. 2014: Zespól dwóch złotych naszyjników/pierścieni z Młoteczna/Hammersdorf i grzywny typu R300 w krajach nadbałtyckich // Pruthenia, Olsztyn: Wydawca Towarzystwa Naukowego Pruthenia. XIV. 45–63.

Kulakov W. 2017: Die Prußen und die Welt der Steppe: die Konflikte und Kulturentlehnungen // Contact zones of Europe from the 3rd Mill. BC to the 1rd Mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings, Moscow, 72–82.

Quast D. 2004: Ein skandinawisches Spathascheidemundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) // Jahrbuch des Römisch–Germanischen Zentralmuseum Mainz, 51. Jg., Maimz. 243–279.

Schönwiese Chr.–D. 1995: Klimaänderungen, Daten, Analysen, Prognosen. Berlin: Springer. 224 S.

Šimėnas V. 1996: Smailieji kovos peiliai-durklai baltų kraštuose I m. e. tūkstantmečio viduryje // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūryniai ryšiai, Vilnius. 27–71.

Tautavičius A. 1981: Taurapilio "kunagaikščio" kapas // Lietuvos archeologija, vol. 2, Vilnius: Mokslas. 2. 18–43.

Tvauri A. 2012: The Migration Period, pre-viking Age, and Viking Age in Estonia, Tartu: Tartu University Press. 384 p.

Zubiński T. 2009: Mitologia bałtyjska, Sandomierz: Księgarnia literacka im. Sióstr Chodakowskich, 62.

Иллюстрации

Рис. 1. Торговый путь Самбия-Эйямыги / Вирумаа (*Кулаков В.И.* 2003, рис. 38).

Рис. 2. Схема финального этапа развития перекладчатых фибул западных балтов: 1 — Mingfen / Miętkie, погр. 74; 2 — Mingfen / Miętkie, погр. 559; 3 — Daumen / Tumiany, погр. 79; 4 — Daumen / Tumiany, погр. 80; 5 — Prišmančiai-I; 6 — Kašučiai; 7 — Linkuhnen / Ржевское, погр. 235; 8 — Prišmančiai-I; 9 — Užpelkiai, погр. 39 (*Кулаков В.И.* 2017, рис. 2).

Рис. 3. Пути янтарной торговли и направления связанных с торговлей миграций в юго-восточной Балтии в I–V вв. н.э. (*Кулаков В.И.* 2011, рис. 6).

Рис. 4. Серебряные украшения в кладе Kardla (Eesti); *Jaanit L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* 1982, 288. Из личного архива автора.

ЛЕС БРОСЕЛИАНД В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БРЕТАНИ КАК ТЕРРИТОРИЯ ВООБРАЖАЕМОГО ПРОСТРАНСТВА (ЛЮБАРТ М.К.) /

THE FOREST OF BROCELIANDE IN MODERN FRENCH BRITTANY AS A TERRITORY OF IMAGINARY SPACE (Margarita K. LYUBART)

Башляр Г. 2004: Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. Н.В. Кисловой, Г.В. Волковой, М.Ю. Михеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Бродель Ф. 2002: Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры.

Бродель Ф. 1994: Что такое Франция? В 2 т. Т. I. Пространство и история. М.: Изд-во имени Сабашниковых. 406 с.

Лефевр А. 2015: Производство пространства. Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press.

Михайлов А.Д. 2006: Артуровские легенды и их эволюция // Средневековые легенды и западноевропейские литературы. М.: Языки славянской культуры. (Studia philologica. Series minor). 12-64.

Нора П. 1999: Проблематика мест памяти // Франция — память. Пер. с франц. Д.Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ. 17-50.

Рикер П. 2004. Память, история, забвение. М.

*Auzias D., Labourdette J.-P. et al.*2011: Les 100 plus beaux sites naturels de France 2011–2012, («Petit Futé»).

Bellamy F. 1995 : La forêt de Brocéliande, la Découvrance, coll. « L'Amateur averti ».

Bellamy F. 1896: La foret de Brecheliant, la fontaine de Barenton, quelques lieux d'alentour, les principaux personnages qui s'y rapportent Rennes, J. Plihon & L. Herve. 2.

Bellevüe X. de, 1913. Paimpont, Rennes.

Bellevue X. de, 1912. Paimpont. Marseille, Lafitte Reprints.

Blot R. 2019: L'abbé Gillard et les artistes de Tréhorenteuc. Josselin. Association pour la Sauvegarde des Oeuvres de l'Abbé Gillard.

Briard J., Marguerie D., Gebhardt A. [et al.] 1989: Archéologie et environnement en forêt de Brocéliande, un exemple d'études pluridisciplinaires // Bulletin de la Société préhistorique française. Vol. 86, n°10, 1. 397–40.

Calvez M. 2016: « La topographie légendaire de Brocéliande. De son invention à ses recompositions contemporaines », Montfort-sur-Meu et son pays. Histoire et patrimoine. Extrait des mémoires 2016. Montfort-sur-Meu.

Calvez M. 2010: Druides, fées et chevaliers dans la forêt de Brocéliande : de l'invention de la topographie légendaire de la forêt de Paimpont à ses recompositions contemporaines // Festival international de géographie. Programme scientifique, Saint-Dié-des-Vosges.

Calvez M. 1984: Usages productifs, usages touristiques et aménagements d'un territoire, le Val sans retour (thèse de sociologie). Université Paris X.

Chédeville A., Tonnerre N.-Y. 1987: La Bretagne féodale, XIe-XIIIe siècle, Rennes, Editions Ouest-France.

Ealet J. 2008: Tréhorenteuc en Brocéliande. Les oiseaux de papier ed..

Frémont A. 1976: La région, espace vécu. Rennes.

Gautier M. 2003: Géographie antique de Brocéliande // Topoguide FFRandonnée; Brocéliande à pied, Paris, FFRP.

Gillard, abbé H. 1955: Curiosités et légendes de la forêt de Paimpont. 7.

Glot C., Boëlle Y. 2010: Hauts lieux de Brocéliande. Ed. Ouest-France.

Glot C., Boëlle Y. 2019: Hauts lieux de Brocéliande. Ed. Ouest-France.

Guéguen P. 1998: Bretagne. Au bout du monde, Types et coutumes. Ouest-France ed.

INPN: Inventaire national du patrimoine naturel — https://inpn.mnhn.fr/zone/znieff/530015506 (октябрь, 2024).

Hummel St. 1990: Inventaire du patrimoine naturel, archeologique et architectural du val sans retour, commune de Paimpont (35), Memoire de Maitrise MST AMVDR. Rennes.

La forêt de Brocéliande, une terre de légendes. 2017: La forêt de Brocéliande, une terre de légendes. — https://www.lebonguide.com/article/la-foret-de-broceliande-une-terre-de-legendes_a791849/ (дата обращения — 15.03.2024)

La forêt inquiétante et magique — http://madamedartagnan.free.fr/ecrits/Traditions_2009/mai/mai.htm/ (дата обращения — 15.03.2024)

La Villemarqué Th. H. de. 1837: Visite au Tombeau de Merlin / Revue de Paris. 40. 45–62.

Le Gall J.-A. 2010: Brocéliande de Charles Le Goffic // Histoires des Bretagnes: Les mythes fondateurs / Magali Courmet (dir.), Hélène Tétrel (dir.), Brest, Centre de Recherche Bretonne et Celtique-UBO. 1.

Le Scouezec G. 2001: L'epoque moderne et contemporaine. Beltan. 3.

Manet, abbé F.G.P.B., 1834: Histoire de la Petite-Bretagne: ou Bretagne-Armorique, depuis ses premiers habitans connus. Saint-Malo, E. Caruel, Imprimeur-Libraire. 1.

Markale J., 1989: Guide de la Bretagne mysterieuse. Tchou / Sand.

Ménard R. 1956: Le livre des arbres / Ed. Arts et Métiers graphiques. Paris.

Micha A. 1987: Essais sur le cycle du Lancelot-Graal. Publications romanes et françaises, Genève, Droz. 179.

Myrdhin, Maillet G. 2008: Brocéliande de A à Z. « Les oiseaux de papier» éd.

Pegeaud J. 1985: Brocéliande d'hier et d'aujourd'hui ! Éd. E.C.R.

Poignard M. 1820. Antiquités historiques et monumentales a visiter de Monfort a Corseul; par Dinan; et au retour; par Jugon. Rennes.

Raoult M. 1992: Les druides: les societes initiatiques contemporaines. Editions du Rocher.

Saintyves P. 1934: Corpus du folklore préhistorique en France et dans les colonies françaises. Librairie É. Nourry. 3.

Supervielle J. 1956. L'escalier. A La Nuit. Debarcaderes. Poemes / Ed. Gallimard. Paris.

Taya baron du, A.-M.-R., 1839 : Brocéliande, ses chevaliers et quelques légendes. Rennes, Imprimerie de Vatar.

Интернетресурсы

https://lespepitesdefrance.com/blog/la-foret-du-roi-arthur-de-broceliande-en-bretagne/ (дата обращения — 19.03.2024).

https://www.villanovo.fr/magazine/france/bretagne/article-a-la-decouverte-des-mysteres-de-la-foret-de-broceliande/ (дата обращения — 14.03.2024).

http://madamedartagnan.free.fr/ecrits/Traditions_2009/mai/mai.htm/ (дата обращения — 15.03.2024).

https://broceliande-brecilien-org./Onenne/ (дата обращения — 14.04.2024).

https://broceliande.brecilien.org/A-propos-de-l-association-Encyclopedie-de-Broceliande/ — Une encyclopédie de Brocéliande qui coule de source. Mauron, 21 aut 2013 — https://broceliande.brecilien.org/IMG/pdf/ouest-france_mauron_21aout2013.pdf/ (архив газеты) (дата обращения — 16.02.2024).

https://broceliande.brecilien.org/Seminaire-de-formation-des-guides-de-Broceliande/ (дата обращения — 16.02.2024).

https://www.broceliande-centre-arthurien.com/_files/ugd/eced07_cc5ed3e3c2e2483bad5f90d922522284.pdf/ (дата обращения — 02.05.2024).

https://amis-sentiers-broceliande.fr/association/ (дата обращения — 24.03.2024).

https://www.cc-broceliande.bzh/annuaire/association-pour-la-sauvegarde-du-val-sans-retour/ (дата обращения — 15.03.2024).

ДИКАЯ ПРИРОДА И БЕЛЫЕ «ЦИВИЛИЗАТОРЫ» НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ США В XVII–XIX ВЕКАХ: ЭВОЛЮЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ (ТРОИЦКАЯ Л.М.) /

WILDLIFE AND WHITE «CIVILIZERS» IN THE FAR WEST OF THE USA IN THE 17th–19th CENTURIES: EVOLUTION AND SOME RESULTS (Larisa M. TROITSKAIA)

Алентьева Т.В. 2022: Художники «Школы реки Гудзон»: Фредерик Эдвин Чёрч и Альберт Бирштадт // Американский ежегодник 2022. М.: Весь Мир, 2022, 177–197.

Балдицын П.В. 2004: Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. М.: Издательство «ВК».

Бейклесс Дж. 1969: Америка глазами первооткрывателей / пер. с англ. И.П. Магидовича; ред. и предисл. З.М. Каневского. М.: Прогресс.

Джефферсон Т. 1990: Заметки о штате Виргиния // Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / пер. с англ. В.М. Большакова с участ. В.Н. Плешкова; сост. и общ. ред. А.А. Фурсенко; коммет. и указ. В.Н. Плешкова. Л.: Наука.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с историческим комментарием. 2001: / пер. с англ.; общ. ред. и коммент. Э.А. Иваняна. М.: Издательский дом «Стратегия».

Коззенс П. 2022: И будет рыдать земля: Как у индейцев отняли Америку / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшин.

Потоков Е.Н. 1991: Две экспедиции Зебулона Монтгомери Пайка (1805–1806–1807) // Американский ежегодник 1991. М.: Наука, 133–145.

Слёзкин Л.Ю. 1978: У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М.: Наука.

Слёзкин Ю.Л. 1980: У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М.: Наука.

Согрин В.В. 2022: Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. М.: Международные отношения.

Танасейчук А.Б. 2008: Американский регионализм и формирование культурного пространства дальнего Запада США. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та.

Тёрнер Ф.Дж. 2009: Фронтир в американской истории / пер. с англ. М.: Весь Мир.

Токвиль А. де. 1992: Демократия в Америке / пер. с фр.; предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс.

Усанов П.В. 2023: Американская модернизация: Идеи, люди, экономика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Франклин Б. 1956: Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. М.: Государственное издательство политической литературы.

Хоффекер Дж.Ф., Элиас С.А., Потапова О., Павлова Е.Ю., Питулько В.В. 2020: Арктическая Берингия и происхождение коренных американцев. October. — https://www.researchgate.net/publication/344787351_Arkticeskaa_Beringia_i_proishozdenie_korennyh_amerikancev (июнь, 2024).

Audubon and his journals with zoölogical and other notes by Elliot Coues Illustrated, 1897, 2 vols. / ed. by M.R. Audubon New York, Charles Scribner's Sons.

Audubon J.J., Bachman J. 1846–1853: The Viviparous Quadrupeds of North America, 3 vols. New York: J.J. Audubon.

Audubon J.J., Bachman J. 1854: The Quadrupeds of North America, 2. New York: V.G. Audubon.

Bettmann O.L. 1974: The Good Old Days — They Were Terrible! New York: Random House.

Dant S. 2023: Losing Eden: An Environmental History of the American West. Lincoln: University of Nebraska Press. New edition. — https://www.google.ru/books/edition/Losing_Eden/0Rq8EAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1 (июнь, 2024).

DiLorenzo Th.J. 2010: The Culture of Violence in the American West: Myth versus Reality // The Independent Review, 15, 2, Fall, 227–239. — https://www.independent.org/pdf/tir/tir_15_02_04_dilorenzo.pdf (июль 2024).

Godman J.D. 1828: American Natural History, v. 3, pt 1, Mastology. Philadelphia: H.C. Carey & I. Lea.

Harlan R. 1825: Fauna Americana: Being a Description of the Mammifierous Animals Inhabiting North America. Philadelphia: A. Finley.

Isenberg A.C. 2000: The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750–1920. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kirby D. 2010: The Northern Great Plains Viewed by the Lewis and Clark Expedition. October, 2–4. — 19008-32080-1-PB.pdf (июнь, 2024).

Lan-Hai Wei, *Ling-Xiang Wang*, *Shao-Qing Wen*, et al. 2018: Paternal Origin of Paleo-Indians in Siberia: Insights from Y-chromosome Sequences // European Journal of Human Genetics. 26, 1687–1696. — https://www.nature.com/articles/s41431-018-0211-6 (1 (июнь, 2024).

Pike Z.M. 1889: Exploratory Travels through the Western Territories of the North America: Comprising a Voyage from St. Louis, on the Mississippi, to the Source of that River, and a Journey Through the Interior Louisiana, and the North-Eastern Provinces of New Spain. Performed in the years 1805, 1806, 1807, by Order of the Government of the United States. Denver: W.H. Lawrence & Co. (Reprint: London, 1811).

Steinberg T. 2002: Down to the Earth: Nature's Role in American History. Oxford, New York, etc.: Oxford University Press.

The Future of the Great Plains: Report of the Great Plains Committee, 1936. Washington (D.C.): United States Government Printing Office.

Thomas Jefferson to Madame de Tessé, 8 December 1813. — https://founders.archives.gov/?q=%20Author%3A%22Jefferson%2C%20Thomas%22%20pacific&s=1111311111&r=84 (май, 2024).

Wulf A. 2011: Founding Gardeners: The Revolutionary, Generation, Nature, and Shaping of the American Nation. New York: Alfred A. Knopf.

КОНЦЕПЦИЯ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ В РАБОТАХ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (ПЕТРОВ В.В.)

THE CONCEPT OF THREE REVOLUTIONS IN THE WORKS OF D.S. MEREZHKOVSKY (Valery V. PETROFF)

Александр Блок. Скифы. Двенадцать. Берлин, 1920.

Андрей Белый 1907: Владимир Соловьев. Из воспоминаний (1907) // Арабески. Луг зеленый / Общ. ред., посл, и комм. Л.А. Сугай; Сост. А.П. Полякова и П.П. Апрышко // Собр. соч. Т. 8. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012, 292–297.

Андрей Белый 1917: Революция и культура. М., 1917.

Андрей Белый 1918: Революция духа // Бюллетени литературы и жизни. Москва. 1918. № 6, 6–15.

Андрей Белый 1920: Прыжок в царство свободы // Собрание сочинений. Т. 17. Несобранное. Кн. 2 / Сост. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. М.: Дмитрий Сечин, 2020, 307–311.

Андрей Белый 1928: Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994, 418–493.

Андрущенко Е.А. 2000: “Безнадежный плач о Боге...” // *Мережковский Д.С.* Драматургия / Вступ. ст., сост., подг. текста и комм. Е.А. Андрущенко. Томск: Водолей, 2000, 5–63.

Андрущенко Е.А. 2012: Властелин “чужого”: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012.

Блок А.А. 1989: Дневник / Подг. текста, вступ. ст. и прим. А.Л. Гришунина. М.: Сов. Россия.

Герцен А.И. 1955: С того берега // Собр. соч. в 30 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955, 5–142.

Гончарова Е.И. 2009: “Революционное христовство”: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом.

Достоевский Ф.М. 1976: Братья Карамазовы. Кн. XI–XII // Полное собрание соч. в 30 т. Т. 15. Л.: Наука.

Иванов-Разумник Р.В. 1911: История русской общественной мысли. Т. I. 3-е изд., доп. СПб.

Иванов-Разумник Р.В. 1918a: История русской общественной мысли. Часть I [Гл. 1–3]. Изд. 5-е, перераб. Петроград.

Иванов-Разумник Р.В. 1918b: Из дневника революции // Год Революции. Статьи 1917 года. С.-Петербург, 1918.

Иванов-Разумник Р.В. 1918c: Испытание в грозе и буре (апрель 1918) // Наш путь. 1918. № 1 (апрель), 131–158/

Иванов-Разумник Р.В. 1918d: Поэты и революция // Скифы. Сб. 2. Петроград, 1918, 1–5.

Иванов-Разумник Р.В. 1922: *Андрей Белый, Иванов-Разумник, А.З. Штейнберг.* Памяти Александра Блока. Петербург: Вольфила, 1922.

Иванов-Разумник Р.В. 1998: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и комм. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum, Феникс, 1998.

Мережковский 1891: Марк Аврелий // *Мережковский* 1914, т. 17, 25–47.

Мережковский 1895: Плиний Младший // *Мережковский* 1914, т. 17, 48–79.

Мережковский 1896: Майков // *Мережковский* 1914, т. 18, 69–88.

Мережковский 1902: Лев Толстой и Достоевский. Религия. Ч. 1 // *Мережковский* 1914, т. 11, 5–239.

Мережковский 1903: Современные русские критики // *Мережковский* 1914, т. 18, 197–211.

Мережковский 1906a: Грядущий хам // *Мережковский* 1914, т. 14, 5–39.

Мережковский 1906b: Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // *Мережковский* 1914, т. 14, 188–238.

Мережковский 1907a: Революция и религия // *Мережковский* 1914, т. 13, 36–97.

Мережковский 1907b: Ответ на вопрос // *Мережковский* 1914, т. 13, 158–161.

Мережковский 1907c: Предисловие к одной книге [“Царь и революция”] // *Мережковский* 1914, т. 13, 162–166.

Мережковский 1908a: В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве // *Мережковский* 1914, т. 16, 5–39.

Мережковский 1908b: Реформация или революция? // *Мережковский* 1914, т. 16, 83–93.

Мережковский 1908c: Христианство и государство // *Мережковский* 1914, т. 16, 94–103.

Мережковский 1908d: Мистические хулиганы // *Мережковский* 1914, т. 16, 113–121.

Мережковский 1909a: Конь бледный // *Мережковский* 1914, т. 15, 15–31.

Мережковский 1909b: Пророчество и провокация // *Мережковский* 1914, т. 15, 133–140,

Мережковский 1914: Полное собрание сочинений в 24 томах. М., 1914.

Мережковский 1914a: Гёте (1914) // *Мережковский* 1914, т. 17, 136–153.

Мережковский 1932a: Иисус Неизвестный. Т. 1. Белград, 1932.

Мережковский 1932b: Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932.

Муретов М.Д. 1907: Эрнест Ренан и его “Жизнь Иисуса”. СПб., 1907.

Петров В.В. 2005: Тело и телесность в эсхатологии Иоанна Скотта // КОСМОС И ДУША. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века: исследования и переводы / Под общ. ред. П.П. Гайденко и В.В. Петрова. М.: Прогресс–Традиция, 2005, 633–756.

Петров В.В. 2015: Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015, 773–879.

Петров В.В. 2017: “Революция сознания” в работах Андрея Белого 1917–1919 гг. // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2017, 56–76.

Петров В.В. 2018: Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018, 69–92.

Петров В.В. 2020: Опрокинутый человек “Тимея” Платона в апокрифических “Мученичестве Петра” и “Мученичестве Филиппа” // ΣΧΟΛΗ (Schole). 2020. № 14.2, 535–566.

Петров В.В. 2021: Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36, 109–141.

Петров В.В. 2024: “Здесь геометрия становится уже религией”: метафорика неэвклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1, 19–36.

Пушкин А.С. <О дворянстве> (1834) // Полн. собр. соч. в 17 т. М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1937–1959. Т. 12 (1949), 205–206.

Ренан Э. 1906: Жизнь Иисуса. Пер. с 13–го изд. Киев, 1906.

Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. СПб.: Полиграф, 2009.

Тургенев И.С. 1900: Неизданные письма к г-же Виардо и его французским друзьям (1846–1882). М.: Издание Д.П. Ефимова.

Renan E. 1867 — Vie de Jésus. 13ème éd. Paris, 1867.

К РАЗДЕЛУ III
ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА /
TO CHAPTER III
THE POWER OF NATURE AND MAN

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА НА ВОЕННУЮ АКТИВНОСТЬ НОМАДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ВДОВЧЕНКОВ Е.В.) /

THE INFLUENCE OF CLIMATE ON THE MILITARY ACTIVITY OF THE NOMADS OF EASTERN EUROPE IN THE EARLY IRON AGE (Evgeny V. VDOVCHENKOV)

Александровский А.Л., Александровская Е.И. 2005: Эволюция почв и географическая среда. М.

Алексеев А.Ю. 2003: Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.

Барфильд Т. 2009: Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир / Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова (ред.). Улан-Удэ. 3. 14–57.

Безуглов С.И. 1997: Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов. 14. 133–142.

Безуглов С.И. 2008: Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. МИАР. 10. М. 284–301.

Борисов А.В., Ельцов М.В., Удальцов С.Н., Бухонов А.В. 2018: Аридизация климата в пустынно-степной зоне: причины, формы проявления и влияние на жизнь древнего населения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. 3. 52–62.

Боталов С.Г. 2020: Климатическая детерминанта в миграционных процессах кочевой цивилизации Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 4. 5–23.

Виноградов Ю.А. 2009: Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. 22. 5–90.

Герасименко Н.П. 1997: Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. Донецк. 6. 3–64.

Демкин В.А., Борисов А.В., Ельцов М.В. Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н. 2012: Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пущино.

Демкин В.А., Борисов А.В., Ельцов М.В. Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Золотарева Б.Н. 2011: Палеоэкология нижневолжских степей в эпоху раннего железа // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда, Великий Новгород — Старая Русса, 24–29 октября 2011 года. Том II. Великий Новгород — Старая Русса. 373–374.

Иванчик А.И. 2010: Похороны скифских царей: Геродот и археология // Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий // сб. Статей в честь 60-летия Л.Т. Яблонского / под ред. М.М. Герасимовой В.Ю. Малашева, М.Г. Мошковой. М. 129–150.

Климанов В.А. 2002: Климат Северной Евразии в неогляциале (около 2500 лет назад) // Докл. РАН. Т. 386. 5. 676–680.

Ковалёва Г.В., Красноруцкая К.Н., Набоженко М.В., Польшин В.В., Потапов В.В., Толочко И.В. 2012: К вопросу о реконструкции палеоландшафтных особенностей Нижнего Подонья в финальный период эпохи бронзы — раннем железном веке // Культуры степ-ной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Санкт-Петербург. 1. 405–414.

Комар А.В. 2012: Климатический фактор в истории кочевников Северного Причерноморья конца V–VII вв. н.э. // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция»: Труды IX Евразийского научного форума, посвященного 100-летию со дня рождения Льва Николаевича Гумилева. Астана. 807–811.

Кривошеев М.В., Борисов А.В. 2019: Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных номадов в IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. 3. 47–57.

Кривошеев М.В., Борисов А.В. 2023: Палеоэкологические условия финала сарматской эпохи и их влияния на общества скотоводов и земледельцев Восточной Европы и Западной Сибири // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, 2. 112–125.

Мимоход Р.А. 2018: Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э // Российская археология. 2. 33–48.

Нестерук Г.В., Хохлова О.С., Ильина Л.П., Сверчкова А.Э., Сушко К.С. 2021: Палеоэкологические условия Кубано-Приазовской низменности в эпоху бронзы и раннего железного века на основе изучения погребенных почв // Почвоведение. 11. 1306–1321.

Песочина Л.С. 2013: Позднеголоценовые климатические ритмы, фиксируемые палеопочвами археологических памятников // Экологический вестник. 1. 5–10.

Песочина Л.С., Гольева А.А., Зайцев С.В. 2000: Изменчивость почв и природных условий северо-восточного Приазовья в среднесарматское время // Почвоведение. 6. 683–691.

Полин С.В. 1992: От Скифии к Сарматии. Киев.

Потапов В.В. 2016: Хозяйственные уклады населения Доно-Донецкого региона и Восточного Приазовья периода поздней и финальной бронзы: динамика их развития // Sciences of Europe. Исторические науки. 7. 58–67.

Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. 2018: Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 08–11 октября 2018 года. Самара. 242–244.

Скржинская М.В. 2000: Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. СПб.

Хазанов А.М. 2002: Кочевники и внешний мир. Алматы.

Хохлова О.С., Дюжова К.В., Гольева А.А., Трифонова Т.А., Бунин Д.С., Ильяшенко С.М., Хохлов А.А. 2018: Климат и растительность античного Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.) по данным палеопочвенного и палеоботанического анализа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 5. 55–69.

Хохлова О.С., Трифонова Т.А., Ильяшенко С.М., Бунин Д.С. 2016: Палеоэкологические условия функционирования античного Танаиса в раннем железном веке // Эколого-географические проблемы регионов России. материалы VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 105-летию со дня рождения исследователя Самарской Луки, к.г.н. Г.В. Обедиентовой. отв. ред. И.В. Казанцев. 356–361.

Хохлова О.С., Хохлов А.А., Олейник С.А., Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2007: Особенности палеопочв курганных могильников, вовлеченных в современное землепользование (на примере курганов ранних алан на Северном Кавказе) // Почвоведение. 10. 1179–1189.

Яценко С.А. 2016: О планировке элитарных некрополей и элитарных участков в некрополях ранних кочевников Степи // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. 8. 46–75.

Borisov A.V., Alekseev A.O., Demkina T.S., El'tsov M.V., Kalinin P.I., Alekseeva T.V., Khomutova T.E. 2020: Climate Dynamics and the History of Soil Formation in the Steppe Zone of Eastern Europe in the Holocene // Paleontological Journal. Vol. 54. 8. 862–871.

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА У АЛЬДХЕЛЬМА: АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕАЛИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (САЗОНОВА А.А.) /

ALDHELM'S FEATURES OF NATURAL LANDSCAPE: ARCHETYPAL IMAGES AND THE PHYSICAL ENVIRONMENT (Anna A. SAZONOVA)

Acts of Thomas. 2003: The acts of Thomas [English]: introduction, text, and commentary / A. Klijn (trans.). Leiden.

Bible. 2010: The Holy Bible of the King James Version / G. Campbell (ed.). Oxford.

Biblia. 2006: Biblia Sacra juxta Vulgatam Clementinam / St. Hieronymus (trans.). [England and Wales].

Irish Biblical Apocrypha. 1989: Irish Biblical Apocrypha: selected texts in translation / M. Herbert, M. McNamara (eds.). Edinburgh.

Lucanus. De bello civili sive Pharsalia. — https://www.thelatinlibrary.com (август, 2024); *Лукан.* 1993: Фарсалия или поэма о гражданской войне / Л.Е. Остроумов (пер.). М. [Lukan. 1993: Farsaliya ili poema o grazhdanskoj vojne / L.E. Ostroumov (per.). M.].

Old English Glosses. 1974: Old English Glosses in the Épinal-Erfurt Glossary / J.D. Pheifer (ed.). Oxford.

Ovidius. 2017: Metamorphosen (Lateinisch-deutsch) / N. Holzberg (hrsg.). B.; *Овидий.* 1977: Метаморфозы / С. Шервинский (пер.). М.

Тертуллиан. 2004: О душе / А.Ю. Братухин (пер., комм.). СПб.

Vergilius. 1986: P. Vergilii Maronis opera / R. Mynors (ed.). Oxford; *Вергилий.* 1979: Буколики. Георгики. Энеида / С. Шервинский, С. Ошеров (пер.). М..

Williamson C. 2017: The complete Old English poems / C. Williamson (trans.). Philadelphia.

Адам Бременский. 2011: Деяния архиепископов Гамбургской церкви / И.В. Дьяконов (пер.) // *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский.* 2011: Славянские хроники / И.А. Настенко (ред.). М., 7–150.

Апокрифические апокалипсисы. 2001: Апокрифические апокалипсисы / М.Г. Витковская, В.Е. Витковский (пер.). СПб.

Апокрифы древних христиан. 1989: Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, коммент. / И.С. Свенцицкая, М.К. Трофимова (пер.). М.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / В. Тихомиров, А. Корсун, Ю. Корнеев (пер.). М., 1975.

Библия. 1988: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская Патриархия.

Библия. 2011: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Современный русский перевод. М., Российское Библейское общество.

Ветхозаветные апокрифы. 2009: Ветхозаветные апокрифы: Книга Еноха; Книга Юбилеев, или Малое Бытие; Заветы двенадцати патриархов; Псалмы Соломона / П. Берснев (сост.). СПб.

Древнеанглийская поэзия. 1982: Древнеанглийская поэзия / О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров (пер.). М.

Иоанн Кассиан. 2020: *Иоанн Кассиан Римлянин.* Творения догматико-полемическое и аскетические. М.

Новозаветные апокрифы. 2009: Новозаветные апокрифы / С. Ершов (сост.). СПб.

Агапкина Т.А. 2012: Тис / Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах / Н.И. Толстой (общ. ред.). Т. 5. М., 269–270.

Бондаренко Г.В. 2003: Мифология пространства Древней Ирландии. М.

Буданова В.П. 2015: Между цивилизацией и варварством: дискурс и образ неограниченного пограничья // ЦиВ. IV, 5–22.

Бударагина О.В. 2006: Изображение природы в поздней латинской языческой поэзии: Клавдий Клавдиан. Автореферат дисс. канд. филол. наук. СПб.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1998: Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. II. 1. Благовещенск.

Михайлова Т.А. 2001: Суибне-гельт зверь или демон, безумец или изгой. М.

Сазонова А.А. 2018: Архетипы и артефакты древнегерманской судьбы по «Загадкам» англосакса Альдхельма // ЦиВ. VII, 159–228.

Сазонова А.А. 2022: Средневековые кот и кошка в поэтическом и изобразительном нарративе англосаксов и ирландцев VII–IX вв. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 30, 213–236.

Сазонова А.А. 2010: Трансляция латинской интеллектуальной традиции: Альдхельм Малмсберийский // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / М.С. Петрова, Л.П. Репина (общ. ред.). М., 323–361.

Сазонова А.А. 2015: Этнокультурные границы и полиэтнический фактор в южно-британской культуре VII века // ЦиВ. IV, 313–343.

Сорокин А. 2015: На чем основан Синодальный перевод Ветхого Завета? (Наименования растений в Синодальном переводе Ветхого Завета) // Скрижали. 9, 72–96.

Топоров В.Н. 1991: Древо мировое / Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 1. М., 398–406.

Топоров В.Н. 2010: Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.

Топорова Т.В. 2020: Источник & дерево (к вопросу о кельто-германских аналогиях) // Слово, знание и учение. Focal, fios agus foghlaim. Сборник

статей в честь юбилея Татьяны Андреевны Михайловой / Е.А. Парина, В.В. Байда, А.В. Сидельцев (ред.). М., 36–41.

Топорова Т.В. 2007: К проблеме полисемии эпического слова: обозначения флоры в «Старшей Эдде» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI (чтения памяти И.М. Тронского) / Н.Н. Казанский (отв. ред.). СПб., 297–306.

Топорова Т.В. 1994: Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.

Топорова Т.В. 2021: «Старшая Эдда»: лингвостилистические этюды. Мифологические песни. М.

Топорова Т.В. 2017: Эпическое слово: обозначение *воды* в «Старшей Эдде». М.

Топорова Т.В. 1996: Язык и стиль древнегерманских заговоров. М.

«Ancient Yew Group» — http://www.ancient-yew.org/ (август, 2024).

Bintley M. 2015: Trees in the Religions of Early Medieval England. Woodbridge.

Bondarenko Gr. 2014: Studies in Irish Mythology. B.

Broderick H. 2017: Moses the Egyptian in the Illustrated Old English Hexateuch (London, British Library Cotton MS Claudius B.iv). Notre Dame (USA).

Byron J. 2011: Cain and Abel in Text and Tradition. Leiden.

Cameron M. 1985: Aldhelm as Naturalist: A Re-Examination of Some of his Enigmata // Peritia. 4, 117–133.

Cameron M. 1992: The Visions of Saints Anthony and Guthlac // Health, Disease and Healing in Medieval Culture / Sh. Campbell, B. Hall, D. Klausner (eds.). N-Y., 152–158.

Casiday A. 2004: St Aldhelm on Apocrypha // The Journal of Theological Studies. 55 (1), 147–157.

Cusack C. 2011: The Sacred Tree: Ancient and Medieval Manifestations. Cambridge.

Estes H. 2010: Raising Cain in Genesis and Beowulf: Challenges to Generic Boundaries in Anglo-Saxon Biblical Literature // The Heroic Age: A Journal of Early Medieval Northwestern Europe. 13. — https://jemne.org/ (август, 2024).

Hooke D. 1981: Anglo-Saxon·Lapdscapes of the West Midlands: the Charter Evidence. Oxford.

Hooke D. 2010: Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape. Woodbridge.

Grimes J. 2013: Tree(s) of Knowledge in the Junius Manuscript // Journal of English and Germanic Philology. 112 (3), 311–339.

Kabir A.J. 2004: Paradise, Death and Doomsday in Anglo-Saxon Literature. Cambridge.

Kim A. 2001: Cain and Abel in the light of envy: A study in the history of the interpretation of envy in Genesis 4.1–16 // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. 12 (1), 65–84.

Mallory J., Adams D. 1997: Encyclopedia of Indo-European Culture. L.

Musselman L. 2012: A dictionary of Bible plants. N-Y.

Neville J. 1999: Representations of the Natural World in Old English Poetry. Cambridge.

Pheifer J.D. 1987: Рец. на раб.: Aldhelm: The Poetic Works / M. Lapidge, J. Rosier (trans.), with an Appendix by N. Wright. Pp. viii + 274. Cambridge: D. S. Brewer, 1985 // Notes and Queries. June, 247–248.

Unterseher L. 2014: The Mark of Cain and the Jews: Augustine's Theology of Jews and Judaism. N-Y.

Wickham-Crowley K. 2017: Fens and Frontiers // Water and the Environment in the Anglo-Saxon World / M. Clegg Hyer, D. Hooke (eds.). Liverpool, 68–88.

Wieland G. 1986: Aldhelm's *De Octo Vitiis Principalibus* and Prudentius' *Psychomachia* // Medium Ævum. 55 (1), 85–92.

Wieland G. 1985: The glossed manuscript: classbook or library book? // ASE. 14, 153–173.

Williams D. 1982: Cain and Beowulf: A Study in Secular Allegory. Toronto.

Wright Ch. 1996: The blood of Abel and the branches of sin: *Genesis A*, *Maxims I* and Aldhelm's *Carmen de uirginitate* // ASE. 25, 7–19.

Zohary M. 1982: Plants of the Bible. Cambridge.

ФОРМЫ ВАРВАРСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ (ФРАНЦИЯ, XIV–XV ВВ.) (КУЗЬМИНА М.В.) /

FORMS OF BARBARIAN BEHAVIOR IN A MEDIEVAL CITY (FRANCE, 14th – 15th CENTURIES) (Margarita V. KUZ'MINA)

Рябова Т.Б. 1999: Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново: Издательский центр Юнона.

Кириллова Е.Н. 2019: История ремесла во Франции XIII–XVIII веков. Стать мастером. СПб.: Евразия.

Уваров П.Ю. 1999: Города средневековой Франции // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Феномен средневекового урбанизма / Отв. ред А.А. Сванидзе. Т. 1. М., Наука. 60–73.

Эрс Жак. 2019: Город в Западной Европе в Средние века: ландшафты, власть и конфликты / Перевод с франц. Некрасова М.Ю. СПб.: Евразия.

Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI, publiées par la Société de l'Histoire de France / Ed. L. Douët d 'Arcq. 2 vols. P.: Chez Jules Renouard et Co, 1863–1864. Vol. 2. 1864.

Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449. Texte original et intégral présenté et commenté par Colette Beaune. P.: Librairie Générale Française, 1990.

Bourin M., Chevalier B. Le comportement criminel dans le pays de la Loire moyenne d'après les lettres de rémission (vers 1380 vers 1450) // Annales de Bretagne et des pays d'Ouest. Année 1981. №88–3. P. 245–263.

Mehl Jean-Michel. Les jeux au royaume de France du XIII-e au début du XVI-e siècle. P.: Fayard, 2002.

Pastoureau M. Les animaux célèbres. P.: Arlea, 2001.

«ПРОТИТВОЯДИЕ НЕГОДНИКАМ, УНИЖАЮЩИМ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ»: К ДИСКУССИИ БОЛТИНА И ЛЕКРЕРКА (БОБКОВА М.С.) /

«AN ANTIDOTE TO THE SCOUNDRELS HUMILIATING RUSSIAN HISTORY»: TO THE DISCUSSION OF BOLTIN AND LECLERC (Marina S. BOBKOVA)

Болтин И.Н. 1788: Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб.: Тип. Горнаго училища, Т. 1, 2. 615+588 с. Т. 1. 4.

Bodini Ioan. Ioan. 1579: Methodus historica // Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa. Basileae: ex officina Petri Pernae [Ioan. Bodini. Ioan. 1579: Methodus historica // Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa. Basileae: ex officina Petri Pernae].

Левек Пьер-Шарль. 2016: История народов, подвластных России / Экспериментальный пер. с фр. канд. филол. наук Л.Ф. Сахибгареевой под ред. канд. ист. наук И.В. Кучумова. СПб. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 480 с.

Le Clerc, M. Ecuyer. 1783–1794: Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie modern. P.: Chez Froulle; Versailles: Chez Blaizot.

Алпатов М.А. 1985: Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука. 273 с.

Английские путешественники. 2019: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 83 с.

Андреев В.В. 2015а: Происхождение и расселение славян во французской историографии второй половины XVIII в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». Саратов: Изд-во СГУ. 15. 3. 60–66.

Андреев В.В. 2015б: Пьер-Шарль Левек о Русской Правде Ярослава Мудрого // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 1(34). 15. 77–81. — https://cyberleninka.ru/article/n/pier–sharl–levek–o–russkoy–pravde–yaroslava–mudrogo (08.07.2024).

Андреев В.В. 2014: Создание древнерусского государства в трудах французских историков второй половины XVIII в. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: Центр развития публикационной активности НовГУ. 83. 2. 4–9.

Герберштейн С. 2008: Записки о Московии: в 2-х томах / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Наука. 656 с.

Горшков И.Г. 2004: Немецкий список «Сказания» Альберта Шлихтинга // Древняя Русь. Доклады участников II Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М.: Институт славяноведения РАН. 2 (16). 43–45.

Граля И. 2004а: «Круглый стол» по истории Ливонской войны. Первая война России и Европы // Родина № 12. М.: Российская газета. 42–48.

Граля И. 2004б: Супершпион и ренегаты // Родина. № 12. М.: Российская газета. 60–63.

Ильченко Э.В. 2010: Общественно-политические взгляды П.-Ш. Левека (проблема «цивилизации» России) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Саратов: Изд-во СГУ. 10. 2. 53–58.

Ильченко Э.В. 2011а: П.-Ш. Левек об Иване Грозном // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2011. Саратов: Изд-во Саратовского университета. Т. 11, вып.1., 77–82.

Ильченко Э.В. 2011б: Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Левек. Диссер. и автореферат по специальности 07.00.02, кандидат исторических наук. Саратов: Изд-во СГУ. — file:///C:/Users/User/Downloads/autoref–russko–frantsuzskie–kulturnye–i–nauchnye–svyazi–vtoroi–poloviny–xviii–veka–sharl–levek.pdf (08.07.2024).

Королев С.В. 2008: Французская «россика» эпохи Просвещения в библиотеках ученых третьей четверти XVIII в. // Исследования и материалы. М.: Наука. 88/II. 102–111.

Малыгин П.Д. 2018: Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России. М.: ИА. 192 с.

Маржерет Жак. 2007: Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М.: Языки славянских культур. 552 с.

Мезин С.А. 1999а: Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ.

Мезин С.А. 1999б: Пьер-Шарль Левек о Петре I // Историографический сборник. Вып. 18. Саратов: Изд-во СГУ.

Морозова К.А. 2004: Тиран и заступник // Родина. М.: Российская газета. 12. 18–19.

Орехов В.В. 2009: Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. М.: Издательство ГАСК. 1 (XI). 68–74. — https://cyberleninka.ru/article/n/russkie–skify–evolyutsiya–obravza (03.06.2024).

Осипов И.А. 2009: Описание Российского государства XVI века: влияние картографических материалов на нарративные источники. 33 с. Сыктывкар. — https://www.vostlit.info/common/Stat/Osipov/ opis_rus_gos.phtml?id=8059 (16.07.024).

Савельева Е.А. 1983: Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука. Ленинградское отделение. 134 с.

Севастьянова А.А. 1983: Предисловие / Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука. Ленинградское отделение. 15–29.

Скржинская Е.Ч. (сост. ред.) 1971: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 274 с.

Сомов В.А. 1988: Проспект «Российской истории» П.-Ш. Левека. // Книга в России в эпоху Просвещения. Л.: БАН. 182–188.

Сомов В.А. 1982: Книга П.-Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л.: БАН. 82–99.

Сомов В.А. 2002: П.-Ш. Левек — протеже Дидро и историк России // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII–XX вв.). История науки и международные связи. М.: ИНИОН. 71–81.

Сомов В.А. 1986: Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л.: БАН. 173–246.

Сухман М.М. (сост.). 1991: Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М.: Столица.

Филюшкин А. 2018: Россия vs Европа: как они понимали друг друга в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение. 58–66.

Флетчер Дж. 2002. О государстве русском / Пер. М.А. Оболенского. М.: Захаров. 176 с.

Черникова Т.В. 2020: Открытие России» в сочинениях иностранцев XV–XVI вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. М.: ИВИ РАН. 13. 60–120.

Черникова Т.В. 2019а: Россия и Европа. Начало диалога. Конец XV–XVI вв. М.: Академический проект. 438 с.

Черникова Т.В. 2019б: Россия и Европа. «Век новшеств». XVII в. М.: Академический проект. 665 с.

Шанский Д.Н. 1978: К вопросу о полемике И.Н. Болтина с Г. Леклерком. // Проблемы истории СССР. VII. М.: Издательство Московского университета. VII. 39–60.

Шанский Д.Н. 1981: Некоторые вопросы истории России в трудах французских ученых второй половины XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. №6. М.: Издательство Московского университета. 46–49.

Язькова Ю.П. 1995: Папский престол и Московское государство // Средние века. М.: Наука. 58. 199–205.

Burtt Edwin A. 1924: The Metaphisical Foundation of Modern Physical Science: A Historical and Critical Essay. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner. 12–16.

ВАРВАРСТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ: РАБОТОРГОВЛЯ И АБОЛИЦИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНИИ (АЙЗЕНШТАТ М.П.) /

THE BARBARITY OF MODERN TIMES: THE SLAVE TRADE AND THE ABOLITIONIST MOVEMENT IN BRITAIN (Marina P. AYZENSHTAT)

Абрамова С.Ю. 1978: Африка: четыре столетия работорговли. М.

Айзенштат М.П. 2009: Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.

Павлова Т.А. 2005: Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. М. Часть 1.

Согрин В.В. 2020: Американская цивилизация. М.

Ackerson W. 2005: The African Institution (1807–1827) and Antislavery movements in Great Britain. N.-Y.

The African Slave Trade and its suppression; A classified and annotated bibliography of books, Pamphlets and periodical articles, annotated by Peter C. Hogg (ed.). 1973: Abington, New York.

Hague W.W.W. 2007: The Life of the Great Anti-Slave Trade Campaigner. L.

Hansard's Parliamentary debates. 1824: L. V. 9.

Kelsey H. 2003: Sir John Haukins, Queen Elizabeth's slave trader. Yale University Press.

Kowaleski-Wallace E. 2005: The British Slave Trade and Public memory. N.-Y.

The Parliamentary history of England. 1818: L. Vol. 29, 33.

Politics and the Public Conscience. Slave Emancipation and the Abolitionist Movement in Britain.1978: L.

Slavery and British society 1776–1846. 1987: L.

Wilson E.G. 1989: Thomas Clarkson: a biography. N.-Y.

Интернетресурсы

http://historyofparliamentonline/org/vol.1790–1820/constituencies (15 января 2021 г.)

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В АПОЛОГИЯХ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ АФРИКАНЦЕВ (ХОРЬКОВА И.В.) /

COMMON FEATURES IN APOLOGIES OF LATIN-SPEAKING AFRICANS (Irina V. KHORKOVA)

Августин Аврелий. О граде Божьем. Т. 1. М.: Издательство Валаамского монастыря, 1994.

Арнобий. Против язычников. Пер. Дроздова Н.М. СПб.: Издательство СПб. университета, 2008.

Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний. Пер. А.М. Сморчкова. М.: Изд-во РГГУ, 2020.

Климент Александрийский. Увещевание к язычникам. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009.

Лактанций, Луций Цецилий Фирмиан. Божественные установления. М.: Пальмира, 2022.

Овидий, Публий Назон. Метаморфозы. М.: Азбука, 2023.

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс. Избранные сочинения / Пер. И. Маханькова, Ю. Панасенко, А. Столярова, Н. Шабурова, Э. Юнца. Общ. ред. А.А. Столярова. М.: Прогресс-Культура, 1994.

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс. О душе / Пер. А.Ю. Братухина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004.

Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. Перевод с лат. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985.

Arnobii Adversus nationes libri septem. Hrsg. von A. Reifferscheid. Vindobonae, 1875.

Aurelii Augustini De civitate Dei. Lipsiae in aedibus D.G. Teubneri, 1921.

Clemens Alexandrinus. Protrepticus und Paedagogus. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1905.

Dionysii Halicarnasei Antiquitatum Romanarum. Ed. C. Jacoby. Teubner I, 1885.

Lactantius L. Caeli Firmiani. Opera omnia. Ed. S. Brandt et G. Laubmann. Vindobonae: F. Tempsky, 1890.

Livi T. Ab urbe condita. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

Tertulliani Q.S.F. Liber Apologeticus. Cambridge: Harvard University Press, 1850.

Varronis M.T. Antiquitates rerum divinarum. Hrsg. von B. Cardauns. Wiesbaden, 1976.

Амман А. 1994: Путь отцов. Краткое введение в патристику. Пер. с фр. М.: Издательство Францисканцев.

Братухин А.Ю. 2016: Поиск литературного стиля в ранней церкви в творениях Климента Александрийского и Тертуллиана. СПб.: Издательство Олега Абышко.

Бычков В.В. 1995: Aesthetica patrum. Эстетика отцов церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир.

Дроздов Н.М. 2008: Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства // Арнобий. Против язычников. СПб.: Изд-во СПб университета, 9–120.

Майоров Г.Г. 1979: Формирование средневековой философии (латинская патристика). М.: Мысль.

Тюленев В.М. 2000: Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб.: Алетейя.

Хорькова И.В. 2020a: Арнобий и Цицерон: к вопросу о характере заимствования // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 1 (830). 190–201.

Хорькова И.В. 2018: Суффиксация как способ образования теонимов в понтификальных книгах // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 22. 1319–1328.

Хорькова И.В. 2020b: Этимологии теонимов в трудах христианских апологетов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 12 (841).0 186–199.

Штаерман Е.М. 1987: Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука.

Bailey C. 1932: Phases in the religion of ancient Rome. Berkeley.

Boyancé P. 1972: Etudes sur la religion romaine. Rome.

De Francisci P. 1959: Primordia civitatis. Roma.

Geffcken J. 1907: Zwei griechische Apologeten. Lpz und Berlin.

Grenier A. 1947: Numen. Observations sur l'un des elements primordiaux de la religion romaine // Latomus.

Kettner G. 1877: Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Arnobius. Naumburg.

Sitte A. 1970: Mythologische Quellen des Arnobius. Wien.

Tullius F. 1934: Die Quellen des Arnobius im 4, 5 und 6 Buch seiner Schrift Adversus nationes. Berlin.

Usener H. 1948: Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Frankfurt am Main.

Wagenvoort M.H. 1047: Roman dynamism: Studies in Ancient Roman Thought, Language and Custom. Oxford.

Waltzing J.-P. 1929: Introduction // Tertullien. Apologétique. Texte établi et traduit par J.-P. Waltzing. Paris, VII–LXXI.

Wissowa G. 1902: Religion und Kultus der Römer. München.

АННОТАЦИИ / SUMMARIES

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ / INSTEAD Of FOREWORD

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО: ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ИСТОРИИ ВАРВАРОВ (БУДАНОВА В.П.)

В исследовании рассматривается проблема взаимосвязи человека с природно-географической средой обитания, с климатическими условиями его выживания и жизнедеятельности в процессе исторической эволюции. Актуальность и целесообразность изучения роли природного фактора обусловлена потребностью системного анализа деструктивного действия географического детерминизма в процессе исторического становления и преодоления варварства. В качестве концептуальной основы впервые предложена модель ландшафтного варварства. Концепт «ландшафтное варварство» — это оценочная характеристика бесчеловечного, дикого поведения, враждебного, злонамеренного действия, жестокого, злобного поступка, побуждаемого взаимосвязью природы и человека, человека и природы в условиях и состоянии природно-географической среды обитания. На этой основе через эволюцию человека антропогенного периода определяются и раскрываются истоки насильственного поведения сапиенса.

Ключевые слова: варварство, «ландшафтное варварство», эволюционно-исторический процесс, природно-климатические условия, археологическая культура, палеолит, мезолит, неолит.

LANDSCAPE BARBARISM: A COMPLEMENTARY COMPONENT OF THE BARBARIAN STORY (Vera P. BUDANOVA)

The study examines the problem of human interaction with the natural and geographical environment, with the climatic conditions of his survival and vital activity in the process of historical evolution. The relevance and expediency of studying the role of the natural factor is due to the need for a systematic analysis of the destructive effect of geographical determinism in the process of historical formation and overcoming barbarism. For the first time, a model of landscape barbarism was proposed as a conceptual basis. The concept of «landscape barbarism» is an evaluative characteristic of inhuman, savage behavior, hostile, malicious action, cruel, malicious act, prompted by the interconnection of nature and man, man and nature in the conditions and condition of the natural and geographical habitat. On this basis, through the human evolution of the anthropogenic period, the origins of the violent behavior of sapiens are determined and revealed.

Keywords: barbarism, «landscape barbarism», evolutionary and historical process, natural and climatic conditions, archaeological culture, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic.

К РАЗДЕЛУ I
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО /
TO CHAPTER I
INTERRELATION BETWEEN NATURAL AND SOCIAL

ПАРАДИГМА ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НИКИШИН В.О.)

Впервые в наиболее законченном и развёрнутом виде климатическая теория была сформулирована в трактате Псевдо-Гиппократа «О воздухах, водах, местностях». Автор этого трактата поставил физиологические и психологические особенности разных этносов, их темперамент, обычаи и нравы в прямую зависимость от климатических и географических условий среды обитания этих этносов. Взгляды, изложенные Псевдо-Гиппократом, получили своё дальнейшее развитие в «Политике» Аристотеля и «Всеобщей истории» Полибия, в «Географии» Страбона, в сочинениях Посидония, Цезаря, Цицерона, Плиния Старшего, Тацита и других античных авторов. В итоге географический детерминизм занял своё почётное место в греко-римской этногеографической традиции. Важным компонентом последней был культурный примитивизм, который, в свою очередь, включал в себя идеализацию «благородных дикарей»: скифов, гетов, германцев и др. Важно отметить, что «примитивизм» и «прогрессизм» в античной литературной традиции шли рука об руку, в известной мере уравновешивая друг друга.

Ключевые слова: климатическая теория, географический детерминизм, ландшафтное варварство, Псевдо-Гиппократ, Страбон, Цицерон, примитивизм, идеализация «благородных дикарей», варвары.

THE PARADIGM OF LANDSCAPE BARBARISM IN THE ANCIENT LITERARY TRADITION (Vladimir O. NIKISHIN)

For the first time, in its most complete and expanded form, climate theory was formulated in the treatise of Pseudo-Hippocrates «On Airs, Waters, and Localities». The author of this treatise placed the physiological and psychological characteristics of different ethnic groups, their temperament, customs and morals in direct dependence on the climatic and geographical conditions of the habitat of these ethnic groups. The views expressed by Pseudo-Hippocrates were further developed in Aristotle's Politics and Polybius's General History, in Strabo's Geography, in the works of Posidonius, Caesar, Cicero, Pliny the Elder, Tacitus and other ancient authors. As a result, geographic determinism took its place of honor in the Greco-Roman ethnogeographical tradition. An important component of the latter was cultural primitivism, which, in turn, included the idealization of «noble savages»: Scythians, Getae, Germans, etc. It is important to note that «primitivism» and «progressivism» in the ancient literary tradition went hand in hand, to a certain extent balancing each other.

Keywords: climate theory, geographic determinism, landscape barbarism, Pseudo-Hippocrates, Strabo, Cicero, primitivism, idealization of «noble savages», barbarians.

«ВАРВАРСКИЙ» ЛАНДШАФТ И АНТИЧНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ: НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (СУРИКОВ И.Е.)

Глава включает в себя три очерка, освещающих различные аспекты ландшафтного (включая климатическое) влияния на жизнь древнегреческих колоний и колонистов в «варварском» северопричерноморском регионе. В первом очерке рассматриваются причины распространенности земляночного домостроительства у тамошних эллинов на первом этапе истории их полисов и, в частности, предлагается ответ на вопрос о том, имело ли в данном отношении место влияние на них со стороны местных варваров. Предмет второго очерка — специфика расселения в Крыму античных греков, которые, в отличие от своих византийских потомков, совершенно избегали освоения благодатного во всех смыслах южного побережья полуострова. Третий очерк предлагает некоторые перспективы прочтения источников, появляющиеся в связи с аргументированной гипотезой о существовании в I тыс. до н.э. впоследствии исчезнувшего пролива — восточного «дублера» Боспора Киммерийского; под этим углом зрения проанализирован известный рассказ Диодора о войне между сыновьями Перисада I.

Ключевые слова: греческая колонизация, Северное Причерноморье, Крым, Таманский полуостров, Боспор Киммерийский, ландшафт, землянки, Гаргаза.

THE «BARBARIC» LANDSCAPE AND CLASSICAL FORMS OF COMMUNAL LIFE: SEVERAL TOPICS FROM THE HISTORY OF GREEK COLONIES IN THE NORTHERN PONTIC AREA (Igor E. SURIKOV)

This chapter includes three essays, which highlight various aspects of the influence of landscape (climate included) on the life of Greek colonies and colonists in the «Barbaric» Northern Pontic area. The first essay deals with the reasons of popularity of dugout house-building with the local Hellenes at the first stage of their poleis' history and, in particular, offers an answer to the question whether in this respect influence on them took place on the part of local Barbarians. The subject of the second essay is some specific features of the settling in the Crimea of Ancient Greeks, who, unlike their Byzantine descendants, totally kept off the southern shore of the peninsula, which is a land of plenty. The third essay offers some new prospects in the reading of sources, which appeared in connection with the well-reasoned hypothesis about the existence in the first millennium B.C. of a strait (now extinct) that was an eastern "dub" of the Cimmerian Bosporus; from this standpoint, the well-known story of Diodorus about the war between Paerisades I's sons is analyzed.

Keywords: Greek colonization, the Northern Pontic area, the Crimea, the Taman Peninsula, the Cimmerian Bosporus, landscape, dugouts, Gargaza.

СТЕПНОЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ КАК ФАКТОР В СУДЬБАХ НАСЕЛЕНИЯ (ШЕПКО Л.Г.)

Ретроспективный взгляд на исторические этапы южнорусских степей позволяет увидеть взаимодействие природно-географических условий и социальных факторов в процессе развития цивилизаций. Длительное время Северное Приазовье было территорией, где достаточно успешно осуществлялись стратегии кочевников, набеги и нашествия, совершаемые в отношении соседних народов и государств. В эпоху хазарского каганата население испытывает воздействия нескольких цивилизаций (распространении монотеистических религий, участие государства в организации пространственной структуры, формирование однородной материальной культуры). В рамках Российской империи шло целенаправленное упорядочивание приазовских территорий. Территориальное расширение пределов империи закономерно влекло за собой и усложнение административно-территориальной структуры и развитие урбанистических элементов.

Ключевые слова: хазары, Приазовье, Подонцовье, салтово-маяцкая культура, административно-территориальном устройство, колонизационная политика России, XVIII век.

THE STEPPE LANDSCAPE OF THE NORTHERN AZOV REGION AS A FACTOR IN THE FATES OF THE POPULATION (Larisa G. SHEPKO)

A retrospective look at the historical stages of the southern Russian steppes allows for witnessing the interaction of natural and geographical conditions and social factors in the process of civilization development. Over centuries the Northern Azov region was a territory where nomadic strategies, raids and invasions against neighboring peoples and states were being implemented quite successfully. During the era of the Khazar Khaganate, the population experienced the influence of several civilizations, the spread of monotheistic religions, the participation of the state in the organization of the spatial structure, and the formation of a homogeneous material culture. Within the framework of the Russian Empire, a targeted organization of the Azov territories occurred. The territorial expansion of the empire's borders naturally entailed the complication of the administrative-territorial structure and the development of urban elements.

Keywords: Donbas, the Early Middle Ages, the Migration Period, Khazar Qağanate, Russia colonization policy.

ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВАРВАРИЗАЦИИ ГРЕЧЕСКОГО ВОЕННОГО ДЕЛА В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЕ И КЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (КЛЕЙМЕНОВ А.А.)

Цель исследования заключается в выявлении степени влияния природно-географических особенностей на базовые основы военного дела древнегреческих государств позднеархаического и классического периодов. Задачами вы-

ступают анализ прямого и косвенного воздействия ландшафта на формирование института гоплитии и связанной с ним практики ведения боевых действий, выделение природно-географических условий, определивших развитие военного дела некоторых эллинских сообществ по альтернативному «варварскому» пути. Исследование опиралось на всесторонний анализ письменных источников и археологических данных, сравнительно-исторический и диахронический методы, а также методы контент-анализа и компонентного историко-географического среза. Большое значение имел историко-системный метод, позволивший рассмотреть военное дело греческих полисов как целостную совокупность всех компонентов. Определяется, что тяжеловооруженная пехота из граждан-ополченцев стала основой войск ведущих греческих полисов из-за специфики природно-географических условий, которые привели к формированию мира автономных городов-государств, в социальном составе которых присутствовало достаточное число лиц, способных приобрести гоплитское снаряжение. Военные столкновения велись в узких горных долинах, позволявших эффективно осуществлять прямые атакующие действия силами фаланги, но плохо пригодных для применения конницы. В регионах с иными ландшафтными условиями греческое военное дело приобретало альтернативный вектор развития. В равнинной Фессалии ведущим родом войска стала нехарактерная для других регионов кавалерия. На Крите и в Этолии, отличавшихся гористым ландшафтом, главным компонентом вооруженных сил являлась легкая пехота, методика применения которой воспринималась современниками как одно из проявлений «варварства». В греческих государствах Северного Причерноморья природно-географический фактор обусловил активное усвоение вооружения и тактики местных племен и народов. В наибольшей степени это сказалось на Ольвии и Боспоре, где, видимо, имело место практически полное исчезновение гражданской гоплитии.

Ключевые слова: полис, фаланга, гоплиты, конница, Фессалия, Ольвия, Боспор, скифы.

FEATURES OF THE LANDSCAPE AS A PREREQUISITE FOR THE BARBARIZATION OF GREEK WARFARE IN THE LATE ARCHAIC AND CLASSICAL TIMES (Alexander A. KLEYMEONOV)

The main aim of the research is the in the analysis of the degree of influence of natural and geographical features on the basic foundations of the ancient Greek states' warfare of the Late Archaic and Classical Periods. The targets of the research are determination of the direct and indirect impact of the landscape on the formation of the Hoplite militia and the associated practice of warfare, analysis of the natural and geographical conditions that determined the development of military affairs of some Hellenic societies along an alternative «barbaric» way. A multi-faceted approach to the ancient narrative sources and archaeological information, methods of comparative historical analysis, diachronic methods, methods of content analysis and component historical and geographical cross-section have been used. The historical and systematic method was of great importance, which made it possible to consider

the military affairs of the Greek polis as an integral set of all components. It was determined that heavily armed infantry from the civilian militia became the basis of the troops of the leading Greek polis due to the specific natural and geographical conditions that led to the formation of a world of autonomous city-states, in the social composition of which there were a sufficient number of people capable of acquiring hoplite equipment. The battles were fought in narrow mountain valleys, which made it possible to effectively carry out direct attacking actions by the forces of the phalanx, but poorly suited for the use of cavalry. In regions with different landscape conditions, the Greek warfare acquired an alternative vector of development. In lowland Thessaly, the leading branch of the army was cavalry, which was uncharacteristic for other regions. In Crete and Aetolia, the main component of the army was light infantry, the method of use of which was perceived by contemporaries as «barbaric». In the Greek states of the Northern Black Sea region, the natural-geographical factor determined the active adoption of weapons and tactics of local tribes and peoples. This was most evident in Olbia and the Bosporan Kingdom, where, apparently, there was an almost complete disappearance of the hoplite militia.

Keywords: polis, phalanx, hoplites, cavalry, Thessaly, Olbia, Bosporan Kingdom, Scythians.

К РАЗДЕЛУ II
ГОРИЗОНТЫ ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА /
TO CHAPTER II
HORIZONS OF THE LANDSCAPE BARBARITY

ОПАСНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ («МНОГО... ЛЕЖИТ ПЕСКОВ СЫПУЧИХ ПОД КИРЕНОЮ, СИЛЬФИЕМ ПОРОСШЕЙ...») (СЕЛИВАНОВА Л.Л.)

Ни одно общество, включая постиндустриальное, не может существовать вне природно-географической среды. Сложный комплекс различных факторов (температура, влажность, атмосферное давление, ветры, рельеф местности, состояние почв, наличие воды, лесных ресурсов, полезных ископаемых и многое другое) создаёт природно-климатические условия для выживания как отдельного человека, так и социума в целом. Изменения природы (естественные и антропогенные) влекут за собой дестабилизирующие явления, которые могут быть негативными (такими, как ухудшение климата, стихийные бедствия, эпидемии, голод) и позитивными (включая улучшение условий жизни общества). Экологические вызовы и само выживание человечества становятся особенно актуальными в новом тысячелетии в контексте продолжающейся глобализации. В главе поднимается вопрос о взаимоотношениях человека и природы в древности на основе источников о Кирене VI в. до н.э. – I в. н.э. Применяя междисциплинарный подход к соответствующим письменным и материальным свидетельствам, автор рассматривает, как и почему открытие растения, известного как сильфий, способствовало росту процветания Киренаики, что, в итоге,

привело к её экологическому дисбалансу, особое внимание при этом уделяя роли, которую сыграли цивилизация и варварский мир в этой древней экологической катастрофе.

Ключевые слова: ландшафт, сильфий, экология, колонии, Кирена, Ливия, Северная Африка, Греция, Италия, цивилизация, варварство, деградация, античность, средние века.

THE DANGERS OF CIVILIZATION («SANDS ARE COUNTLESS AROUND CYRENE, WHERE SILPHIUM GROWS...») (Larisa L. SELIVANOVA)

No society, including post-industrial society, can exist outside the natural-geographical environment. A complex set of various factors (temperature, humidity, atmospheric pressure, winds, natural terrain, soil conditions, availability of water, forest resources, minerals and many more) creates natural-climatic conditions for the survival of both an individual and society as a whole. Changes in nature (natural and anthropogenic) entail destabilizing phenomena, which can be negative (such as climate deterioration, disasters, epidemics, famine) and positive (including improvement of society's living conditions). Ecological challenges and the very survival of mankind become particularly relevant issues in the context of the ongoing globalization in the new millennium. The chapter raises the question of man's relationship with nature in antiquity based on sources about Cyrene in the sixth century B.C. – the first century A.D. Applying an interdisciplinary approach to corresponding written and material evidence, the author considers how and why the discovery of the plant known as silphium led to the rise of Cyrenaica's prosperity, eventually causing its ecological disbalance, with the focus on the roles played by civilization and the barbarian world in that ancient ecological disaster.

Key words: natural terrain, silphium, ecology, colonies, Cyrenaica, Libya, North Africa, Greece, Italy, civilization, barbarism, decline, antiquity, the Middle Ages.

БАЛТИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (КУЛАКОВ В.И.)

В предлагаемой главе при помощи археологических источников выявлен процесс перемещений воинских формирований в части Балтии к северу от р. Немана. Кроме того, показаны истоки этого процесса, включавшие, кроме всего прочего, формирование в исторической Пруссии первой в Балтии дружины. Показаны этапы развития торгового пути Самбия-Эйямыги/Вирумаа. Важно отметить, что не последнюю роль в упомянутых этнических перемещениях в Балтии сыграли серьёзные изменения климата, произошедшие на берегах Балтийского и Северного морей в середине I тыс. н.э., а также трансгрессия уровня вод Балтики.

Ключевые слова: германцы, видиварии, эстии, пруссы, Видевут.

BALTIA IN THE ERA OF THE GREAT MIGRATION (Vladimir I. KULAKOV)

In this chapter, with the help of archaeological sources, the process of movements of military formations in the part of the Baltic north of the river is revealed. Neman.

In addition, the origins of this process are shown, which included, among other things, the formation in historical Prussia of the first squad in the Baltics. The stages of development of the Sambia-Eyjamıgi/Viru County trade route are shown. It is important to note that serious climate changes that occurred on the shores of the Baltic and North Seas in the middle played an important role in the mentioned ethnic movements in the Baltics. I thousand years. AD, as well as transgression of the Baltic water level.

Keywords: Germans, Vidivarii, Estii, Prussians, Videvut.

ЛЕС БРОСЕЛИАНД В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БРЕТАНИ КАК ТЕРРИТОРИЯ ВООБРАЖАЕМОГО ПРОСТРАНСТВА (ЛЮБАРТ М.К.)

Лес Броселианд — мифический лес средневековых легенд артурианского цикла, был в течение XIX–XX вв. идентифицирован с частью реального леса Пемпон (Бретань, Франция). Он стал территорией «материализации» чудесных персонажей, героев, легендарных событий, что выражается в нахождении в нем «тех самых мест», где происходило то или иное легендарное событие, деятельности туристических и культурных организаций, иллюстрирующих (иногда с помощью аниматоров, артистов, художников) мифические события. Лес, пользующийся большой популярностью и из-за природной ценности, стал также неким пространством, где воплощаются мифологические исторические представления, фантазии как профессиональных творческих людей, обычных посетителей, а также приверженцев неоязыческих культов, прежде всего неодруидизма.

Ключевые слова: воображаемое пространство, лес Броселианд, артурианские легенды, идентичность бретонцев, кельтомания, кельтоскептицизм.

THE FOREST OF BROCELIANDE IN MODERN FRENCH BRITTANY AS A TERRITORY OF IMAGINARY SPACE (Margarita K. LYUBART)

The Broceliand forest is a mythical forest of medieval Arthurian legends, which was identified during the XIX–XX centuries with a part of the real forest of Paempon (Brittany, France). It has become the territory of the «materialization» of wonderful characters, heroes, legendary events, which is expressed in finding in it «the very places» where this or that legendary event took place, the activities of tourist and cultural organizations illustrating (sometimes with the help of animators, artists, artists) mythical events. The forest, which is very popular because of its natural value, has also become a kind of space where mythological historical ideas, fantasies of professional creative people, ordinary visitors, as well as adherents of neo-pagan cults, primarily neo-Druidism, are embodied.

Keywords: imaginary space, Broceliande forest, Arthurian legends, Breton identity, Celtomania, celtoskepticism.

ДИКАЯ ПРИРОДА И БЕЛЫЕ «ЦИВИЛИЗАТОРЫ» НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ США В XVII–XIX ВЕКАХ: ЭВОЛЮЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ (ТРОИЦКАЯ Л.М.)

В главе рассмотрены проблемы взаимосвязей между дикой природой и человеком на Дальнем Западе США с колониальных времен до второй половины XIX в. Кратко рассмотрена эволюция отношения к окружающей среде «варваров» — индейцев — истинных хозяев Нового Света, обитавших в Северной Америке многие тысячелетия до открытия и колонизации континента «цивилизованными» белыми поселенцами. В XVII–XIX вв. на разных этапах на громадные территории Северной Америки от Атлантики до Тихого океана претендовали и соперничали крупнейшие европейские державы — Испания, Англия, Франция, Россия, отчасти Нидерланды. В 1783 г. на карте мира появились независимые США, которые в силу своей экспансионистской политики постепенно завладели землями Средней и Дальнего Запада, в частности Великими Равнинами. Белые, в частности многие англосаксы и американцы, считали краснокожих людьми низшей расы. В ходе продвижения американского фронтира в западном направлении белые поселенцы с помощью топора и ружья захватывали «свободные» земли, которые в действительности принадлежали индейцам. Это привело к кардинальным, практическим необратимым, изменениям экосистемы региона, поскольку вырубались девственные леса, истреблялись дикие животные, например, бобры и бизоны, и т.д. Под натиском «цивилизованных» американцев разрушался традиционный уклад жизни индейцев, которые вымирали либо вынужденно, в том числе насильственно, покидали земли предков и переселялись в резервации. Вера белых поселенцев в неисчерпаемость природных ресурсов Дальнего Запада сыграла с ними в конце концов злую шутку. Бесконтрольное отрицательное влияние на окружающую среду стало приводить к экологическим бедствиям и вынудило американцев начать задумываться о мерах по сохранению дикой природы.

Ключевые слова: Северная Америка, Дальний Запад США, XVII–XIX века, индейцы, белые поселенцы, экспансия, колонизация, дикая природа, окружающая среда.

WILDLIFE AND WHITE «CIVILIZERS» IN THE FAR WEST OF THE USA IN THE 17th – 19th CENTURIES: EVOLUTION AND SOME RESULTS (Larisa M. TROITSKAIA)

The chapter examines the problems of interrelationships between wildlife and humans in the Far West of the United States from colonial times to the second half of the 19th century. The evolution of the attitude towards the environment of the «barbarian» Indians — the true masters of the New World, who lived in North America for many millennia before the discovery and colonization of the continent by «civilized» white settlers, is briefly reviewed. In the 17th – 19th centuries, at various stages, the great European powers — Spain, England, France, Russia, and partly the Netherlands — claimed and competed for the vast territories of North America from the

Atlantic to the Pacific Ocean. In 1783 the independent United States appeared on the world map. Due to its expansionist policy, this country gradually took over the lands of the Middle and Far West, in particular the Great Plains. Whites, in particular many Anglo-Saxons and Americans, considered Redskins to be people of an inferior race. During the westward movement of the American frontier, white settlers seized «free» lands with the help of an axe and a gun, which actually belonged to the Indians. This led to drastic, practically irreversible, changes in the ecosystem of the region, as virgin forests were cut down, wild animals, such as beavers and bison (buffalo), were exterminated, etc. Under the onslaught of «civilized» Americans, the traditional way of life of the Indians was being destroyed. They died out or involuntarily, sometimes forcibly, left the lands of their ancestors and moved to reservations. The belief of the white settlers in the inexhaustibility of the natural resources of the Far West played a cruel joke on them the in the end. The uncontrolled negative impact on the environment began to lead to environmental disasters and forced Americans to start thinking about measures to preserve wildlife.

Keywords: North America, the Far West of the USA, 17th – 19th centuries, Indians, white settlers, expansion, colonization, wildlife, environment.

КОНЦЕПЦИЯ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ В РАБОТАХ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (ПЕТРОВ В.В.)

В исследовании анализируются литературно-философские работы Д.С. Мережковского, в которых революционные события 1905 и 1917 гг. рассматриваются в контексте концепции трех последовательных революций — политической, социальной и духовной (религиозной, нравственной). В числе источников, повлиявших на идеи Мережковского, указываются воззрения А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского. Также отмечено определяющее влияние Э. Ренана, который интерпретировал проповедь исторического Иисуса и процесс возникновения христианства как всемирную революцию и космический переворот. В этой связи рассматриваются особенности рецепции «Жизни Иисуса» Ренана в России, включая критику его модернизирующего подхода у М.Д. Муретова. Прослеживается эволюция отношения Мережковского к трактовкам христианства у Ренана. Обсуждается концепция трех стадий революции — политической, социальной и духовно-религиозной, о которой Мережковский не уставал говорить, начиная с 1902 г. Апокалиптическое изображение событий 1917–1918 гг. иллюстрируется фрагментами из публикаций Р.В. Иванова-Разумника, футуристов и Андрея Белого, которые обратились к концепции трех этапов революции, введённой Мережковским.

Ключевые слова: духовная революция, Дмитрий Мережковский, Эрнест Ренан, Митрофан Дмитриевич Муретов, Иванов-Разумник, Андрей Белый.

THE CONCEPT OF THREE REVOLUTIONS IN THE WORKS OF D.S. MEREZHKOVSKY (Valery V. PETROFF)

The study analyzes the literary and philosophical works of Dmitry Merezhkovsky, in which the revolutionary events of 1905 and 1917 are treated within the concept of the three successive revolutions — political, social and spiritual (religious, moral). Among the sources that influenced Merezhkovsky's ideas are the views of Alexander Herzen and Fyodor Dostoevsky. The decisive influence of Ernest Renan is also noted. Renan interpreted the preaching of the historical Jesus and the process of the emergence of Christianity as a universal revolution and a cosmic upheaval, is also analyzed. In this connection, the peculiarities of the reception of Renan's "Life of Jesus" in Russia, including Mitrophan Dmitrievich Muretov's criticism of Renan's modernizing approach, are examined. The evolution of Merezhkovsky's attitude to Renan's interpretation of Christianity is traced. The concept of three stages of the revolution — political, social, and spiritual-religious — which Merezhkovsky has repeatedly discussed since 1902, is under consideration. The apocalyptic depiction of the events of 1917–1918 is illustrated with citations from the works of Ivanov-Razumnik, the Futurists, and Andrei Bely, who appealed to the concept of three stages of revolution introduced by Merezhkovsky.

Keywords: spiritual revolution, Dmitry Merezhkovsky, Ernest Renan, Mitrophan Dmitrievich Muretov, Ivanov-Razumnik, Andrei Bely.

К РАЗДЕЛУ III
ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА /
TO CHAPTER III
THE POWER OF NATURE AND MAN

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА НА ВОЕННУЮ АКТИВНОСТЬ НОМАДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ВДОВЧЕНКОВ Е.В.)

В числе факторов, определяющих жизнь кочевников, важнейшими были природно-климатические условия. В главе анализируется влияние климата на военно-политическую активность кочевников Восточной Европы раннего железного века. В настоящее время реконструкция климата наиболее успешно реализуется почвоведами при анализе погребенных почв в курганных могильниках. Подтверждена зависимость активности номадов от природно-климатических условий. На период гумидизации приходится пик активности кочевых объединений. В период аридизации, при неблагоприятных условиях, уменьшается активность номадов, ослабляются их объединения, проявляется тенденция к седентаризации кочевников.

Ключевые слова: ранний железный век, степной ландшафт, Восточная Европа, климат, аридизация, гумидизация, скифы, сарматы, экзополитарный способ производства.

THE INFLUENCE OF CLIMATE ON THE MILITARY ACTIVITY OF THE NOMADS OF EASTERN EUROPE IN THE EARLY IRON AGE (EVGENY V. VDOVCHENKOV)

Among the factors determining the life of nomads, the most important were the natural and climatic conditions. The article analyzes the influence of climate on the military and political activity of the nomads of Eastern Europe of the Early Iron Age. Currently, climate reconstruction is most successfully implemented by soil scientists when analyzing buried soils in burial mounds. The dependence of nomad activity on natural and climatic conditions has been confirmed. During the period of humanization, the peak activity of nomadic associations occurs. During the period of aridization, under unfavorable conditions, the activity of nomads decreases, their associations weaken, and the tendency to sedentarization of nomads manifests itself. Keywords: early Iron Age, steppe landscape, Eastern Europe, climate, aridization, humanization, Scythians, Sarmatians, exopolitan mode of production.

Keywords: early Iron Age, steppe landscape, Eastern Europe, climate, aridization, humanization, Scythians, Sarmatians, exopolitan mode of production.

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА У АЛЬДХЕЛЬМА: АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕАЛИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (САЗОНОВА А.А.)

Глава посвящена изучению культурных архетипов природного ландшафта по латинским сочинениям Альдхельма из Малмсбери. По двум гисперийским посланиям англосакского монаха реконструируется его авторский ландшафт зла, в основе которого лежат древнегерманские, библейские и апокрифические представления о происхождении зла и греха на земле. По результатам анализа интертекстуальных связей обосновывается исследовательский вариант перевода ключевого эпизода для интерпретации истории Каина и Авеля (возделанное поле — тернии — болото). Делается вывод, что Альдхельм наложил растительный код на социальное произрастание грехов и преступлений. Его законченная картина ландшафтного варварства заключает в себе описание кровавого полива греха от братоубийства Каина в проклятой земле, прорастание терний зла и отравленного Дерева Мертвых (по загадке «Тис»). Третьей частью негативного ландшафта становится болотный *locus horridus* из древнегерманской мифологии, который ученый клирик связывает с заточением Сатаны (в образе водяного змея) в Тартаре. Также ландшафтное варварство осмысляется Альдхельмом (и за ним в последующей англо-латинской и древнеанглийской литературе) через категорию «наказания» в форме социальной изоляции на острове в море либо болоте.

Ключевые слова: природный мир, ландшафт зла, грех Каин, кровь Авеля, тернии и волчицы, болото, Тис, *locus horridus*, германское язычество.

ALDHELM'S FEATURES OF NATURAL LANDSCAPE: ARCHETYPAL IMAGES AND THE PHYSICAL ENVIRONMENT (Anna A. SAZONOVA)

The chapter is devoted to the study of cultural archetypes of the natural landscape in the Latin writings of Aldhelm of Malmesbury. Established on two hisperic epistles of the Anglo-Saxon monk, his original landscape of evil is reconstructed, derived from on ancient Germanic, biblical and apocryphal representations of evil's origin and sin on the earth. According to results of the analysis of intertextual connections, a research version of the translation of key episode for the interpretation of story of Cain and Abel (cultivated field — thorns — marsh) is substantiated. It's concluded that Aldhelm imposed a plant code on the social growth of sins and crimes. His complete picture of landscape barbarity includes a description of the bloody watering of sin from Cain's fratricide in the damned land, the sprouting of evil's thorns and the poisoned Tree of the Dead (the riddle «Yew»). The third part of the negative landscape is the marsh *locus horridus* from ancient Germanic mythology, which the learned monk associates with the imprisonment of Satan (in the form of a water serpent) in Tartarus. Landscape barbarity is also understood by Aldhelm (and after him in Anglo-Latin and Old English literature) through the category of «punishment» in the form of social isolation on an island in the sea (or a marsh).

Keywords: natural world, landscape of Evil, Cain's sin, Abel' blood, thorns and thistles, marsh, Yew, *locus horridus*, Germanic paganism.

ФОРМЫ ВАРВАРСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ (ФРАНЦИЯ, XIV–XV ВВ.) (КУЗЬМИНА М.В.)

Глава посвящена рассмотрению вопроса о влиянии городского ландшафта и городской среды на поведение человека в Средние века. Именно благодаря особенностям городской жизни — скученности, плотной застройке, не дававшей возможности вести вполне уединённую жизнь, зависимости от мнения соседей, строго следящих за жизнью каждого члена общества; необходимости эмоциональной разрядки в играх и других развлечениях, из которых одни требовали больших пространств, и поэтому порой приобретали странные формы, другие же, такие как таверны и публичные дома, как раз благодаря своей востребованности становились не только центрами проведения досуга и социализации, но и криминальным местом, куда стекались люди различных социальных групп — варварское в людях получало выход в виде сверхагрессивных поступков, вплоть до убийств.

Ключевые слова: город, городской ландшафт, письма о помиловании, игры, таверна, соседи, варварское поведение.

FORMS OF BARBARIAN BEHAVIOR IN A MEDIEVAL CITY (FRANCE, 14th – 15th CENTURIES) (Margarita V. KUZ'MINA)

The chapter is devoted to the consideration of the issue of the influence of the urban landscape and urban environment on human behavior in the Middle Ages. It is

due to the peculiarities of urban life — crowding, dense development, which did not allow for a completely secluded life, dependence on the opinion of neighbors, strictly monitoring the life of each member of society; the need of emotional release in games and other entertainment, some of which required large spaces, and therefore sometimes acquired strange forms, while others, such as taverns and brothels, precisely due to their demand, became not only the centers of socialization and leisure, but also a criminal place where people of various social groups flocked to — the barbaric in people found an outlet in the form of super-aggressive actions, including murder.
Keywords: city, urban landscape, letters of pardon, games, tavern, neighbors, barbaric.

«ПРОТИВОЯДИЕ НЕГОДНИКАМ, УНИЖАЮЩИМ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ»: К ДИСКУССИИ БОЛТИНА И ЛЕКЛЕРКА (БОБКОВА М.С.)

Глава посвящена отражению представлений о народах России в разгоревшейся в XVIII веке дискуссии между французскими авторами П.-Ш. Левеком, Н.Г. Леклерком и русским историком И.Н. Болтиным о природе русского характера, экономике России, принципах ее внешней политики. Дискуссия была инициирована российской императрицей Екатериной II и ее книгой по истории России, которую она адресовала своему внуку Александру. Французские врачи, пробыв в России довольно много времени, достигли значительных чинов и составили большие состояния. Вернувшись во Францию, они издали книги, где порочили историю и настоящее варварской России. Уделено внимание теоретической основе критики И.Н. Болтина — климатической теории Ж. Бодена.

Ключевые слова: Новая история России, Болтин, Боден, российская историография, климатическая теория, народ, варварство, Левек, Леклерк.

«AN ANTIDOTE TO THE SCOUNDRELS HUMILIATING RUSSIAN HISTORY»: TO THE DISCUSSION OF BOLTIN AND LECLERC (Marina S. BOBKOVA)

The chapter is about the reflection of ideas about Russian folks in the discussion that flared up in the 18th century between the French authors P.-Ch. Levek, N.G. Leclerc and the Russian historian I.N. Boltin about the nature of the Russian character, the Russian economy, the principles of its foreign policy. The discussion was initiated by the Russian Empress Catherine II and her book on the history of Russia, which she addressed to her grandson Alexander. The French doctors, having spent quite a long time in Russia, achieved significant ranks and made large fortunes. Returning to France, they published books in which they discredited the history and present of barbaric Russia. Attention is paid to the theoretical basis of I.N. Boltin's criticism — the climatic theory of J. Bodin.
Keywords: New history of Russia, Boltin, Bodin, Russian historiography, climate theory, people, barbarism, Levesque, Leclerc.

ВАРВАРСТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ: РАБОТОРГОВЛЯ И АБОЛИЦИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНИИ (АЙЗЕНШТАТ М.П.)

Великие географические открытия положили начало важной эпохи в мировой истории, связанной с непосредственными и отдаленными последствиями встречи европейцев с культурой коренного населения Америки и Африки, а затем Австралии, обитатели которых адаптировались к их ландшафту, климату и природе. Европейцы захватывали земли, эмигранты из Европы основывали колонии, занялись земледелием. В Карибском бассейне и в южных регионах Америки из-за сложившихся благоприятных климатических условий началось выращивание сахара, хлопка, табака. Потребность плантаций в рабочих руках торговцы удовлетворяли за счет транспортировки с западного побережья Африки чернокожих рабов. В XVIII в. британцы заняли лидирующие позиции в работорговле. И именно в Британии зародилось аболиционистское движение, которое поэтапно добилось успеха: сначала запрета работорговли, а впоследствии — рабовладения в Британских колониях.

Ключевые слова: Атлантическая торговля, варварство, рабство, работорговля, аболиционизм, Африка, Карибский бассейн, сахар, парламент.

THE BARBARITY OF MODERN TIMES: THE SLAVE TRADE AND THE ABOLITIONIST MOVEMENT IN BRITAIN (Marina P. AYZENSHTAT)

The great geographical discoveries marked the beginning of a new important milestone in world history, associated with the immediate and long-term consequences of the meeting of Europeans with the culture of the indigenous peoples of America and Africa, and then Australia, whose inhabitants adapted to their landscape, climate and nature. Europeans seized their lands, emigrants from Europe founded colonies and engaged in agriculture. In the Caribbean and in the southern regions of America, due to the prevailing favorable climatic conditions, the cultivation of sugar, cotton, and tobacco began. Traders satisfied the plantation's need for workers by transporting black slaves from the west coast of Africa. In the 18th century, the British took a leading position in the slave trade. And it was in Britain that the abolitionist movement was born, which gradually achieved success: first, the prohibition of the slave trade, and later — slavery in the British colonies.

Keywords: Atlantic trade, barbarism, slavery, slave trade, abolitionism, Africa, Caribbean, sugar, Parliament.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В АПОЛОГИЯХ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ АФРИКАНЦЕВ (ХОРЬКОВА И.В.)

В главе разбираются апологии латиноязычных африканцев, то есть христианских авторов, происходивших из римской провинции Африка и писавших свои сочинения на латинском языке, — Тертуллиана, Арнобия, Лактанция

и Аврелия Августина. Исследование показывает, что полемические части их сочинений содержат параллельные пассажи, представляющие собой информационные блоки, наличие которых обусловлено общей для этих апологетов источниковой базой. Однако общее в апологетических сочинениях латиноязычных африканцев не сводится единственно к использованию одних и тех же информационных блоков, но проявляется также в широком применении полемических приемов, усвоенных в процессе обучения риторике, различных тропов и фигур речи. De jure являясь римскими гражданами, наши авторы de facto не чувствуют себя таковыми. Кроме противостояния христиане — язычники в апологиях отчетливо прослеживается и другой антагонизм: провинциалы (варвары) — римляне.

Ключевые слова: латинская патристика, христианская апология, латинские апологеты, источниковедение, полемические приемы, риторика.

COMMON FEATURES IN APOLOGIES OF LATIN-SPEAKING AFRICANS (KHORKOVA Irina V.)

The chapter explores the apologies of Latin-speaking Africans, that is, Christian authors born in the Roman province of Africa and wrote their works in Latin, — Tertullian, Arnobius, Lactantius and Aurelius Augustine. The study shows that the polemical parts of their writings contain parallel passages, which are information blocks, the presence of which is due to the source base common to these apologists. However, common in the apologetic writings of Latin-speaking Africans does not boil down only to the use of the same information blocks, but is also manifested in the wide application of polemical techniques learned in the process of studying rhetoric, various tropes and figures of speech. De jure being Roman citizens, our authors de facto do not feel like Roman citizens. In addition to confrontation Christians — pagans in apologies clearly traces another antagonism: provincials (barbarians) — Romans.

Keywords: Latin patristics; Christian apology; Latin apologists; source studies; polemical techniques; rhetoric.

АВТОРЫ / CONTRIBUTORS

АЙЗЕНШТАТ Марина Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук, Российская Федерация. Москва. — m.aizen@mail.ru

Marina P. AYZENSHTAT — Dr.Sc. (in History). Leading Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — m.aizen@mail.ru

БОБКОВА Марина Станиславовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России. Российская Федерация. Москва. – bobkova_marina@list.ru

Marina S. BOBKOVA — Dr.Sc. (in History). Chief Researcher of the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of World and Russian History of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation. — bobkova_marina@list.ru

БУДАНОВА Вера Павловна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — vbudanova@yandex.ru

Vera P. BUDANOVA — Dr.Sc. (in History), Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. — vpbudanova@yandex.ru

ВДОВЧЕНКОВ Евгений Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону. — vdovchenkov@yandex.ru

Evgeny V. VDOVCHENKOV — Dr.Sc. (in History), Head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don. — vdovchenkov@yandex.ru

КЛЕЙМЕНОВ Александр Анатольевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета. Российская Федерация. Тула. — alek-klejmenov@yandex.ru

Alexander A. KLEYMEONOV — Dr.Sc. (in History), Senior Researcher of History and Archeology Department of Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Tula, Russian Federation. — alek-klejmenov@yandex.ru

КУЗЬМИНА Маргарита Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, Российская Федерация, Москва. — kuzmmargarita@yandex.ru

Margarita V. KUZ'MINA — PhD (in History), Senior Researcher of the Department of Historical and Theoretical Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — kuzmmargarita@yandex.ru

КУЛАКОВ Владимир Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, Российская Федерация, Москва. — drkulakov@mail.ru

Vladimir I. KULAKOV — Dr.Sc. (in History), Leading Researcher of the Department of the era of the Great Migration of Peoples and the Early

Middle Ages Institute of Archeology RAS, Russian Federation, Moscow. — drkulakov@mail.ru

ЛЮБАРТ Маргарита Кемальевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Российская Федерация, Москва. — Margarita_Lubart@mail.ru

Margarita K. LYUBART — PhD (in History), Senior Researcher of the Centre for European Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Sciences of Russia. Moscow, Russian Federation. — Margarita_Lubart@mail.ru

НИКИШИН Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, Москва. — cicero74@mail.ru

Vladimir O. NIKISHIN — PhD (in History), Assistant Professor of the Department of Ancient History of the M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation. — cicero74@mail.ru

ПЕТРОВ Валерий Валентинович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН. Российская федерация, Москва. — campas.iph@gmail.com

Valery V. PETROFF — Dr.Sc (in Philosophy), Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. — campas.iph@gmail.com

САЗОНОВА Анна Анатольевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — tok6aas2011@yandex.ru

Anna A. SAZONOVA — PhD (History), Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — tok6aas2011@yandex.ru

СЕЛИВАНОВА Лариса Леональдовна — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук. Российская Федерация. Москва. — larleon@mail.ru

Larisa L SELIVANOVA — Associate Researcher in the Department of Comparative Study of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — larleon@mail.ru

СУРИКОВ Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук МФТИ, профессор факультета культурологии РГГУ. Российская Федерация, Москва. — isurikov@mail.ru

Igor E. SURIKOV — Dr.Sc. (in History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Center of Education and Research in the Humanities and Social Sciences of the Moscow Institute of Physics and Technology; Professor of the Faculty of Cultural Studies of the Russian State University for Humanities. Moscow, Russian Federation. — isurikov@mail.ru

ТРОИЦКАЯ Лариса Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела региональных исследований Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация. Москва. — larisa_troitskaia@mail.ru

Larisa M. TROITSKAIA — PhD (in History), Senior Researcher, Department of Regional Studies, of the Institute of World History, of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — larisa_troitskaia@mail.ru

ХОРЬКОВА Ирина Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры морского и международного права Юридического

института РУТ (МИИТ). Российская Федерация, Москва. —: stauross@yandex.ru

Irina V. KHORKOVA — PhD (in History), Senior Lecturer, Associate Professor, Department of Maritime and International Law RUT Law Institute (MIIT). Russian Federation, Moscow. — stauross@yandex.ru

ШЕПКО Лариса Георгиевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории Донецкого государственного университета. Российская Федерация, Донецк. — ppakra@mail.ru

Larisa G. SHEPKO — Dr.Sc. (in History), Associate Professor, Professor of the World History Department of Donetsk State University. Donetsk. Russian Federation. — ppakra@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ландшафтное варварство:
взаимодополняющий компонент истории варваров
Вместо предисловия (*Буданова В.П.*)..... 11

РАЗДЕЛ I
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО 25

Парадигма ландшафтного варварства
в античной литературной традиции (*Никишин В.О.*)..... 25

«Варварский» ландшафт и античные формы общежития:
несколько сюжетов из истории древнегреческих
колоний в Северном Причерноморье (*Суриков И.Е.*)..... 48

Степной ландшафт Северного Приазовья
как фактор в судьбах населения (*Шепко Л.Г.*)..... 72

Особенности ландшафта как предпосылка варваризации
греческого военного дела в позднеархаическое
и классическое время (*Клейменов А.А.*)..... 86

РАЗДЕЛ II
ГОРИЗОНТЫ ЛАНДШАФТНОГО ВАРВАРСТВА 104

Опасности цивилизации («Много… лежит песков сыпучих
под Киреною, сильфием поросшей…») (*Селиванова Л.Л.*)... 104

Балтия в эпоху Великого переселения народов
(*Кулаков В.И.*)..... 125

Лес Броселианд в современной французской Бретани
как территория воображаемого пространства
(*Любарт М.К.*)..... 139

Дикая природа и белые «цивилизаторы» на Дальнем Западе
США в XVII–XIX веках: эволюция и некоторые итоги
(*Троицкая Л.М.*)..... 162

Концепция трех революций в работах Д.С. Мережковского
(*Петров В.В.*)..... 190

РАЗДЕЛ III
ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА 211

Влияние климата на военную активность номадов Восточной Европы в раннем железном веке (*Вдовченков Е.В.*)..... 211

Особенности природного ландшафта у Альдхельма: архетипические образы и реалии окружающего мира (*Сазонова А.А.*)..... 224

Формы варварского поведения в средневековом городе (Франция, XIV–XV веков) (*Кузьмина М.В.*)..... 257

«Противоядие негодникам, унижающим российскую историю»: к дискуссии Болтина и Леклерка (*Бобкова М.С.*)..... 271

Варварство Нового времени: работорговля и аболиционистское движение в Британии (*Айзенштат М.П.*) 285

Общие черты в апологиях латиноязычных африканцев (*Хорькова И.В.*)..... 295

Библиографические сокращения..... 308

Библиография / References..... 310

Аннотации / Summaries..... 358

Авторы / Contributors..... 374

Contents..... 381

CONTENTS

Landscape barbarism:
a complementary component of the barbarian story
INSTEAD OF FOREWORD (*Vera P. BUDANOVA*)..... 11

CHAPTER I
THE INTERRELATION BETWEEN NATURAL AND SOCIAL 25

The Paradigm of Landscape Barbarism
in the Ancient Literary Tradition (*Vladimir O. NIKISHIN*)..... 25

The «Barbaric» Landscape and Classical Forms
of Communal Life: Several Topics from the History of Greek
Colonies in the Northern Pontic Area (*Igor E. SURIKOV*)..... 48

The Steppe Landscape of the Northern Azov Region as a Factor
in the Fates of the Population (*Larisa G. SHEPKO*)..... 72

Features of the Landscape as a Prerequisite for the Barbarization
of Greek Warfare in the Late Archaic and Classical Times
(*Alexander A. KLEYMEONOV*)..... 86

CHAPTER II
HOROZONS OF THE LANDSCAPE BARBARITY 104

The Dangers of Civilization («Sands are Countless Around Cyrene,
Where Silphium Grows...») (*Larisa L. SELIVANOVA*)..... 104

Baltia in the Era of the Great Migration
(*Vladimir I. KULAKOV*)..... 125

The Forest of Broceliande in Modern French Brittany as a Territory
of Imaginary Space (*Margarita K. LYUBART*)..... 139

Wildlife and White «Civilizers» in the Far West of the USA
in the 17th – 19th Centuries: Evolution and Some Results
(*Larisa M. TROITSKAIA*)..... 162

The Concept of Three Revolutions in the Works of D.S.
Merezhkovsky (*Valery V. PETROFF*)..... 190

CHAPTER III
THE POWER OF NATURE AND MAN 211

The Influence of Climate on the Military Activity of the Nomads of Eastern Europe in the Early Iron Age (*Evgeny V. VDOVCHENKOV*)..... 211

Aldhelm's Features of Natural Landscape: Archetypal Images and the Physical Environment (*Anna A. SAZONOVA*)..... 224

Forms of Barbarian Behavior in a Medieval City (France, 14th – 15th Centuries) (*Margarita V. KUZ'MINA*)..... 257

«An Antidote to the Scoundrels Humiliating Russian History»: to the Discussion of Boltin and Leclerc (*Marina S. BOBKOVA*)..... 271

The Barbarity of Modern Times: The Slave Trade and the Abolitionist Movement in Britain (*Marina P. AYZENSHTAT*)..... 285

Common Features in Apologies of Latin-speaking Africans (*Irina V. KHORKOVA*)..... 295

ABBREVIATIONS…….. 308

REFERENCES……... 310

SUMMARIES……..... 358

CONTRIBUTORS……... 374

CONTENTS……..... 381

CIVILIZATION AND BARBARITY: LANDSCAPE BARBARITY / Edited by Vera P. Budanova. 2024. Issue XIII. — 384 p.

Based on the material of historical sources, the role of the natural factor in the history of the barbarians is considered in a wide geographical and chronological context. In a comprehensive interdisciplinary approach, various manifestations of landscape barbarism are highlighted. The authors presented the relationship of barbarians with the natural and geographical (including climate) habitat as dependence, adaptation and human impact on nature in the process of the emergence, design and overcoming of barbarism. — What kind of environmental influences «nourish» barbarism? Does the digitization of a barbarian take place in spite of natural obstacles or in spite of them?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО
2024 ● Выпуск XIII
ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО

Поиск DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)
http://search.rads-doi.org/index.php/
http://www.doi.org/

Буданова В.П.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.016
Никишин В.О.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.017
Суриков И.Е.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.001
Шепко Л.Г.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.002
Клейменов А.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.003
Селиванова Л.Л.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.004
Кулаков В.И.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.005
Любарт М.К.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.006
Троицкая Л.М.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.007
Петров В.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.008
Вдовченков Е.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.009
Сазонова А.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.010
Кузьмина М.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.011
Бобкова М.С.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.012
Айзенштат М.П.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.013
Хорькова И.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.3133.13.014

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЛАНДШАФТНОЕ ВАРВАРСТВО

(Коллективная монография)

Под общей редакцией
Веры Павловны Будановой

Рецензенты
доктор исторических наук Юлия Евгеньевна Арнаутова
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

доктор философских наук Ирина Игоревна Блауберг
ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва)

кандидат географических наук Андрей Артёмович Герцен
старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
14 октября 2024 года

Дизайн обложки И.Н. Граве
Бригадир М.М. Горелов

Подписано к печати 05.11.2024. Формат 60 x 90 / 16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать цифровая. Уч.-изд. л. 24,5. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз.

Издательство «Аквилон» (Москва)
Электронная почта: aquilopress@gmail.com Сайт: aquilopress.ru

Отпечатано в типографии Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10 Электронная почта: info@onebook.ru Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-6052889-3-0

9 785605 288930 >

ISSN 2307–7794

TSIVILIZATSIYA I VARVARSTVO: LANDSHAFTNOE VARVARSTVO
(Kollektivnaya monografiya) / Pod obshch. red. V.P. Budanovoi.
M.: Akvilon, 2024. — 384 s. (Tsivilizatsiya i varvarstvo [Vyp. XIII];
Izd. s 2012 g. / Glav. red. V.P. Budanova)